

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2017

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Санкт-Петербург
2018

УДК 328; 94(4)

ББК 67.400.6

Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета международной научной
конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ им. А.И. Герцена,
члена научно-методического совета
Центра истории парламентаризма
А.Б. Николаева

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Н.Б. Селунская; доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета М.Ф. Флоринский.

Т 13

Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г. : Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. — СПб.: Астерион, 2018. — Ч. 1. — 270 с.

ISBN 978-5-00045-603-3

ISBN 978-5-00045-604-0 (Часть 1)

ББК 67.400.6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
Государств — участников СНГ, 2018

ISBN 978-5-00045-603-3

ISBN 978-5-00045-604-0 (Часть 1)

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЕВ А.Б. Предисловие.....	6
АНТУФЬЕВ С.В. Приветственное слово участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2017» от МПА СНГ	11

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

КОСТЫЛЕВ А.В. Русские монархисты на выборах в I Государственную думу	14
ПАТРИКЕЕВА О.А. Выборы в I Государственную думу Российской империи: ультраправые о программе и тактике «Союза 17 октября»	24
ДМИТРИЕВА Н.В. Национальная составляющая политической программы кадетов в избирательной кампании 1906 г.: дискуссии и интерпретации	30
ЛАВРИНОВИЧ Д.С. «Союз 17 октября» и выборы в I и II Государственные думы на территории Северо-Западного края Российской империи.....	37
СЕЛЕЗНЕВ Ф.А. Купцы на выборах в I и II Государственную думу (на примере Москвы и Нижнего Новгорода)	45
ОМЕЛЬЯНЧУК И.В. Уездные правые: монархические организации Шуйского уезда в думских избирательных кампаниях.....	52
СОРОКИН А.А. Конфликты в ходе выборов в Государственную думу Российской империи (на материалах Нижегородской губернии)	60
ЧЕРНЫШЕВ И.А. Архиереи Русской церкви о выборах в Государственную думу Российской империи	67

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ В 1906–1917 ГГ.: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЮКИНА И.И. Женские гражданские права в повестке I Государственной думы	74
СЕДОВА Я.А. Отклонение думских поправок в Государственном совете (1909–1911).....	86

ГАЙДА Ф.А. Б.В. Штюмер и Государственная дума: правительственная линия в отношении парламента	92
БОКАРЕВА Л.С. Обсуждение законопроекта о приходе в думской комиссии по делам Православной церкви в марте 1916 г.	101
ГАВРОЕВА Е.С. М.В. Родзянко и вопрос об «истинном парламентаризме» в январе — феврале 1917 г.	111
ЗЛАТИНА М.А. К вопросу об участии членов Государственной думы и Государственного совета в Особом совещании по устройству беженцев в обсуждении мер по привлечению беженцев к сельскохозяйственным работам (февраль — март 1917 г.)	118
ДЕМИН В.А. Предприниматели в Государственном совете Российской империи: численность, влияние, деятельность	127
МИЧУРИН А.Н. Обсуждение вопросов развития промышленности в общественных кругах и российском парламенте в начале XX века	135
РЯБУХИН И.В. Сценарии осуществления запросной деятельности в Государственной думе Российской империи	146
СОЛОВЬЕВ К.А. Парламентские кризисы в России в 1906–1914 гг.: типология, причины и последствия	153

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА (НАЧ. XX В.)

ЯНЧЕНКО Д.Г., ШОРОХОВ В.А. Имперские властные институты, элиты Закавказья и Государственная дума в 1905–1907 гг.: проблемы взаимодействия	164
--	-----

ОТРАЖЕНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ТЕМЫ В ПЕЧАТИ (НАЧ. XX В.)

ПОРТНЯГИНА Н.А. «Адрес русской Думе или русской революции»: обсуждение в периодической печати России прибытия английской депутации с приветствием I Государственной думе	175
КОЦЮБИНСКИЙ Д.А., ТАРАН С.Ю. Российская пресса об обсуждении распутинской темы в Государственной думе в начале 1912 г.: история одного медийно-политического скандала	183

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В 1917 ГОДУ

КУЛИКОВ С.В. IV Государственная дума, Центральный военно-промышленный комитет и Февральская революция 1917 г.	192
РАСКИН Д.И. Телеграммы и письма Временному комитету Государственной думы как источник по истории восприятия событий февраля — марта 1917 г. в России.	207
АРОНОВ Д.В. Природа государственного строя России в марте — сентябре 1917 г.	214
КАЛАШНИКОВ В.В. На пути к советскому парламентаризму: (февраль — октябрь 1917 года)	220
БАЖАНОВ Д.А. Участие думских комиссаров в создании революционных органов власти на базах Балтийского флота (март 1917 г.)	230
НИКОЛАЕВ А.Б. Временный комитет Государственной думы: хроника заседаний 20–30 марта 1917 г.	238
МАЛЫШЕВА О.Г. Подготовка к созыву Учредительного собрания в Москве	256
ТИМОХИНА Д.А. «Предстоит упорная борьба политических направлений, исход которой надолго предопределит путь русской истории...»: Петроградская организация партии народной свободы на выборах во Всероссийское Учредительное собрание	263

ПРЕДИСЛОВИЕ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории РГПУ,
член НМС при Центре истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: abn_mbox@mail.ru

Аннотация: В статье рассказывается о подготовке международной научной конференции «Таврические чтения», а также дана краткая характеристика сборника «Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность».

Ключевые слова: Центр истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ, «Таврические чтения».

7–8 декабря 2017 года в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге прошла одиннадцатая международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2017»). Вплоть до сегодняшнего дня «Таврические чтения» — единственный в мире форум, на который ежегодно собираются историки, политологи, юристы, научные сотрудники архивов и музеев для обсуждения актуальных проблем российского и зарубежного парламентаризма. Участники конференций высоко оценивают их уровень. Так, польский профессор Р.Я. Юрковский к 10-летию «Таврических чтений» посвятил им статью, в которой, в том числе, отметил: «Как постоянный участник конференции с 2011 г. однозначно подтверждаю, что организация „Таврических чтений“ находится на самом высоком уровне, можно и нужно приводить ее в качестве образца логистической подготовки, а также реализации многолетнего цикла больших научных конференций. В этом огромная заслуга Л.А. Крохиной, директора Центра и немногочисленного круга ее коллег»¹. Профессор Юрковский также обратил внимание и на то, что «Таврические чтения» «являются не только ежегодными встречами историков из России и других стран, изучающих историю Государственной думы и Государственного совета, но также важным культурным и популяризаторским событием, потому что им сопутствуют исторические выставки, презентации книг, музыкальные концерты, исторические конкурсы и столь оригинальные идеи, как, например, конкурс на самый лучший студенческий репортаж с заседания конференции, проведенный в 2016 г.»².

¹ Jurkowski Roman. 10 lat «Tawriczeskich Cztienij» w Sankt Petersburgu. Naukowa działalność Centrum Historii Parlamentaryzmu (2007–2016) // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2017. T. 8. № 2. P. 61.

² Ibid.

По итогам каждой из конференций публикуются сборники научных статей. За время издания предыдущих «Таврических чтений» (2008–2017) вышло 10 сборников, 5 из них в 2-х частях, а один — в трех, всего же 17 томов, общим объемом 4676 страниц. Заметим, что они высоко оцениваются специалистами, которые посвятили «Таврическим чтениям» 17 рецензий¹.

¹ Романов К.С. Важная веха в изучении Российского парламентаризма // Клио. Журнал для ученых. 2009. № 4. С. 151–154; Руднева С.Е. Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. 227 с. // Российская история. 2010. № 1. С. 184–186; Репников А.В. Таврические чтения 2008: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России // Клио. Журнал для ученых. 2011. № 1 (52). С. 169–170; Гайда Ф.А. Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. 366 с. // Российская история. 2012. № 1. С. 177–179; Гордеев П.Н. Рецензия на книгу: Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. 378 с. // Клио. Журнал для ученых. 2012. № 6. С. 148–150; Лукьянов М.Н. Российский парламентаризм: история и современность // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 4 (76). С. 138–140; Демин В.А. Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. 378 с. // Российская история. 2013. № 4. С. 196–200; Омельячук И.В. Рецензия на сборник по итогам международной научной конференции «Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» // Клио. 2014. № 9 (93). С. 143–147; Гусман Л.Ю. Чтения по истории российского парламентаризма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 1. С. 165–170; Гайда Ф.А. Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2013 г. Сборник научных статей / Под редакцией А.Б. Николаева: В 2-х частях. СПб.: ЭлекСис, 2014. Ч. 1. 360 с.; Ч. 2. 180 с. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 4. С. 515–518; Селезнев Ф.А. Рец. на кн.: Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, 19 октября 2012 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2013. Ч. 1. 312 с.; Ч. 2. 199 с. // Российская история. 2015. № 5. С. 211–214; Бажанов Д.А. Герценовцы в Таврическом (Рецензия на сборник научных статей: Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. / Под ред. А.Б. Николаева: В 2 ч. СПб., 2013) // Universum: Вестник Герценовского университета. 2015. № 1–2. С. 141–145; Егоров А.Н. Рецензия на сборник «Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность»: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 дек. 2013 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева: в 2 ч. СПб.: ЭлекСис, 2014 // История повседневности. 2016. № 1. С. 162–170; Руднева С.Е. «Таврические чтения — 2013» // Поиск. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 1 (54). С. 147–151; Рязанов С.М., Софьин Д.М. Рец.: Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2014 г.: Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева: в 2 ч.

Организатором «Таврических чтений 2017» как и всегда выступил Центр истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ. В состав оргкомитета вошли директор Центра истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ Л.А. Крохина (председатель), доктор исторических наук, профессор, начальник отдела экспертно-аналитического управления МПА СНГ и председатель Научно-методического совета при Центре истории парламентаризма К.А. Пшенко (заместитель председателя), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаев (заместитель председателя), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН С.В. Куликов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН И.В. Лукоянов, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета О.А. Патрикеева и кандидат исторических наук, доцент СПб ИИ СПбГУ Е.А. Тарасова. Кроме этого, была создана рабочая группа в составе: советник Центра истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ Н.Д. Алексеева, специалисты Центра истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ К.С. Загородняя и Т.В. Поздеева. Рабочая группа занималась техническими вопросами подготовки конференции.

Оргкомитет провел заседания 12 апреля и 16 мая, в ходе которых был выработан план подготовки конференции, сформулированы научные проблемы для обсуждения и утвержден текст информационного письма. Информация о международной научной конференции «Таврические чтения 2017» была опубликована на различных сайтах в Интернете¹. 13 ноября 2017 г. оргкомитет рассмотрел 74 заявки и утвердил 69 из них. На основе утвержденных заявок Центр истории парламентаризма составил программу конференции, которая была выложена в Интернет².

СПб.: ЭлекСис, 2015. 274 с.; 232 с. // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 271–275; *Jurkowski Roman*. 10 lat «Tawriczeskich Cztenij» w Sankt Petersburgu. Naukowa działalność Centrum Historii Parlamentaryzmu (2007–2016) // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2017. Т. 8. № 2. Р. 57–71; Всеволодов А.В. Рецензия на сборник: Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2017 // *Historia Provinciae* — журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 2. С. 131–139.

¹ XI Международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Таврические чтения — 2017) [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://konferencii.ru/info/121132>; Таврические чтения 2017 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.ruconf.ru/archive/detail.php?ID=9437>.

² Таврические чтения 2017. Программа международной научной конференции. «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://konferencii.ru/info/121132>; Таврические чтения 2017. Программа международной научной конференции. «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность». http://parlament-history.ru/wp-content/uploads/2017/09/TD_Programm_A5_2017_Print-1.pdf

Конференция открылась 7 декабря 2017 года пленарным заседанием, в ходе которого ее участники выслушали приветствие ВРИД Генерального секретаря Совета Межпарламентской Ассамблеи Государств — участников Содружества Независимых Государств С.В. Антуфьева и четыре научных доклада. Кроме этого, на пленарном заседании выступил почетный консул Австралии в Санкт-Петербурге С.К. Зиновьев-Фицлайон, который провел презентацию книги воспоминаний своего деда — депутата IV Государственной думы Л.А. Зиновьева «В огне трех революций» (М.: Русский путь, 2017).

Оргкомитет конференции, считая необходимым отметить 100-летие Великой российской революции 1917 года, организовал дискуссию «Были ли шанс у российского парламентаризма в 1917 году?». В дискуссии приняли участие ведущие специалисты по истории российского парламентаризма и революции 1917 года: И.В. Лукоянов (модератор дискуссии), доцент Московского государственного университета Ф.А. Гайда, профессор Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета В.В. Калашников, декан историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета И.К. Кириянов, профессор Российского государственного педагогического университета А.Б. Николаев, профессор Российского университета транспорта С.Е. Руднева и профессор Нижегородского государственного университета Ф.А. Селезнев. Н.В. Дмитриева, присутствовавшая на дискуссии, заметила: «В результате продолжительного обсуждения большинство дискуссионтов, а также присутствовавшие участники конференции пришли к выводу о поражении парламентаризма в 1917 г. и отсутствии перспектив его дальнейшего развития в сложившейся политической ситуации»¹.

В дальнейшем работа «Таврических чтений» проходила по четырем секциям, которые работали параллельно: первая из них была посвящена истории выборов в Государственную думу Российской империи²; на второй секции рассматривалась деятельность российского парламента в 1906–1917 гг.³; участники третьей секции, как бы продолжая дискуссию, заслушали доклады по истории российского парламентаризма в 1917 году⁴; четвертая секция обсуждала актуальные проблемы развития парламентаризма в странах СНГ⁵.

Второй день конференции, 8 декабря 2017 г., открылся презентацией двухтомной монографии «Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года» (СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017), которую провел ее автор — А.Б. Николаев.

¹ Дмитриева Н.В. Был ли шанс у российского парламентаризма в 1917 году? Международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность (XI Таврические чтения — 2017)» (Санкт-Петербург, 7–8 декабря 2017 г.) // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 1. С. 295.

² Руководители: И.В. Омелянчук, О.А. Патрикеева. 9 зал.

³ Руководители: В.А. Демин и А.Н. Мичурин. 16 зал.

⁴ Руководитель: А.Б. Николаев. 1 зал.

⁵ Руководители: К.А. Пшенко и Е.А. Тарасова. 6 зал.

В этот день продолжили работу 4 секции, проводившие свои первые заседания накануне, и приступили к работе новые секции: пятая секция занималась парламентской биографикой¹, шестая секция изучала деятельность IV Государственной думы Российской империи², участники седьмой секции говорили об отражении парламентской темы в периодической печати дореволюционной России³, восьмая секция обсудила вопросы регионального измерения дореволюционного российского парламентаризма⁴, на девятой секции рассматривались проблемы истории зарубежного парламентаризма⁵.

Перед подведением итогов конференции Ф.А. Гайда, К.А. Соловьев и Ф.А. Селезнев провели презентацию различных изданий. Гайда и Соловьев представили энциклопедию «Россия в 1917 году» (М., 2017), а Селезнев — свою монографию «Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.)» (СПб., 2017).

Информация о прошедшей конференции размещена на сайтах в Интернете⁶. Написали о «Таврических чтениях» и студенты факультета истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена в своей газете «Двадцатый корпус». Студенты, говоря о «Таврических чтениях», справедливо заметили: «Такое масштабное научное мероприятие является отличной возможностью для тех, кто только начинает свой путь в науку, познакомиться с достижениями и опытом старших коллег»⁷.

Всего в конференции приняли участие ученые из 14 городов России, а также исследователи из Белоруссии, Azerbaijan, Кыргызстана и Польши. Доклады, прочитанные на конференции, были переработаны авторами в научные статьи для публикации в «Таврических чтениях 2017». Сборник издан в двух частях. Надеемся, что и эти «Таврические чтения» будут востребованы как специалистами, так и всеми, интересующимися историей российского и зарубежного парламентаризма.

15 августа 2018 г.

¹ Руководитель: А.А. Иванов. Помещение 125.

² Руководитель: Ф.А. Гайда. Помещение 135.

³ Руководитель: Н.А. Портнягина. Зал 10.

⁴ Руководитель: Д.Г. Янченко. Зал 14.

⁵ Руководители: С.И. Бугашев, Д.И. Портнягин. Читальный зал.

⁶ Конференция «Таврические чтения» 2017 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parlament-history.ru/new_20170920/; На Таврических чтениях рассказали о деньгах 1917 года [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://museum.goznak.ru/content/news/274/>; Таврические чтения – 2017. <http://gimiit.ru/kafedra/Polytology/news/tavricheskie-chteniya-2017-709/>.

⁷ Молькова А., Калимуллина А. Встреча в Таврическом // Двадцатый корпус. 2017. Декабрь. № 135. С. 4.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТАВРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ 2017» ОТ МПА СНГ

АНТУФЬЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
ВРИД Генерального секретаря Совета
Межпарламентской Ассамблеи Государств — участников
Содружества Независимых Государств
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: kanz@iacis.ru

Аннотация: Приветственное слово ВРИД Генерального секретаря Совета МПА СНГ С.В. Антуфьева к участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2017».

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, Февральская революция, Таврический дворец, МПА СНГ, Центр истории парламентаризма, «Таврические чтения».

Добрый день! Участники конференции!

Позвольте мне от имени Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств поприветствовать в Думском зале Таврического дворца.

Тема очередных Таврических чтений тесно связана с событиями столетней давности. Нынешний год — это год столетия революции, и, предваряя научную дискуссию, выступления на конференции, я бы хотел напомнить всем нам слова Президента России Владимира Владимировича Путина, сказанные им на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека в октябре этого года. «Рассчитываю, что эта дата будет воспринята нашим обществом как подведение черты под драматическими событиями, которые разделили страну и народ, станет символом преодоления этого раскола, символом взаимного прощения и принятия отечественной истории такой, какой она есть, с ее великими победами и трагическими страницами», — заявил Президент России.

Уважаемые участники конференции! Всем известно, что события, произошедшие в ходе революции, не обошли стороной и Таврический дворец, где с 1906 по 1917 гг. работал первый российский парламент. В 1917 году в Таврическом дворце сосредоточилась политическая жизнь страны. После Февральской революции в восточном крыле здания заседал Временный комитет Государственной думы, а в западном крыле — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. 5–6 января 1918 года в Таврическом дворце состоялось первое и последнее заседание Учредительного собрания. Событие это мы с вами всегда связываем с нашим кино: кинематографисты любят постоянно показы-

вать известный исторический факт, когда в зал заседаний в 4 часа утра 6 января вошел балтийский матрос Анатолий Железняков и объявил знаменитую фразу: «Прошу разойтись. Караул устал».

События, которые произошли сто лет назад, заставляют осознавать всю сложность и драматичность нашей истории. А знание исторических событий помогает нам сегодня решать важнейшие вопросы современности.

После распада СССР и создания Содружества Независимых Государств Таврический дворец стал штаб-квартирой Межпарламентской Ассамблеи СНГ. В марте 2017 года нашей организации исполнилось 25 лет. За годы своей работы Ассамблея стала авторитетной международной структурой. Основной задачей Межпарламентской Ассамблеи является развитие сотрудничества, сближение национальных законодательств стран Содружества. Другим важным направлением работы является проведение различных конгрессов, форумов, конференций.

Хочу проинформировать участников конференции о выдающемся событии, произошедшем недавно в Таврическом дворце. 14–18 октября этого года здесь состоялась 137-я Ассамблея Межпарламентского союза, который является одной из самых авторитетных международных межпарламентских объединений в мире. В Ассамблее приняла участие и делегация Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, которую возглавляла Председатель Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ Валентина Ивановна Матвиенко. Почти 2 тысячи делегатов, представители парламентов 155 стран, приняли участие в Ассамблее в Санкт-Петербурге, среди них было 830 депутатов и 82 спикера национальных парламентов со всех континентов земного шара. Ассамблея Межпарламентского союза прошла с большим успехом и подтвердила высокий авторитет России и Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств в современном мире.

Сегодняшние одиннадцатые Таврические чтения вызвали большой интерес в научном сообществе. Ученые из семнадцати регионов России, а также из Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Польши принимают участие в работе пленарного заседания, примут участие в дискуссионных площадках и секциях нашей конференции.

Организатором «Таврических чтений» является Центр истории парламентаризма, который работает в составе Секретариата Межпарламентской Ассамблеи.

При Центре создан научно-методический совет, объединяющий ведущих ученых в области истории парламентаризма, которые занимаются подготовкой ежегодных конференций «Таврические чтения».

Убежден, что сегодняшняя конференция будет содействовать сохранению и развитию лучших традиций российского парламентаризма, обогатит наши знания о противоречивом процессе его становления; материалы конференции будут востребованы депутатами, историками,

политиками, преподавателями и студентами вузов, всеми, кого интересует история.

Безусловно, каждое поколение создает свою историю, идя от собственного опыта, от ценностных ориентиров, от возможностей современного информационного поля. Главное, чтобы конфликт версий прошлого не становился орудием непреодолимого противостояния. На мой взгляд, уроки XX века необходимо усвоить не с позиций установления, кто прав, а кто виноват, а с позиций того, что наша общая история непрерывна, и она включает в себя разные периоды.

Я благодарен всем, кто приехал к нам на конференцию. Особо хотел бы выделить присутствие в Думском зале большого числа студентов Санкт-Петербургских вузов. Именно вам, молодые люди, предстоит в будущем строить и развивать новую Россию и Содружество Независимых Государств, используя опыт предшественников и исторические уроки.

Желаю участникам Таврических чтений плодотворных дискуссий, интересных встреч и творческих достижений. Спасибо за внимание.

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

РУССКИЕ МОНАРХИСТЫ НА ВЫБОРАХ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

КОСТЫЛЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и культурологии
Санкт-Петербургского государственного аграрного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: usala@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена избирательной кампании русских монархических партий и организаций на выборах в I Государственную думу (1906 г.). Автор исследует ход и характер предвыборной агитации правых, степень координации их избирательной деятельности. Отдельно анализируются результаты выборов по основным куриям и в губернских избирательных собраниях, итогом которых было прохождение в Думу лишь отдельных представителей монархистов. Одними из причин этого фиаско, помимо несоответствия их программы общественным настроениям в условиях революции, являлись отсутствие централизованной координации предвыборной деятельности, нехватка способностей и талантов вести агитационную деятельность, позиция правительства С.Ю. Витте и большинства местной администрации, воздержавшихся от финансовой и административной поддержки монархических организаций.

Ключевые слова: российский парламентаризм начала XX в., выборы в Государственную думу, монархические партии и организации, избирательная кампания.

Выборы в I Государственную думу явились первым опытом участия организованных политических групп во всероссийской избирательной кампании. Вряд ли кто из современников мог с определенной степенью точности предугадать их результаты. Одной из неожиданностей при подведении итогов выборов было практически полное отсутствие в Думе представителей правого политического фланга — членов различных монархических партий и организаций, выступавших за сохранение в России абсолютной монархии. Чтобы ответить на вопрос «почему это произошло?», необходимо проанализировать степень и характер участия русских монархистов в первой думской избирательной кампании.

Как законопослушные монархисты, правые не могли бойкотировать выборы, но и к активному и правильному участию в избирательном марафоне, с его широкомасштабной агитацией и необходимостью бороться за голоса, они оказались не готовы. Прежде всего, об этом говорили их организационная разобщенность, существование целого ряда как общероссийских, так и региональных монархических организаций, малая степень координации их деятельности. Общероссийское значение имели, пожалуй, только два правомонархических политических объединения — Союз русского народа (СРН) и Русское собрание. Другие монархические и черносотенные объединения в большинстве ограничивали свою деятельность границами определенной губернии или даже губернского центра. Практически в каждом крупном городе действовала отдельная партия или организация, а в некоторых их было даже несколько. В числе крупнейших провинциальных партий можно упомянуть нижегородский союз «Белое знамя», «Народно-монархические» партии в Астрахани и Саратове, курскую «Народную партию порядка», орловский «Союз законности и порядка», тульский «Союз за Царя и порядок», «Патриотическое общество Двухглавый Орел» в Киеве, «Царско-народное общество» в Казани, «Самодержавно-монархическую партию» в Иваново-Вознесенске. В пределах своей губернии широко действовала т.н. «Бессарабская партия центра», возглавлявшаяся небезызвестными правыми деятелями А.Н. и Г.Н. Крупенскими, а также П. Крушеваном. В Москве на роль идейного объединителя всех правых претендовала созданная еще весной 1905 г. «Русская монархическая партия» во главе с редактором-издателем самой влиятельной консервативной газеты «Московские ведомости» В.А. Грингмутом. В названиях всех этих организаций подчеркивались, как правило, национальные, религиозные мотивы, верность монархическому принципу, ультраконсервативная политическая ориентация.

В разгар избирательной кампании была осуществлена попытка соединения сил, выразившаяся в созыве общероссийского монархического съезда. Таковым провозгласил себя I съезд Русского собрания, проходивший 8–12 февраля 1906 г. в Петербурге («Первый всероссийский съезд русских людей»). Это был довольно многолюдный политический форум, представлявший 13 центральных и региональных монархических организаций, не считая их филиалов. Съезд рекомендовал членам всех монархических организаций соединить свои усилия в ходе совместной деятельности, в том числе и в избирательной кампании. Родственными Собранию, «истинно русскими» партиями считались при этом лишь те, кто признавал, что Манифест 17 октября — это не конституция, и что «Самодержавная неограниченная власть остается в силе». Кроме этого, все подобные организации должны были отстаивать единство и неделимость Российской империи и не допускать в свои ряды евреев. Основными направлениями политической активности монархистов были признаны «восстановление твердой власти и законодательного порядка всеми законными средствами» и борьба против попыток созыва Учредительного собрания, включая попытки наделить его

функциями Думу. Участие правых в выборной кампании никак особо не регулировалось, но обращает на себя внимание пункт резолюции, в котором съезд «ввиду возможных злоупотреблений» предлагал монархистам позаботиться «о поддержании порядка и законности в избирательных участках и выборных комиссиях и собирать материалы для оспаривания результатов выборов»¹. Выборы еще, по сути, не начались, а правые уже заранее обвиняли их участников в торговле голосами и тем самым оправдывались в возможном поражении! Вообще, подача всевозможных жалоб и протестов являлась едва ли не главной формой избирательной активности монархистов. Обращает на себя развернувшаяся на съезде дискуссия по поводу избирательной тактики в том случае, если в ходе выборов не будет возможности рассчитывать на проведение собственных кандидатов. Если крайние монархисты (например, Б.В. Никольский) настаивали на протестном голосовании за левых (революционные партии) с целью «взорвать» Думу изнутри и способствовать таким образом ее скорейшему роспуску, то умеренные во главе с А.А. Башмаковым (лидер партии народного центра) призывали к благоразумию, голосуя за меньшее зло в виде октябристов и их сателлитов. В избирательной кампании правых сочетались обе тактики, но с большим преимуществом в пользу второй. Главными партнерами в этом случае становились не сами октябристы, а их еще более консервативно настроенные союзники, «правовой порядок», торгово-промышленная партия и другие.

Сколько-нибудь заметно монархическим организациям удалось себя проявить только на городских выборах. В землевладельческой курии, хотя и проходило много сочувствующих правым помещиков, тем не менее, как организованная политическая структура правые почти не присутствовали. Эпизодическим и малозначительным было влияние монархистов на рабочие и крестьянские выборы.

Показателем участия любой политической силы на выборах является предвыборная агитация, печатная и устная. Печатная агитация правых не выдерживала сравнения с кадетской и октябристской. Ограниченный круг сторонников, почти полное отсутствие в их среде литературных талантов и квалифицированных журналистов, нехватка финансовых средств отнюдь не располагали к активной издательской деятельности. На выборах в I Государственную думу полностью отсутствовало централизованное правительственное финансирование избирательной кампании монархистов и черносотенцев, позднее шедшее преимущественно в эту сферу. Отдельные попытки отдельных активистов только подчеркивали слабость общей агитационно-издательской базы. Тиражи были относительно малы, а содержание красноречиво убого. Монархисты, в сущности, в гораздо меньшей степени популяризировали свою «положительную» программу, они куда больше занимались грубым обличением своих оппонентов.

Агитируя в среде, наиболее подверженной социалистической пропаганде, среди крестьян и рабочих, монархисты выступали со своей «программой» «социального мира» и «классового сотрудничества» под сенью

¹ Правые партии: Документы и материалы: 1905–1910. М., 1998. Т. 1. С. 126, 128.

«надклассового», общенародного по природе самодержавия. В одной из брошюр, изданных специально для этой цели, «Письме русскому крестьянству», рисуется патриархальная утопия классового сотрудничества всех слоев населения под скипетром «доброго и милостливого» монарха. Существование крестьян и помещиков определено самим Богом, поэтому необходимо жить в мире друг с другом. Нарушение же социального «равновесия» грозит неисчислимыми бедами: если бы все стали мужиками, не было бы ни правительства, ни судей, ни священников, «настала бы у нас полная тьма всенародная и безвластие», пришли бы «иноземцы» и «все забрали». Заканчивается брошюра призывом не слушать злопыхателей-революционеров и «по-прежнему крепко стоять за Веру, Царя и Отечество»¹. Подобная экономическая программа не имела шансов на успех в той среде, которая более всех страдала от малоземелья и не могла всерьез конкурировать с широковещательными посулами левых и кадетов о принудительном отчуждении помещичьей земли и последующей ее раздачей через государственный или «общенародный» фонд.

Помимо брошюр и листовок мощным рупором предвыборной агитации была пресса. Здесь дела монархистов были, мягко говоря, незавидны. Их органы буквально тонули в море кадетской и прокадетской печати. Влияние монархических газет было в десятки раз меньшим, их репутация оставляла желать лучшего.

Другой важной формой агитации на выборах являлась устная агитация в виде различных предвыборных собраний, которые проводились почти исключительно в крупных городах. Для правых и монархистов был свойственен узкий, однородный и закрытый характер этих собраний. Они никогда не выступали организаторами общих предвыборных встреч с широким кругом избирателей. В то время как на встречах с избирателями, устраиваемыми кадетами, проходили жаркие дебаты с участием социалистов и октябристов, обсуждались все самые насущные проблемы современности, то правые собирались лишь в кругу своих сторонников и строго соблюдали процедуру, напоминающую протокол советских партийных собраний, осуждающих «врагов народа», «американский империализм», «кровавый режим Пиночета» и другие идеологические фетиши. Показателен пример имевшей сильные позиции в Астрахани «Народно-монархической партии». Так, на собрании 19 февраля 1906 г. служился молебен в память освобождения крестьян; зачитывались обращения от единомышленников из других черносотенных союзов; члены партии призывались к единству в борьбе с «крамолой»; далее осуждались сами «крамольники» в лице местной прессы и кадетов, которые якобы «стараятся, чтобы Государственная Дума состояла из поляков и евреев»; заканчивалось заседание дружным исполнением «Достойно есть», «Спаси, Господи» и государственного гимна. На собрании 5 марта председатель выступил с речью о самодержавии и конституции, зачитывал ответ царя на посланную ему партией телеграмму, затем единогласно было принято решение послать приветственные письма

¹ Письмо русскому крестьянству. Б.г. С. 3–4.

к родственным политическим объединениям и союзам. Закончилось собрание принятием обращения к губернатору с просьбой «не допускать собраний социалистов нигде, как людей вредных государству и общественному порядку»¹. Никакие обсуждения при этом не допускались, заподозренные в сочувствии к иным политическим партиям изгонялись с применением силы, давался минимум информации и аргументов.

Для выступлений ораторов-черносотенцев были характерны бездоказательность выдвигаемых тезисов, неглубокое, основанное только на эмоциях, содержание. Так, один из представителей харьковского отдела «Союза русского народа» на одном из собраний, обвиняя во всех смертных грехах «разжиревших на русских хлебах инородцев» и их русских союзников — кадетов, предложил оригинальную версию о происхождении ненавистного для него слова либерал от языческого бога «Либеры-Бахуса». Подобно древним почитателям этого божества, убивавшим несчастных животных и евших окровавленное мясо, современные либералы — это «люди, освобожденные от всякой чести, совести и нравственности, развратники и негодяи». На Руси Бахус, по утверждению докладчика, породил четырех «дочерей-либералок»: Проституцию, Конституцию, Демократию, Республику, и четырех сыновей: Социалиста, Революционера, Анархиста и Атеиста. Кадеты — поклонники Конституции — родной сестры Проституции, которая также как и она живет в публичном доме, стыдливо скрываемом под названием парламента. Если Конституция несет нравственное растление, то Демократия («демократы — домокрады») устраивает грабежи и убийства. Социал-демократы, согласно этимологическим изысканиям этого «истинно русского», ничто иное как «общественные обкрадыватели»². Не вызывает сомнения, что подобные «лингвисты», ввиду полнейшего отсутствия интеллектуального потенциала и образованности, вместо аргументов прибегающие подчас к элементарной брани, могли рассчитывать на успех только в среде своих темных единомышленников. Пропаганда такого рода на общих собраниях избирателей была бы обречена на провал.

В городах правые баллотировались, как правило, отдельным списком ведущей местной партии или единым монархическим блоком, который соединял все существующие в данном центре организации этого направления. Подобные избирательные объединения имели место в обеих столицах, Киеве, Одессе, Харькове. В Москве, например, избирательный список монархистов пышно титуловался «Всенародным русским союзом» и включал представителей шести монархических организаций (Союза русских людей, Русской монархической партии, СРН, Союза землевладельцев, Кружка дворян и Общества русских патриотов)³. Нередко, в провинции, особенно в западных районах империи со значительной долей еврейского населения, в общий с правыми список попадали и некоторые из сателлитов октябри-

¹ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 1. ЛЛ. 28, 51 об., 52.

² Там же. Т. 9. ЛЛ. 274–275.

³ Там же. Ф. 1072. Т. 5. Л. 156.

стов («торгово-промышленники», партия правового порядка). Здесь этот блок скреплялся общими для союзников национализмом и антисемитизмом и вел предвыборную кампанию под лозунгами противостояния «еврейской опасности». В Вильне и Екатеринославе в «русский блок» вступили даже октябристы, не рассчитывавшие на успех в случае отдельного участия. Результаты выборов, особенно городских, были провальными для монархистов. Так, в 17 из 20 крупнейших центров Европейской России в выборщики прошли в огромном большинстве кадетские кандидаты. Из общего количества выборщиков в 20 городах (1760) кадеты провели 1468, или 83 %¹. Особенно ощутимым был успех в столицах. В Петербурге и Москве во всех избирательных участках прошли списки, выставленные кадетской партией. Монархисты же ни в одном районе не собрали более 1/10 голосов, придя на финиш лишь третьими, после октябристов. Главного их кандидата, руководителя СРН А.И. Дубровина пожелал видеть в числе выборщиков только 631 избиратель из 6031, проголосовавшего в Нарвской части, где позиции черносотенцев были сильны как нигде в столице².

Впрочем, в ряде других городов победа партии народной свободы не была такой бесспорной, и монархистам удалось провести некоторое количество своих выборщиков, что при мажоритарной системе отдельных городских выборов не имело никакого значения. В Орле в городское избирательное собрание было избрано 55 кадетов, 22 монархиста и 3 кандидата, чьи фамилии фигурировали в обоих списках. В Астрахани кадеты проиграли в двух из пяти участков города. В результате выборщиками стали 27 представителей местной «Народно-монархической партии». В Киеве в числе прочих выборщиками были избраны только 7 кандидатов монархического блока, 3 октябристов и 1 внепартийный прогрессист, баллотирующийся сразу в нескольких списках³.

Единственным городом с правом отдельного представительства, где правые с успехом разыграли националистическую карту, был Екатеринослав. Поражение прогрессивных сил объясняется здесь слабостью местной кадетской организации, разгромленной арестами и запретительной политикой властей, а также тем, что евреи и русские «прогрессисты» сумели консолидироваться далеко не сразу. В городское избирательное собрание было избрано лишь 28 евреев и «прогрессистов» и 52 кандидата «русской группы». Последняя провела в члены Думы сомнительного октябриста И.В. Способного⁴, чей октябризм не мешал ему быть почетным гостем на собраниях «истинно русских»⁵.

Не лучше для правых дела обстояли в более мелких городах, выбиравших выборщиков в рамках общих губернских выборов. Достаточно

¹ Шелохаев В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 182.

² ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 14. ЛЛ. 230–249.

³ Подсчитано по: ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 1. Л. 61; Т. 4. Л. 104 об.; Т. 6. Л. 190 об.

⁴ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 582.

⁵ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 3. Л. 175.

сказать, что лишь в 4 (из 50-ти) губернских центрах Европейской России победили умеренные и правые (Вятка, Новгород, Ставрополь и Тверь). Общий партийный состав городских выборщиков (без городов с правом отдельного представительства) был следующим. Более трети составляли кадеты — 39 %. Октябристы делегировали значительно меньше половины этой цифры — только 15,2 %. Представители правых среди горожан были совсем немногочисленны — 6,1 %¹.

Самых крупных успехов монархисты добились, как и следовало ожидать, на выборах по землевладельческой курии. По разным данным, правыми являлись от 13,5 % до 32 % губернских выборщиков от этой категории избирателей. В монографии С.А. Степанова приведена цифра в 16,5 %². Думается, действительное количество монархически настроенных выборщиков-помещиков стремилось ближе к приведенному верхнему пределу, ведь к ним относилось множество беспартийных и тех, чьи взгляды были неизвестны. Другое дело, что только меньшинство из них состояло или участвовало в деятельности каких-либо правых организаций. Выборы на съездах уездных землевладельцев проходили скорее в рамках противостояния помещики — крестьяне (последних было очень много в числе уполномоченных от мелких землевладельцев), земские либералы — консерваторы. Партийная составляющая имела здесь скорее отрицательный характер: голосовали против кадетов, а не за членов правых партий. Да и вообще, нередко выбор на местах носил случайный характер. Так, Н.В. Савич, один из заметных в будущем октябристов³, бывший свидетелем и участником выборов в Харьковской губернии, вспоминал, что в уездах они проходили хаотически, «как кому Бог на душу положит». Со стороны октябристов и правых не наблюдалось ни руководства, ни единства, ни организации⁴. Следует отметить, что сами условия избирательной кампании в местностях, отдаленных от крупных партийных очагов (а ими были даже отнюдь не все губернские столицы), со слишком непродолжительными предварительными совещаниями избирателей, препятствовали политической, партийной агитации.

На завершающей стадии выборов — в губернских избирательных собраниях — русские монархисты оказались в подавляющем меньшинстве. По всем куриям было избрано в совокупности 9,2 % правых выборщиков. Впрочем, в большинстве губерний партийные или близкие к партиям выборщики составляли вообще значительно менее половины их общего количества, поэтому при соответствующих условиях («проработке» крестьян и других беспартийных, заключении союзов с представителями

¹ *Кириянов И.К., Лукьянов М.Н.* Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. 1906–1907. Пермь, 1995. С. 67.

² *Степанов С.А.* Черная сотня в России. 1905–1914 гг. М., 1992. С. 123.

³ *Николаев А.Б.* Савич Никанор Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 544–545.

⁴ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 20.

других политических союзов) можно было надеяться на благоприятные результаты. Главным обсуждаемым вопросом на губернских выборах был аграрный. Отношение к нему, в частности к проблеме сохранения помещичьего землевладения, насколько объединяло правых с октябристами и их союзниками, настолько разделяло их с большинством сколько-нибудь политически сознательных крестьян. Как правило, октябристы, многие из которых являлись крупными помещиками, в огромном большинстве губерний голосовали совместно с правыми, не заключая никаких официальных соглашений с ними. Их объединяло совместное голосование против конституционалистов и крестьян, если последних было слишком много избрано, с их точки зрения. Такие тактические и нестабильные гласные и негласные соглашения имели место в большинстве губерний Европейской России. Впрочем, отнюдь не везде октябристы были готовы на сотрудничество с правыми. Как отмечает Т. Эммонс, «коалиция правых и центра (т.е. октябристов — А.К.) хотя и была неоспоримым фактом в некоторых местах, была нестабильна, ее составные части очень различались, чтобы действовать совместно»¹. Так, в Московском губернском избирательном собрании, где крестьянских выборщиков было очень мало, основная борьба развернулась между тремя группировками: правыми; октябристами и «торгово-промышленниками»; кадетами и присоединившимися к ним рабочими. При подаче записок стало ясно, что никто не может провести своих кандидатов самостоятельно. Тогда лидер торгово-промышленной группы выборщиков В.С. Баршев за спиной у октябристов договорился о совместной поддержке с монархистами и накануне голосования предложил примкнуть к блоку и октябристам. К чести последних, их официальные кандидаты, Д.Н. Шипов и С.И. Четвериков, отказались избираться в Думу под флагом монархистов². При этом они отвергли и кадетское предложение о совместном голосовании. В итоге в числе других депутатов стал 1 правый.

Ведя агитацию в губернских собраниях, правые пытались использовать монархизм части крестьянства, стремились представить своих кандидатов верными слугами «Царя и Отечества», а кадетов и левых — опасными крамольниками и смутьянами. Само торжественное открытие собраний, с присутствием губернаторов и местных иерархов, с молебном должно было произвести впечатление на крестьян. Чтобы у тех не оставалось сомнений, какого результата ждут от выборов власти, к выборщикам обращались с напутственным словом, насыщенным верноподданнической риторикой. Так, епископ Симбирский и Сызранский Гурий призывал народных избранников «приложить все силы к устройению Русского государства в единении с Царем, на основах православной веры и в духе русской народности»³.

¹ *Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge (Mass.); London, 1983. P. 376.*

² *Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 427.*

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 52. Л. 17.

Только с помощью некорректных форм агитации, изолирования крестьян, отстранения от выборов кадетского актива (опротестовывая выборы), поддержки со стороны властей правым удавалось достигнуть определенного успеха на депутатских выборах на Воляни, Тамбовщине и в Бессарабии. В Волинской губернии выборщики-крестьяне были искусственно изолированы на монастырском подворье, где подвергались массовой антисемитской и антикадетской обработке помещиков и духовенства. Когда туда попытался проникнуть выборщик-кадет Славинский, он был буквально атакован настоятелем Почаевской лавры архимандритом Виталием, выгнавшим его со словами: «Не слушайте, люди добрые, он женат на еврейке, он против Царя и религии». Когда горожане попытались организовать предвыборное собрание, выборщиков-крестьян правые туда просто не пустили. Перед выборами с крестьян крестоцелованием взяли присягу, что они будут обязательно голосовать за заранее намеченные кандидатуры. Недописанный черновик постановления думской комиссии, расследовавшей эти скандальные выборы, свидетельствует, что она хотела рекомендовать признать их незаконными как «проходившие под сильным влиянием духовенства». Этому воспрепятствовал лишь роспуск самой Думы. Даже в процессе голосования помещики и священники стояли как бдительные стражи возле крестьян и указывали на нежелательных кандидатов¹. В итоге в союзе с польскими помещиками правые провели 7 беспартийных крестьян, очевидно монархических взглядов, 3 польских магнатов, 1 правого священника, 1 умеренно-правого русского помещика.

В Бессарабии умеренно-монархическая Бессарабская партия центра развернула в стенах собрания самую настоящую погромную антикадетскую и антисемитскую агитацию. Среди избирателей распространялся размноженный на гектографе список кадетских выборщиков с утверждением, что они «стоят за то, чтобы дать землю евреям». Один из правых, некто С.Д. Тулюлюк, рассказывал весьма «темную» историю о том, что в него стреляли около редакции «Бессарабской жизни» (местный кадетский орган), да еще потом и угрожали, дескать, «с ним еще не то будет»². Здесь успех правых был куда более скромным. В Думу избрали только 1 сочувствующего Бессарабской партии центра.

В Тамбовской губернии помимо отстранения от участия в выборах выборщиков — горожан от Тамбова, октябристы и правые сделали все, чтобы не допустить в Думу сколько-нибудь сомнительных, с их точки зрения, депутатов. Бдительно охраняя крестьянских выборщиков, они сорвали попытки кадетов устроить предвыборные собрания для выяснения политических программ партий и отдельных избирателей. Отчаявшись провести своих партийных избранников, они вотировали за внепартийных крестьян, не замеченных в участии в аграрных беспорядках и не высказывавшихся в духе уравнительного землепользования. В итоге

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 123. ЛЛ. 31–32, 68–71.

² Там же. Д. 50. ЛЛ. 31 об., 24–27.

только отдельный крестьянский депутат от губернии, земский служащий В.Т. Окунев, явился впоследствии активистом трудовой группы¹. К ней присоединился также еще один крестьянин и депутат от рабочих В.С. Миронов², в ходе избирательной кампании возглавлявший отдел СРН в г. Козлове(!). Остальные 8 крестьян и священник (П.Ф. Воздвиженский³), хотя и являлись внепартийными, но, скорее всего, были законопослушными, политически неопределенными монархистами⁴.

К сколько-нибудь политически ангажированным правым или умеренно-правым из избранных в Думу можно отнести депутатов: уездного предводителя М.М. Ерогина (от Гродненской губ.)⁵, землевладельца и купца А.К. Демяновича (от Бессарабской губ., в последующем входил в «Союз 17 октября», фракцию умеренно-правых, Русскую национальную фракцию и фракцию Центра)⁶, *крестьянина и торговца Я.В. Ильина (от Московской губ.)*. В Волынской губернии в блоке с польскими помещиками и крестьянами в Думу были избран священник А.В. Концевич и умеренно-правый граф Д.Ф. Андро⁷. О политическом кульбите тамбовского «истинно русского» рабочего В.С. Миронова уже писалось. В их числе находились только 2 активиста монархических организаций и ни одного сколько-нибудь заметного лидера не только общероссийских, но и региональных монархических организаций. К избранным при поддержке монархистов помимо нескольких тамбовских крестьян и священника можно отнести также 6 волынских крестьян — украинцев (скорее всего, находившихся под влиянием Почаевского отдела СРН), крестьянина и священника от Бессарабской губернии. Политическое кредо этих депутатов установить трудно, т.к. никто из них никак не проявил себя в Думе, но, скорее всего, их можно отнести к внепартийным правым. Этого, однако, было явно недостаточно, чтобы образовать в Думе хоть какую-нибудь правую фракцию.

Безусловно, главными причинами столь поразительного фиаско правых на выборах в I Думу были несоответствие их программы общественным настроениям и избирательный закон, отдававший в губернских избирательных собраниях преимущество крестьянству. Однако, нельзя сбрасывать со счетов и практически полное отсутствие централизованной избирательной кампании, неспособность к координации своей деятельности даже на губернском уровне. Большую роль сыграли также нехватка способностей и талантов вести агитационную деятельность, позиция правительства С.Ю. Витте и большинства местной администрации, воздержавшихся от финансовой и административной поддержки монархических организаций.

¹ Канищев В.В., Протасов Л.Г. Окунев Василий Тимофеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 426–427.

² Канищев В.В., Протасов Л.Г. Миронов Василий Савельевич // Там же. С. 377.

³ Канищев В.В., Протасов Л.Г. Воздвиженский Павел Федорович // Там же. С. 96.

⁴ Думский сборник. Государственная дума первого созыва. СПб., 1906. С. 231–243.

⁵ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 186.

⁶ Николаев А.Б. Демянович Антон Каэтанович // Там же. С. 160.

⁷ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 21, 219, 290.

ВЫБОРЫ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: УЛЬТРАПРАВЫЕ О ПРОГРАММЕ И ТАКТИКЕ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ»

ПАТРИКЕЕВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА,

доктор исторических наук,
профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: o.patrikeeva@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена малоисследованному вопросу — отношению правых политических партий к программе и тактике умеренных партий и союзов в период первой думской избирательной кампании. Руководство крайне правых поделило все существующие в России политические партии и союзы на дружественные монархические и недружественные антимонархические. По мнению правых, умеренные конституционные партии, прежде всего «Союз 17 октября», представляли наибольшую опасность, поскольку это был соперник скрытый, неявный. Предвыборная перепалка умеренных и ультраправых, отнимавшая немало сил и времени, не позволила тем и другим серьезно заняться разработкой важных теоретических вопросов, в частности, программных документов. Первая думская избирательная кампания оказалась для них совершенно провальной. Исследование базируется в основном на материалах периодической печати того времени.

Ключевые слова: избирательная кампания, выборы в Государственную думу, «Союз 17 октября», октябристы, «Союз русского народа», Государственная дума Российской империи, ультраправые партии и союзы Российской империи.

В ходе первой избирательной кампании в Государственную думу Российской империи руководство крайне правых поделило все существующие в стране политические партии и союзы на две группы: монархические, отстаивающие самодержавие, и антимонархические. К монархическим партиям были отнесены Русское собрание, «Союз русских людей», «Союз русского народа», Русская монархическая партия, Общество хоругвеносцев, Кружок москвичей Ф.Д. Самарина и Общество русских патриотов. Эти единомышленные партии объединялись в борьбе на выборах в Государственную думу. Все остальные многочисленные партии России признавались недружественными и объявлялись политическими противниками¹. Партии, чья политическая позиция, на взгляд крайне правых, оставалась неясной, призывались

¹ Резолюции Всероссийского съезда Русского собрания в С-Петербурге 8, 9, 10, 11 и 12 февраля 1906 г. // Правые партии. Документы и материалы. М., 1996. Т. 1. С. 126.

к ответу: за царя или против царя? Так, Монархическая партия в начале избирательной кампании потребовала от «Союза 17 октября» определиться в семидневный срок: признает ли он «царское самодержавие»¹. В течение всей первой думской выборной кампании между этими партиями шла непрерывная полемика: «Союз 17 октября» обвинял право-монархические организации в «противодействии Монаршей воле», выраженной в Манифесте 17 октября, а те, в свою очередь, подозревали октябристов и другие конституционные партии в намерении свергнуть самодержавие и заменить его конституцией².

По мнению правых, умеренные конституционные партии, среди которых «особенно зловредны по своему лицемерию»³ были «Союз 17 октября» и Торгово-промышленная партия, «угрожавшие всем, кроме русских и православных»⁴ и даже «осмелившиеся рассуждать, должен ли Государь присягать их поганенькой конституции»⁵, представляли наибольшую опасность. Рупор правых, газета «Московские ведомости», посвятила «Союзу 17 октября» незамысловатое стихотворение:

«...Борьбы открытой близится начало,
И первые намечены шаги,
Мы знаем вас, пора поднять забрало,
Вы нам враги, заклятые враги»⁶.

Внимательно и пристрастно следили ультраправые за всем происходящим на I съезде «Союза 17 октября» в Москве в феврале 1906 г. По их глубокому убеждению, московский съезд «Союза 17 октября» оставил за царем титул «самодержца» только «для успокоения народа»⁷. Как отмечала правая печать, на съезде октябристы окончательно «скинули маски» и показали себя «чистыми» конституционалистами, стремящимися ограничить самодержавие царя⁸. «Самодержавие — самая большая ставка в современной политической кровавой борьбе»⁹, — утверждали ультраправые. Последние обрушили на октябристов и их союзников целый поток уничтожающих публикаций, доказывая, что само понятие «ограниченное самодержавие» так же нелепо, как словосочетания «горячий лед» или «холодный огонь»¹⁰.

«Вопрос о самодержавии на съездах партий способен лишь вызвать раскол, — в свою очередь, увещевали крайне правых представители

¹ Колокол. 1906. 18 января.

² См., напр.: Киевлянин. 1906. 16 января; Окраины России. 1906. 18 января; Русское слово. 1906. 15 января.

³ Московские ведомости. 1906. 17 января.

⁴ Московские ведомости. 1906. 22 января.

⁵ Там же. 24 января.

⁶ Московские ведомости. 1906. 28 февраля.

⁷ Новый путь. 1906. 5 марта.

⁸ Народный голос. 1906. 3 марта.

⁹ Колокол. 1906. 22 января.

¹⁰ Отклики Русских людей на современные события // Мирный труд. 1907. Кн. 2. С. 146.

умеренных партий и союзов. — ...Преждевременно говорить о вопросе, который не компетентна решать никакая партия. Не для споров по вопросам государственного права собираются партии, а для плодотворной работы»¹. Однако эти призывы остались без ответа: нападки на конституционные партии со стороны их соперников справа становились все ожесточеннее.

Деятельность крайне правых дала определенные результаты: часть наиболее фанатичных приверженцев самодержавия покинула ряды умеренных политических организаций. «Московские ведомости» даже завели специальную рубрику «Бегство из Торгово-промышленной партии», где скрупулезно подсчитывалось количество вышедших из партии человек и публиковались покаянные письма бывших ее членов². По самодовольному замечанию редактора газеты, такая тактика, в конце концов, «свела к нулю»³ торгово-промышленную партию.

Из всех руководителей правомонархического лагеря самую непримиримую позицию по отношению к умеренным конституционным партиям занимал, пожалуй, В.А. Грингмут. Как вспоминали впоследствии его соратники, октябристов Владимир Андреевич «ненавидел больше всего» и энергично восставал против слияния с этой «двоедушной партией»⁴. («Все, только не октябристы и не умеренные. Всякое правление и политика — только не умеренные. Тучи или буря, или яркий свет, но только не та поганая, сякотная атмосфера и температура, в которую вогнана Россия 17 октября»⁵.)

Даже социал-демократы и социалисты-революционеры не вызывали у крайне правых такого раздражения, как «Союз 17 октября» и родственные ему политические партии. Это объяснялось многими причинами. Во-первых, крайне левые не считали, что Манифестом 17 октября 1905 г. уничтожено самодержавие, поскольку, как резонно отмечала правомонархическая пресса, постоянно призывали к его свержению. «В комментариях к знаменательному манифесту сошлись крайние левые и крайние правые, но, конечно, исходя из различных точек зрения, с диаметрально противоположными желаниями и замыслами»⁶, — писал видный правомонархический деятель Бессарабии П.А. Крушеван. Во-вторых, левые, открыто выступая с революционными лозунгами, были, на взгляд правых монархистов, «откровенны до глупости»⁷, а потому гораздо менее опасны. («С этими проводниками нового просвещения народ быстро расправится: он уже привык их распознавать!»⁸)

¹ Свет. 1906. 8 февраля.

² Московские ведомости. 1906. 22, 27, 28 января, 8, 10 февраля, 20 марта.

³ Отклики Русских людей на современные события. С. 146.

⁴ Московские ведомости. 1907. 29 ноября.

⁵ Цит. по: Павлов Н.А. Умеренные // Богатырь мысли и дела: Памяти Владимира Андреевича Грингмута. М., 1909. С. 137.

⁶ Друг. 1906. 3 января.

⁷ День. 1906. 12 января.

⁸ Московские ведомости. 1906. 3 января.

К тому же республиканские замыслы революционных партий казались правым не осуществимыми в реальной действительности в силу приверженности большей части российского крестьянства монархическим принципам. Один из сотрудников кадетской газеты «Речь» Л.М. Львов впоследствии вспоминал: «Для монархистов эсеры и эсдеки не столь были страшны. Левые организации, по мнению всех, в то время никаких шансов на власть не имели — это подпольщики, с которыми можно бороться, с которыми в достаточной мере борется департамент полиции»¹. В-третьих, социал-демократы и социалисты-революционеры, подобно крайне правым партиям и союзам, резко отрицательно относились к идее «Виттиевской Думы». Наконец, крайне левые, сразу заявив о бойкоте выборов в Государственную думу, не являлись соперниками правых в избирательной борьбе. Дошло до того, что на I Всероссийском съезде Русского собрания, состоявшемся в Петербурге 8–12 февраля 1906 г., раздались призывы голосовать на выборах за революционеров, чтобы «проваливать» умеренных конституционалистов, так называемых «серединников»².

По мнению В.А. Грингмута, революционные и правомонархические партии были «вполне логичны и рациональны»: первые требовали народного представительства, т.е. «конституции без Самодержавия», вторые стояли за «Самодержавие без конституционного народного представительства». «Из враждебных нам партий, — признавался он, — я отдаю предпочтение крайним левым, то есть социал-демократам и социалистам-революционерам, которые, также как и мы, говорят то, что думают...»³. Иное дело — промежуточные, «иррациональные» партии и группы, избравшие «пресловутую, хромающую на оба колена „золотую середину“»⁴.

Сходную позицию занимали и другие видные деятели правомонархического движения. Так, кандидат от ультраправых в Государственную думу, общественный деятель, профессор Харьковского университета А.С. Вязигин отмечал в своих предвыборных выступлениях: «Сторонники „диктатуры пролетариата“ идут честно и открыто с поднятым забралом. Но середина?! ...Это враг гораздо более некорректный, ибо выступает под маской»⁵. С ним соглашался известный консервативный публицист В.А. Задонский, утверждавший, что «октябрист в подавляющем большинстве случаев не только не лучше, а хуже любого революционера, ...пошлее и лукавее, чем все левые»⁶.

¹ Львов Л. [Клячко Л.М.] Повести прошлого. Л., 1929. С. 80.

² Народный голос. 1906. 15 февраля.

³ Народный голос. 1906. 10 февраля; Русское знамя. 1906. 12 февраля.

⁴ Грингмут В.А. Монархическая партия // Политические статьи. М., 1910. Вып. 3. С. 174.

⁵ Цит. по: Асов И. Состязание харьковских «черносотенцев» с «красносотенцами» // Мирный труд. 1907. Кн. 8–9. С. 58–59.

⁶ Задонский В. А. Православие // В борьбе за правду. Харьков, 1907. С. 403.

«Правая партия нападает гораздо злее на нас, чем на революционеров»¹, — сетовало руководство «Союза 17 октября» в ходе первых парламентских выборов. Это утверждение полностью разделяли и кадеты. «Ораторы правых политических партий слов не находят для похвал по адресу крайних левых: и логичны они, и благородны, и мужественны, и честны... Слушаешь их, так и кажется, что речь заведут сейчас о блоке с революционерами»², — с сарказмом отмечала либеральная «Страна». «Восхваление крайних партий, как искренних и последовательных, было излюбленным приемом наших правых»³, — соглашались «Русские ведомости».

В то же время в период первой думской избирательной кампании ультраправые практически не подвергали своим нападкам Партию народной свободы, отождествляя ее с революционными партиями и союзами. «...Между кадетами и революционерами существует какая-то невидимая духовная связь, что-то вроде беспроволочного телеграфа»⁴, — писал один из лидеров правомонархического движения, присяжный поверенный П.Ф. Булацель. Кадеты платили ультраправым той же монетой. «Для г. Грингмута кадеты как бы не существуют, для кадетов в такой же степени не существует и партии г. Грингмута, но зато и те и другие с ожесточением рвут октябристов»⁵, — с горечью отмечала прооктябристская пресса.

Резким нападкам ультраправых подверглась предвыборная программа «Союза 17 октября». Действительно, первому съезду октябристов, несмотря на обилие принятых резолюций, так и не удалось разработать четкую предвыборную программу. В аграрном разделе программы утверждалась необходимость уравнивать крестьян в правах с другими гражданами, облегчить им выход из общины и закрепить землю в их полную собственность. Предлагалось принудительное отчуждение доли частновладельческих земель, «допустимое в случае государственной важности»⁶, с обязательным вознаграждением владельцев. Столь же невинным был и раздел программы по рабочему вопросу. Октябристы поддерживали лишь экономические требования рабочего класса, высказываясь за свободу рабочих организаций, союзов и собраний «на почве их экономических, профессиональных и культурных нужд», за организацию государственного страхования рабочих. Сокращение рабочего дня предусматривалось лишь для женщин и детей, а также на особо вредных для здоровья производствах. В решении национального вопроса октябристы выступали убежденными сторонниками единой и неделимой

¹ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т. 1. С. 84.

² Страна. 1906. 11 марта.

³ Русские ведомости. 1906. 29 марта.

⁴ Булацель П.Ф. Таинственная связь // Борьба за правду. СПб., 1908. С. 32–33.

⁵ Голос правды. 1906. 22 марта.

⁶ Основная программа «Союза 17 октября». М., 1906. С. 10.

России, отрицая возможность предоставления автономии отдельным частям империи за исключением Финляндии.

«Программа, в общем, по содержанию неуловимая, по отдельным тезисам — противоречивая, по результатам — малопродуктивная и, несмотря на перлы красноречия, нагоняющая непроглядный туман в то время, когда все ищут света»¹, — характеризовали этот документ ультраправые.

Под огнем критики справа оказалась и предвыборная тактика «Союза 17 октября». Отсутствие действенной избирательной программы октябристы стремились компенсировать путем агитационно-пропагандистской работы среди широких слоев населения. Сразу после образования «Союза» его руководство приступило к созданию собственных издательских органов и подбору журналистских кадров, что явилось для него отнюдь непростым и совершенно новым видом деятельности. По свидетельству корреспондента газеты «Новое время», консервативной писательницы С.И. Смирновой-Сазоновой, лидеры «Союза 17 октября» неоднократно обращались к ней с просьбой о сотрудничестве, признаваясь, что «ничего не понимают в газетном деле»².

Также скромны были успехи октябристов в устной пропаганде партийных идей. «Говорили разные партии. Даже от партии 17 октября был какой-то плохой оратор»³, — после посещения предвыборного митинга отмечала в своем дневнике все та же С.И. Смирнова-Сазонова.

Итак, предвыборная перепалка умеренных и ультраправых, отнимавшая немало сил и времени, не позволяла тем и другим серьезно заняться разработкой важных теоретических вопросов, в частности, программных документов. Как известно, первая думская избирательная кампания оказалась для проправительственных партий и союзов совершенно провальной: в парламент не попал ни один из кандидатов крайне правых, а октябристы прошли в ничтожном количестве. Ультраправые по-своему попытались истолковать итоги выборов: кадеты, прежде всего, одержали победу над ненавистными умеренными партиями и, таким образом, принесли лишь пользу России, «избавив ее от злостной формы конституционной болезни, заменив ее формой острой, критической»⁴.

¹ Шаховской М.Л. Партии и народ // Вестник Русского собрания. 1906. № 27. С. 3.

² Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Июнь–декабрь 1905 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 47. Л. 573.

³ Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Январь–сентябрь 1905 г. // Там же. Д. 48. Л. 137.

⁴ Московские ведомости. 1906. 18 апреля.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ КАДЕТОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1906 г.: ДИСКУССИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

ДМИТРИЕВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА,

младший научный сотрудник

Южного научного центра РАН;

старший преподаватель

Южного федерального университета

(Ростов-на-Дону, Россия);

e-mail: nvdmitrieva@sfedu.ru

Аннотация: Статья посвящена дискуссиям в ходе избирательной кампании в первую Государственную думу Российской империи в 1906 г. о национальной составляющей программы конституционно-демократической партии. Определены основные площадки, на которых развернулась дискуссия, выявлены ключевые пункты программы кадетов по национальному вопросу, которые подвергались критике со стороны оппонентов, в частности членов партии «Союз 17 октября». Сделан вывод о том, что предложенная конституционно-демократической партией программа национально-государственного устройства России в условиях Первой русской революции являлась наиболее оптимальной и в случае реализации создавала бы условия для сохранения единства полиэтнического государства.

Ключевые слова: конституционно-демократическая партия, национальный вопрос, избирательная кампания, первая Государственная дума, Российская империя.

Современные проблемы национально-государственного устройства стран с полиэтническим составом населения объясняет актуальность изучения опыта разработки данного вопроса в исторической ретроспективе. Появление в России в начале XX в. представительного органа, формирование многопартийности создали условия для публичного обсуждения одной из насущных проблем российского государства — национального вопроса. Она нашла отражение в большей или меньшей степени в программах всех политических партий обозначенного периода. Однако для партий либеральной направленности, в частности самой крупной из них — конституционно-демократической, решение национального вопроса было связано непосредственно с выработанной ими моделью государственного переустройства страны. Формирование конституционного государства с гарантированными правами граждан предполагало

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

существенную трансформацию механизма взаимодействия имперских властей и местных сообществ.

Исследователи сходятся во мнении, что к основным идеологическим параметрам классической либеральной модели общественного устройства в национальном вопросе следует относить именно национализм в смысле приоритетов национальной государственности¹. Сложившаяся в России в годы правления Александра III имперская политика, направленная на централизацию и унификацию государственной системы управления, во многом сохранила свои черты и в начале XX века. Понятия «империя» и «самодержавие» были неразрывно связаны. Представители российского либерального движения столкнулись с необходимостью решения национального вопроса с точки зрения определения собственного отношения к имперскому характеру российского государства в целом.

В отечественной историографии накоплен значительный опыт осмысления программы кадетов по государственному переустройству, решению аграрного и рабочего вопросов, однако, национальная составляющая первой избирательной кампании кадетов как основного представителя российского либерального лагеря практически отсутствует. В частности, это относится и к допартийному периоду формирования национального аспекта либеральной модели общественного переустройства. Именно тогда были сформулированы базовые принципы кадетской программы по национальному вопросу, которые в впоследствии подверглись серьезной критике.

Можно выделить несколько площадок, на которых проходила дискуссия: периодическая печать (газеты 1906 г. «Московские ведомости», «Русские ведомости», «Полярная звезда» и др.), отдельные брошюры («Нападки на партию народной свободы и возражения на них», «Чего же хочет конституционно-демократическая партия?», «Областная автономия и единство России» и др.), материалы агитационной деятельности кадетских партийных ораторов.

Проходившая в 1906 г. избирательная кампания рассматривалась политическими партиями преимущественно как способ репрезентации собственной политической программы, отдельные составляющие которой выступали элементами целостной концепции модернизации российского государства. Партийная программа кадетов по национальному вопросу, являвшаяся базой избирательной платформы, может быть условно разделена на два направления: 1) права национальностей и вопросы гражданского равноправия и 2) проблемы национально-государственного устройства Российской империи. Члены кадетской партии как представители либеральной идеологии считали, что приоритетной задачей является предоставление равных прав и свобод гражданам, населяющим империю. Введение гражданского равноправия рассматривалось ими

¹ Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 45.

как один из способов решения части проблем национального характера. Именно поэтому первый раздел программы конституционно-демократической партии был посвящен основным правам граждан. В первом пункте данного раздела прописано, что «все российские граждане, без различия пола, вероисповедания и национальности, равны перед законом. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и всех без исключения других отдельных групп населения должны быть отменены»¹. Вторая часть программы включала в себя положения о реформировании местного самоуправления и предоставления автономии Царству Польскому и Великому княжеству Финляндскому, а пункт 24 программы предполагал предоставление для всего российского государства возможности установления местной автономии и областного представительства². И если вопрос гражданско-го равноправия не вызывал возражений у оппонентов кадетов, то вопрос о местной автономии стал предметом жаркой дискуссии между представителями кадетской партии и октябристами.

Вышеперечисленные базовые принципы кадетской программы по национальному вопросу были сформулированы еще в 1905 г. под влиянием событий Первой русской революции, когда левые освобожденцы вынуждены были на несколько градусов повысить свои требования в национальном вопросе, рассчитывая тем самым привлечь на свою сторону представителей либеральной интеллигенции других национальностей.

Так, в Москве в апреле 1905 г. состоялся русско-польский съезд, на котором под давлением польских делегатов было принято решение о признании необходимости «автономного строя в Королевстве Польском». Однако съезд отказался от какой-либо конкретизации пределов автономии Польши «до времени всесторонней разработки этой проблемы»³. На съезде земских и городских деятелей 6–8 июля 1905 г. представители украинцев и грузин высказались за федеративное государственное устройство России. Однако рассмотрение этого вопроса было отложено⁴.

Понимая, что оттягивать до бесконечности обсуждение национального вопроса нельзя, русские либералы приняли решение специально рассмотреть его на сентябрьском земско-городском съезде. Доклад бюро съезду по этому поводу был прочтен Ф.Ф. Кокошкиным, виднейшим российским специалистом в области государственного права.

Исходная идея доклада — сохранение унитарного устройства Российского государства. Докладчик самым решительным образом выступал против принципа политического самоопределения наций. В его представлении это был прямой путь к расчленению «единой и недели-

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х тт. М., 1997. Т. 1. С. 189.

² Там же. С. 192.

³ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 224. Л. 19.

⁴ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. / [Редкол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]; сост. Д.Б. Павлов]. М., 2001. С. 291.

мой России»¹. Для инородцев, населявших империю, было предложено реализовать исключительно право на культурное самоопределение. Оно должно было выражаться в образовании национально-культурных автономных единиц в составе единого и неделимого Российского государства². Принцип областной автономии вошел в итоговую резолюцию, против которой выступило правое крыло либерального движения во главе с А.И. Гучковым.

Уже 2 октября 1905 г. в газете «Московские ведомости» появилась показательная статья с ярким названием «Как либеральные земцы хотят искромсать Россию», в которой жесткой критике подверглись решения по национальному вопросу, принятые на съезде земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 г. Положительное разрешение вопроса о децентрализации управления и предоставления автономии Царству Польскому было интерпретировано авторами статьи как расчленение единого и неделимого государства, создание на территории Российской империи новых независимых государств. На первой полосе «Московских ведомостей» была приведена карта того, как предполагали разделить Российское государство либеральные земцы: на юге страны Армения с центром в Тифлисе, казачья вольница, на юго-западе Малороссия, на западе Польша и Остзейский край, России оставались центральные европейские губернии, а Север и всю остальную территорию занимали инородцы, которые как иноплеменное население также выйдут из состава Российского государства³. Подобная утрированная интерпретация резолюции земско-городского съезда, которая с незначительными изменениями вошла в программу конституционно-демократической партии, станет основой, развернувшейся с конца 1905 г. и на протяжении первых предвыборных месяцев 1906 г., дискуссии вокруг основных положений кадетской партии по национально-государственному устройству будущего государства.

Характерно, что оппонентами кадетской партии был использован национальный вопрос как один из подходов к критике всей либеральной модели переустройства государства. «Спрашивается, не ясна ли судьба, ожидающая Россию, если государственная власть попадет в руки „либеральных“ демократов, держащихся таких сумасбродных взглядов на единство и целостность будущей России?»⁴. Н.П. Васильев характеризует кадетскую программу как торговую «лавочку», в которой каждый может чем-то заинтересоваться: «Для евреев — равноправие, для поляков — автономия, для армян — чуть ли не подчинение им магометан, для магометан — чуть ли не подчинение им армян»⁵.

¹ Кокошкин Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 7.

² Кокошкин Ф.Ф. О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 31.

³ Московские ведомости. 1905. 2 октября. С. 1.

⁴ Московские ведомости. 1905. 2 октября. С. 2.

⁵ Васильев Н.П. Правда о кадетях. СПб., 1907. С. 7.

Отвечая на подобного рода критику в ходе избирательной кампании в I Государственную думу, представителями конституционно-демократической партии были подготовлены и разосланы в местные отделения партии листовки с доступным для избирателей разъяснением основных программных положений. В этих листовках пункт о предоставлении автономии Царству Польскому представлялся неотъемлемым условием сохранения целостности Российского государства — «единство и неделимость России должны покоиться на внутренней и духовной связи ее окраин с центром. Железными цепями принуждения, политикой насилия и произвола государственного единства не создать»¹. В п. 14 листовки особо подчеркивалась мысль о едином официальном языке в учреждениях и в армии, о представительстве всех национальных окраин в законодательном органе конституционного государства даже при введении статуса автономии для его отдельных частей. Местные представительные органы автономных регионов для большей понятности сравнивались с земствами центральных губерний России, а главный тезис — **единство с Россией сохраняется** — выделен в тексте полужирным шрифтом².

Потребность в максимально доступном разъяснении избирателям пункта программы об автономии Царства Польского объясняется тем, что и ораторы из Центрального комитета кадетской партии, и представители местных отделений зачастую сталкивались с отождествлением автономного статуса с предоставлением независимости. В январе 1906 г. в ЦК кадетов поступило письмо из комитета Тотемской группы конституционно-демократической партии с просьбой более тщательного разъяснения п. 25 программы, так как он выражен недостаточно ясно. Одним из возможных вариантов адаптации был предложен текст брошюры Архангельского комитета, где говорится: «Так как полякам лучше знать, какие им нужны законы, то пускай сами они и составляют такие законы для себя, лишь бы они были в единении с Россией, подчинялись тем законам, которые должны быть одинаковыми для всего Русского государства и участвовали бы в Государственной думе, как равноправные русские граждане»³.

Помимо непосредственного общения с избирателями в рамках предвыборных встреч представители конституционно-демократической партии активно задействовали периодическую печать, используя ее не только для разъяснительной работы, но и для полемики со своими оппонентами. На страницах газеты «Русские ведомости» в конце 1905 — начале 1906 гг. вышло несколько статей, посвященных рассматриваемой проблеме. В них автономия Польши также представлялась как средство не раздробления, а объединения России. По мнению С.А. Котляревского, только она способна восстановить спокойствие и мир, которые не могла создать практиковавшаяся имперским правительством система управле-

¹ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 272. Л. 1 об.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Д. 196. ЛЛ. 1–1 об.

ния Польшей¹. Опубликованная в 1906 г. им же статья «Национально-областной вопрос в программе конституционно-демократической партии» защищала принципы кадетской национальной программы, затрагивая концептуальные проблемы национально-государственного устройства, восходившие к программным документам «Союза освобождения» и решениям земско-городских съездов. Автор указал на тесную связь политического освобождения России и разрешения национального вопроса, доказывая, что кадеты не являются сторонниками идеи расчленения Империи, а твердо держатся «принципа единства и нераздельности России». Автор определил отношение к правам и интересам различных национальностей как наиболее оригинальную часть программы конституционно-демократической партии, так как именно его используют различные партии (а именно, торгово-промышленная, партия правого порядка, «Союз 17 октября») для принципиального отмежевания от кадетов².

В феврале 1906 г. октябристами была подготовлена и опубликована отдельная брошюра «Чего же хочет конституционно-демократическая партия?» с критикой программы кадетской партии по всем включенным в нее вопросам, в том числе и национальному, который представлен в качестве яркого примера политического доктринерства. Предоставление автономии Царству Польскому создаст прецедент, который впоследствии будет использован и другими национальными окраинами Империи. Особенно авторов брошюры возмущает возможность реализации подобного опыта на территории Кавказского края, где поддержание и развитие местных традиций и нравов приведет к разбою и грабёжам, столь характерным для населения данной территории³.

В полемику с авторами брошюры вступил один из главных разработчиков национальной составляющей кадетской программы Ф.Ф. Кокошкин, опубликовав в газете «Русские ведомости» статью «Конституционно-демократическая партия перед судом „Союза 17-го октября“»⁴. В данной статье автор подробно разбирает все пункты обвинительной брошюры, отмечая ее концептуальный и обстоятельный характер, который проявился, в первую очередь, в отходе «правых конституционных партий» от неоднократно опровергнутого и избитого обвинения в «Расчленении России». В работе А.А. Кизеветтера «Нападки на партию народной свободы и ответы на них», написанной для кадетских ораторов уже после роспуска первой Государственной думы, мы можем найти подробное разъяснение позиции кадетской партии по национальному вопросу. Симптоматично, что ответы на возражения по национальному вопросу относятся к разделу беседы только с октябристами. Во многом они повторяют мысли, высказанные на страницах печатных изданий

¹ Русские ведомости. 1905. 11 ноября. С. 5.

² Котляревский С.А. Национально-областной вопрос в программе конституционно-демократической партии // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 114.

³ Чего же хочет конституционно-демократическая партия? М., 1906. С. 8.

⁴ Русские ведомости. 1906. 15 февраля. С. 5.

первой избирательной кампании, а именно: автономия есть средство для сохранения целостности Империи; необходимость предоставления автономии Царству Польскому объясняется не столько гомогенностью национального состава окраины и отличительным уровнем социально-экономического развития, сколько существованием исторического опыта автономии на данной территории¹.

Таким образом, вариант национально-государственного устройства России, предложенный конституционно-демократической партией, был рассчитан на компромисс и взаимопонимание между различными национальностями, предоставляя реальный шанс избежать насильственного решения национального вопроса, а, следовательно, и распада Российской империи. В предвыборной кампании 1906 г. в отечественном либеральном дискурсе выделилось несколько альтернативных подходов к решению национального вопроса в России; кадетские ораторы вынуждены были не только отвечать на критику со стороны оппонентов, но и вести разъяснительную работу среди избирателей, большинство из которых воспринимало идею об автономии как попытку разрушения единой Российской империи. Разработанные в конкретных условиях начала XX века предложения конституционно-демократической партии являлись наиболее оптимальными, так как создавали предпосылки для сохранения единства исторически сложившегося полиэтнического российского государства. При наличии конституционного закрепления гражданских и политических прав личности этот вариант гарантировал права и в сфере культурно-национальных отношений.

¹ Кизеветтер А.А. Нападки на партию народной свободы и ответы на них. М., 1906.

«СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ» И ВЫБОРЫ В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ЛАВРИНОВИЧ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
первый проректор УО «МГУ им. А.А. Кулешова»
(Могилев, Республика Беларусь);
e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

Аннотация: В многонациональных и поликонфессиональных губерниях Северо-Западного края местные октябристы делали больший упор на сохранение сильной царской власти, настаивали на усилении русского присутствия на национальных окраинах. Особой стороной политической деятельности «Союза 17 октября» было участие в выборах I Государственной думы, но результаты избирательной кампании для них оказались неблагоприятными. Осенью 1906 г. в Вильно при участии октябристов состоялся «съезд русских людей западных окраин», постановивший возбудить ходатайство перед правительством о дополнении избирательного закона: разделении выборщиков на национальные курии. Тогда же был создан Русский окраинный союз, в рамках которого октябристы Гродненской и Минской губерний прошли во II Государственную думу. Могилевский отдел «Союза 17 октября» сформировал блок с Союзом русского народа, благодаря которому также смог провести в депутаты своего кандидата.

Ключевые слова: «Союз 17 октября», Государственная дума, выборы, национальные курии, Русский окраинный союз.

«Союз 17 октября» на территории Северо-Западного края Российской империи в первый год своей деятельности смог обзавестись широкой сетью отделов, главные из которых располагались в губернских центрах: Минске, Вильно, Витебске, Гродно, Могилеве. Социальный состав партии октябристов состоял из чиновников, православной интеллигенции, представителей духовенства, старообрядцев. В некоторых отделах была значительная доля крестьян. Помещиков в «Союзе 17 октября» на территории западных губерний, за исключением Могилевской губернии, было мало. Некоторые из отделов были довольно значительными: в Витебске и Гомеле в октябристы записалось около 1000 человек. В результате пропагандистской кампании Минского отдела «Союза 17 октября» к началу 1907 г. численность октябристов в Минской губернии достигла максимальной отметки и составила 21300 человек. В целом, на рубеже 1906/1907 гг. численность «Союза 17 октября» в Беларуси достигла примерно 26–28 тыс. человек, хотя активно из них действовало не более 5 тысяч¹.

¹ Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Минским отделом // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 74. Л. 9; Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Могилевским отделом (1905–1906 гг.)

В многонациональных и поликонфессиональных губерниях Северо-Западного края некоторые из требований «Союза 17 октября» получили особое, отличное от общероссийского, звучание. Местные октябристы ратовали за упрочение царской власти, подчеркивали необходимость сохранения унитарного характера государства, настаивали на усилении русского присутствия на национальных окраинах, решительно осуждали притязания поляков на белорусские земли. В сфере социально-экономической они поддерживали правительственные аграрные преобразования.

Особой стороной политической деятельности «Союза 17 октября» было участие в выборах Государственной думы. Тем не менее, во время подъема революционного движения его программа успехом не пользовалась. Еврейское население белорусских городов отрицательно относилось к октябристам за их нежелание выступить с требованием немедленного предоставления евреям равноправия и отмены черты еврейской оседлости. Польских землевладельцев не удовлетворяло решительное отстаивание союзом принципа сохранения единой и неделимой России. Об отношении местного населения к октябристам свидетельствует такой факт: 29 января 1906 г., после окончания общего собрания Минского отдела «Союза 17 октября», неизвестные разбили все стекла в окнах нижнего этажа дома, где оно проходило¹. Отвечая на запрос Департамента полиции, минский губернатор отмечал, что на значение „Союза 17 октября“ на выборах рассчитывать трудно, его лидеры не пользуются поддержкой обывателей, т. к. считаются крайне правыми².

В предвыборном воззвании минских октябристов критиковались революционные одобряющие забастовки, насилия и не осуждающие в своих органах политические убийства, они станут мешать занятиям Думы и приведут страну к новой смуте...», — предупреждали они избирателей. Октябристы пытались сыграть на национальных противоречиях, заявляя, что русские (белорусы) должны идти на выборы, «руководствуясь своей принадлежностью к русской народности», и отдать голоса за кандидатов «Союза 17 октября»³. Однако, несмотря на все усилия, избирательная компания в I Государственную думу окончилось для них поражением.

В Могилевской губернии, во время первой избирательной кампании, октябристы, сознавая свою слабость, занялись поиском союзников. В период, когда после Московского восстания революционное движение в стране находилось на довольно высоком уровне, Могилевский отдел решил блоки-

// Там же. Д. 75. Л. 9; Сообщения губернаторов на запрос МВД о политических партиях, их организации, численности и идеологии // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. Л. 71.

¹ Местная хроника // Минская речь. 1906. 1 февраля. С. 3.

² Наряд по секретной переписке по Минской губернии // ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Оп. 236. Д. 828. Ч. 7. Л. 2 об.

³ Материалы по истории выборов в первую Государственную думу, собранные по поручению председателя Совета министров графа С.Ю. Витте графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым // ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 5. Л. 81.

роваться с крайне правыми. 16 февраля 1906 г. состоялось совместное заседание местных комитетов партии октябристов и Союза русских людей. Обсуждался вопрос о координации действий в период выборов¹. Однако достигнуть согласия не удалось: слишком существенными оказались программные различия между двумя организациями. Октябристы оказались в сложном положении. При помощи властей «Союз 17 октября» попытался привлечь на свою сторону выборщиков-крестьян. В частности, газета «Могилевский голос» сообщала, что 24 марта 1906 г. после собрания в гражданском клубе, устроенного октябристами, около 11 ч. вечера выборщиков-крестьян на ночлег в народный дом сопровождала охрана, состоявшая из 10 пеших вооруженных казаков². Однако покровительство администрации не помогло. На выборах в I Государственную думу октябристы потерпели сокрушительное поражение, не проведя ни одного своего кандидата.

Витебские октябристы с целью привлечения народа на свою сторону попытались развернуть масштабную агитацию. Уже 19 декабря 1905 г. Витебский отдел обратился к ЦК с просьбой выслать предвыборные листовки и воззвания в количестве до 5 тыс. экземпляров, а брошюры — до 1 тыс. экземпляров. В ответ ЦК отправил в Витебск 14 посылок с агитационными материалами. Однако быстро начать пропаганду помешало недостаточное количество денег у местных октябристов. Так, они смогли заплатить на почте только за 13 посылок, для выкупа же 14-й пришлось просить в долг у ЦК 100 руб.³ Еще тяжелее было положение в уездных организациях. Например, председатель Лепельского отдела А.А. Петров 19 января 1906 г. жаловался партийному руководству не только на нехватку денег, но и на отсутствие «литературных талантов» для издания собственного печатного органа⁴.

На помощь октябристам пришли власти. Губернатор разрешил им размножать листовки в губернской типографии, выступать со страниц «Витебских губернских ведомостей», редакция которых стала использоваться и как контора для вербовки новых членов «Союза 17 октября». Более того, местная администрация способствовала и распространению октябристской литературы. 31 декабря 1905 г. себежский уездный предводитель дворянства сообщил витебскому губернатору, что ЦК «Союза 17 октября» выслал ему 20 тыс. экземпляров 7 своих листовок. Предводитель дворянства испрашивал разрешения на их рассылку во все населенные пункты Себежского уезда. 9 января 1906 г. губернатор ответил, что со своей стороны он не будет препятствовать распространению листовок⁵. Но, даже несмотря на поддержку со стороны местной администрации, октябристы не смогли привлечь массы на свою сторону. Иногда их агитация приводила к прямо

¹ Местная хроника // Могилевский голос. 1906. 18 февраля. С. 4.

² Местная хроника // Могилевский голос. 1906. 26 марта. С. 3.

³ Переписка ЦК «Союза 17 октября» с октябристами Витебской губернии (1905–1906 гг.) // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 59. Л. 29.

⁴ Там же. ЛЛ. 15–15 об.

⁵ Дело о распространении себежским уездным предводителем дворянства брошюр Санкт-Петербургского отдела ЦК «Союза 17 октября» // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47120. Л. 11.

противоположным действиям. Интересный случай в феврале 1906 г. произошел в д. Лыски Витебского уезда. Сельский выборный, малограмотный крестьянин Д.Д. Плещенко, получив листовку «Союза 17 октября», по своему растолковал соседям ее значение. В итоге, по выражению полицейского чиновника, среди крестьян произошло «некоторое брожение»¹.

Результаты избирательной кампании в I Государственную думу для октябристов оказались неважными. На выборах выборщиков в Витебске их главный кандидат ученый-краевед А.П. Сапунов получил всего 1122 голоса, а его противники минимум 3200². Относительный «успех» «Союза 17 октября» витебский губернатор объяснял лишь тем, что его кандидаты по своим личным качествам были известны избирателям с положительной стороны³. Это и позволило октябристам получить часть голосов. Но их оказалось мало, чтобы представители «Союза 17 октября» смогли пройти в Думу.

Предвыборное собрание членов Виленского отдела «Союза 17 октября» состоялось 11 марта 1906 г. На нем были избраны члены участковых комитетов, выборы же центрального избирательного комитета не состоялись из-за незначительного числа прибывших. Обсуждался вопрос о блоке на выборах с другими партиями. Намечены были еврейская группа конституционно-демократической партии и беспартийный кружок русских людей. К определенному решению собрание, однако, не пришло⁴.

19 марта в городском зале состоялось общее собрание русских избирателей Вильно, организованное беспартийным кружком. Пришли и члены «Союза 17 октября», лидер которых Н.Ю. Мацион был избран даже председателем собрания. Снова обсуждался вопрос: с кем блокироваться — с поляками (кандидат Т.Э. Врублевский) или с евреями (кандидат М.М. Винавер). Часть собравшихся стала склоняться на сторону блока с евреями. Но когда выяснилось, что М.М. Винавер стоит за автономию Польши, октябристы решили действовать самостоятельно⁵.

Ставку Виленский отдел «Союза 17 октября» сделал на сельское население. В воззвании к крестьянам октябристы писали: «У нас в деревнях зачастую живут крестьяне, исповедующие различные веры, принадлежащие к различным племенам. Бок о бок живут русские, литовцы, поляки, евреи; по соседству живут и православные, и католики, и лютеране, и магометане. Да не будет это разноверие и разноплеменность помехой к выборам в члены Думы наиболее дельных и честных людей, понимающих нужды государства»⁶. В качестве наиболее достойных кандидатов в депу-

¹ Дело по обвинению крестьянина Витебского уезда в распространении среди крестьян воззвания «Союза 17 октября» // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 2. Д. 1011. Л. 1.

² Переписка ЦК «Союза 17 октября» с октябристами Витебской губернии (1905–1906 гг.) // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 59. Л. 46.

³ Наряд по секретной переписке по Витебской губернии // ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Оп. 236. Д. 828. Ч. 1. Л. 2.

⁴ Дневник // Новая заря. 1906. 14 марта. С. 3–4.

⁵ Собрание еврейских избирателей // Свободное слово. 1906. 14 ноября. С. 3.

⁶ Переписка ЦК «Союза 17 октября» с октябристами Виленской губернии (1905–1906 гг.) // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 58. Л. 3 об.

таты Государственной думы октябристы, разумеется, рассматривали себя. Тем не менее, избирательная кампания закончилась для них поражением: ни один представитель «Союза 17 октября» в I Думу не прошел.

В Гродно 3 марта 1906 г. октябристы совместно с партией правового порядка (ППП) инкогнито организовали совместное предвыборное собрание, на которое пришло до 1 тыс. человек¹. Однако после того как председателю собрания поляку Милковскому не дали говорить по-польски, собрание фактически было сорвано. ППП и октябристы сделали ставку на привлечение ремесленников, которых собралось около 300 (из них только 100 были православными). 6 марта были выпущены общие избирательные бюллетени ППП, «Союза 17 октября» и ремесленников. В них фигурировало по 2 представителя от каждой стороны².

В феврале 1906 г. отделы «Союза 17 октября» и ППП объединились в одну структуру на основе октябристской платформы. Но и после этого их деятельность не стала активнее, что признавалось и самими октябристами. За зиму 1905–1906 гг. они провели всего 3 митинга, ни на одном из которых не присутствовало и 200 человек. На митингах обсуждалась партийная программа, шли беседы с мещанами-католиками, из которых, однако, только 6 записалось в союз³. За это же время бюро отдела собиралось всего 3–4 раза. На одном из заседаний было решено напечатать 3 тыс. экземпляров воззваний, но средств для оплаты услуг типографии октябристы не нашли. Тогда они обратились за помощью к ЦК, попросив бесплатно выслать в Гродно октябристскую литературу (о земле, о Государственной думе) и лектора из партийного Бюро пропаганды. Но даже помощь ЦК не помогла гродненским октябристам: выборы в I Государственную думу в марте — апреле 1906 г. они проиграли. Так, из 133 выборщиков, избранных в городах, только 18 были членами «Союза 17 октября», а из 102 выборщиков, выдвинутых на съездах землевладельцев, лишь 15 являлись октябристами и 3 причисляли себя к ППП⁴. В итоге, даже объединившись, отделы «Союза 17 октября» и Партии правового порядка не смогли провести в депутаты ни одного своего кандидата.

С началом избирательной кампании во II Государственную думу осенью 1906 г. октябристы активизировались. 7–9 октября в Вильно по инициативе местной монархической организации «Северо-Западное Русское Вече» состоялся «съезд русских людей западных окраин», на который съехались делегаты из Минска, Витебска, Гродно, Ковно, Варшавы и Прибалтийского края. Заседания съезда проходили в помещении «Русского со-

¹ Материалы по истории выборов в первую Государственную думу, собранные по поручению председателя Совета министров графа С.Ю. Витте графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым // ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 3. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

³ Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Гродненским отделом (1906 г.) // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 2 об.

⁴ Материалы по истории выборов в первую Государственную думу, собранные по поручению председателя Совета министров графа С.Ю. Витте графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым // ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 3. Л. 13.

брания». Председателем единогласно был избран лидер Минского отдела «Союза 17 октября» Г.К. Шмидт¹. Собравшиеся постановили возбудить ходатайство перед правительством о дополнении избирательного закона: «Для этого закон изменять незачем. Пусть только население на окраинах будет разделено на курии; и от русских, поляков и евреев будут представители пропорционально их количеству, причем, конечно, от каждого города или губернии должен быть русский, хотя бы среди населения было русских и менее 250 тыс. выбирающих»². Идея о возможности блоков на выборах с поляками и евреями была отвергнута. «Предположение о возможности соглашения между русскими группами и партиями национально-польскими, еврейскими и другими не только не осуществимо практически, но принципиально недопустима самая мысль о соглашении с противогосударственными и открыто сепаратистскими партиями, и такое деяние должно быть по справедливости приравнено к государственной измене», — мотивировали свое решение октябристы и их союзники. В случае отказа Совета министров пересмотреть избирательный закон они угрожали акциями массового протеста. «Если могущие возникнуть народные беспорядки и будут подавлены силой, то последующим и далеко не отдаленным результатом политического бесправия русского населения будет утрата всякой веры в значение русской государственности в крае», — полагали делегаты. В то же время, по их мнению: «...присутствие в Государственной думе и Государственном совете хотя бы и немногочисленных местных русских представителей имело бы огромное значение... Очевидно, только коренное русское население является истинным строителем своего государства и единственным носителем государственной идеи»³.

Для передачи ходатайства была избрана делегация. Председатель Совета министров П.А. Столыпин внимательно отнесся к ходатайству и пообещал в будущем добиться от Николая II дарования западным окраинам дополнительного представительства⁴.

Вторым постановлением октябрьского съезда было решение об образовании Русского окраинного союза (РОС) с самостоятельным Центральным комитетом в Вильно, областными и приходскими отделами⁵.

Тем не менее, октябристы еще пытались прощупать возможность заключения национальных блоков. 3 декабря 1906 г. в помещении железнодорожного кружка состоялось собрание русских избирателей Вильно. Присутствовало около 400–500 человек. Председателем собрания был избран Н.Ю. Мазон. Рассматривался вопрос о возможном блоке на выборах с поляками либо евреями. Мазон выступил против соглашения с поляками, заявив: «...мы, русские, здесь пришлый народ, и мы можем

¹ Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. 1906. 15 октября. С. 548.

² Там же.

³ Хроника // Окраины России. 1906. 19 ноября. С. 648.

⁴ Обзорение событий и окраинная жизнь // Окраины России. 1906. 26 ноября. С. 658.

⁵ Хроника // Окраины России. 1906. 19 ноября. С. 648.

найти себе работу в другом месте, но мы не должны забывать о белорусском населении, которое поляки стремятся подчинить себе». По его мнению, скорее был возможен союз с евреями, если бы они отказались от требования политического равноправия¹. Собрание постановило вступить в переговоры с евреями и литовцами. Однако переговоры ни к чему не привели. Избирательная кампания во II Государственную думу снова закончилась поражением октябристов в Виленской губернии.

Минские октябристы во главе с Г.К. Шмидтом попытались пройти во II Государственную думу под флагом РОС, стараясь привлечь на свою сторону, прежде всего, крестьян. Им удалось склонить к сотрудничеству бывшего депутата I Думы крестьянина С.И. Готовчица. Совместно с ним Г.К. Шмидт написал и начал распространять среди крестьян воззвание «Как и кого выбирать в Государственную думу», затем во всех газетах проправительственного направления от имени Готовчица появилось «Открытое письмо к крестьянам»². Реальным же автором последнего был Шмидт. В письме он призывал крестьян голосовать на выборах за кандидатов РОС. В результате пропагандистской кампании многие крестьяне, поверив его обещаниям, примкнули к октябристам.

В период избирательной кампании Г.К. Шмидт с резкими нападками обрушился на евреев, поляков, а также чиновников, которые, по его мнению, им покровительствовали. Резко шовинистические высказывания Шмидта вызвали активный отпор со стороны польского общества Минской губернии и чиновников, чьи действия он критиковал. За нарушение избирательного закона Минская уездная избирательная комиссия исключила Г.К. Шмидта из списка выборщиков. Ее решение было подтверждено и губернской комиссией³. В результате лидер минских октябристов не смог участвовать в выборах. За оскорбление же членов губернской комиссии по выборам в жалобе Сенату против него было возбуждено судебное преследование. В целом, однако, итоги выборов оказались более благоприятными для октябристов, чем в прошлый раз, хотя избирательный закон не был изменен. В Минской губернии во II Государственную думу были избраны 6 представителей «Союза 17 октября»⁴.

Под крылом РОС происходила деятельность и гродненских октябристов. Во II Думу прошел землевладелец П.П. Лапатик, сочувствовавший «Союзу 17 октября».

Власти Витебской губернии старались объединить на выборах все проправительственные партии и организации. 29 октября 1906 г. состоялось общее собрание Витебского отдела «Союза 17 октября», на котором выступил помещик Н.Ю. Шильднер-Шульднер, ездивший в Санкт-Петербург в составе делегации к П.А. Столыпину. На собрании было решено присоединиться к РОС. Тогда же был переизбран комитет отдела. Его председа-

¹ Собрание русских избирателей // Новая заря. 1906. 21 марта. С. 3.

² Минские вести // Голос провинции. 1906. 17 сентября. С. 2.

³ Минские вести // Голос провинции. 1906. 24 декабря. С. 4.

⁴ *Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў ллсах Беларусі (1906–1917 гг.). Мн., 2008. С. 91.

телем стал Н.Ю. Шильднер-Шульднер¹. Благодаря поддержке витебской губернской администрации во II Государственную думу прошли 3 представителя РОС, хотя ни одного октябриста среди них не оказалось.

В Могилевской губернии вторая избирательная кампания проходила в более благоприятных для «Союза 17 октября» условиях: жесткого подавления революционного движения, действий местных властей, направленных на ограничение активности кадетов и их союзников, перехода значительной части дворянства губернии на более правые позиции. Таким образом, несколько увеличилась социальная база партии октябристов.

В январе 1907 г. Могилевский отдел «Союза 17 октября» возобновил переговоры с крайне правыми. Стороны пришли к решению о включении в общий список выборщиков по г. Могилеву 2-х октябристов и 1 члена Союза русского народа (СРН). Однако вскоре выяснилось, что представитель правых не был уполномочен заключать соглашение. СРН не согласился на предоставление «Союзу 17 октября» в общем списке 2-х мест. В результате октябристам пришлось принять условия Союза русского народа: включить в список 2-х крайне правых и лишь 1 представителя своей партии². Блок с СРН принес «Союзу 17 октября» успех на выборах во II Государственную думу. В целом, трое из 7 депутатов от Могилевской губернии (профессор И.П. Сазонович³, крестьянин П.А. Казаков⁴ и предводитель дворянства Сенненского уезда С.А. Шидловский) относили себя к сторонникам партии октябристов⁵. В Думе, однако, только С.А. Шидловский вступил в октябристскую фракцию⁶.

В конечном итоге кампания, начатая октябристами и их сторонниками, по защите интересов «русского» населения Северо-Западного края принесла им политические дивиденды. После роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. Николай II изменил правила выборов. По новому законодательству в Минской губернии помещики выбирали 51,9 % выборщиков на губернское избирательное собрание, в Могилевской — 51,2 %, в Виленской — 48 %, Витебской — 45,3 %, Гродненской — 41,1 %. По распоряжению МВД съезды землевладельцев в Гродненской, Минской, Могилевской губерниях и 7 уездах Витебской губернии были разделены на 2 отдела по национальной принадлежности: к 1-му отделу были отнесены все неполяки (русские, православные белорусы, немцы, татары и другие), ко 2-му — поляки, к которым причислялись и белорусы-католики. В Виленской губернии была создана особая «русская» курия.

¹ Обзорение событий и окраинная жизнь // Окраины России. 1906. 26 ноября. С. 658, 660.

² Отчет о деятельности Могилевского отдела «Союза 17 октября» (1907 г.) // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 14. Л. 9 об.

³ Ромов Р.Б. Созонович (Сазонович) Иван Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 568.

⁴ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 226.

⁵ Забайскі М.М. Указ. соч. С. 92.

⁶ Рылов В.Ю. Шидловский Сергей Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 699.

КУПЦЫ НА ВЫБОРАХ В I И II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (на примере Москвы и Нижнего Новгорода)

СЕЛЕЗНЕВ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия);
e-mail: fseleznev@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются политические симпатии купцов Москвы и Нижнего Новгорода в ходе выборов в I и II Государственную думу по городской курии. Автор произвел комплексный анализ списков кандидатов в выборщики в Государственную думу. На его основе была дана характеристика политической позиции московского и нижегородского купечества. Автор определил, с какими социальными признаками были связаны те или иные политические симпатии.

Ключевые слова: Государственная дума, партия кадетов, октябристы, черносотенцы, купцы, старообрядцы, выборщики, М.В. Челноков, Д.В. Сироткин.

На сегодняшний день среди историков нет единства по вопросу о том, как распределялись политические симпатии русского купечества в начале XX в. и какими социальными признаками они были обусловлены.

Ричард Пайпс, например, полагал, что русские предприниматели тогда были настроены консервативно и аполитично. По мнению Пайпса, они предпочитали «оставаться в тени» и не вмешиваться в «судьбоносный конфликт между интеллигенцией и правительством»⁷.

Иначе оценивал политический потенциал русской буржуазии Леопольд Хеймсон, автор концепции поляризации социальной и политической жизни России из-за неравномерности развития страны, сочетания «пережитков полукрепостного строя» с элементами «модернизации». Характеризуя политические позиции социальных слоев, втянутых в модернизацию, Хеймсон ввел понятие «революция ожиданий». Под этим термином понималось резкое повышение уровня социальных ожиданий и требований, недовольство своим положением. По мнению Хеймсона, этот процесс еще в конце XIX в. затронул и крупную буржуазию (купечество Центрального промышленного района). Выразителем настроений этого социального слоя Хеймсон считал «молодое поколение» московского купечества (круг П.П. Рябушинского и А.И. Коновалова), стоявшего за думской фракцией прогрессистов⁸.

Ю.А. Петров показал, что нельзя характеризовать политическую позицию московского купечества как единого целого. Внутри этой социальной группы в начале XX в. наметилась отчетливая «дихотомия поколений». С одной стороны находились представители старшей генерации,

⁷ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 289–290.

⁸ Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 6, 9.

не обладавшие профессиональным образованием и в целом консервативно настроенные. Им противостояла группа высокообразованных «молодых» капиталистов, в 1900-х гг. игравших все более заметную роль в представительных организациях и на политической сцене страны¹.

Если Ю.А. Петров главным признаком, характеризующим «молодых» предпринимателей из окружения Рябушинского, считает высокий образовательный уровень, то Дж. Уэст обращает внимание на их принадлежность к старообрядчеству².

Автором в свое время был предпринят анализ массовых политических предпочтений российской буржуазии в целом. Чтобы получить адекватную картину политических пристрастий общественно активной части капиталистов, был осуществлен комплексный анализ списков кандидатов в выборщики в Государственную думу³. В данной работе та же методика применена к изучению политических приоритетов купечества.

Прежде всего, дадим характеристику методов исследования. Как известно, в 1906–1907 гг. выборы по городской курии были двухступенными. Сначала избиратели голосовали за кандидатов в члены городского избирательного собрания (т.е. выборщиков), а те уже определяли депутата (депутатов) от города. Решающее значение имел первый этап кампании. Поэтому ведущие политические силы (а их к 1907 г. на думских выборах было четыре: объединенные левые, конституционные демократы, октябристы и черносотенцы) уделяли большое внимание агитации за свой список кандидатов в выборщики.

В нем могли фигурировать не обязательно члены партии. Кроме того, от кандидатов не требовалось лично вести агитацию. Это было особенно удобно для предпринимателей, которые, в силу занятости, не могли уделять время партийной работе. Наоборот, сам кандидат являлся «живой рекламой» своей партии. Если он пользовался широкой личной популярностью, то это могло принести списку дополнительные голоса. Если же кандидат был человеком малоизвестным, то определяющее значение для избирателей имели его сословие и род занятий. (Предполагалось, что мещане охотнее отдадут свой голос мещанину, приказчики — приказчику и т.д.) Соответственно, включив в свой список купца, та или иная партия апеллировала именно к этому сословию.

С другой стороны, купец, дав согласие на внесение своей фамилии в кандидатский список, однозначно и гласно определял свою политическую позицию. Это говорило об его общественной активности. Можно утверждать, что списки кандидатов в выборщики являются идеальным

¹ Петров Ю.В. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 112.

² Уэст Дж. Буржуазия и общественность в предреволюционной России // История СССР. 1992. № 1. С. 192–201; *его же*. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909–1914) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000.

³ Селезнев Ф.А. Политические предпочтения буржуазии Москвы и Нижнего Новгорода в 1906–1907 годах // Отечественная история. 2006. № 1. С. 42–53.

(и доступным) источником по распределению политических симпатий общественно-активных купцов.

Нами были привлечены кандидатские списки по Москве и Нижнему Новгороду. Это позволило проверить выводы Л. Хеймсона, Ю.А. Петрова и Дж. Уэста, касающиеся политической позиции московских купцов, и, в то же время, дать характеристику электоральной активности провинциального (в данном случае — нижегородского) купечества.

Сначала мы систематизировали данные по всем купцам, включенным в кандидатские списки. Затем проверили, в списках какой политической силы купцов было больше всего. Оказалось, что в Москве из всех купцов — кандидатов в выборщики — больше половины присутствовало в списках октябристов (52 % на выборах в I Думу и 54 % на выборах во II Думу). 35 % из всех заявленных в кандидатских списках купцов на обоих выборах являлись выдвиженцами черносотенцев. Конституционные демократы для этой сословной группы оказались наименее привлекательны (13 % на выборах в I Думу и 11 % на выборах во II Думу).

Несколько иная картина в Нижнем Новгороде. Здесь по симпатиям купцов черносотенцы опередили октябристов. В списках «Союза белого знамени» (нижегородская право-монархическая организация) оказался 51 % всех купцов-кандидатов на выборах в I Думу и 47 % на выборах во II Думу. Октябристы сумели привлечь в свой список соответственно 38 % и 42 % политически активных купцов. Это говорит о консерватизме провинциального купечества по сравнению с московским. Список конституционных демократов выбрали (как и в Москве) 11 % купцов¹.

Теперь попробуем определить, с какими социальными признаками были связаны названные политические симпатии.

Элитой купечества являлись мануфактур- и коммерции советники, а также потомственные почетные граждане. Этим званий удостаивались главным образом крупномасштабные дельцы². В Москве подавляющее их большинство предпочло партию октябристов. Именно кандидатами от «Союза 17 октября» стали люди, олицетворявшие купеческую Москву: потомственный почетный гражданин и мануфактур-советник, председатель Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников; потомственные почетные граждане братья Александр, Константин, Николай и Федор Гучковы; потомственный почетный гражданин и мануфактур-советник, член совета Московского купеческого банка, Московского торгового банка, выборный Московского биржевого общества Н.И. Прохоров; потомственный почетный гражданин, выборный Московского биржевого комитета П.П. Рябушинский; потомственный почетный гражданин и мануфактур-советник, член совета Московского купеческого банка, старшина Московского биржевого комитета, выборный московского купеческого сословия В.Г. Сапожников; потомственный почетный гражданин и мануфактур-

¹ Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.

² Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. — 1914 г.). М., 1992. С. 91.

советник, выборный Московского купеческого сословия, выборный Московского биржевого общества Н.В. Щенков.

В кандидатских списках московских черносотенцев купеческую элиту символизировали только потомственный почетный гражданин и мануфактур-советник, выборный Московского купеческого сословия А.А. Найденов и потомственный почетный гражданин и мануфактур-советник, выборный Московского биржевого общества И.Н. Дербенев.

У московских кадетов мануфактур-советников в списке не было, но значился один коммерции советник, потомственный почетный гражданин М.М. Зензинов. Отметим, что семья чаоторговцев Зензиновых находилась несколько в стороне от московской купеческой элиты, ведущую роль в которой играли текстильные фабриканты.

В Нижнем Новгороде два наиболее богатых и известных купца — потомственный почетный гражданин и мануфактур-советник Я.Е. Башкиров и мануфактур-советник Н.А. Бугров — были внесены в списки и белознаменцев (черносотенцев), и октябристов. Этот факт свидетельствует как о консерватизме нижегородского купечества, так и о «правизне» нижегородских октябристов. В Москве подобная ситуация была исключена.

Если говорить о позиции нижегородской купеческой элиты в целом, то она все-таки больше склонялась к черносотенцам. Помимо Н.А. Бугрова и Я.Е. Башкирова в их списках оказались такие видные ее представители, как М.Е. Башкиров, М.Н. Блинов, М.А. Дегтярев. Все они олицетворяли одну из ведущих в регионе отраслей предпринимательства — мукомольное дело. Однако на стороне октябристов был лидер нового поколения нижегородских капиталистов, близкий к кругу Рябушинского купец-либерал Д.В. Сироткин, хозяин пароходной компании.

В нижегородском кадетском списке вообще не оказалось ни одного мануфактур- или коммерции советника.

Рассмотрим теперь поставленную Ю.А. Петровым проблему уровня образования, как важного для купца фактора политического самоопределения. Из 21 купца, внесенного в кандидатские списки октябристов, 12 (57 %), т.е. большинство, имели высшее образование. Они получили его преимущественно в Московском университете, из них четверо — на физико-математическом факультете. Ни один купец, выдвинутый в Государственную думу черносотенцами, высшего образования не имел. Из пяти купцов, баллотировавшихся по кадетскому списку, диплом о высшем образовании имел лишь один (М.Г. Комиссаров). Правда, трое из пяти (И.Д. Сытин, М.Г. Комиссаров, М.М. Зензинов) занимались книгоизданием и, тем самым, были связаны с кругом носителей высшего образования. К тому же двое (М.Г. Комиссаров, М.В. Челноков) через участие в земской деятельности тесно взаимодействовали с высокообразованной дворянско-интеллигентской средой.

Вступая в дружеское общение с ее представителями, купцы и купеческие дети постепенно усваивали и дворянско-интеллигентские духовные ценности. Так к началу XX в. в купеческой среде формируется прослойка, которая по стилю и характеру времяпрепровождения мало чем отличалась от дворянства, а по своим культурным запросам — от интеллиген-

ции¹. Именно ее представителей мы видим среди сторонников партии народной свободы.

Так, М.В.Челноков регулярно отдыхал в Крыму и на заграничных курортах, вел долголетнюю доверительную переписку с графиней Е.А. Уваровой. Его ближайшими друзьями были дворяне Д.Н. Шипов и Ф.А. Головин. Квартиру Челнокова украшали экзотические японские вазы, картины Левитана и средневековых голландских живописцев². Он читал искусствоведческую и философскую литературу. Бывая в Италии, «буквально до упаду» ходил по окрестностям и музеям Флоренции, Милана, Вероны, Венеции³.

Духовные ценности оппозиционной дворянско-интеллигентской среды пользовались большим уважением в семье Зензиновых. Там царил настоящий культ декабристов. М.М. Зензинов в 1906 г. издал в открытках 86 их портретов, а также виды «декабристских» мест Забайкалья. Не случайно его сын Владимир оставил семейный бизнес (чаеоторговлю) и, получив высшее образование, стал видным деятелем партии эсеров. Он занимался этнографией и орнитологией и стал в полном смысле этого слова интеллигентом.

В Нижнем Новгороде из пятерых купцов, баллотировавшихся по кадетским спискам, высшее образование получили двое. Один (В.А. Горинов), совладелец книжного магазина, хотя соответствующего диплома не имел, был связан с дворянами-земцами и кругом Горького.

Два выпускника высших учебных заведений были включены в списки нижегородских октябристов. У белознаменцев, как и у их московских единомышленников, таковых не было вовсе. Таким образом, отсутствие высшего образования — это социальный признак, характерный для кандидата-купца от черносотенцев. Более высокий уровень образования, как видим, способствовал выбору либеральных предпочтений. Однако, поскольку купцы-октябристы в целом имели более солидное образование, чем купцы-кадеты, зависимость эта была нелинейной.

Обратимся теперь к анализу роли старообрядческого фактора в определении политических симпатий нижегородских и московских купцов.

Род Гучковых, к которому принадлежали четыре кандидата от «Союза 17 октября», когда-то был старообрядческим, но в эпоху Николая I перешел в единоверие, а потом и в православие. Лидер «Союза 17 октября» А.И. Гучков открыто демонстрировал симпатии к приверженцам «старой веры»⁴. Октябристский кандидат Г.А. Крестовников был женат на Ю.Т. Морозовой, принадлежавшей к влиятельной семье московских купцов-старообрядцев. Значившийся в предвыборном списке октябристов потомственный почетный гражданин И.А. Пуговкин являлся попечителем Рогожского старооб-

¹ Ульянова Г.Н. Предпринимательство: тип личности, духовный облик, образ жизни // История предпринимательства в России. М., 1999. Кн. 2. С. 454–455.

² Селезнев Ф.А. Михаил Васильевич Челноков // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 82–97.

³ «У нас беда — страшная привычка к словам...». Письма депутата Государственной думы Михаила Васильевича Челнокова к графине Е.А. Уваровой. 1903–1912 гг. / публ. Ф.А. Селезнева // Исторический архив. 2004. № 1. С. 181.

⁴ Селезнев Ф.А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 1. С. 134.

рядческого кладбища в Москве. Отметим, что попечители являлись неформальными лидерами старообрядческих общин. Фигурой всероссийского уровня среди старообрядцев белокриницкого согласия был П.П. Рябушинский, товарищ председателя Совета съездов старообрядцев. К старообрядческим активистам принадлежал и другой кандидат московских октябристов — купец Ф.В. Татарников, выборный Старообрядческого общества. Видной фигурой старообрядческой Москвы был и купец М.Ф. Ясашнов. Таким образом, среди кандидатов московских октябристов мы видим четырех старообрядческих общественных деятелей, а также пятерых купцов, близких к старообрядческой среде и симпатизировавших ей. Ни черносотенцы, ни кадеты не поместили в свой список ни одного подобного кандидата.

В кандидатский список нижегородских октябристов вошли Д.В. Сироткин — председатель Совета съездов старообрядцев белокриницкого согласия¹, и Н.А. Бугров — лидер беглопоповцев. Как уже говорилось выше, Н.А. Бугров вошел и в кандидатский список нижегородских «Союза белого знамени», но скорее вопреки тому, что он был старообрядцем, нежели потому что являлся таковым. Для черносотенцев — и в Нижнем Новгороде, и в Москве — старообрядцы были нетипичными фигурами. Не было кандидатов-старообрядцев и среди купцов-кадетов. А вот для купца — кандидата от октябристов — участие в общественной деятельности старообрядчества было важным фактором его политического самоопределения.

Что касается купца-кадета, то он, как правило, был далек от православной религиозности как в старообрядческом, так и в «новообрядческом» варианте. Сошлемся на пример М.В. Челнокова: он прямо определял себя как человека «индифферентного к официальной религиозности»². Видимо, это же можно сказать и об остальных купцах-кадетах. Во всяком случае, представители буржуазии, включенные в кандидатские списки октябристов и, особенно, черносотенцев, занимали гораздо более четко выраженную религиозную позицию. В Москве в октябристских списках 15–17 %, а в черносотенных — 16–20 % предпринимателей состояли церковными старостами, попечителями церковно-приходских школ или членами каких-либо религиозных объединений (Императорское Православное Палестинское общество, братство св. Марии Магдалины, общество хоругвеносцев храма Христа Спасителя и т.п.). Среди московских конституционных демократов таковые отсутствуют полностью. В Нижнем Новгороде только один кадетский кандидат-предприниматель был церковным старостой, в то время как в октябристском списке 26–21 %, а в черносотенном — 19–22 % предпринимателей состояли церковными старостами, попечителями церковно-приходских школ или членами каких-либо религиозных объединений.

В заключение остановимся еще на одном важном социальном признаке, характеризующем купцов, баллотировавшихся в Государственную думу, — их профессиональной состоятельности как предпринимателей.

¹ См. о деятельности Д.В. Сироткина как старообрядческого лидера: Селезнев Ф.А. Д.В. Сироткин и всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 78–90.

² «У нас беда — страшная привычка к словам...». С. 176.

Среди кандидатов от «Союза 17 октября» мы видим «китов» московского делового мира — тех, кто внедрял передовые технологии, выпускал товары, качество которых подтверждалось международными премиями, проводил на своих предприятиях политику социального партнерства. В качестве подтверждения достаточно указать на П.П. Рябушинского, И.А. Баранова (продукция «Товарищества мануфактур Барановых» получила медали и почетные дипломы на 8 международных и российских выставках¹), Н.И. Прохорова (при «Товариществе Прохоровской Трехгорной мануфактуры» имелись химико-технологическая лаборатория, детский сад, ясли, больница, роддом, летний санаторий для рабочих; изделия фирмы награждались медалями на выставках в Лондоне, Париже, Вене, Антверпене, Чикаго²), А.Л. Кнопа (торговый дом Кнопов имел отделения в Нью-Йорке, Бомбее, филиалы в Чарльстоне и Новом Орлеане).

Как показал Ю.А. Петров, А.Л. Кноп являлся одним из лидеров московской лютеранской общины и московского немецкого капитала³. А предприниматели-немцы играли в России особую роль. Они способствовали укреплению связей экономики Российской империи с международным рынком, предоставляли своей новой родине новейшие европейские технологии и олицетворяли наиболее передовую часть русской буржуазии.

При этом практически все они поддерживали октябристов. Так в официальном сообщении «Союза 17 октября» (ноябрь 1906 г.) прямо указывалось, что «петербургские и московские немцы...присоединились, как и большинство немцев в других местностях Империи, напр.[имер] на юге России, к союзу 17 октября...»⁴.

Наиболее «передовой» из нижегородских купцов, Д.В. Сироткин (общественно-активный, культурный, первым внедрявший технические новинки, сам занимавшийся изобретательством), также баллотировался в выборщики по спискам октябристов.

Таким образом, можно утверждать, что купцы-октябристы в профессиональном плане были гораздо успешнее своих конкурентов-черносотенцев или кадетов.

Итак, типичный купец, участвовавший в выборах в I и II Государственную думу в качестве кандидата от «Союза 17 октября», — это крупный предприниматель с высоким уровнем образования, применявший на своем предприятии передовые технологии, часто старообрядец. Купец-черносотенец, как правило, имел домашнее образование, был церковным старостой, попечителем церковно-приходской школы. Купец-кадет был заметно удален от интересов своего сословия и связан образом жизни с дворянско-интеллигентской средой.

¹ Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 45.

² Там же. С. 305.

³ Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 185.

⁴ Вестник партии народной свободы. 1906. № 37. 16 ноября. Стб. 1990.

УЕЗДНЫЕ ПРАВЫЕ: МОНАРХИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ШУЙСКОГО УЕЗДА В ДУМСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

ОМЕЛЬЯНЧУК ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор
Владимирского государственного университета
(Владимир, Россия);
e-mail: omeliyanchuk@mail.ru

Аннотация: В статье, на примере правых организаций Шуйского уезда, рассматриваются участие монархистов в думских избирательных кампаниях 1906–1912 гг., их стратегия и тактика, а также причины неудач.

Ключевые слова: Шуйский уезд, Шуйский Союз русских православных людей, Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия, Государственная дума, монархисты, избирательная кампания.

Наращение революционного кризиса в Российской империи летом-осенью 1905 г. одним из своих последствий имело консолидацию контрреволюционных сил и создание множества монархических организаций, ставивших своей целью сохранение самодержавной монархии. Две из них возникли в Шуйском уезде Владимирской губернии на исходе 1905 г. 22 ноября 1905 г. был учрежден «Союз партия русских православных людей гор. Шуи и уездов Владимирской губернии»¹ (ШСРПЛ). Спустя месяц 23 декабря заявила о себе и Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия (ИВСМП)². В 1906 г. обе организации, сохранив свои названия и уставы, вошли в состав Союза русского народа (СРН). Новые организации сразу же заявили о своем желании принять участие в думских выборах. В частности, ШСРПЛ намеревался «подготовить лиц, имеющих быть избранными в Государственную думу»³, а ИВСМП — «наметить из числа наших членов лиц, коих мы введем... в Государственную думу»⁴.

Правые организации в Шуйском уезде были весьма многочисленными. В рядах ИВСМП, по сведениям полиции, осенью 1907 г. насчитывалось 16500 человек, еще 150 состояли в подотделе при ст. Иваново⁵. Председатель ШСРПЛ М.К. Петров сообщал, что в августе 1906 г. Союз в своем составе имел 635 человек, и «собственноручно подписавшихся... прибыло до 40 человек еще»⁶. В сентябре 1907 г. Шуйский исправник утверждал, что списочный состав ШСРПЛ (в тексте — отдел СРН)

¹ ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 9. Л. 74.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 38. Л. 12.

³ ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 9. Л. 10 об.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 38. Л. 12.

⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 18.

⁶ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 70.

«до 1000 человек», в действительности же — «несколько десятков» человек¹. Но в любом случае в Шуйском уезде правые имели несколько тысяч своих активных сторонников. Кроме того, в Иваново-Вознесенске с 15 февраля 1906 г. выходила газета «Ивановский листок», позиционируемая губернатором И.Н. Сазоновым как «правая»², что, безусловно, усиливало позиции монархистов в избирательных кампаниях. В то же время недостаток в рядах ШСРПЛ и ИВСМП состоятельных, да и просто образованных людей в значительной степени нивелировал «конкурентные преимущества» местных монархистов. Либеральная пресса писала, что Шуйский Союз «состоял из мелких лавочников, мучников. Среди них несколько рабочих...»³, а в ряды ИВСМП «первыми стали местные мелкие торговцы и обыватели»⁴.

В марте 1906 г. оппозиционная «Клязьма» сообщала, что в Иваново-Вознесенске только две партии «„Союз 17 октября“ и Самодержавно-монархическая выступают на предстоящих выборах до некоторой степени организованными и сплоченными»⁵. Основную ставку ИВСМП делала на местный пролетариат. В одном из партийных предвыборных воззваний говорилось: «Я, как вам известно, тоже рабочий, не лукавя, скажу, что следовало бы примкнуть вам всем к нам, покамест не поздно, для того, чтобы провести в Государственную думу как можно более мозолистых рук»⁶. За несколько дней до выборов иваново-вознесенские монархисты «через объявления, расклеенные по городу, указали фамилии намеченных ими кандидатов». Кроме того, в день выборов был вывешен новый плакат, в котором партийный комитет покорнейше просил «всех верноподданных его императорского величества голосовать за кандидатов, намеченных в выборщики упомянутым комитетом»⁷. По оценке оппозиции, из 5400 избирателей Иваново-Вознесенска около 3000 принадлежало к монархистам и октябристам⁸, что гарантировало им победу в случае создания коалиции. Однако ИВСМП решила «ни в каком случае не присоединяться к партии „Союза 17 октября“»⁹. Отказ от коалиции стоил обеим партиям победы — в выборщики прошли только представители либеральной оппозиции: «1) М.М. Лапшин (рабочий), 2) С.Н. Полушин (фабрикант), 3) А.В. Грушке (преподаватель школы колористов), 4) В.Ф. Каулен (колорист фабрики Дербенева), 5) И.И. Мумриков, (присяжный поверенный)»¹⁰.

В Шуе в избирательной кампании участие приняли «две партии — народной свободы и торгово-промышленная, и два союза — русских православ-

¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 7.

² Там же. Д. 2871. Л. 3.

³ Владимирец. 1907. 20 апреля.

⁴ Клязьма. 1906. 14 января.

⁵ Клязьма. 1906. 10 марта.

⁶ Клязьма. 1906. 27 февраля.

⁷ Клязьма. 1906. 14 марта.

⁸ Клязьма. 1906. 10 марта.

⁹ Клязьма. 1906. 12 января.

¹⁰ Клязьма. 1906. 15 марта.

ных людей и 17 октября», — писала «Клязьма». При этом газета обвинила в нарушении правил игры не черносотенцев, как это можно было бы ожидать, а торгово-промышленную партию (ТПП): «В то время как партия народной свободы и оба союза пользуются легальными средствами борьбы, торгово-промышленная партия прибегает к приемам далеко недвусмысленным»¹ (речь, вероятно, шла об административном ресурсе, так лидером партии накануне был избран городской голова П.П. Китаев²). Однако и здесь ни ТПП, ни октябристы, ни монархисты ничего не смогли противопоставить кадетам, одержавшим безоговорочную победу — в выборщики прошли три их кандидата — В.А. Невский, И.П. Смирнов и А.В. Соловьев³.

К выборам во II Думу на политической арене Шуи произошли некоторые изменения: прекратила свое существование торгово-промышленная партия, а «скандально провалившись на прошедших выборах, „Союз 17 октября“, прежде самоуверенный и гордый... не выступает пока открыто». Однако бывшие члены ТПП и октябристы решили реализовывать свои амбиции посредством ШСРПЛ. Во всяком случае «Ковровские вести» утверждали, что в ШУе «все правые элементы сплотились воедино, справедливо находя, что цели у них общие»⁴.

Первое беспартийное избирательное собрание в ШУе было проведено 14 декабря 1906 г. Из 2084 избирателей на него явилось всего 53, в большинстве своем члены «бывшей торгово-промышленной партии, „Союза 17 октября“ и существующего „Союза истинно русских людей“». Председателем собрания был избран «торгово-промышленник, сочувствующий истинно русскому союзу, — г. Коковин». «Ковровские вести» охарактеризовали его так: «Сей муж пока был известен лишь тем, что решительно ничем не был известен; торговал себе в своей лавочке, читал „Вече“, наживал деньгу, выпивал на ночь по графину водки и благодарил Создателя, что Он не создал его козой, и не бьют его лозой...»⁵. Председатель ШСРПЛ М.К. Петров попытался попасть в комиссию для организации собраний городских избирателей, но «его демонстративно не допустили... и он тоже демонстративно ушел из залы собрания»⁶. Дело в том, что М.К. Петров оказался в центре скандала, раздуваемого оппозиционной прессой, обвинявшей председателя ШСРПЛ в намерении организовать погром и даже в содержании «единственного в ШУе дома терпимости»⁷. Хотя впоследствии (по окончании избирательной кампании) суд признал все эти обвинения клеветой и даже приговорил редактора газеты «Владимирец» к семидневному аресту за ее распространение⁸; репутация лидера правых была подмочена.

¹ Клязьма. 1906. 12 марта.

² Клязьма. 1906. 9 марта.

³ Клязьма. 1906. 18 марта.

⁴ Ковровские вести. 1907. 28 января.

⁵ Там же.

⁶ Владимирец. 1907. 11 января.

⁷ Владимирец. 1906. 29 июля.

⁸ Владимирский голос. 1907. 3 апреля.

Сделали ли свое дело не очень чистые технологии, используемые оппозицией, или оказалось неумение монархистов вести избирательную кампанию, но в выборщики вновь прошли прошлогодние победители — В.А. Невский, И.П. Смирнов и А.В. Соловьев, правда, уже не от кадетов, а от «прогрессивных избирателей»¹. Монархисты же не нашли ничего лучшего, как в ответ на свой проигрыш начать сбор подписей под обращением к государю «с просьбой разогнать „крамольную“ Думу, а еще лучше не созывать ее»².

Если шуйские монархисты призывом ликвидировать законодательную Думу закончили вторую избирательную кампанию, то их иваново-вознесенские коллеги с этой идеей начали предвыборную борьбу. По сведениям «Владими́рца», среди членов ИВСМП «возникла мысль просить о созыве вместо Государственной думы Земского собора, выборы в который производились бы „приходами“». Но коль скоро власть не решилась на столь радикальную реформу, то ИВСМП в августе начала «деятельно готовиться к предстоящим выборам»³.

В начале 1907 г. избирательная кампания правых в Иваново-Вознесенске вступила в активную фазу. 2-го января состоялось собрание ИВСМП, на котором присутствовало около 300 человек. «Такое громадное число собравшихся объясняется тем, что на это собрание ждали приезда Дубровина и Никольского [А.И. Дубровин — председатель СРН, Б.В. Никольский — один из лидеров „Русского собрания“, — И.О.]», — писал «Владими́рец». Однако вместо них приехали «рабочий, как он себя именует, Жилкин из Москвы, полковник Никитин из Шуи и „горбатовский мещанин“ Попов». Никитин и Жилкин в своих выступлениях «говорили о выборах в Думу и предлагали выбирать всех, за исключением „жидов“, и лиц, защищающих жидов». После них заговорил Попов, однако, «речь его представляла какой-то набор слов. Говорил он о какой-то „тителе“ и что она самая сильная в европейской державе». В речи Попова обратило на себя внимание присутствующих «то место, где он предлагает возбудить ходатайство перед правительством об изменении избирательного порядка». По мнению оратора, «выборы надо производить так: митрополит укажет надежных архиереев, архиереи — протоиереев, протоиерей — благочинных, благочинный — попов, а последний — мирян, так как они лучше всех знают своих прихожан»⁴.

7 января состоялось еще одно собрание ИВСМП, на котором настоятель местного Крестовоздвиженского храма о. В.Т. Никольский сказал небольшую речь, в которой заявил, что «в Государственную думу надо выбирать „монархистов“». Однако следующий оратор, «некто Шитков», заявил, что «монархическая партия едва ли пройдет на выборах, потому

¹ Владимирский край. 1907. 31 января.

² Владимирец. 1907. 11 января.

³ Владимирец. 1906. 2 августа.

⁴ Владимирец. 1907. 11 января.

что членов ее никто не знает». «После этой речи некоторые из членов комитета задержали молодого человека за рукава, а другие зашептали: „Все дело испортил!“». Оратор смутился и умолк», — сообщал корреспондент «Владимирец»¹.

Чтобы сгладить ситуацию, один из членов партии предложил определиться с кандидатами на предстоящие выборы и призвал собрание «голосовать за о. Никольского, А.Р. Фельдмана, И.П. Борисова, Кашина, П.Н. Дербенева, Мартынова и Лаврентьева». Однако один из «отцов-основателей» партии М.П. Щербаков тут же предложил скорректировать список. Против беспартийного П.Н. Дербенева он не возражал и даже поставил его во главе списка: «Он нам всем известен. Он религиозный, происходит из крестьян и богатый человек. Он сумел скопить богатства, а не промотал. Он видный в городе человек и всем известен. Наш комитет дважды просил его разрешения выставить его кандидатуру, 5 января он не дал нам ответа, а 6 числа согласился, заявив, что нам вполне сочувствует». Однако вместо Н.И. Мартынова М.П. Щербаков предложил еще одного беспартийного — Н.И. Куражева: «Он первый богач-торговец. За него все купцы дадут свой голос и покупатели. Человек он богатый и постоит за правду, а не будет шататься за думской десятирублевкой. После этого он весьма желателен нам еще по той причине, что его... все „жиды“ не любят»². В конечном итоге, после баллотирования в список вошли лишь два члена партии — ее председатель П.И. Борисов и казначей А.Р. Фельдман. Компанию им составили фабрикант П.Н. Дербенев, хлеботорговец Н.И. Куражев, протоиерей В.Т. Никольский и председатель общества хоругвеносцев Г. Лаврентьев³.

Несмотря на привлечение внешних сил и во второй думской избирательной кампании иваново-вознесенские монархисты не смогли добиться значительных успехов. Правда, по сравнению с предыдущими выборами они несколько улучшили свой результат, сумев провести в выборщики «сочувствующего» П.Н. Дербенева⁴.

К третьим думским выборам обе партии ИВСМП и ШСРПЛ подошли с грузом прошлых неудач и поэтому решили изменить тактику и объединить усилия, выставив единого кандидата. Выбор пал на лидера шуйских монархистов М.К. Петрова, баллотировавшегося по 2-й городской курии. Однако в Иваново-Вознесенске не все согласились с таким решением. «У истинно русских людей полнейший раскол. Ивановские монархисты хотят подавать голоса не за Петрова, а за Бочарова. И все это после широковещательных реклам о кандидатуре Петрова...», — сообщал «Владимирец»⁵. Поэтому в день выборов лидер ИВСМП И.П. Бо-

¹ Владимирец. 1907. 11 января.

² Там же.

³ Владимирский край. 1907. 12 января.

⁴ Владимирский край. 1907. 31 января.

⁵ Владимирец. 1907. 26 сентября.

рисов «бегал по площади перед управой и напоминал „своим“ о кандидатуре Петрова»¹. Но последний, хотя и набрал 331 голос² (из которых Шуя ему дала только 30, остальные Иваново-Вознесенск³), все же победить не сумел, уступив занявшему первое место В.А. Невскому более 500 голосов⁴.

Ставка ИВСП на влиятельных в городе представителей деловых кругов тоже себя не оправдала. И хотя П.Н. Дербенев и Н.И. Куражев прошли в выборщики, но оба они явно тяготели к октябристам. Н.И. Куражев даже открыто заявил об этом, пояснив, что беспартийным он называется лишь по причине отсутствия в городе отдела «Союза 17 октября», если же на губернском съезде перед ним станет выбор: правые или прогрессисты, то голосовать он будет «конечно, за прогрессистов!»⁵.

Избирательная кампания в IV Думу в Шуйском уезде началась весьма вяло. В феврале 1912 г. уездный исправник сообщал: «Никакой активной деятельности партий по подготовке к выборам в Государственную думу не замечается»⁶. В июле «Старый Владимирец» писал, что в Иваново-Вознесенске «наблюдается небывалое равнодушие избирателей к выборам в Государственную думу... на днях закончился срок подачи заявлений городских выборщиков, и оказалось, что в городскую управу поступило всего шесть заявлений о желании участвовать в выборах»⁷.

Однако в действительности уездные монархисты уже несколько месяцев как включились в избирательную кампанию. Еще в апреле председатель ШСРПЛ М.К. Петров «заручился согласием представителей таких же союзов в гор. Шуе, Коврове и Кинешме на устройство в мае месяце предвыборных собраний»⁸. Он же был утвержден кандидатом от Союза по 2-й городской курии. ШСРПЛ развернул широкую кампанию в поддержку своего председателя. В городе «на всех столбах были расклеены афиши, которыми „городские обыватели приглашаются голосовать за председателя союза русских людей в г. Шуе Михаила Кузьмича Петрова“». «Старый Владимирец» явизил по этому поводу: «По слухам, Петрову доставляет великое удовольствие красоваться на афишах; он один, кажется, из города любителю на афиши и обещает к выборам расклеить новые, более эффектные»⁹. Однако ИВСП, памятуя прошлые электоральные неудачи и скандальную репутацию М.К. Петрова, на этот раз решила отказать ему в поддержке, сделав ставку на своих

¹ Владимирец. 1907. 3 октября.

² Владимирец. 1907. 29 сентября.

³ Старый Владимирец. 1912. 25 сентября.

⁴ Владимирец. 1907. 29 сентября.

⁵ Владимирец. 1907. 26 сентября.

⁶ ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 871. Л. 22.

⁷ Старый Владимирец. 1912. 10 июля.

⁸ Ивановский листок. 1912. 25 апреля.

⁹ Старый Владимирец. 1912. 25 сентября.

кандидатов¹. А так как «на прошлых выборах в Государственную думу союзник Петров собрал что-то около 30 голосов в г. Шуге», а «г. Иваново-Вознесенск дал тогда Петрову значительно большее количество союзнических голосов», то «Старый Владимирец» считал его шансы на успех ничтожными².

ИВСМП выставила по 1-й городской курии местного купца А.В. Константинова, являвшегося на тот момент еще и членом комитета ШСРПД (не иначе как в пику М.К. Петрову), по 2-й — священника А. Охотина и торговца Н.И. Куражева³. Правда, спустя несколько дней фамилия Куражева исчезла из списка⁴, вероятно, ему припомнили реверансы в сторону октябристов. Кроме того, главная «ударная сила» партии на выборах — фабрикант П.Н. Дербенев — теперь официально баллотировался от «Союза 17 октября»⁵.

Иваново-вознесенские монархисты в этой избирательной кампании уже не рассчитывали на победу. За несколько дней до выборов ИВСМП выпустила воззвание, в котором объясняла будущее поражение отказом от использования популистских методов: «Мы, правые, не рассчитываем теперь, за несколько недель или даже дней до выборов, изменять созданное давно для вас... политическое течение... Не надеемся мы на это, не рассчитываем на массовый прилив голосов рабочего люда в поддержку кандидатов правого направления — не зазываем вас... в свою политическую лавочку»⁶. А чтобы уменьшить масштабы предстоящего поражения и, соответственно, ценность победы своих оппонентов, правые периодически вспоминали мантру о совещательном характере Думы, утверждая, что депутаты «избраны в Думу не для издания новых законов, а лишь для указания нужд народных и способов, которыми нужды эти были бы устранены»⁷.

Выборы подтвердили опасения монархистов, в очередной раз продемонстрировав их электоральную слабость в Шуйском уезде. По 1-й курии потребовалась перебаллотировка, в результате которой избранными оказались два прогрессиста — врач В.В. Можжевитин (140 голосов) и инженер Покровской мануфактуры Л.П. Ауэр (109 голосов). Кандидат от правых А.В. Константинов занял третье место, получил 68 записок в свою пользу⁸. Во 2-й городской курии в выборщики прошел врач больницы чернорабочих кадет А.П. Иванов, набравший 313 голосов в Шуге и 605 в Иваново-Вознесенске. Правый кандидат А. Охотин остался третьим (32 и 218 голосов соответственно), М.К. Петров — ше-

¹ Ивановский листок. 1912. 25 апреля.

² Старый Владимирец. 1912. 25 сентября.

³ Старый Владимирец. 1912. 11 сентября.

⁴ Ивановский листок. 1912. 26 сентября.

⁵ Старый Владимирец. 1912. 28 сентября.

⁶ Старый Владимирец. 1912. 16 сентября.

⁷ Ивановский листок. 1912. 25 сентября.

⁸ Старый Владимирец. 1912. 9 октября.

стым с 19 голосами¹. На выборах уполномоченных от рабочих правым также не сопутствовал успех, из 24 избранных только двое оказались монархистами — В.И. Кувальцев (от завода братьев Константиновых) и Н.Г. Беркольцев (от типографии Соколовых)². Несколько подсластила пилюлю победа правого священника села Тейково П.И. Виноградова, прошедшего в выборщики от духовенства³. Но он обошелся без официальной поддержки монархистов.

Таким образом, правые, будучи наиболее многочисленной политической силой в уезде, так и не смогли «реализовать» свое численное преимущество в игре на чужом для них электоральном поле, что объясняется сразу несколькими факторами, в первую очередь, отсутствием в их рядах «интеллигентных сил», и соответственно, лиц, обладавших общественным авторитетом и опытом политической деятельности, каковой имелся у представителей оппозиции, в большинстве своем прошедших сквозь горнило земской работы. Сыграли свою роль и избирательный закон, заранее отдававший преимущество цензовым классам, крайне слабо представленных в монархических организациях Шуйского уезда, а также полное отсутствие у правых харизматических лидеров. Кроме того, у оппозиции был явный перевес в средствах массовой информации, а также в денежных средствах. Слабость избирательной платформы монархистов, не сумевших предложить в пролетарском регионе конструктивных путей решения рабочего вопроса, думается, сыграла второстепенную роль, так как значительная доля рабочих поддерживала правых в силу своего традиционалистского менталитета.

¹ Ивановский листок. 1912. 3 октября.

² Ивановский листок. 1912. 18 сентября.

³ Старый Владимирец. 1912. 28 сентября.

КОНФЛИКТЫ В ХОДЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (на материалах Нижегородской губернии)

СОРОКИН АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
инженер-лаборант Центра краеведческих исследований
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия);
e-mail: skaliger1989@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются конфликтные ситуации, складывавшиеся в Нижегородской губернии в ходе выборных кампаний в Государственную думу Российской империи. Источниковая база основана на материалах губернской и уездных по делам о выборах комиссий. Выделяются три основных типа конфликтных ситуаций: неверное оформление бюллетеней, нечестные методы агитации, задействование административного ресурса.

Ключевые слова: выборы, Государственная дума, кадеты, Нижегородская губерния, А.Н. Хвостов.

Изучение развития культуры выборов и избирательных технологий в досоветской России является актуальным с точки зрения сегодняшнего дня и популярным в современной историографии сюжетом¹. Стоит также отметить, что к настоящему времени вышли исследования, как непосредственно посвященные Нижегородскому региону², так и затрагивающие отдельные сюжеты, связанные с проведением выборов на его территории³.

¹ *Иванков Э.В.* Административный ресурс на выборах в Государственную думу третьего созыва в Северо-Западных губерниях // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. СПб., 2017. Ч. 1. С. 184–190; *Патрикеева О.А.* Выборы в I Государственную думу Российской империи: столицы и провинция // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 356–379.

² *Селезнев Ф.А.* Выборы 1906 г. в I Государственную думу от Нижнего Новгорода как региональное политическое событие // Международная научная конференция «Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики». Нижний Новгород, 2017. С. 389–394; *его же.* Выборы в I Государственную думу от Нижегородской губернии: порядок и ход борьбы // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Ч. 1. С. 154–163; *его же.* Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001.

³ *Иванов А.А.* «Алексей Хвостов — у власти». Портрет правого политика // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 193–202.

Исследование конфликтных ситуаций, которые складывались в ходе выборов в I–IV Государственную думу Российской империи, дает возможность оценить недостатки выборного законодательства и/или механизмов проведения выборов, степень политической активности отдельных партий, влияние губернской администрации на итоги выборных кампаний.

Высочайше утвержденное положение о выборах от 6 августа 1905 г. устанавливало определенный порядок решения спорных ситуаций. Общий надзор за правильным производством выборов возлагался, под руководством министра внутренних дел, на губернаторов и градоначальников, по принадлежности. Им предоставлялось требовать от подлежащих мест и лиц сведения о ходе и порядке выборов, а равно обозревать выборные производства и давать указания к обеспечению правильного хода выборов. Для проверки правильности выборов и рассмотрения заявлений и жалоб по делам о выборах учреждались губернские и уездные по делам о выборах комиссии. В трехдневный срок со дня закрытия съездов и избирательных комиссий заинтересованные лица могли подавать жалобы: в уездную комиссию — на неправильности, допущенные при производстве выборов на съездах, в губернскую — на неправильности, допущенные при избрании выборщиков в городское избирательное собрание. В трехдневный срок со дня объявления постановления заинтересованные лица могут принести жалобу: на постановление уездной — в губернскую комиссию, а на постановление последней — в Сенат.

Анализ документации Нижегородских комиссий, в том числе жалоб, поданных в уездные и губернские комиссии, показывает, что несовершенство контроля за «чистотой» выборов становилось причиной конфликтных ситуаций. Все конфликтные ситуации сводились к трем группам: неправильное оформление бюллетеней или их вбросы, нечестные методы агитации, а также использование административного ресурса.

Бланки бюллетеней для городских выборов должны были изготовляться городской управой и заблаговременно рассылаться избирателям, вместе с именованным объявлением о времени и месте выборов, которое являлось пропуском на избирательный участок. Но Нижегородская городская управа в ходе кампании 1906 г. не стала утруждать себя рассылкой бюллетеней и лишь напечатала объявления в газетах о местах, где их можно получить. Пользуясь этим, нижегородские кадеты заказали в типографии большое количество бюллетеней, куда печатным способом были внесены фамилии их кандидатов. В день выборов их агитаторы с пачками таких бюллетеней находились на избирательных участках и ими подменивали другие бюллетени. Представители правых подали жалобу с требованием отменить итоги голосования, но Нижегородская губернская комиссия (двое членов которой были конституционными демократами) оставила ее без последствий.

Как отмечает Ф.А. Селезнев, если не считать этого конфликта, то первые выборы в Государственную думу в Нижнем Новгороде обошлись без происшествий¹.

В губернии же кампания 1906 г. в этом отношении была более скандальной, и известны случаи отмены итогов выборов из-за неправильного оформления бланков голосования. В частности, крестьянин А.Н. Прохоров обжаловал итоги выборов по съезду городских избирателей в 1906 г. по этой причине. Макарьевская уездная комиссия признала победителем его конкурента А.В. Иконникова (часть записок была забракована ввиду неправильного написания имени и надписи «порядочный человек» вместо звания) 121 голосом против 120². Крестьяне подали жалобу, указав, что часть записок за А.В. Иконникова была оформлена тоже с нарушениями³. В ходе разбирательства губернская комиссия встала на сторону А.Н. Прохорова, признав действительными одну записку за Иконникова и три — за Прохорова, в результате чего последний и был объявлен победителем при счете 123 голоса против 122⁴. Стоит отметить, что это решение оставил в силе и Сенат, куда подал затем жалобу А.В. Иконников⁵.

Известен конфликт на религиозной почве, ставший, по мнению жалобщиков, причиной поражения духовенства на выборах. Так, священник с. Чернухи о. Николай Анфимов подал жалобу на итоги выборов по предварительному съезду мелких землевладельцев с. Лыскова в 1906 г. В частности, он обвинил крестьянина И.А. Евдокимова в агитации против духовенства (согласно жалобе, последний утверждал, что «священники против крестьян»), что, по его мнению, не позволило священникам оказаться в числе победителей (за исключением одного). Свидетельские показания дали 2 человека, причем один из них оказался в числе авторов прошения пересмотреть итоги выборов. Как указывалось в самой жалобе, «выборщики, стоящие на низкой ступени развития, не могли ориентироваться в свободном понимании такого важного государственного дела, а потому отрицательно относились к духовенству»⁶. Однако ни уездная, ни губернская комиссия не поддержала духовенство, отметив со ссылкой на правила о применении и введении в действие учреждения Государственной думы, что избирателям не возбраняется говорить между собой о том, кого следует и кого не следует избирать⁷.

¹ Селезнев Ф.А. Выборы 1906 г. в I Государственную думу от Нижнего Новгорода как региональное политическое событие // Международная научная конференция «Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики». Нижний Новгород, 2017. С. 389–394.

² ЦАНО. Ф. 628. Оп. 654. Д. 18. ЛЛ. 8–9.

³ Там же. ЛЛ. 3–4.

⁴ Там же. Д. 3. ЛЛ. 36 об.–38.

⁵ Там же. ЛЛ. 39 об.–40.

⁶ Там же. Д. 17. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 1.

Ставший депутатом Думы В.П. Филатов¹ направил жалобу, что в ходе выборной кампании 1906 г. в гостинице Афанасьева угощали чаем, вином, закуской и подавали печатные листки и конверты с просьбой выбирать в депутаты Н.А. Бугрова и А.А. Остафьева. Несмотря на то что эти сведения не подтверждались другими выборщиками, для проигравших кадетов Г.Р. Килевейна и В.В. Левашова это стало поводом направить в Думу ходатайство об отмене итогов всех выборов в Нижегородском губернском избирательном собрании². Стоит отметить, что в докладе нижегородского полицмейстера нижегородскому губернатору фамилия Килевейна упоминается в схожей ситуации: согласно документу, выборщики из крестьян приглашались на его квартиру, где их угощали и просили голосовать за кадетских кандидатов: Килевейна, Агапова и Кондратова. Любопытно, что упомянутый выше Филатов служил у Кондратова и вдобавок занимал должность секретаря губернского комитета кадетской партии.

В итоге это стало предметом разбирательств на парламентском уровне уже после проведения выборов и оглашения их итогов³. Специальная комиссия Государственной думы оставила жалобы без последствий и утвердила итоги выборов, отметив, что «... не находит оснований установить связь между означенным фактом и результатом выборов»⁴.

Известны случаи, когда фигурантами выборных скандалов становились лица, уже имевшие опыт работы в Думе. Одним из таких лиц был крестьянин с. Прудищи Васильского уезда Я.М. Сторонкин. Он был депутатом I Думы⁵ и принимал участие в выборах во II Думу⁶. В архивных фондах сохранилась жалоба васильских крестьян на неправильность выборов уполномоченных. Эта жалоба была поддержана местной уездной комиссией, которая постановила отменить выборы и ходатайствовать об уголовном преследовании Сторонкина и волостного старшины Дмитриева⁷. Причины были следующими: Дмитриев, по словам жалобщиков, «приняв предложение на баллотировку, не только в это время не удалился из помещения схода, а сидел у самого баллотировочного ящика, который устроил так, что слышно: куда в какую сторону падает шар, и только пользуясь этим давлением на сход ...

¹ Селезнев Ф.А. Филатов Василий Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 646.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 74. Л. 29.

³ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 356–357.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 74. Л. 35 об.

⁵ Селезнев Ф.А. Сторонкин Яков Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 592.

⁶ Сорокин А.А. Деятельность нижегородских депутатов в I Государственной думе (1906 г.) // Власть и общество в провинции: Сб. материалов научн. конф., посв. 240-летию Тульской губернии [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2017. С. 388.

⁷ ЦАНО. Ф. 1817. Оп. 655. Д. 6. Л. 96 об.

и выбран был в уполномоченные»¹. Сторонкину в вину было вменено предложение угощения: «за таковое был избран, поставив с ходу полтора ведра вина и ведро пива; ... затем в квартире этого Сторонкина и старшины Дмитриева происходило угощение вином всю ночь»². Это решение вызвало серьезный резонанс. Была проведена проверка земским начальником. Сторонкин и Дмитриев направили ответную жалобу в губернскую комиссию, обвинив своих оппонентов в голословности³. В итоге губернская комиссия отменила постановление уездной, отметив, что оно основано «на одном лишь голословном заявлении Костина, Анисимова и Беляева, и что указанные ими обстоятельства, послужившие поводом к отмене выборов, произведенным дознанием не подтвердились»⁴.

Первые попытки задействования административного ресурса в Нижегородской губернии относятся к выборной кампании 1907 г. Еще в 1906 г. нижегородскому губернатору был направлен рапорт арзамасского уездного исправника о гласном местной думы протоиерее Федоре Владимирском, в котором отмечалось, что он «... является в настоящее время сторонником тех партий, которые отличаются особой склонностью относиться отрицательно к распоряжениям правительственной власти ... ездил в близлежащие села для разъяснения Манифеста 17 октября ... не счел нужным сделать соответствующие разъяснения и внушения, а оставался безучастным, когда слышались нападки на существующий строй и правительственную власть»⁵. В связи с этим в рапорте излагалось предложение войти в сношение с епархиальным начальством в целях неназначения Владимирского на должность гласного.

Скандальная ситуация начала принимать обороты в 1907 г., когда Владимирский принял участие в выборной кампании во II Думу. В этой связи Нижегородская духовная консистория направила епископу Назарию доклад с предложением предписать протоиерею снять свою кандидатуру в выборщики и объявить ему, что за неисполнение этого распоряжения он будет подвергнут ответственности по суду. Такая жесткая позиция мотивировалась тем, что «... духовенству Святой Православной церкви ... точно и определенно указано, каких принципов оно духовенство, участвуя в политической жизни государства, обязано строго держаться при выборе выборщика и самих членов в Государственную думу»⁶.

Сам протоиерей, исполняя распоряжение епархиального начальства, отозвал в итоге свое согласие на кандидатуру выборщика, но заявил пред-

¹ ЦАНО. Ф. 1817. Оп. 655. Д. 6. Л. 96.

² Там же.

³ Там же. ЛЛ. 93–94.

⁴ Там же. Л. 97.

⁵ Там же. Ф. 570. Оп. 559. Д. 17. ЛЛ. 2–2 об.

⁶ Там же. Л. 6.

выборному собранию, что «в случае его избрания не сочтет себя вправе отклонить обязанности, обуславливаемые выраженным ему доверием»¹. Это послужило сигналом к действию: другие кандидаты, Тархов и Богодуров, сняли свои кандидатуры, причем Тархов публично передал свою кандидатуру Владимирскому. Так началось судебное-церковное разбирательство, которое, впрочем, закончилось безрезультатно: «Так как обвинители отказались от своей роли...», следовательно 6 июня 1907 г. постановил дело производством прекратить².

Наиболее ярко административный ресурс был задействован в ходе кампании 1912 г. В источниках приведены случаи его использования местными властями в целях обеспечения победы на выборах представителей конкретных политических сил. В.Н. Коковцов отмечал в своих «Воспоминаниях», что нижегородский губернатор А.Н. Хвостов (в тексте ошибочно указано — Н.А. Хвостов) заявлял, что «губернаторы не только должны, но и могут провести в Думу исключительно тех, кого они желают ... в Нижегородской губернии все оппозиционные кандидаты уже устранены, и на их место намечены люди, совершенно надежные в политическом отношении, которые и будут выбраны, если только министр внутренних дел даст несколько более денежных средств и разрешит привлечь к делу начальника губернского жандармского управления...»³.

Как это проявилось на практике? 31 августа 1912 г. он направил письмо в Арзамасскую уездную комиссию с предложением исключить из списка лиц, имеющих право участия в съезде землевладельцев по уезду дворянина Ю.А. Тархова (ранее упоминавшегося нами в связи с делом об избрании священника Владимирского) под предлогом того, что тот в 1879 г. был приговорен Санкт-Петербургским военно-окружным судом к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 10 лет за укрывательство государственного преступника (хотя и был восстановлен императором в 1902 г. во всех правах и преимуществах, кроме прав по имуществу)⁴. Уже 4 сентября решением Арзамасской комиссии Тархов был исключен из списков⁵. В своей жалобе в Нижегородскую губернскую комиссию он отмечал, что «участвовал в земских выборах, одно трехлетие был уездным и земским гласным и был выборщиком по всем трем выборам в Государственную думу, и все это с ведома администрации и без какого-то ни было протеста с ее стороны»⁶. Губернская комиссия оставила жалобу без последствий, отметив в мотивировочной части своего решения, что «ссылка Тархова в своей жалобе на то, что он участвовал в земских выборах и состоял

¹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Д. 17. Л. 51.

² Там же. ЛЛ. 104–104 об.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Paris, 1933. Т. II. С. 100.

⁴ ЦАНО. Ф. 1804. Оп. 656. Д. 6. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. ЛЛ. 2–2 об.

выборщиком в первых трех созывах Государственной думы, не может служить доказательством его права на участие в выборах в Государственную думу»¹.

Но наиболее значимым, конечно, стало дело против Г.Р. Килевейна² и А.А. Савельева³, уже избравшихся депутатами Думы. Оба принадлежали к кадетской партии и имели высокие шансы на очередную победу. В 1912 г. вместе с еще одним земским деятелем — Н.В. Швериным — они были обвинены в неправомерном использовании земских капиталов в 1907 г. В Нижегородскую уездную комиссию тут же поступило заявление арзамасского потомственного почетного гражданина Н.Н. Акифьева, в котором содержалась просьба исключить из избирательных списков «лиц, не имеющих полных прав избирателей». А.А. Савельев, по мнению заявителя, «должен быть исключен из списка как состоящий под следствием и судом, о чем было опубликовано во всех газетах»⁴.

И А.А. Савельев, и Г.Р. Килевейн до выборов не были допущены. Но их адвокат М.А. Мебель, знакомый В.А. Маклакова, в апелляции смог доказать, что подзащитные не могли нарушить закон. Обвинение настаивало, что в 1907 г. инструкция, позволявшая губернской управе заимствовать суммы из земских капиталов на текущие расходы (с условием возврата из первых же поступлений), не действовала как отмененная заключением особой комиссии и постановлением земского собрания. По данным же защиты никакая комиссия не имела полномочий отменять эту инструкцию, а в постановлении земского собрания от 7 декабря 1901 г., на которое ссылалось обвинение, эта инструкция не упоминается вообще⁵. Но, разумеется, к тому времени выборы были уже успешно проведены (рассмотрение дела об отмене приговора было назначено на 29 октября 1914 г.⁶).

Как видно из вышеизложенного, избирательные кампании начала XX в. мало чем отличались от современных по своей напряженности. Таким образом, проведенное нами изучение исторического опыта проведения выборных кампаний высокого уровня в регионах может быть полезно в текущих условиях развития выборных технологий.

¹ ЦАНО. Ф. 1804. Оп. 656. Д. 6. Л. 11 об.

² Селезнев Ф.А. Килевейн Георгий Робертович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 247–248.

³ Селезнев Ф.А. Савельев Александр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 542–543.

⁴ ЦАНО. Ф. 1818. Оп. 673. Д. 12. Л. 2.

⁵ РГИА. Ф. 1363. Оп. 7. Д. 1585. ЛЛ. 2–2 об.

⁶ Там же. Л. 14.

АРХИЕРЕИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ О ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ЧЕРНЫШЕВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат богословия,
аспирант Череповецкого государственного университета
(Череповец, Россия);
e-mail: iov.monk@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются отношение архиереев Русской церкви к результатам выборов в Государственную думу и оценка эффективности ее работы, исследуется мнение епископов относительно цели и задач деятельности Думы, рассматриваются требования, предъявляемые епископатом Русской церкви к избираемым кандидатам. В результате исследования выявлено отношение большей части русских архиереев к Думе как вспомогательному органу при неограниченной монархии, представляющему собой аналог Земского собора. Епископат активно призывал духовенство и мирян к участию в выборных процессах, однако результаты выборов в I–IV составы Думы и их деятельность оценивались епископами весьма критично.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, церковно-государственные отношения, архиереи Русской церкви, история Русской церкви.

В дореволюционном российском обществе православное духовенство занимало, безусловно, важное положение. Хотя социальный статус сельского священника не был столь значимым, как священнослужителя городского, тем не менее, духовенство оказывало значительное влияние на жизнь православных подданных империи, составлявших большую часть населения. Священнослужители также принимали участие в работе Государственной думы. Исключительное влияние на жизнь русского духовенства оказывал епископат, поставленный во главу иерархической структуры церкви. Таким образом, в анализе деятельности Государственной думы немаловажным аспектом представляется осмысление архиереями Русской церкви эффективности ее работы. В данном рассмотрении представлено отношение епископата к выборам в Государственную думу.

Епископ Русской церкви на рубеже XIX–XX веков, согласно сложившемуся в ходе синодальных реформ положению, был не только архиереем, управлявшим в епархиях вверенным ему духовенством, но и государственным чиновником, деятельность которого определялась решениями монарха, выраженными в указах Св. Синода. Таким образом, служение архиерея сочетало в себе архипастырские заботы о духовенстве и верующих и проведение в жизнь политической линии Российской империи. В частности, епископам были вверены разъяснение значимости государственных преобразований 1905 г., открытия Государственной думы, призыв к избранию достойных депутатов.

Само открытие Думы, по мысли епископа Архангельского Иоанникия, — это шаг политической зрелости государства: «русский народ, трактованный повсюду и всеми за границей и у нас — дома более чем неразвитым, политически незрелым, не заслуживающим гражданской свободы, объявляется самим Государем нашим, вслух всего мира, возмужалым, вполне созревшим для свободной жизни»¹.

Официальные призывы епископата к участию в выборах выражались в виде специальных воззваний, проповедей перед молебнами по случаю начала выборных процессов и специальных статей, публикуемых по их благословению в синодальных и епархиальных печатных органах.

В своих обращениях архиереи раскрывали назначение Государственной думы и ее функций. Согласно Манифесту об учреждении Государственной думы, она не ограничивала самодержавие, а являлась органом вспомогательным, носящим совещательный характер. В своих обращениях епископы указывали, что раз уж монарх изволил ее открыть, то в послушании воли императора стоит принять в ней участие. Акцент на этой стороне делали архиереи, являвшиеся твердыми сторонниками и апологетами монархии. Так, епископ Астраханский и Енотаевский Феофан (Быстров) принципиально отрицал попытки превратить Думу в аналог европейского парламента. Поэтому, критикуя деятельность первых трех Дум, он осуждал желание в работе их депутатов «поставить Россию на ложный конституционный путь законодательного представительства»².

Даже после Манифеста 17 октября 1905 г., устанавливавшего статус Думы как законодательного органа, архиереи, придерживавшиеся в своей массе правых позиций, полагали, что данное решение не изменяет назначение Государственной думы как вспомогательного органа и не ограничивает самодержавие.

С другой стороны, Дума была представлена как плод свободы, дарованной преобразованиями 1905 года. Об этом говорили те епископы, которые придерживались более либеральных взглядов. Само открытие Думы, по мысли епископа Архангельского Иоанникия, — это шаг политической зрелости государства: «русский народ, трактованный повсюду и всеми за границей и у нас — дома — более чем неразвитым, политически незрелым, не заслуживающим гражданской свободы, объявляется самим Государем нашим, вслух всего мира, возмужалым, вполне созревшим для свободной жизни»³.

Тем не менее, даже эта свобода является условной, поскольку за императором сохранялось право распускать Думу, право вето на ее решения. Настоятель Иоанно-Предтеченского монастыря г. Астрахани архиман-

¹ Иоанникий, еп. Архипастырский призыв пастырям Христовой Церкви // Архангельские епархиальные ведомости. 1905. № 21. Часть неофициальная. С. 828.

² Вниманию духовенства и паствы Астраханской епархии по поводу предстоящих выборов в IV-ю Государственную думу // Астраханские епархиальные ведомости. 1912. № 19. С. 490.

³ Иоанникий, еп. Указ. соч. С. 828.

дрит Дионисий (Прозоровский), впоследствии — архиепископ Ростовский и Таганрогский, полагал, что задачей членов Думы является борьба с внутренним врагом, появившимся в виде освободительного движения; «свобода собраний была обращена ими в свободу союзов, подрывавших забастовками благосостояние государства»¹. Поэтому в 1907 году он акцентировал внимание на то, чтобы члены Думы не забывали своего призвания быть советниками императора, не увлекались политической пропагандой, а помнили взятую на себя ответственность. Первые два созыва Думы, по мнению владыки Дионисия, вели деятельность по подрыву авторитета самодержавия, поэтому были упразднены.

Астраханский священник Д. Фаворский учреждение Думы представлял как преодоление бюрократического средостения между императором и народом, возникшего в ходе реформ Петра Великого. С реформами 1905 г. народ «стал в непосредственное ближайшее отношение к царю»². Учреждение Думы воспринималось как переход от европейских форм правления к традиционным русским, допетровским. Дума осознавалась как аналог Земских соборов. Особенно часто эта аналогия проводилась перед выборами в Думу в 1912 году накануне празднования 300-летия преодоления Смутного времени и правления Дома Романовых.

Цель, которая стояла перед членами Думы, по слову епископа Иоанникия, — оказать императору «полезное и ревностное содействие в трудах его на благо общей матери — России»³. Особая задача Думы — защита интересов Церкви в тех вопросах духовного образования, организации епархиальной и приходской жизни, финансового обеспечения церковной деятельности. Для этого необходимо было поддерживать те политические партии, которые обеспечат решение данных вопросов в пользу Церкви. Архиепископ Стефан (Архангельский) при выборах в Курскую губернии в четвертую Государственную думу указывал, что «левые партии — это враги нашей Церкви... сами левые партии не стараются особо это скрыть... партия центра, так называемая „октябристов“... Православная церковь от нее до сих пор не видела ничего, кроме унижений и оскорблений, из двух оставшихся — националистов и правых — последняя, бесспорно, самая верная»⁴. Так Дума осознавалась как представительское собрание, помогающее монарху как главе Церкви и государства обеспечить порядок в обществе.

В речах самих архиереев и в призывах подчиненным им духовенства были сформулированы критерии, предъявляемые к кандидатам в депутаты. По преимуществу звучали указания на добропорядочность, принадлежность к православному исповеданию и русскому народу. Офи-

¹ Дионисий, архим. Речь перед выборами членов Государственной думы // Астраханские епархиальные ведомости. 1907. № 4. С. 157.

² Монархический праздник самодержавия в Астраханской епархиальной библиотеке // Астраханские епархиальные ведомости. 1909. № 6. С. 203.

³ Иоанникий, еп. Указ. соч. С. 829.

⁴ Перед выборами в новую Государственную думу // Астраханские епархиальные ведомости. 1912. № 7. С. 201.

циальные печатные органы епархий Русской церкви содержали в себе множество высоких, поэтичных эпитетов, обращенных в качестве требуемых критериев от лица епископата к кандидатам, которые изобиловали библеизмами и нравственными оценками.

Акцент на православии, на консервативности депутата определялся тем, что Дума должна была решать и церковные вопросы, поэтому странно вручать эти полномочия людям, не принадлежащим Церкви. Епископ Архангельский Иоанникий говорил: «Только наши русские православные люди будут говорить и радет в Думе о наших нуждах и делах, так как они только одни в полноте знают эти нужды и понимают эти дела»¹.

Но кроме этого не стоило пренебрегать образованием, социальным статусом и иными качествами кандидата. Епископ Архангельский Иоанникий так сформулировал предъявляемые к кандидатам требования: «обращайте внимание: на принадлежность кандидата к Архангельской губернии по рождению, на знакомство его с Архангельским краем, на образовательный ценз, на природные дарования, на общественное положение, на благовоспитанность и религиозно-нравственное настроение, на благонадежность политическую»².

Цель, которая стоит перед членами Думы, по слову епископа Иоанникия, — оказать императору «полезное и ревностное содействие в трудах его на благо общей матери — России»³. Депутату предписывалось быть человеком образованным, человеком знания. Но это не столько наличие энциклопедического образования, сколько присутствие жизненного опыта. «Важнейшее знание, которое требуется для народного представителя, — это знание жизни и тех действительных условий, среди которых живут избиратели, т.е. народ»⁴. Член Думы должен быть человеком принципиальным и обладать разумностью и характером, чтобы противостоять в неминуемых спорах и защищать свои принципы и позиции.

Определялись критерии, предъявляемые к организации выборов, к выборам конкретных кандидатов. «Здоровый народный инстинкт и разум, — писали в Архангельских епархиальных ведомостях, — явятся у нас лучшей гарантией успеха, нежели предвыборная агитация с чуждыми нам европейскими приемами»⁵.

Епископы активно призывали духовенство принимать участие в выборах в Государственную думу. Так, епископ Архангельский Иоанникий обращался к священнослужителям, чтобы «пастыри церковные в настоящем деле великой государственной важности приложили все тщание к достой-

¹ Собрания о выборах в Государственную думу // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 5. Часть неофициальная. С. 148.

² Там же.

³ Иоанникий, еп. Указ. соч. С. 829.

⁴ Чем должен руководствоваться избиратель Государственной думы при подаче своего голоса? // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 4. Часть неофициальная. С. 112.

⁵ Там же. С. 110.

ному выполнению роли Августейшего Монарха и оправдали высокое доверие Государя Императора к православному духовенству, руководствуясь при выборах членов Государственной думы единственно пастырскою их совестью и долгом, не увлекаясь при сем посторонними влияниями и памятуя только о благе отечества и нуждах народных»¹. Однако эта свобода подразумевает высокую ответственность «за мир, тишину, процветание во всем, словом, за счастье и благоденствие нашего отечества, которую до сих пор нес на своих раменах всецело один Царь»². Ответственность эта распространяется и на священнослужителей, в их пастырские обязанности вменяется устраивать земную жизнь своих пасомых в соответствии с евангельскими заповедями, чтобы «охранить народ от заразы разнузданности, царящей теперь в обществе, поддержать бодрость народного духа и уяснить ему истинный смысл всего происходящего»³. В соответствии с призывами архиереев, священники в тех исторических условиях не должны были ограничиваться богослужением и проповедями, но активно участвовать в общественной жизни. В обязанность пастырей вменялось разъяснить народу «всю важность серьезного, неподкупного отношения как к делу предстоящих выборов, так и к дальнейшему участию в государственной жизни страны»⁴.

Особый акцент в просветительской, разъяснительной работе духовенства о выборах в Думу должен был ставиться в отношении крестьянства. Тяжелое социальное и экономическое положение крестьян, их низкая политическая грамотность являлись причинами того, что в агитации перед выборами в Думу крестьянский вопрос был одним из самых дискутируемых. Архиереи призывали духовенство знакомиться самим с программами и целями политических партий, а затем разъяснять их, в том числе, и крестьянам. Получалось, что среди сельского, да и во многих случаях среди городского населения священник вынужден был брать на себя роль руководителя населения в деле выборов. Подчеркивалось, что «духовенство, стоя вне партий, обязано принять самое живое участие в совершающемся политическом движении»⁵. Хотя от духовенства желательна была политическая воздержанность, в реалиях же жизни встречались активные политические выступления священников в пользу партий, в том числе и либеральных левых. Вряд ли уместным стоит считать политическую агитацию за социалистов или революционеров с церковной кафедры⁶. Личная политическая принадлежность пастыря и даже

¹ Иоанникий, еп. Указ. соч. С. 829.

² Там же.

³ Запросы жизни и пастырь Церкви // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 1. Часть неофициальная. С. 4.

⁴ Запросы жизни и пастырь Церкви // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 1. Часть неофициальная. С. 12.

⁵ Собрания о выборах в Государственную думу. С. 147.

⁶ К вопросу об участии духовенства в предстоящих выборах в Государственную думу // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. № 55. Часть неофициальная. С. 485.

его участие в работе той или иной политической партии не должны превращать пастырское служение в политическую агитацию.

В обществе неоднозначно оценивалась возможность участия духовенства в работе самой Думы. Некоторые считали, что совмещение священнослужения с исполнением полномочий депутата противоречит сути самого пастырства и нормам канонического права. Другие, наоборот, отстаивали не только возможность, но и необходимость работы пастырей в Думе.

В результате победила вторая точка зрения. Как следствие, в Думе приняли работу не только клирики Русской церкви, но и ее архиереи: Анатолий (Каменский)¹, Евлогий (Георгиевский)², Митрофан (Краснопольский)³, Никон (Бессонов)⁴, Платон (Рождественский)⁵. Любопытна дальнейшая судьба этих епископов, последовавшая после распада Российской империей и ставшая определенной иллюстрацией к дореволюционным реалиям жизни. Владыка Митрофан закончил свою жизнь на Астраханской кафедре мученической смертью в 1919 году. Владыки Евлогий и Платон покинули страну, продолжая свое служение среди русских эмигрантов. Епископ Никон в 1917 году решением Синода был лишен сана и монашества. Он был активным критиком действий правительства в отношении крестьянства, в 1913 году переведен на Енисейскую кафедру, однако сумел сохранить за собой депутатское звание, Февральскую революцию встретил восторженно, в 1918 году был главой Департамента исповеданий при Министерстве внутренних дел Центральной Рады Украины.

Сами выборы в Думу предварялись специальными собраниями, проводимыми в благочиниях и епархиях. Целью этих собраний было разъяснение важности участия в выборах и задач, стоящих перед Государственной думой. Например, 1 и 8 марта 1906 года под председательством епископа Архангельского и Холмогорского Иоанникия прошли собрания епархиального духовенства по вопросу выборов в Думу⁶.

Ответственность за выборы лежала на выборщиках, которые должны были определить членов Думы, этим выбором определялись «состав думы, ее работоспособность, характер и направление деятельности, а вместе с тем и дальнейшая судьба нашего многострадального Отечества»⁷.

¹ Николаев А.Б. Анатолий // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 19–20.

² Ромов Р.Б. Евлогий // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 179–180.

³ Ромов Р.Б. Митрофан // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 377–378.

⁴ Николаев А.Б. Никон // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 414.

⁵ Ромов Р.Б. Платон // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 462–463.

⁶ Собрания о выборах в Государственную думу. С. 147–148.

⁷ Смирнов В., прот. Речь к выборщикам членов в Государственную думу от Архангельской губернии, сказанная 6 февраля 1907 г. // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. № 3. Часть неофициальная. С. 60.

Важной представляется оценка результатов выборов в Государственную думу, данная епископатам Русской церкви. В основном, неэффективность работы Думы епископы объясняли неудачным составом выбранных ее членов. Отчасти это объяснялось тем, что у населения отсутствовал опыт организации выборов и участия в них, особенно в условиях существования нескольких десятков партийных групп.

Другой негативный момент — это односторонность выборов. Избрав конкретного депутата, народ не имеет никаких прав в отношении его. «Ни заказов, ни инструкций депутатам избиратели не могут давать, не могут ревизовать их», не могут в случае нарушения обещаний и ожиданий лишить их полномочий¹. Преодолеть это позволил бы выбор достойных выборщиков и, затем, достойных членов Думы.

Выбранные в первую Думу, по словам протоиерея Архангельской епархии Василия Смирнова, не имели одухотворенной любви к Отечеству: «водворить желанный мир в России не могут люди, чуждые такой любви, явившиеся в Думу только для беспощадной и всеразрушающей критики, не давшей ничего положительного»². Итог думской деятельности приводится в Архангельских епархиальных ведомостях: «Опыт двух бывших наших Дум, живой исторический опыт, кажется, должен бы убедить защитников „чистого парламентаризма“, что для России от такого парламентаризма ничего другого, кроме смут и вообще ухудшения положения, произойти не может»³.

В результате, русские архиереи подчеркивали в своих обращениях тот факт, что учреждение Думы невозможно воспринимать как самоограничение монархии. Хотя Дума и стала законодательным собранием, епископат воспринимал ее как вспомогательный совещательный орган. Само учреждение Думы воспринималось как признак политического развития русского народа. Требования, которые предъявляли епископы к кандидатам в члены Думы, — добропорядочность, принадлежность к православному исповеданию и русскому народу. В течение всего времени существования Думы звучали призывы архиереев к активному участию духовенства в выборах. Неоднозначно решался вопрос принадлежности духовенства к политическим партиям. Как правило, звучали призывы не примыкать к политическим партиям и поддерживать правых политиков. Вместе с этим высказывалась идея о создании клерикальной партии православного духовенства. Результаты выборов в первые три Думы епископами признавались неудовлетворительными. Отчасти вина за это возлагалась епископами на неактивное духовенство. Более продуктивной в их восприятии выглядела работа последнего созыва Думы.

¹ Чем должен руководствоваться избиратель Государственной думы при подаче своего голоса? С. 111.

² Смирнов В., прот. Указ. соч. С. 62.

³ К вопросу об участии духовенства в предстоящих выборах в Государственную думу. С. 487.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ в 1906–1917 гг.: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЖЕНСКИЕ ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В ПОВЕСТКЕ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ЮКИНА ИРИНА ИГОРЕВНА,
кандидат социологических наук,
доцент Центра довузовских программ,
проектов и организации приема
в бакалавриат и магистратуру
НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: irinayukina@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются шаги по формированию единого российского гражданства и, прежде всего, по формированию полноправного политического женского гражданства как в дебатах в I Государственной думе, так и в активистской деятельности женских организаций.

Ключевые слова: социально-экономическое гражданство, политическое гражданство, женское гражданство, гражданство-как-статус, гражданство-как-участие, гражданская идентичность, парламентские дебаты.

Тема российского гражданства, и в частности женского гражданства, — одна из малоизученных тем в отечественных социальных науках. На наш взгляд, это серьезное упущение, т.к. изучение становления гражданства в Российской империи, его теоретические обоснования и практические шаги по его получению и реализации открывают путь новым интерпретациям исторических процессов и фактов, в частности, к пониманию и оценке русского либерализма, парламентаризма, формирования гражданской идентичности россиян и исторических последствий этих процессов.

Создание представительных учреждений, расширение прав и свобод подданных Империи происходило в рамках дарования их монархом. Манифест 17 октября 1905 г. и последующие за ним Избирательный закон от 11 декабря 1905 г., Основные законы от 23 апреля 1906 г. определили основные права и свободы граждан и очертили круг полноправных граждан. Это был огромный шаг — от абсолютизма и автократии к ста-

новлению конституционной монархии и парламентаризма. Однако, эти права нужно было еще «взять», т.е. усвоить и интерпретировать саму идею, укоренить ее в повседневных практиках.

В связи с этим встают вопросы: какую роль играла I Государственная дума в формировании гражданства в целом, и в частности в формировании женского гражданства; как члены Думы относились к женскому гражданству, какие плюсы и минусы они видели в наделении женщин политическими правами, какие аргументы приводились «за» и «против»?

В социальных науках сложилась традиция анализа гражданства, идущая от работ английского социолога и историка Т.Х. Маршалла¹, в которой «гражданство» предстает как статус, т.е. как совокупность политических, социально-экономических прав и обязанностей, формирующих правовой статус гражданина. Эти права и обязанности устанавливаются государством законодательно и укореняются в социальных институтах, которые контролируют доступ к власти, богатству, престижу, закрепляются в повседневных практиках. Поэтому гражданство-как-статус зависит от классовых, гендерных, религиозных, возрастных, национальных характеристик гражданина. Таким образом государство формирует неравенство граждан.

Если говорить о России начала XX века, то сословное устройство российского общества принципиально устанавливало социальное неравенство подданных, подразделяя их на привилегированные, полупривилегированные и непривилегированные сословия. Национальные и конфессиональные различия усугубляли неравноправие населения. На фоне этого неравноправия «неравенство по признаку пола» казалось «естественным» и потому менее значимой социальной проблемой.

Исторически существует два режима гражданства. Гражданство как подданство означает несение определенных обязанностей перед носителем государственного суверенитета — государем. Понимание гражданства в рамках либеральной традиции предполагает несение взаимных прав и обязанностей государства и гражданина и равенства всех граждан перед законом.

Проживая в условиях нормативности социально-экономического неравноправия и полного поражения в политических правах в «разделенном» обществе, объединенном только идеей служения государю, совершить переход к формированию и принятию полноценного гражданства, принятию идентичности равноправных граждан единой державы — задача невероятно сложная. Революция 1905 г. поставила ребром вопрос о правовом равенстве граждан, в том числе и политическом. Поэтому вопрос о переходе из подданных в граждан встал как в теоретической, так и в практической плоскости, на уровне повседневных практик — выработке и усвоения подданными его императорского величества своей гражданской идентичности.

¹ Marshall T.H. 1) *Citizenship and Social Class and other essays*. Cambridge, 1950; 2) *Class, Citizenship and Social Development*. N.Y., 1964.

Вопросы «кто такой гражданин?» и «кто может быть гражданином?» встали в первую очередь перед народными избранниками — депутатами I Государственной думы. Исторически первый русский парламент был призван выработать представление о гражданстве как институте, основанном на равенстве прав и обязанностей всех россиян, и сделать практические шаги законодательного свойства по его реализации. Депутаты I Государственной думы со всей ответственностью отнеслись к этой задаче.

Возможно, проблема «подданных-граждан» встала и перед императором, который при чтении своей тронной речи по поводу открытия Государственной думы 27 апреля 1906 г. в Зимнем дворце взглянул в лицо другой России — «гражданской» — в пиджаках и армяках. И лицо этой России было недружественным.

Понятие «гражданин» использовалось в России с XVIII века и имело свою специфику. «Верноподданные граждане городов наших» со времен Екатерины II наделялись обязанностями и требованием добродетельности, но не правами. Другой особенностью прочтения термина «гражданин» было представление, что только дворяне могут быть «истинными гражданами», «членами Государства», в то время как податное население не способно нести общественные и гражданские обязанности ни психологически, ни интеллектуально¹.

Статьи в периодической печати, брошюры популярного характера в 1905 г. формировали встречный, оппонирующий этой идее дискурс, объясняя разницу между «подданным» и «гражданином», необходимость отмены законодательных ограничений по сословной, конфессиональной и национальной принадлежности, рождали новый образ человека-гражданина, имеющего не только обязанности, но и права. Женская пресса продвигала идею о женском гражданстве, создавая на своих страницах образ женщины-гражданки. В дискуссию включился не только «Женский вестник» (1904–1917), «посвященный равноправию и улучшению положения женщин», но и массовые женские журналы, и даже модные издания. Брошюры под названием «Зачем нужны политические права женщине?», «Почему нужно дать женщине такие же права как мужчине?» и т.д. активно сочинялись и распространялись активистками движения. Слово «гражданин» стало широко употребляться в прессе, в официальных документах, в обиходе.

Идея женского гражданства пробивала себе дорогу, начиная с зимы 1904–1905 гг. Активистки движения работали с партиями, Союзом земцев-конституционалистов, Союзом союзов. К этому времени социальную базу женского движения уже составляли десятки тысяч образованных женщин — учительниц, врачей, фельдшерниц, журналисток, писательниц, культурниц... Они не остались в стороне от «политического перелома», случившегося в стране. Женщины требовали себе избирательных прав

¹ Марасинова Е.Н. «Могу быть подданным, даже рабом, — но холопом не буду и у царя небесного»: власть и личность в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 2016. № 5 (141). С. 228–244.

и права на участие в «общественном переустройстве» на началах полного равенства и справедливости. «Женщины вострепнулись повсеместно, во всех городах заговорили об одном и заволновались одной мыслью — отвоевать политическое равноправие, послать своих представительниц в Государственную думу и отстоять через представительство их равноправие во всех областях», — свидетельствовал «Женский вестник».¹ Петиции из Минска, Одессы, Кишенева, Гельсингфорса, Варшавы, Саратова, Воронежа, Харькова, Ялты, Херсонской губернии полетели в губернские собрания, городские управы, в Совет министров. Во многих городах прошли женские собрания и митинги с требованием «полноправных избирательных прав».² По свидетельству современника, митинги были весьма популярны осенью 1905 г., собирая до 2,5 тыс. женщин³. Группа москвичек в феврале 1905 г. подала в комиссию по составлению проекта об улучшении государственного строя при Московской городской думе петицию с требованием активного и пассивного избирательного права для женщин, подписанную 5 тыс. женщин. В апреле 1905 г. в Петербурге состоялся первый в истории России женский политический митинг. В апреле 1905 г. в Мосгордуму поступила новая петиция за 955 подписями с требованием признать всеобщее избирательное право без различия пола.

Все усилия ни к чему не привели — вопрос о женском гражданстве не вошел в общероссийскую политическую повестку. Женщины были исключены из рядов полноправных граждан. Указ «Об изменении положения о выборах в Государственную думу» от 11 декабря 1905 г. оставил их за бортом электорального процесса. Как четко по этому поводу выразилась редактор-издательница «Женского вестника» М.И. Покровская: «Конец прошлого года не только разрушил надежды женщин на равноправность, но и поставил перед ними в высшей степени удивительный вопрос: могут ли они считаться населением или нет?»⁴

Пришло время переосмыслить поражение. Новая ситуация потребовала новых идей, новых тактик, новых организаций, новых лидеров, способных сформулировать и реализовать задачи. Равноправки считали основным препятствием для женского гражданского равенства отсутствие женщин на уровне принятия решений. 1905 год стал рубежным для них, с 1905 года главной целью движения стало получение прав на полноценное представительство женщин в политической системе страны. В том же 1905 появились первые женские политические организации, которые консолидировали женский протест против политического бесправия. Среди них: Женское гигиеническое общество (1904)⁵, Союз равноправности женщин (февраль, 1905), Женская прогрессивная партия (декабрь, 1905), Женский

¹ Женский вестник. 1905. № 5. С. 145.

² Новые течения в женском движении России. Борьба за политические права // Первый женский календарь на 1904 год. СПб., 1904. С. 326–329.

³ Союз женщин. 1907. № 1. С. 6.

⁴ Женский вестник. 1906. № 1.

⁵ Общество сотрудничало с Городской думой и органами самоуправления по вопросам контроля за соблюдением санитарного режима в Санкт-Петербурге.

клуб при Женской прогрессивной партии (1906), Женский политический клуб (1906). Пересмотрели свою повестку и выдвинули политические требования и «старые» женские организации, такие как Петербургское общество вспоможения окончившим курс наук на ВЖК (1893), Русское женское взаимно-благотворительное общество (1895) и др.

Стратегическая линия была определена, встал вопрос о тактике: каким образом добиваться женских избирательных прав? Работать в женских организациях или в партиях, признающих равноправие полов?¹ Достаточно ли одних деклараций этих партий и их программных заявлений? Как относиться к тому, что московские социал-демократы заявили, что участие женщин в выборах увеличит силы противников?² Было решено работать со всеми партиями и союзами, но главные надежды возлагались на Государственную думу.

Таким образом, образованные женщины «наших средних классов», участницы женского движения восприняли новую гражданскую идентичность и, в отличие от подданных, потребовали признания своих прав государством и обществом. Они хотели стать полноправным действующим политическим субъектом. Здесь маршалловскую концепцию гражданства-как-статуса уместно дополнить другим подходом рассмотрения гражданства — гражданство-как-участие, гражданство-как-ответственность, гражданство-как-солидарность. Таким образом, анализ процесса формирования и принятия гражданства неизбежно смещается на сферу гражданской активности как необходимого условия оспаривания и реализации прав гражданства.

Несмотря на то что социал-демократы и кадеты сделали требование женских политических прав программным требованием, господствующий политический дискурс был дискурсом исключения женщин из политики. Консервативные политики и партии транслировали идею о радикализме женского элемента. Либеральные, наоборот, говорили о консерватизме русской женщины, особенно русской крестьянки.

Тема гражданства встала в Думе при подготовке ответного адреса на тронную речь Николая II, произнесенную перед членами Государственной думы в Зимнем дворце.

Император в своей речи высказал намерение «охранять непоколебимые установления», им дарованные, и напомнил, что «для благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права»³. Думцы сочли необходимым ответить на этот посыл своим адресом, что, безусловно, было свидетельством их гражданского самосознания. Они хотели отразить в адресе свою решимость развивать законодательство в соответствии с конституционными принципами и усовершенствовать «начала народного представительства».

¹ Щепкина Е.Н. Женское движение в 1905 г. в отзывах современных деятелей. СПб., 1906. С. 2.

² ГА РФ. Ф. 2251. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 144 (Чехова М.А. Воспоминания москвички).

³ Собрание речей императора Николая II. Доступно: <http://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html>

Для подготовки адреса была создана комиссия под руководством В.Д. Набокова, которая представила проект адреса 2 мая 1906 г. на общее обсуждение и голосование. Два сюжета в адресе касались женщин: в вопросе о равноправии всех граждан перед законом и в вопросе об избирательных правах граждан. Вариант комиссии гласил: «Государственная дума исходит далее из непреклонного убеждения, что ни свобода, ни порядок, основанный на праве, не могут быть прочно укреплены без установления общего начала равенства всех без исключения граждан перед законом. И потому Государственная дума выработает закон о полном уравнивании в правах всех граждан, с отменой всех ограничений и привилегий, обусловленных сословием, национальностью и религией»¹. Сразу встал вопрос: почему женщины не вошли в число «всех без исключения граждан»?

1. Вопрос об уравнивании всех граждан перед законом

Депутат Думы Г.А. Алексинский (трудовик) сразу указал на «необходимость включить слово „пол“ в заявлении об уравнивании всех прав всех граждан». «Бесправие женщин, — заявил он, — является унижением не только для женщины, но еще более для мужчины»². В.Д. Набоков, представлявший проект, сразу и легко согласился: «по вопросу о поле <...> в том месте адреса, в котором говорится о равноправии национальностей, религий, следует, конечно, прибавить по недосмотру пропущенное слово: „полом“»³. Эта позиция ни у кого из думцев не встретила возражения. Напротив, она была только поддержана. На основании стенограмм можно сделать вывод, что принципиальное равноправие думцы распространяли и на женщин, планируя не только преодолеть сословное, национальное, конфессиональное, но и гендерное неравенство.

А.С. Ломшаков (кадет) так выразил эту позицию: «отступлений для нас быть не может. Раскрепощение крестьян, раскрепощение рабочего класса, раскрепощение всех граждан, раскрепощение женщин — вот первая задача нашей работы»⁴.

С.В. Аникин (трудовик) поддержал: «В свободной стране все свободны, и сам докладчик проекта сказал, что в той части адреса, где говорится о гражданских правах, *по недосмотру* пропущены женщины»⁵.

2. Вопрос об избирательных правах женщин

Однако вопрос об избирательных правах женщин вызвал решительное сопротивление. Набоков сомневался, будет ли трактовка всеобщего избирательного права как «всеобщего, прямого, тайного и равного голосования

¹ Вопрос о равноправии женщин в Первой Государственной думе. Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной думы. Извлечения сделала Л. Гуревич. Пг., 1917. С. 6.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

без различия пола, национальностей и вероисповеданий» соответствовать «единогласно выраженной и установленной воле народа»¹. По его мнению, выражением воли народа было бы определение всеобщего избирательного права без дополнительных признаков: «Мы не берем на себя смелости утверждать, что единодушная воля народа требует политического равноправия для женщины <...> полного и определенного убеждения в этом нет»². Его соратник по партии Ломшаков возражал ему: «Для нас женщина равноправна с мужчиной <...> равноправна вполне и без исключений»³.

С.В. Аникин (трудолик) высказал сомнение, выражают ли противники женского политического равноправия волю народа: «Но что же это за единодушная воля народа, если будут говорить за народ те, кому в данное время невыгодно <...> если мы уравнием в правах женщин, целую половину нашей страны <...> Как будто женщина не может положить свой избирательный шар или подать свою избирательную записку, как будто бы она почему то не может этого сделать!»⁴. Эта позиция «преступна, — заявил Аникин, — женщины должны быть утверждены в гражданских правах».

Его поддержал соратник по трудовой группе Ф.М. Оникко: «Я не допускаю, я не верю, что права русского народа будут узурпированы и будут отняты у него. <...> Я ходатайствую от имени народа о замене формулы неясной и неопределенной тем, что избирательное право должно быть равным, прямым с тайной подачей голосов, равным для всех национальностей, всех религий и для обоих полов»⁵.

Оникко не сомневался в освободительной направленности народного волеизъявления: «Здесь говорят: „мы боялись, чтобы наше решение не противоречило общему настроению страны“, я хотел бы знать, во имя каких лозунгов, во имя каких идеалов, каких общих принципов послало нас сюда большинство русского народа, во имя каких принципов надеялось на нас большинство. Не было ли в основе всех требований всех представителей <...> всеобщее избирательное право или, как выражались, четыреххвостка. Теперь об этом хотят забыть. <...> Говорят, что, быть может, права женщин не вызовут того объединения во всей стране, которое так желательно». Далее он остроумно аргументировал свое мнение: «Господа, что большинство за права женщин в стране, это очевидно: по простому арифметическому подсчету: в России 140 млн жителей, из них 70 000 000 женщин, и вы, конечно, согласны, что эти 70 млн женщин стоят за свои права. Прибавьте к этому те голоса, которые находились среди мужчин, и вы получите подавляющее большинство»⁶. Закончил свою пламенную речь прямым обвинением Набокова: «напрасно докладчик заподозрил большинство, напрасно он забыл веление русского народа <...> Поэтому я ходатайствую, чтобы <...> точно

¹ Женский вопрос в Государственной думе. Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной думы. СПб., 1906. С. 9.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 12–13.

⁶ Там же.

был указан объем всего избирательного права <...> оно должно быть равным, прямым, с тайной подачей голосов, причем равным для всех национальностей, для всех религий и равным для обоих полов»¹.

Кадет Ломшаков в дискуссии о волеизъявлении народа доказывал, что поскольку члены Думы законно избраны народом, они могут принимать решения, определяя их как «проявленную волю народа»: «Я считаю, что необходимо <...> сказать в обращении к Монарху о том, что всеобщее избирательное право должно включать в себя полный демократический принцип. Я полагаю, что <...> часть населения может не разделять именно этот принцип. Тем не менее я считаю вполне правильным <...> оставить фразу: „единодушно проявляющаяся воля народа“ <...> так как настоящая палата является представительницей избравшего ее населения <...> „воля“ этого большинства является действительным отражением воли избирателей, воли народа»².

Несмотря на то что требование женского политического равноправия стояло в программе партии конституционных демократов, большинство кадетской фракции воздержалось от включения в текст адреса этой позиции. Но единодушия среди единопартийцев не было. Одни, как кн. Шаховской (кадет)³, принципиально не принимали женское политическое гражданство: «Я <...> не могу признать убедительной силу тех аргументов, которые мы здесь выслушали в пользу <...> политических прав женщин»⁴. Другие, как Набоков, видели в этом тактический ход, считая, что они не поступаются своими убеждениями, обещая вернуться к вопросу в ближайшее время.

Октябристы в принципе не поддерживали идею полноценного женского гражданства. Граф П.А. Гейден: «житейский опыт находит, что не нужно еще непременно распространять равные права и на женщин»⁵. К тому же они также не верили, что женские политические права могут быть поддержаны широкими народными массами.

Представитель Воронежской губернии беспартийный член Думы крестьянин Кругликов⁶ поддержал противников женского равноправия рассказами о крестьянском быте: «Женщины у нас не для избирательного права. Женщины у нас для того, чтобы смотреть за хозяйством, чтобы смотреть за детьми и за печкой»⁷.

4 мая по требованию депутата Думы Массониуса (группа Западных окраин)⁸ думцы опять вернулись к этому вопросу, переголосовав за него

¹ Женский вопрос в Государственной думе. С. 13.

² Вопрос о равноправии женщин. С. 12.

³ Шелохаев В.В. Шаховской Дмитрий Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 691.

⁴ Вопрос о равноправии женщин. С. 11.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Кругликов Филипп Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 299.

⁷ Вопрос о равноправии женщин. С. 13.

⁸ Массониус Петр Петрович (Петр Мариан) // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 362.

повторно. В итоге, формулировка всеобщего избирательного права осталась не развернутой: «Государственная дума со своей стороны приложит усилия к усовершенствованию начал народного представительства и внесет на утверждение вашего величества закон о народном представительстве, основанный согласно единодушно проявляющейся воле народа на началах всеобщего избирательного права»¹. Но в вопросе равенства всех граждан перед законом слова адреса звучали так: «И потому Государственная дума выработает закон о полном уравнивании в правах всех граждан с отменой всех ограничений и привилегий, обусловленных сословием, национальностью, религиею или *полом*»².

Реакция женской общественности была ожидаемой: Взаимно-благотворительное общество уже 3 мая опубликовало возмущенное обращение к Государственной думе, 5 мая в Петербурге состоялся городской женский митинг, Союз равноправности женщин (СРЖ) послал благодарственные телеграммы тем думцам, которые поддержали идею женского политического равноправия.

Принятие закона о гражданстве, основанного на «общих правах и обязанностях и верности скорее государству, чем лично царю», осознавалось первыми думцами как дело первейшей важности. Уже 15 мая группа депутатов предложила приступить к выработке «Основных положений законов о гражданском равенстве». Заявление было подписано 111 членами Думы. В нем констатировался тот факт, что неравноправие глубоко и всесторонне пронизало Российское законодательство. Оно выражалось в предоставлении привилегий одним группам лиц и ограничений другим по сословному, вероисповедному, национальному и «половому» признакам. Таким образом, чтобы уравнивать по закону граждан Российской империи, необходимо было изменить правовой статус всех социальных групп. Поэтому было предложено разделить законодательную работу на 4 разряда: 1) пересмотреть все законодательство в отношении крестьянского сословия; 2) ликвидировать ограничения по национальной и религиозной принадлежности; 3) отменить привилегии дворянства; 4) отменить все ограничения для женщин в частном и публичном праве. Также предлагалось признать дело «спешным» и избрать комиссию из 33 законодателей, что и было сделано. Зал встретил это решение аплодисментами, и к подписантам тут же присоединились еще 40 думцев.

5, 6 и 8 июня состоялись прения о гражданском равенстве по существу. Все выступающие говорили об установлении гражданского равенства как неотложном деле. Гр. Гейден даже сделал замечание, что докладчики ломятся в открытую дверь, и что равноправие граждан — это азбучная истина. Но это было азбучной истиной ровно до того момента, пока не подошли к обсуждению вопроса о женском гражданстве. Дискуссия вспыхнула с новой силой.

¹ Женский вопрос в Государственной думе. С. 5–6.

² Вопрос о равноправии женщин. С. 22.

Можно сказать, что в этой дискуссии многие депутаты совершали тяжелую внутреннюю работу, пересматривая свои представления о мужских и женских социальных ролях. Не все были готовы к этому. Одни прятались за формальными доводами, другие указывали на сложности законодательного свойства. Так проф. М.М. Ковалевский (партия демократических реформ) начал дискуссию словами: «мы будем считаться с невыгодными последствиями признания принципа, что мужчины и женщины в правах равны»¹, — и закончил свою речь утверждением, что парламент не может обратить женщину в мужчину. Главный его аргумент был тот, что женщины не несут воинской повинности, а неравноправие в обязанностях недопустимо. Гр. Гейден упирал на сложности: «Семья по нашему закону группируется вокруг мужа, а если женщине дать равные права <...>, то придется менять и семейное, наследное право, решать вопрос о правах крестьянки в общине и т.д., а это не так легко»². Беспартийный крестьянин Кругликов вопрошал: «Если же и бабам равные права дать, что же тогда выйдет? Чем же мужики должны заниматься тогда?» И аргументировал свое мнение религиозными постулатами: «Господь сотворил Адама, а Еву ему помощницей, но не на равных правах. И потом еще апостол Павел сказал: „да убьется жена своего мужа“ (смех, аплодисменты). А нас, крестьян, заставляют бабам равные права дать!? Нет, господа <...> крестьяне совсем не согласны женскому полу права давать, а совсем согласны, чтобы мужчина был старший, но не женщина»³.

Свежим ветром принятия новых идей и новой реальности повеяло в речи проф. Л.И. Петражицкого (кадет)⁴. Первое, что он сообщил, что им получена петиция от Взаимно-благотворительного общества, подписанная 4 тыс. женщин, требующих политических прав, и он об этом ставит в известность Государственную думу. Петражицкий поддерживал полноценное женское гражданство, аргументируя это, с одной стороны, принципом справедливости, с другой — тем огромным культурным, интеллектуальным и организационным потенциалом, которым обладают женщины, и той практической пользой, которую они могут принести обществу: «Предоставление женщинам политических прав и возложение на них политических обязанностей и ответственности — это могучее средство насаждения общественной ответственности в высоком смысле слова <...>. Поэтому нас вовсе не должно смущать то, что матери будут интересоваться политикой. Напротив, именно важно, чтобы матери сами интересовались общественными делами и могли внушить такие же интересы детям <...> Интересы общего блага и культуры требуют от нас, чтобы мы предоставили женщинам политические, т.е. общественные права и обязанности»⁵.

¹ Вопрос о равноправии женщин. С. 31.

² Там же. 33–34.

³ Там же. С. 34

⁴ Петражицкий Лев Иосифович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 455.

⁵ Вопрос о равноправии женщин. С. 33

Помимо этих идей, озвучиваемых и другими депутатами, Петражицкий поднял очень важную проблему — проблему принятия обществом гражданских прав женщин и барьеров, которые встанут перед женщинами в осуществлении ими своих гражданских прав: «Даже если положения об участии женщин в управлении, относительно государственной службы, участия в народном представительстве сделаются законом, наивно думать, что на основании этих законов получится фактическое равенство в области администрации, народного представительства и т.д. Старые предрассудки, эгоистические интересы привилегированного пола и другие препятствия будут еще долго мешать достижению не только полного равенства и справедливости, но даже некоторому приближению к этому. Лишь сравнительно немногие женщины, особенно и чрезвычайно дельные, и выдающиеся, гораздо более дельные и выдающиеся, чем конкурирующие с ними мужчины, фактически достигают соответственных прав. Прочие же будут отстывать, отстеснять менее дельные, менее талантливые <...> мужчины, даже те, единственные заслуги коих состоят в том, что они мужчины»¹. Несмотря на известный пессимизм, прозвучавший в речи, Петражицкий считал необходимым делать принципиальные шаги к установлению равноправия и приветствовал гражданскую активность женщин.

Инновационная речь Петражицкого была поддержана рядом депутатов. Член Думы П.П. Крылов (кадет) ядовито заметил, что «старорежимная» речь Кругликова вызвала аплодисменты не только справа, но и слева. На тезис Ковалевского Крылов ответил другим тезисом — парламент не может превратить женщину в мужчину, этого и не требуется. Но всякий парламент может и должен быть, прежде всего, справедливым². Аплодисменты на этот раз раздались только слева.

Трудовик Заболотный³ очертил круг задач: «Стремясь теперь провести в жизнь равенство и свободу, мы боремся за третий элемент естественного права человека — его политические права. <...> Мы не устаем доказывать, что по отношению к равноправию граждан должно установить следующие общие положения для комиссии, которой будет передано это дело: 1) равенство всех граждан обоего пола перед законом; 2) отмена всех сословий и чинов; 3) Отмена привилегий и ограничений по религии, национальности, языку, происхождению и полу; 4) установление единого звания российского гражданина со всеми правами, свойственными гражданам свободного, полноправного народа»⁴.

При комиссии по гражданскому равенству были созданы соответствующие подкомиссии. Подкомиссию по равноправию женщин возглавил Петражицкий, который привлек к работе активисток СРЖ. Для этой цели в Союзе была создана своя юридическая комиссия. В нее вошли Е.Н. Щеп-

¹ Вопрос о равноправии женщин. С. 33.

² Там же. С. 49.

³ Заболотный Иван Кириллович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 195.

⁴ Вопрос о равноправии женщин. С. 49.

кина, О.Н. Клирикова, Л.Я. Гуревич, Громницкая и видные петербургские юристы: В.В. Исаченко, И.Ф. Ставрович, Я.Г. Фрумкин и Л.И. Петражицкий. Комиссия провела гендерную экспертизу всех 16 тт. Гражданского уложения. Все статьи Уложения были проанализированы на предмет выявления ограничений правоспособности женщин, по каждой статье были предложены изменения и дополнения, выработаны дополнительные статьи. Результатом этой интенсивной работы стали законопроект из 12 статей и сравнительная таблица необходимых изменений и отмен в действующем законодательстве. Законопроект предусматривал: 1) избирательное право женщин на выборах всех уровней; 2) право занимать все должности по государственной, общественной службе и на выборные должности; 3) право на все виды образования в системе совместного образования; 4) равные наследственные права; 5) право на раздельное имущество супругов; 6) право на раздельное жительство супругов. Законопроект был передан в Думу 8 июля 1906 г., но никаких организационных последствий не имел, т.к. I Государственная дума на следующий день была распущена.

Работа юристов была оплачена О.Н. Клириковой из личных средств, за что ей была выражена благодарность. СРЖ издал отдельными книжками законопроект, речь Петражицкого и в пропагандистских целях рассылал его в различные организации, как и письма крестьянок в Государственную думу. Письма крестьянских женщин — ответ выборному Кругликову — были организованы комиссией помощи голодающим СРЖ. Депутаты Думы слышали мнение женщины из народа: «Мы узнали <...>, что воронежский выборный Кругликов заявил в Думе, что <...> крестьянские женщины не желают никаких прав. В Думе нет выборной женщины, которая могла бы за всех баб говорить, а почему он знает? Он неправильно говорит, что крестьянка не желает прав — спрашивал он у нас? <...> Мы тужим, что в Думе нет выборных женщин»¹. В другом письме от крестьянок 3-х деревень Тверской губернии: «Господа члены Государственной думы от Тверской губернии <...> явите божескую милость, заявите Думе, что надо все дела решать по-божески и всех равно допускать в Государственную думу — и богатых, и бедных, и мужчин, и женщин, а то не будет правды на земле и в семье не будет ладу»².

Таким образом, мы можем утверждать, что первый русский парламент вырабатывал современные представления о гражданстве и очертил контуры проблемы. И хотя закон о гражданском равенстве не был принят I Государственной думой, были высвечены насущные проблемы, без решения которых закон не мог быть реализован, и был задан вектор решения этих проблем. То, что женщины средних классов прошли в горниле революции 1905 г. политическую социализацию, восприняли свою гражданскую идентичность, вели пропагандистскую и политическую воспитательную работу, способствовало продвижению темы «равенства по признаку пола» в парламентскую повестку дня и внесло вклад в формирование понятия «единого звания российского гражданина».

¹ Рутцен Л. Равноправность женщин. М., 1907. С. 8.

² Там же. С. 16–17.

ОТКЛОНЕНИЕ ДУМСКИХ ПОПРАВOK В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ (1909–1911)

СЕДОВА ЯНА АНАТОЛЬЕВНА,

кандидат технических наук,
доцент Астраханского государственного технического университета
(Астрахань, Россия);
e-mail: y.a.sedova@mail.ru

Аннотация: На примере важнейших законопроектов, рассмотренных законодательными учреждениями Российской империи в 1909–1911 гг., автор прослеживает направление изменений, вносившихся Государственным советом в правительственные проекты. Цель работы — определить наличие или отсутствие единой тенденции подобных поправок. Автор показывает, что, будучи твердой в одних вопросах, верхняя палата нередко шла на уступки в других.

Ключевые слова: указ 9 ноября 1906 года, свобода совести, землеустройство, западное земство, автономия Финляндии

Вопрос о противодействии Государственного совета реформаторским проектам П.А. Столыпина неоднократно рассматривался в научных работах¹. Как правило, анализ положения проводился на уровне законопроектов в целом. В данной работе сделана попытка проследить действия Государственного совета на более глубоком уровне — отдельных поправок.

В период наиболее острой конфронтации между кабинетом П.А. Столыпина и правыми некоторые общественные деятели, принадлежащие к консервативному лагерю, утверждали, что министерские законопроекты застревают в верхней палате из-за поправок, внесенных нижней палатой.

Издатель «Гражданина» В.П. Мещерский писал: «Г[осударственному] совету приходится почти по всем проектам, поступающим на его обсуждение из Г[осударственной] думы, прежде всего изречь свое veto не по поводу редакции той или другой статьи проекта, но по поводу неприемлемости того или другого разрушительного и против государственного порядка направленного принципа, вводимого Г[осударственной]

¹ См., напр.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Аврех А.Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. М., 2006. Об отдельных законопроектах или их группах: Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001; Порватова С.В. Законопроект «О старообрядческих общинах» в Государственной думе 1906–1917 гг. // Вестник ПСТБИ. 2003. № 1. С. 120–138; Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004; Селезнев Ф.А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 1. С. 130–140.

думой под видом исправления того или другого пункта правительственного проекта»¹.

Представитель Волынской губернии П.В. Березовский (правый) с думской кафедры говорил: «когда... Государственный совет восстанавливает текст правительственного законопроекта, тогда в Думе раздаются жалобы, что Государственный совет чинит законодательную obstruction и не дает возможности Государственной думе работать»².

Данный тезис возник в консервативных кругах, разумеется, неслучайно. Таким путем ответственность за провал реформ перекладывалась на Государственную думу.

«Удивительное дело! — писал корреспондент „Земщины“. — Правые, будто бы враждебные правительственной политике, почти всегда и самым непосредственным образом это правительство поддерживают, а октябристы, гордо именующие себя правительственной партией и облепляющие П.А. Столыпина, когда он появляется в Государственном совете, как мухи, только и думают, как бы подставить ему ножку.

Сие есть, впрочем, еще одна характерная черта российской конституции, доказывающая, что если и возможно надеть на корову седло, то замундштучить оную все же весьма затруднительно»³.

Для проверки тезиса о вине нижней палаты рассмотрим несколько важнейших законопроектов, прошедших через законодательные учреждения в указанный период.

В законопроекте по указу 9 ноября основные разногласия касаются вопросов о механическом разрушении общины (ст. 1 отд. I), о характере собственности при выделении из общины (ст. 8), о приплатах за излишек земли (ст.ст. 2, 3, 4, 5 отд. III), о подчинении укрепленных в личную собственность участков правилам о надельных землях (ст. 26 отд. III).

Относительно ст. 1, вставленной Государственной думой в министерский текст, верхняя палата уступила нижней. Если в думской редакции предполагалось признать несуществующими общины, в которых переделов не было вообще или в течение 24 лет, то Государственный совет ограничился исключением слов «или же в течение 24 лет». Однако этот пример не характерен. Как известно, ст. 1 прошла в Государственном совете лишь голосами 9 министров. Также правительство в полном составе поддержало другую спорную статью — ст. 8, устанавливавшую личный характер собственности при выделении из общины.

Вслед за правительством и Думой Государственный совет согласился и с фактом подчинения укрепленных в личную собственность участков правилам о надельных землях (ст. 26 отд. III). Лишь в отд. III, где шла речь о приплатах за излишек земли, верхняя палата вернулась к правительственной редакции и приняла среднюю выкупную

¹ Гражданин. 1910. 28 ноября.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. II. Стб. 836–837.

³ Земщина. 1910. 12 июня.

цену, в то время как Государственная дума предлагала принять рыночную цену.

Другой важный **законопроект — об отмене ограничений, связанных с лишением сана**. Относительно запрета бывшим священнослужителям поступать на государственную службу (ст.ст. 12, 13 Уст. Служб. Прав.) правительство предполагало сохранить это ограничение лишь для той губернии, где они состояли священно- или церковнослужителями. Государственная дума отменила обе статьи. Государственный совет их не восстановил, однако указал, что священнослужители белого духовенства, лишенные сана по духовному суду, не могут быть принимаемы в государственную службу: священники в течение трех лет, диаконы в течение двух.

Если в действующем законодательстве и в правительственной редакции бывшие священники теряли светские чины, полученные до хиротонии (ст. 428 Зак. Сост., пп. 3–5), то в думской редакции — сохраняли. Государственный совет в целом вернулся к правительственной редакции. То же самое произошло с подобным ограничением для бывших монахов (ст. 414 Зак. Сост.).

Что касается других стеснений прав бывших монахов (ст. 415 т. IX Зак. Сост.), то ранее им было запрещено: 1) поступать на государственную службу (п. 3); 2) жить в губернии, где они состояли монахами, и в обеих столицах во все время епитимьи (7 лет). Если они были под наказанием за предосудительные поступки, то не дозволялось никогда жить в той губернии, где были монахами, и в обеих столицах (п.п. 4–6). Правительство сохранило первый запрет лишь для той губернии, где эти лица состояли монахами, а также исключило воспрещение проживать в обеих столицах. Государственная дума отменила запрет поступления на государственную службу и ограничила запрещенную для проживания территорию окружностью 5-верстного радиуса вокруг бывшего монастыря, кроме столиц и губернских городов. Государственный совет принял для п. 3 те же положения, что и для белого духовенства, а также предложил запретить бывшим монахам проживать в течение 3 лет в том уезде или городе, где находится их монастырь.

Таким образом, в отношении возвращения светских чинов бывшим священнослужителям и монахам Государственный совет отменил послабления, сделанные Думой. Для других ограничений он уменьшил либеральные новшества, шедшие из правительственной редакции законопроекта.

В **законопроекте о старообрядческих общинах** Государственный совет восстановил правительственную редакцию целого ряда статей. Во-первых, была исключена сделанная Государственной думой вставка в ст. 1, предоставлявшая старообрядцам право пропаганды своего учения. Если правительство предполагало число лиц, достаточных для регистрации общины (ст. 4), равным 50, то Дума уменьшила эту цифру до 12. Государственный совет вернулся к правительственной цифре, до-

пускаая, впрочем, ее уменьшение вдвое по разрешению министра внутренних дел.

В то же время Государственный совет согласился с Думой по нескольким важным вопросам. Для ст.ст. 6 и 48 был сохранен явочный порядок регистрации общин и духовных лиц, в отличие от разрешительного, установленного правительством. Строго говоря, в ст. 48 правительство ввело лишь элементы разрешительного порядка, предоставляя право регистрации духовных лиц губернатору, но Государственная дума передала эту обязанность губернскому правлению, при соблюдении нравственного ценза регистрируемого лица, и Государственный совет согласился с этой редакцией.

Подобную метаморфозу претерпела ст. 24, говорившая о закрытии общины гражданской властью за недостойные поступки. Согласно правительственной редакции приостановление деятельности общины совершалось властью губернатора, а закрытие — властью губернского правления. Государственная дума установила, чтобы общине сначала делалось предупреждение. При его игнорировании закрытие предоставлялось присутствию об обществах. Государственный совет принял эту редакцию.

Любопытные перемены произошли со ст. 47 (нравственный ценз для старообрядческого священнослужителя). Согласно правительственной редакции не могли быть зарегистрированы в качестве священнослужителей лица, *подвергшиеся суду и не оправданные им* за преступления, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а также за корыстные преступления (кражу, мошенничество и др.) (п. «в»). Государственная дума сохранила это ограничение лишь для лиц, *приговоренных* судом за эти преступления, введя важное примечание: состояние под следствием или судом и признание к наказанию за проповедь и оказательство своего вероучения не мешают быть священнослужителем. Государственный совет принял думскую редакцию, однако исключил примечание. Кроме того, Дума отменила запрет правительственной редакции быть священнослужителями лицам, исключенным из среды обществ и дворянских собраний по приговорам своих сословий (п. «ж»), и Государственный совет согласился с этим изменением.

Также верхняя палата согласилась с Думой относительно предоставления священнослужителям права дачи показаний на суде без присяги (ст. 54).

Наконец, Государственный совет отменил такие правительственные либеральные новшества, как свободное приобретение недвижимости на сумму менее 5000 руб. (ст. 13), именование духовных лиц по их старообрядческому сану (ст.ст. 5, 46 и др.) и освобождение духовных лиц от воинской повинности (ст.ст. 1 и 2 отд. II). В последнем случае характерно, что Дума предполагала распространить это право и на иноков, а Государственный совет вовсе исключил обе статьи. Отметим также ст. 52, разрешавшую старообрядческим духовным лицам носить иноче-

ское и духовное одеяние. Дума расширила это право, разрешив открыто носить церковные облачения при богослужении, духовных требах и религиозных процессиях, а иноческое и духовное одеяние — всегда. Однако Государственный совет запретил употребление церковного облачения вне закрытых помещений, а также за пределами церковных оград и кладбищ, предоставив, однако, министру внутренних дел допускать отступление от сего последнего правила для местностей со сплошным старообрядческим населением.

Одним из спорных вопросов **законопроекта о землеустройстве** была судьба составного участка, образованного при совместном разверстании наделных и вненаделных земель (ст. 3). Согласно дополнению, внесенному в законопроект правительством 12 декабря 1908 г., такой участок считался наделной землей. Однако Государственная дума признала его частным владением, если владелец не захочет причислить его к наделным. Аналогичная редакция была принята Государственным советом.

Верхняя палата согласилась с нижней относительно состава уездных землеустроительных комиссий (ст. 63): были исключены представитель удельного ведомства и податный инспектор. Однако Государственный совет исключил внесенное Думой примечание о том, что все члены комиссии крестьяне получают суточные и прогонные от казны.

Что касается губернских землеустроительных комиссий (ст. 64), то Государственная дума сравнительно с действующим положением по указу 4 марта 1906 года о создании таких комиссий исключила ряд должностных лиц — губернского предводителя дворянства, управляющего казенной палатой, управляющего местными отделениями Крестьянского и Дворянского банков, председателя окружного суда, управляющего удельным округом. В комиссию были введены мировой судья и губернский землемер. Число выборных от губернского земского собрания было сокращено до двух вместо шести, считая одного крестьянина, владеющего наделной землей. Государственный совет отчасти вернулся к указу 4 марта, восстановив участие губернского предводителя дворянства и исключив мирового судью, а отчасти сохранил редакцию Думы, оставив землемера и двух представителей губернского земского собрания без уточнений относительно крестьянина.

В **финляндский законопроект** Государственная дума внесла ряд существенных изменений: перечень сфер, на которые распространяется законопроект (ст. 2), был пополнен пунктом 4 (употребление государственного языка); кроме того, для изменения этого перечня, равно как и для внесения законопроектов в его рамках, требовался почин монарха, хотя в правительственной редакции перечень подлежал изменению в общем законодательном порядке, а почин императора требовался лишь по ключевому п. 5 (основные начала управления Финляндии — например, организация сейма); наконец, было исключено предусмотренное правительством введение в Государственную думу одного депутата

от русского населения, не пользующегося правами гражданства в Финляндии (лит. Б ст. 1 отд. II).

Как известно, Государственный совет полностью принял думскую редакцию финляндского законопроекта, так что Д.Д. Grimm даже употребил выражение о «забронированных от поправок законопроектах»¹.

В результате сложной интриги **законопроект о западном земстве** был отклонен и затем введен в порядке ст. 87 Основных законов. Поэтому особенно характерна коммиссионная редакция Государственного совета, сформированная задолго до интриг начала 1911 года. Комиссия восстановила правительственную редакцию по всем ключевым вопросам: полный ценз вместо половинного (ст. 3), один избирательный съезд в каждом уезде вместо двух (ст. 6), отмененное Думой требование русского происхождения для председателя земской управы (ст.ст. 21–23), а также предоставление православному духовенству трех мест в уездном земском собрании и четырех в губернском (ст.ст. 25–27), в то время как Дума вовсе исключила этих членов, предоставив духовенству избирательные права на общих основаниях.

Таким образом, мы видим, что какой-то единой тенденции в политике Государственного совета нет. Он может и уступить Государственной думе, и вернуть правительственную редакцию, и даже отменить правительственную редакцию, когда она достаточно либеральна. Кроме того, надо учитывать, что рассмотренные в данной работе законопроекты имеют различный удельный вес. Законопроекты по указу 9 ноября и финляндский находятся на особом положении, имея за собой какие-либо мощные силы (правительство, которое лично голосует в качестве членов Государственного совета, и Николай II), поэтому не могут считаться характерными. Законопроекты об отмене ограничений, связанных с лишением сана, и о землеустройстве не имеют большого политического значения, поэтому тут Государственный совет мог позволить себе уступить Государственной думе. Наконец, законопроекты о старообрядческих общинах и о западном земстве особенно любопытны и наиболее характерны. В данных вопросах часто отклоняются думские редакции статей. Поэтому отчасти можно согласиться с консерваторами о том, что Государственный совет занимался отменой думских поправок. Но, разумеется, он не ограничивался этим механическим процессом и подходил к законодательному делу творчески, с собственной меркой.

¹ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1910. Стб. 4005–4006.

Б.В. ШТЮРМЕР И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ЛИНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПАРЛАМЕНТА

ГАЙДА ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук,
доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века
исторического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия);
e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена формированию и эволюции правительственной политики в отношении Государственной думы в период премьерства Б.В. Штюрмера (февраль — ноябрь 1916 г.). Автор приходит к выводу, что правительственный курс изначально имел компромиссный характер. Штюрмер рассчитывал на постепенное нарастание внутреннего кризиса в Прогрессивном блоке, но эта надежда не оправдалась. «Штурм власти» сделал отставку Штюрмера неизбежной.

Ключевые слова: Государственная дума, Прогрессивный блок, Совет министров, Б.В. Штюрмер.

В историографической традиции фигура Б.В. Штюрмера традиционно рассматривалась как один из символов предреволюционной реакции¹. В начале XXI в. этот взгляд был подвергнут ревизии. В работах С.В. Куликова и Е.В. Григорьевой премьер предстал как значимый государственный деятель и умелый политик, мастер политического компромисса. И назначение, и отставка Штюрмера в этих работах рассматриваются как последовательные уступки либеральной оппозиции, причем отставка премьера с началом «штурма власти» не связывается с личным поражением Штюрмера или кризисом правительственной политики². Появляются работы и о взаимоотношениях Б.В. Штюрмера с председателем Государственной думы. Так, в статье Е.С. Гавроевой рассматриваются попытки М.В. Родзянко настоять на необходимости реализации программы Прогрессивного блока, несмотря на сопротивление со стороны председателя Совета министров. Небезынтересным представляется и вопрос о борьбе председателя

¹ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 582–583; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 127–130.

² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 165–166, 178–179, 191–192, 290–291; Григорьева Е.В. Б.В. Штюрмер: российский бюрократ на рубеже двух политических эпох (1872–1917 гг.): Автореф. дис. ... к. ист. н. СПб., 2004. С. 20–25.

Думы с военной цензурой в 1916 г., активным сторонником которой являлся Б.В. Штюмер¹.

Борис Владимирович Штюмер в кругах либеральной оппозиции был известен давно. С 1890 г. он был тверским губернским земским гласным, в 1903 г., занимая пост директора департамента общих дел МВД, провел ревизию тверского земства. Позднее Штюмер стал одним из организаторов консервативного направления в бюрократических кругах. С 1904 г. он постоянно рассматривался как кандидат на занятие должности министра внутренних дел. В общественных кругах было известно, что при своем консерватизме Штюмер был «незлобивый и корректный», а на посту директора «насколько мог, старался проводить если не умниц, то людей порядочных»². В период мартовского кризиса 1911 г. при обсуждении возможных назначений кадетская газета «Речь» называла Штюмера кандидатурой правых. Однако известный думец Ф.И. Родичев говорил о нем: «Это сфинкс, которого трудно разгадать. Вы вот здесь утверждаете, что Штюмер крайне правый, а я вам скажу, что Штюмер был моим закадычным другом, когда он был назначен председателем тверской губернской земской управы. Вся тверская земская оппозиция считала его за своего, не раз он защищал наши оппозиционные проекты перед губернатором. Правда, потом он ударился вправо, но кто знает, какой политики он будет держаться, будучи министром внутренних дел?» Октябрьист кн. И.А. Куракин, близко знавший Штюмера по Ярославлю (Штюмер был ярославским губернатором в 1896–1902 гг.), отмечал, что «это человек с большими знаниями нашей внутренней политики, тактичный, обладающий редким для нашей бюрократии умением создавать различные комбинации, необходимые для проведения того или иного проекта»³. В сентябре 1911 г. «Речь» уже ставила Штюмера в один ряд с лидером националистов П.Н. Балашовым и считала С.Е. Крыжановского и А.А. Макарова более консервативными фигурами. Шансы Штюмера занять ключевой министерский пост при премьере В.Н. Коковцове считались приоритетными⁴. В 1913 г. министр Н.А. Маклаков после неутверждения кн. Г.Е. Львова, С.А. Чапыгина и Л.Л. Катуара пытался выдвинуть Штюмера для назначения московским городским головой. Рупор московских торгово-промышленников прогрессистская газета «Утро России» резко протестовала против планов назначения, но не против самой кандидатуры Штюмера⁵.

Назначение Штюмера в январе 1916 г. было явным проявлением политики компромисса. «Он несомненно умен, изворотлив, с большим опытом, со здравым смыслом, с приемами тонкого дипломата, хорошо знающий пе-

¹ Гавроева Е.С. М.В. Родзянко и Б.В. Штюмер в 1916 г. // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. СПб., 2017. Ч. I. С. 317–325.

² Кольишко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 99.

³ Речь. 1911. 9 марта.

⁴ Речь. 1911. 6 сентября.

⁵ Безголовые // Утро России. 1913. 16 ноября.

троградскую администрацию и придворную почву, способный лавировать между Харибдою и Сциллою <...> давно готовивший себе почву в много-различных лагерях», — написал члену Государственного совета А.К. Варженевскому близко знавший Штюмерера гр. С.Д. Шереметев¹. Но возраст брал свое. А.Н. Хвостов, рассчитывавший управлять Советом министров за спиной Штюмерера, считал, что Борис Владимирович был уже «слишком стар» для должности премьера «и голова его уже не так свежа, как раньше»². Сам Штюмерер в личной памятной записке писал: «Следить за Советом м[инист]ров; давать камертон всем м[инист]рам; бороться с интригами — этого достаточно **вполне** для **человека** 67 лет. Дай Бог справиться»³. При этом сам Николай II желал, чтобы накануне возобновления думской сессии «назначение, если оно состоится, грянуло как гром»⁴. Такие ожидания можно было объяснить лишь характером источника: в письме супруге надо было продемонстрировать показательную решимость. На практике же «гром» не предполагался. Когда сразу по назначении Штюмерер выступил за изменения в составе Совета министров, он получил ответ царя: «Прошу в область моих распоряжений не вмешиваться»⁵.

В Думе знали о грядущей отставке Горемыкина от А.В. Кривошеина, это породило слухи о его назначении. Корреспондент «Речи» Л.М. Клячко (Львов) узнал о назначении Штюмерера за несколько дней, но председатель палаты М.В. Родзянко ему не поверил. «На сей раз вы сели в лужу. Как же можно теперь назначать такого реакционера?» — сказал он⁶. «Реакционером» Штюмерер мог восприниматься лишь на фоне ожидания значительных либеральных перемен. «Утро России» посчитало Штюмерера скорее слабым, чем правым⁷. «Речь» отметила, что «разница как бы исчерпывается тем, что предшественник носил фамилию Горемыкин, а преемник носит фамилию Штюмерер»⁸. В Думе, кроме прочего, знали, что новый премьер был личным другом получившего отставку И.Л. Горемыкина⁹. При этом у П.Н. Милюкова возникли некоторые надежды на то, что политика нового премьера по отношению к Думе будет более мягкой, если, конечно, это не было «новой попыткой ввести общество в заблуждение». Газета отметила, что смена премьера произошла вследствие явно обозначившегося общественного недовольства¹⁰.

¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3014. Л. 137.

² Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг. (Л.), 1926. Т. 4. С. 24.

³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 47. Л. 2.

⁴ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 43.

⁵ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. С. 430. Штюмерер передал эту фразу помощнику начальника императорской военно-походной канцелярии К.А. Нарышкину, который сообщил ее гр. П.Н. Игнатьеву, а он, в свою очередь, Наумову.

⁶ Клячко Л.М. (Львов). Повести прошлого. Л., 1929. С. 54.

⁷ Утро России. 1916. 20 января.

⁸ Речь. 1916. 20 января.

⁹ Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 4, 5.

¹⁰ Речь. 1916. 21, 22, 23 января.

21 января состоялась встреча Хвостова и Милюкова, посвященная перспективам думской сессии. Министр поставил ее в зависимость от того, будет ли подниматься распутинская тема. Милюков ответил, что для думцев этот вопрос «не главный», гораздо важнее для него было отношение правительства к Прогрессивному блоку. Хвостов и присутствовавший товарищ министра (и бывший товарищ председателя Думы) В.М. Волконский отметили, что для Штюмера блок — «жупел», и сказали, что «они даже не решаются ему говорить об этом». При этом Хвостов предложил: «Можно говорить о сущности дела, но не называя „блока“ и „программы“». Милюков «отвечал, что на этом мы можем серьезно разойтись, и что чем позднее это произойдет, тем лучше». По его словам, назначение Штюмера обществом было воспринято негативно, и «этого залатать не удастся». «Можно лишь смягчить шок. Но для этого прежде всего нужно, чтобы Штюмер не сказал **ничего исключющего** [*выделено в тексте — Ф.Г.*] существование и деятельность блока», — сказал лидер кадетов. Милюков также посоветовал правительству принять законодательную программу блока. Хвостов поддержал это предложение. Милюков «очень одобрил» такую уступку. По результатам беседы кн. Волконский признался Милюкову, что представился «такой случай, какой никогда еще не представлялся для того, чтобы наладить правильные отношения с правительством». Впрочем, Милюков не был с этим согласен¹. Кадетский лидер рассчитывал на то, что власть пойдет на уступки оппозиции: «Дума оборвалась на вопросе о программе блока и о создании правительства общественного доверия. С этого она и должна будет начать разговор. В Думе есть хозяин, и у этого хозяина есть определенное мнение»².

На следующий день большинство Совета министров во главе с премьером выступило за созыв Думы на длительную сессию с тем, чтобы она рассмотрела бюджет и законопроекты, связанные с войной³. Родзянко предварительно встретился с новым премьером и «позволил ему очаровать себя». Председатель Думы, сначала не хотевший даже говорить со Штюмером и тем заставивший его приехать в Таврический дворец, отметил после встречи, что «новый премьер в высшей степени предупредительный человек». Родзянко отказался произвести в первый день сессии резкую речь⁴. Кадеты восприняли такое поведение Штюмера как желание расколоть блок, а «главное оторвать октябристов от кадетов»⁵. Поэтому на думском совещании 27 января Милюков призвал воздержаться от «резких выступлений»⁶. Как отметила в дневнике А.В. Тыркова, лидер

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 479. ЛЛ. 1–2 об.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. С. 415.

³ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 311–313, 417–418.

⁴ ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 29 об.; Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. СПб., 2001. С. 144–145.

⁵ ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. ЛЛ. 29 об.– 30; Ф. 63. Оп. 47. 1916. Д. 476. Л. 4.

⁶ Там же. Ф. 63. Оп. 47. 1916. Д. 476. Л. 4.

кадетов считал, что «с новым премьером будет труднее, но интереснее». Предполагалось, наоборот, «переиграть» само правительство. «Это спортивная точка зрения, в нем и сидит спортсмен», — написала Тыркова¹.

28 января на совещании блока Милюков выдвинул «три гипотезы: признает, не признает блок, поищет средней дороги». Он заключил: «Обоюдная разведка». Правда, какого-либо серьезного подвоха от правительства Милюков не ждал: «Сейчас на очереди не политика провокации, а политика умалчивания». Представители умеренного крыла блока гр. В.В. Меллер-Закомельский, гр. В.А. Бобринский и С.И. Шидловский предложили примирительную тактику и даже были согласны на гласное посещение премьера. «Продешевим», — заметил в ответ на это лидер блока. Его поддержал В.И. Гурко: он считал, что в Думе нового премьера должна встретить «холодная сдержанность». В.В. Шульгин фактически раскрыл милоковский замысел: он предложил «идти на переговоры, но ничего не уступать». Милюков определил курс: «Не договор, а параллелизм, — но без всяких обязательств». По его словам, «сговор» был «невозможен»².

Несмотря на предвещающий первый визит императора в Таврический дворец оглашенная Штюмером при открытии Думы 9 февраля правительственная декларация была встречена очень холодно. Даже гр. В.А. Бобринский (прогрессивный националист)³ признал, что «Штюмер ничего не сказал»⁴. Премьер повторил лишь основные положения сентябрьской программы Хвостова, хотя ранее в Думе и не оглашенной. Стоит отметить, что столь же декларативная речь военного министра А.А. Поливанова, содержащая при этом комплимент в отношении общественных организаций, была встречена восторженно⁵. В дальнейшем Штюмер пытался добиться единой правительственной линии в отношении парламента. Это породило его конфликт с А.Н. Наумовым, открыто демонстрировавшим перед Думой внутреннее противостояние в Совете министров⁶.

В целом, Штюмер пытался сформулировать консервативную политическую линию. Им было организовано совещание губернаторов Центральной России о военных и послевоенных нуждах, которое пришло к выводу о необходимости укрепления административного и полицейского аппарата, противодействия политической активности Земгора

¹ ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 29.

² Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. № 3 (52). С. 184–187, 189.

³ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Бобринский Владимир Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 59.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 246. 1916. Д. 307 а. Л. 19.

⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1222–1230.

⁶ Наумов А.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 337–343, 452, 539–542. См. также: Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 545.

и печати¹. После этого было проведено секретное совещание по вопросу о послевоенной ликвидации Земгора². Премьером была составлена записка об упразднении губернского земства и усилении военной цензуры³. Проекты получили актуальность после организованной в феврале — апреле 1916 г. оппозиционной политической кампании общественных организаций⁴. Однако на практике реализации этих правительственных планов не последовало. Премьер вообще склонен был проявлять пассивность в решении любых вопросов государственного управления. 11 июня Николай II написал жене о премьере: «Он — прекрасный, честный человек, только, мне кажется, никак не может решиться делать то, что необходимо»⁵. Кроме того, планы ужесточения правительственной линии не касались парламента. Наоборот, премьер шел на уступки Думе. 21 мая по докладу Штюмера было упразднено Совещание пяти министров. Как вспоминал относившийся негативно к премьеру и позитивно к Думе министр земледелия А.Н. Наумов, Штюмер «счел за благо угодить» Родзянко, протестовавшего против его создания⁶.

Прогрессивный блок избрал тактику «политических зигзагов», сочетая умеренную критику правительства с попытками развернуть законодательную активность. В целом, то и другое оказалось неэффективно. Попытки левых кадетов расколоть блок также были неудачны, после чего умеренное крыло склонилось к завершению сессии⁷. 13 июня в Таврическом дворце состоялся разговор Штюмера с Родзянко, в котором он предложил распустить Думу⁸. Пожелание совпадало с планами премьера. 10 июня он представил на высочайшее имя доклад, в котором обосновывал подобную необходимость стремлением Думы в текущую сессию принять законопроекты о крестьянском равноправии, земской и городской реформе, собраниях и союзах, а также легализовать Земский и Городской союзы, что, по его словам, могло представлять угрозу государственному строю. В результате ему было позволено распустить палаты не позднее 20–22 июня (по возвращении из-за границы парламентской делегации)⁹. Стоит отметить, что Штюмер резко переоценил возможности блока.

¹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 226; РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 133. ЛЛ. 121–122 об.

² Наумов А.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 451.

³ Всеподданнейшие записки Б.В. Штюмера. 1916 г. / Публ. М.В. Плаксы // Исторический архив. 1994. № 6. С. 55–57, 62–64.

⁴ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–весна 1917 г.). М., 2003. С. 198–207.

⁵ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 306.

⁶ Наумов А.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 421–422.

⁷ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 187–190, 207–219.

⁸ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. / Под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. V. С. 175; Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 21.

⁹ ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. ЛЛ. 1–3.

Готовясь к новой сессии, премьер продолжал придерживаться мягкой линии в отношении Думы. 21 августа Штюрмер предложил императору добиваться от союзников разрешения на оглашение Петроградской конвенции 1915 г. о передаче России черноморских Проливов после окончания войны¹. «Я иду в ногу с Милюковым, Гучковым и Бурцевым в деле обеспечения нашей победы над Германией», — говорил премьер в личной беседе с журналистом И.И. Кольшко². Штюрмер планировал произнести речь при открытии Думы 1 ноября, но, узнав о радикальных настроениях депутатов, отказался³. 28 октября премьер прочел министрам полученный от лидера фракции центра П.Н. Крупнеского проект декларации блока. Было предложено снести с Родзянко и вычеркнуть наиболее резкие места. В результате переговоров членов правительства гр. П.Н. Игнатьева и Н.Н. Покровского с думцами текст был значительно смягчен⁴. Тем не менее, в конце первого дня сессии 1 ноября Милюков выступил со своей знаменитой речью, содержащей обвинения императрицы и премьера в измене. Член Государственного совета кн. Е.Н. Трубецкой в частном письме отмечал: «Несовместимость Думы со Штюрмером, **России** со Штюрмером, вот, что ярко обнаружилось, невозможность победы при Штюрмере, решимость Думы бороться с ним до конца, вот, что прозвучало во всех речах... **Власть смешана с грязью** в его лице [*выделено в тексте — Ф.Г.*]»⁵.

Совет министров предложил Штюрмеру выступить с ответом Милюкову, но премьер отказался⁶. 3 ноября правительство приняло решение о привлечении Милюкова к суду за клевету⁷, но делать это на практике не торопилось. Игнатьев и Трепов предложили выступить военному министру Д.С. Шуваеву, министр юстиции А.А. Макаров по согласованию со Штюрмером и Треповым составил соответствующую речь. Однако Игнатьев, поддержанный морским министром И.К. Григоровичем, посоветовал выступать без заготовки и от себя лично. Так в результате и случилось⁸. Сам Штюрмер в этот день навестил британского посла Дж. Бьюкенена, фразу из речи которого использовал Милюков при обвинении премьера. Штюрмер попытался

¹ Дневник Министерства иностранных дел за 1915–1916 гг. // Красный архив. 1929. № 1 (32). С. 70, 78–80.

² Кольшко И.И. Указ. соч. С. 100.

³ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 135; Татищев Б.А. Крушение, 1916–1917: Воспоминания // Возрождение. 1949. № 4. С. 122–123.

⁴ Игнатьев П.Н. Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // Новый журнал. 1944. № 9. С. 281–282.

⁵ ОР РГБ. Ф. 171. Папка 9. Ед. хр. 1. ЛЛ. 63–63 об. Кн. Е.Н. Трубецкой — М.К. Морозовой, 7 ноября 1916 г.

⁶ Игнатьев П.Н. Указ. соч. С. 282.

⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 544–545.

⁸ Игнатьев П.Н. Указ. соч. С. 282–284.

спровоцировать протест со стороны посла, но тот отказался это сделать¹. Выступление в палате 4 ноября Шуваева и Григоровича, засвидетельствовавших патриотическое единство с депутатами после их резких нападок на Штюмера, как и следовало ожидать в ситуации промолчавшего Совета министров, было воспринято как раскол правительства².

Единственным «жестким» ответным шагом правительства на выступление Милокова и, впоследствии, других депутатов было то, что речи не были сразу опубликованы и вышли лишь после отставки премьера. «Русским ведомостям» сперва не было разрешено напечатать статьи от 3 ноября с фразой о «глубоком кризисе всей нашей государственной жизни» и об уклонении Штюмера от судебного преследования Милокова. Вычеркнут был комментарий газеты от 5 ноября о «кризисе кабинета Штюмера» при освещении появления военного и морского министров в Думе. Речь депутата В.А. Маклакова была сперва выправлена, потом поставлена резолюция: «Набрать все без выкидок». Речь члена блока В.В. Шульгина (прогрессивный националист)³ сперва была перечеркнута, потом поставлена резолюция: «Набрать». Лишь речь трудовика А.Ф. Керенского была запрещена окончательно⁴. Д.Н. Шипов отмечал в личном письме: «Отвратительное впечатление производит внешний вид газет с белыми пятнами. А между тем не понимаю, как цензура пропустила передовую во вчерашнем № „Русс[ких] ведомостей“, кончающуюся вопросом, кого нужно спасать — Россию или Штюмера и Ко»⁵. Правый депутат С.В. Левашов в своей думской речи 1 ноября так же заявил: «Мы совершенно опровергаем столь распространенное в некоторых кругах обвинение правительства в том, что будто бы оно препятствует общественным организациям, <...> не дает работать Государственной думе и подавляет так называемую общественность. Ошибки правительства совсем в другом — в разрозненности, непоследовательности его действий, в отсутствии единой, решительной и твердой власти и, наконец, в боязни крутых мер, которые, однако, явно необходимы при обстоятельствах военного времени. Правительство повинно скорее в желании всем угодить, а вовсе не в том, что оно кого-то может угнетать»⁶.

В начале ноября в консервативном салоне члена Государственного совета А.А. Римского-Корсакова была составлена записка, в которой предлагалась программа преодоления политического кризиса. Государственная дума обвинялась в открытых революционных поползновениях

¹ Дневники // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 172. 4 ноября 1916 г.

² Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 135–136.

³ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Шульгин Василий Витальевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 709.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1701. Оп. 2. Д. 107. ЛЛ. 53, 57–58, 65, 85–94, 107–113.

⁵ ОР РГБ. Ф. 440. К. 8. Ед. хр. 8. ЛЛ. 53 об. 54.

⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1916. Стб. 101–102.

и организации «государственного, а весьма вероятно, и династического переворота». Предлагалось, в частности, распустить палату, изменить ее полномочия и порядок выборов, а также порядок принятия законопроектов в пользу расширения прав императорской власти. Необходимо было выстроить в отношении Думы активную политику, для чего при премьере должны были появиться «особое лицо, особая и притом серьезно поставленная организация и крупный специальный фонд для ведения внутренней политики в самой Думе с единственной целью создания и поддержания прочного и постоянного большинства, благоприятного правительству». Признавалось, что правительство, «за исключением лишь слабых попыток времен Столыпина, не вело в Думе или, вернее сказать, с Думой никакой политики». Записка была вручена Штюмеру для передачи императору, но премьер не сделал этого, поскольку придерживался более умеренных взглядов¹.

10 ноября последовала отставка совершенно растерявшегося премьера. Она была воспринята как косвенное признание правоты Милюкова и свидетельство успеха начавшегося 1 ноября «штурма власти». На совещании кадетов и представителей общественных организаций на следующий день после отставки Штюмера мнение было единодушным: «Ставка струсила и быстро стала искать путей примирения с Государственной думой». Было решено использовать это «для удовлетворения всех требований» оппозиции [*выделено в тексте — Ф.Г.*]². Консервативная газета «Московские ведомости» вынуждена была отметить в отношении Штюмера: «Его благое стремление „всем уноровить“ и оказалось той слабой стороной, которой воспользовались его враги»³.

Таким образом, правительственная линия, проводимая Б.В. Штюмером в отношении Государственной думы, имела компромиссный характер. Премьер не совершил ни одного политического шага, который мог быть расценен как враждебный по отношению к палате. С другой стороны, не предпринимались усилия по установлению тесных отношений с думскими фракциями. Штюмер рассчитывал на постепенное нарастание внутреннего кризиса в Прогрессивном блоке. Тем не менее, руководство блока преодолело эту тенденцию резким усилением парламентской борьбы — «штурмом власти». Потеряв инициативу, правительство оказалось деморализовано, что сделало отставку Штюмера неизбежной. Осторожная и выжидательная тактика правительства потерпела полное поражение.

¹ Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции / Под ред. И.В. Гессена. М., 1991. Кн. 3. Т. 5. С. 337–343.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 246. 1916. Д. 27. Ч. 46. ЛЛ. 32 об. 34.

³ Уступка ли? // Московские ведомости. 1916. 12 ноября.

ОБСУЖДЕНИЕ ЗАКОНОПРОЕКТА О ПРИХОДЕ В ДУМСКОЙ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В МАРТЕ 1916 г.

БОКАРЕВА ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА,

кандидат исторических наук,

директор по сервису

ООО «ЗЭТ-Телеком»

(Санкт-Петербург, Россия);

e-mail: arlika@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена обсуждению законопроекта о православном приходе в думской комиссии по делам Православной церкви в течение марта 1916 г. Реформа православного прихода была одним из самых ожидаемых церковных преобразований в начале XX в. Единства во мнениях не было: депутаты и представители Св. Синода по-разному смотрели на основные положения устава православного прихода. После того, как в устав стали вноситься статьи в редакции IV отдела Предсоборного присутствия, Св. Синод предпринял попытки изъять законопроект. Обсуждение в комиссии было отложено сначала до осени, но по факту до Февральской революции так и не было возобновлено.

Ключевые слова: комиссия по делам Православной церкви, православный приход, устав православного прихода, Св. Синод.

Законопроект о православном приходе был внесен на рассмотрение Государственной думы 13 декабря 1915 г. согласно «определению Св. Синода от 9 декабря 1915 г. за № 9961»¹. И уже 10 февраля 1916 г. законопроект был передан в комиссию по делам Православной церкви. На первом заседании комиссии 17 февраля 1916 г. докладчиком по законопроекту был выбран В.Н. Львов². В комиссию был представлен проект «Устава православного прихода». При этом согласно Особому журналу Совета министров от 4 сентября 1913 г. часть вопросов, связанных с реформой прихода, в уставе не освещалась, а была выделена в отдельный документ — «Основные положения о церковном управлении православным приходом». «Основные положения» содержали в себе статьи исключительно церковно-канонического характера, с точки зрения Св. Синода, и включали в себя «определения, что такое приход и кого должны именовать под прихожанами, храмом, причтом, церковным имуществом»³. Особый журнала Совета министров не был опубликован.

Законопроект о приходе обсуждался на заседаниях комиссии по делам Православной церкви в течение марта 1916 г.: всего состоялось 9 заседаний по данному вопросу. Согласно спискам, максимальное ко-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Л. 2 об.

² Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 132.

³ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 837. Л. 249.

личество присутствующих на заседаниях членов комиссии приходится как раз на этот период, то есть вопрос о приходе вызывал живой интерес. Больше всего присутствующих было 14 и 19 марта — при обсуждении вопроса о назначении клириков в приход, это действительно была одна из самых острых тем. Что касается персонального состава участников. Ни одного заседания не посетили: М.И. Скобелев (социал-демократ)¹, В.И. Хаустов (социал-демократ)², В.И. Попов 3-й (балашевец)³, Н.И. Ярцев (земец-октябрист)⁴. Присутствовали на всех заседаниях комиссии по законопроекту о приходе: В.Н. Львов (Центр)⁵, В.П. Шеин (прогрессивный националист)⁶, от. Ф.Д. Филоненко (Центр)⁷, от. Г.Т. Алферов (правый)⁸, от. А.С. Будилович (земец-октябрист)⁹, П.М. Зверев 1-й (националист)¹⁰, Н.Ф. Каптерев (прогрессист)¹¹, В.Н. Колесников (прогрессист)¹², от. И.М. Короваев (прогрессивный националист)¹³, В.В. Лашкевич (кадет)¹⁴, П.А. Леванидов (кадет)¹⁵, от. В.И. Лентовский (правый)¹⁶, А.А. Назаров (кадет)¹⁷, от. П.Т. Населенко (балашевец)¹⁸, Г.А. Щечков (правый)¹⁹.

Первое заседание по законопроекту о приходе состоялось 9 марта 1916 г. Был заслушан доклад В.Н. Львова. Отметим, что на всех заседаниях председательствующим был В.П. Шеин, т.к. действующий председатель комиссии выступал в качестве докладчика. В своем докладе В.Н. Львов первым делом обратил внимание комиссии, что следует определиться — обсуждать представленный проект параллельно с проектом, разработанный IV отделом Предсоборного присутствия, или создавать новый, оригинальный. При этом еще в марте 1914 г. общее собрание Государственной думы, не рассматривая разногласий между законода-

¹ Розенталь И.С. Скобелев Матвей Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 562.

² Николаев А.Б. Хаустов Валентин Иванович // Там же. С. 657.

³ Николаев А.Б. Попов (Попов 3-й) Владимир Иоаннович // Там же. С. 482.

⁴ Николаев А.Б. Ярцев Николай Иванович // Там же. С. 727.

⁵ Николаев А.Б. Львов (Львов 2-й) Владимир Николаевич // Там же. С. 337.

⁶ Николаев А.Б. Шеин Василий Павлович // Там же. С. 694.

⁷ Николаев А.Б. Филоненко Федор Дмитриевич // Там же. С. 646.

⁸ Рылов В.Ю., Иванов А.А. Алферов Георгий Тимофеевич // Там же. С. 18.

⁹ Николаев А.Б. Будилович (Будзиллович) Александр Семенович // Там же. С. 69.

¹⁰ Аронов Д.В., Николаев А.Б. Зверев (Зверев 1-й) Петр Михайлович // Там же. С. 209.

¹¹ Николаев А.Б. Каптерев Николай Федорович // Там же. С. 235.

¹² Николаев А.Б. Колесников Василий Николаевич // Там же. С. 262.

¹³ Лоскутов С.А., Николаев А.Б. Караваев (Короваев) Иоанн Михайлович // Там же. С. 237.

¹⁴ Николаев А.Б. Лашкевич Валериан Валерианович // Там же. С. 320.

¹⁵ Николаев А.Б. Леванидов Петр Александрович // Там же. С. 322.

¹⁶ Николаев А.Б. Лентовский Владимир Иванович // Там же. С. 325.

¹⁷ Николаев А.Б. Назаров Аристарх Андреевич // Там же. С. 392.

¹⁸ Николаев А.Б. Населенко Памфил Тимофеевич // Там же. С. 399.

¹⁹ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Щечков Георгий Алексеевич // Там же. С. 698.

тельными предположениями о реформе прихода и материальном обеспечении духовенства, постановило передать их в комиссию по делам Православной церкви для разработки единого проекта. Однако данной возможностью депутаты не воспользовались, комиссия к разработке законопроекта так и не приступила, как указывал В.П. Шеин. Комиссия не выработала единый проект ввиду сделанного заявления товарища обер-прокурора Св. Синода о том, что ведомство берет на себя разработку данных законопроектов, а также в связи с перерывом в занятиях комиссии вследствие войны¹. Таким образом, основания для разработки оригинального проекта реформы у комиссии были, к тому же проект мог простираться гораздо шире устава православного прихода и включать в себя и решение вопроса о материальном обеспечении духовенства. Но с формальной стороны комиссия должна была рассматривать внесенный ведомством законопроект, а не создавать новый. В.Н. Львов предложил: проектом ведомства пользоваться как основой для работы, проект Предсоборного присутствия принять как главный материал для работы комиссии. Был поставлен на голосование вопрос: следует ли поддержать предложение докладчика?

После обмена мнениями, во время которых от. П.Т. Населенко выступил против исключения из обсуждения статей даже нравоучительского содержания из проекта Предсоборного присутствия, Г.А. Щечков высказался против принудительного характера самообложения как противоречащего сути прихода; А.А. Назаров поддержал решение положить в основу проект Предсоборного присутствия, дополняя его статьями, в том числе ведомственного проекта. После — перешли к голосованию, и комиссия единогласно решила поставленный вопрос утвердительно. Так как обсуждаемой реформе предавалось особое значение, то комиссия также постановила устраивать заседания на регулярной основе — по средам и субботам, а в случае надобности и в вечерние часы прочих дней².

9 марта 1916 г. с пометкой «срочно»³ было направлено письмо обер-прокурору Св. Синода А.Н. Волжину о том, что началось обсуждение законопроекта. На следующий день, 10 марта 1916 г., к членам комиссии присоединились товарищи обер-прокурора Св. Синода Н.Ч. Зайончковский, директор канцелярии обер-прокурора Св. Синода В.И. Яцкевич, член учебного комитета при Св. Синоде профессор М.А. Остроумов, профессора Петроградской духовной академии Н.Н. Глубоковский и П.Н. Жукович. Стоит отметить, что Н.Ч. Зайончковский передал сожаления обер-прокурора Св. Синода А.Н. Волжина о невозможности участия в заседании комиссии в связи с одновременным заседанием в Св. Синоде. До конца марта А.Н. Волжин так и не присутствовал ни на одном заседании комиссии — времени и возможности у него не нашлось. На

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 143 об.

² Там же. ЛЛ. 143 об. 144.

³ Там же. Оп. 5. Д. 599. Л. 95.

наш взгляд, связано это было в первую очередь с тем, какой характер приняло обсуждение законопроекта о приходе в комиссии.

На заседании 10 марта были рассмотрены первые две статьи законопроекта: статьи проекта Св. Синода были отклонены. Определение прихода (статья 1) было принято в редакции общего собрания Предсоборного присутствия, согласно которой приходом именовалось «церковное учреждение» (в ведомственном варианте — «союз православных христиан»¹), кстати, представители ведомства — профессора М.А. Остроумов, Н.Н. Глубоковский — поддержали данную редакцию. Хотя М.А. Остроумов предлагал заменить «учреждение» на «установление», но предложение было отклонено. Также от Г.Т. Алферов, от П.Т. Населенко, от А.С. Будилович предлагали слово «община», однако этот вариант был отвергнут даже представителями ведомства — М.А. Остроумовым и Н.Н. Глубоковским. Статья 2 (определение приходжанина) была принята в редакции IV отдела Предсоборного присутствия за исключением упоминания о «их семействах» (то есть прихожан): «приходжанином считаются все проживающие в пределах прихода лица православного исповедания, занесенные в приходскую книгу»². Н.Н. Глубоковский был единственным, кто пытался отстаивать в комиссии статью ведомственного проекта. Также были включены две новые статьи из нормального устава православного прихода (IV отдела Предсоборного присутствия) относительно проекта Св. Синода — о назначении прихода, его связи с единой апостольской Церковью. Дважды во время заседания депутат В.А. Харламов высказывался за прекращение прений. Таким образом, при переходе к постатейному обсуждению законопроекта на первом же заседании было принято четыре статьи устава православного прихода (ни одной из проекта Св. Синода), то есть характер дальнейшего обсуждения уже определился — это ясно понимали представители Св. Синода.

На следующем заседании 12 марта 1916 г. также участвовали профессор А.И. Алмазов и секретарь Св. Синода В. Введенский³. Н.Ч. Зайончковский высказал позицию Св. Синода к происходящему обсуждению в комиссии: Св. Синод не разделяет взглядов проекта IV отдела Предсоборного присутствия⁴. В. Введенский выступил с изложением сведений о разработке проекта нормального приходского устава IV отделом Предсоборного присутствия. Товарищ обер-прокурора Св. Синода указал также, что проект нормального устава для рассмотрения епархиальными съездами не рассылался. Однако председательствующий В.П. Шеин заявил, что все высказанные сведения носят лишь справочный характер и не относятся к предмету рассмотрения комиссии⁵. В.Н. Львов возражал против утверждения представителей Св. Синода, что комиссия склони-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Л. 24.

² Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 155.

³ Там же. Л. 156.

⁴ Там же. Л. 156 об.

⁵ Там же. Л. 159.

лась к утверждению проекта Предсоборного присутствия (хотя какие еще могли сделать выводы в Св. Синоде?), а даже наоборот, комиссия постановила следовать ведомственному проекту, параллельно с другими материалами. Н.Н. Глубоковский поддержал товарища обер-прокурора Св. Синода, указав, что действительно проект устава IV отдела Предсоборного присутствия самим Присутствием рассмотрен не был, и более того, что «самый дух устава совершенно отвергался Предсоборным присутствием»¹. После обмена мнениями продолжилось постатейное обсуждение проекта устава: 3 и 4 статьи законопроекта (об открытии прихода и установлении его границ). О. Населенко просил о редакционном пересмотре принятой на прошлом заседании статьи о том, кого можно считать прихожанином. Мог создаться вредный для работы комиссии прецедент, когда возможен был бы постоянный возврат и пересмотр ранее принятых статей². Ему было предложено передать пожелания докладчику, а в обсуждении отказано.

Статья 3 проекта Св. Синода была оставлена без изменений согласно ведомственному проекту. Вот, казалось бы, и подтверждение того, что выводы представителей ведомства были поспешны. Но В.Н. Львов сразу же указал, что аналогии «в проекте нормального устава не имеется»³, и это, безусловно, по его мнению, пробел. С ним согласились остальные члены комиссии. А уже при обсуждении статьи 4 проекта устава (об изменении границ приходов) вновь симпатии склонились в сторону нормального устава IV отдела Предсоборного присутствия и с небольшими поправками: по предложению от. Ф.Д. Филоненко было добавлено, что «пределы прихода могут изменяться только по ходатайству прихожан»⁴, а по предложению от. А.С. Будиловича внесено в текст 4 статьи, что «изменение границ данного прихода поставить в зависимость от согласия других смежных приходов»⁵, статья была принята.

При обсуждении статьи 5 законопроекта (о форме закрытия прихода) докладчик предложил дополнить статью из нормального устава (о последствиях закрытия прихода). Снова за ведомственный проект вступился Н.Н. Глубоковский, указывая, что есть аналогичные статьи и в синодальном проекте, поэтому стоит рассмотреть их при обсуждении имущественных вопросов. Такую же позицию занял товарищ обер-прокурора Св. Синода и профессор П.Н. Жукович, и также их поддержал В.П. Шеин. Статья 5 законопроекта ведомства была принята с поправкой Г.Т. Алферова: трехлетний срок заменен пятилетним сроком⁶ — столько отводилось для принятия решения об окончательном закрытии прихода. Дополнение же статьи последствиями при закрытии прихода было отложено до обсуждения общих вопросов об имуществе.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 159 об.

² Там же. Л. 160.

³ Там же. Л. 161.

⁴ Там же. Л. 160 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 161.

Далее В.Н. Львов предложил перейти к обсуждению ряда статей, присутствующих в проекте IV отдела Предсоборного присутствия: об установлении числа членов причта, о назначении настоятеля прихода, о назначении и увольнении членов клира. Как представляется, данные статьи отсутствовали в законопроекте неслучайно. В данном случае П.Н. Жукович, Н.Н. Глубоковский, М.А. Остроумов, А.И. Алмазов, Н.Ч. Зайончковский дали свои разъяснения, в целом отмечая, что это «предмет внутреннего церковного управления, и статьи такого характера не подлежат рассмотрению в Государственной думе»¹.

В.Н. Львов был не согласен, указывая, что «говорят, что затрагиваемые вопросы относятся к области церковного законодательства, но такового, к сожалению, у нас нет»². При этом сам он в своей речи упомянул, что это явный недостаток, допущенный составителями Основных законов 1906 г. В.И. Лентовский высказал мнение, что церковное законодательство — это статья 65 Основных законов³. И тут важно обратить внимание на это столкновение, в связи с тем, что Особый журнал Совета министров, о котором речь шла выше, не был опубликован, и сослаться на него представители Св. Синода не могли, а потому запретить дальнейшее обсуждение статей, выведенных за рамки гражданских отношений, депутатам никто не мог, и они продолжали обсуждение и включение их в законопроект.

А.А. Назаров отметил, что «как же Государственная дума не может не касаться вопроса о штатах духовенства, когда ей предлагают обеспечить это духовенство»⁴. С ним был согласен и А.В. Смирнов. Однако же, вопрос обеспечения духовенства не входил в устав православного прихода. В.П. Шеин обратился к представителям ведомства с просьбой изложить их взгляд на вопрос об обеспечении духовенства⁵, в том числе обращая внимание членов комиссии на имеющиеся в качестве материала для рассмотрения законодательные предположения депутатов Государственной думы, в которых преобразование прихода тесно связано с материальным обеспечением духовенства, потому что «священник не будет иметь авторитета, если по-прежнему будет питаться подаянием»⁶. В.И. Яцкевич сообщил, что вопрос о материальном обеспечении духовенства почти разработан, в основание работ положены законодательные предположения депутатов Государственной думы, при этом половина необходимых средств должна идти из государственного казначейства, а половина — на местные средства, также уже почти закончены работы по выработке нового пенсионного устава⁷. Товарищ обер-прокурора Св. Синода пояснил, что эти вопросы не объединены исключительно

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 596. Л. 93.

² Там же. Д. 595. Л. 163 об.

³ Там же. Л. 164 об.

⁴ Там же. Л. 164.

⁵ Там же. Л. 170.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 170 об.

с целью скорейшего проведения такой важной реформы, как преобразование православного прихода.

Несмотря на возражения со стороны представителей Св. Синода в законопроект были включены статьи об установлении штатов причта — «не менее как из двух лиц: священника и псаломщика, который может быть и в сане диакона»¹. Таким образом, устав дополнился еще шестью статьями (две статьи из проекта Св. Синода).

Следующее заседание открылось 14 марта 1916 г. с обсуждения одной из ключевых статей устава — о назначении священника в приход. И сразу же со стороны представителей Св. Синода был высказан аргумент: отрицательный опыт введения выборного начала при назначении священников в Грузинском экзархате. Единодушны были и профессора духовных академий: в существующих условиях невозможно будет избежать «влияния политики, разных течений противоцерковного свойства и чисто случайных обстоятельств»². В.Н. Львов настаивал, что «произведенный опыт не удался ввиду того, что он был предпринят на Кавказе, находящемся в 1905–1910 гг. в состоянии сильного брожения»³, да и к тому же право принадлежало не приходу, а сходу, что и превратило его в «сборище» случайных людей и революционеров, в статье же устава речь идет даже не о выборе священника в приход, а лишь о представлении епископу ходатайства о кандидате от прихода. Н.Ч. Зайончковский повторил, что данная статья неприемлема по мнению Св. Синода. Более того, Св. Синодом уже выработан ряд мер: по сокращению епархий, по передачи части дел викариям для более частых разъездов архиерея по приходам епархии. Это позволит архиереям лучше узнать о достойных кандидатах, ищущих священнические места в своих епархиях.

Дальнейшее обсуждение статьи устава было прервано заявлением А.А. Назарова, что приглашенные ведомством профессора не относятся к числу лиц, упомянутых в ст. 41 Учреждения Государственной думы, а потому присутствие их в заседании комиссии неправильно⁴. В.П. Шеин указал, что профессора являются представителями ведомства, и их разъяснения очень ценны для комиссии. В работе думских комиссий принимали участие чиновники заинтересованных ведомств до министров включительно. Наказ Государственной думы (1906 г. и 1909 г.) предоставил ей право приглашать на свои заседания экспертов⁵. Наказ 1914 г. не содержал параграфа о праве комиссий приглашать экспертов. Предполагалось ввести это право в законодательном порядке. Однако соответствующее законодательное предположение застряло в думской комиссии по Наказу в связи с фактическим прекращением ее работы во время вой-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 175.

² Там же. Л. 177.

³ Там же. Л. 178.

⁴ Там же. Л. 180.

⁵ Демин В.А. Государственная дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 101.

ны¹. 15 марта председатель комиссии В.Н. Львов направил председателю Государственной думы запрос за разъяснением, что «принимая во внимание, что присутствие в заседаниях сведущих лиц не предусмотрено ни законом, ни „Наказом“ Государственной думы, сообщить мне, имеет ли комиссия право требовать, чтобы ведомство приглашало лиц, могущих осветить обсуждаемые комиссией предметы не только с точки зрения самого ведомства, а беспристрастно и всесторонним образом»². В этот же день, 15 марта 1916 г., своим определением за № 1953 Св. Синод постановил: ввести своих представителей в комиссию по делам Православной церкви для рассмотрения законопроекта об утверждении устава прихода «[Н.Н.] Глубоковского, [П.Н.] Жуковича, [А.И.] Алмазова, [М.А.] Остроумова»³. На следующем состоявшемся заседании 16 марта 1916 г. А.А. Назаров повторно сделал заявление по вопросу о присутствии профессоров, на что В.Н. Львов сообщил, что в связи с этим уже отправлено отношение председателю Государственной думы⁴.

16 марта обсуждение продолжилось, на заседание были приглашены стенографы. 17 марта также состоялось заседание. В.П. Шеин считал введение выборного начала нежелательным, как раз потому, что и «в прочих местностях Империи крайние политические деятели, неуравновешенные личности и неверующие, но православные по паспорту, едва ли откажутся от возможности оказать влияние на церковные выборы»⁵. На вопрос — угодно ли комиссии признать за приходом право ходатайства перед епископом о замещении причтовых должностей?⁶ — утвердительный ответ был получен большинством голосов: 16 против 8, при одном воздержавшемся.

По окончании прений 19 марта 1916 г. была принята следующая формулировка: «В случае, если прихожане пожелают, чтобы на вакантную должность в причте определено было известное им лицо, они, по постановлению своего приходского собрания, могут ходатайствовать о том перед архиереем, если желательный ими кандидат, по своему образованию, нравственным и служебным качествам, будет удовлетворять каноническим правилам и местным распоряжениям на этот предмет церковной власти. При назначении клириков епископом принимается во внимание желание прихожан, непременно мотивированное, а в случае отказа дается ответ, по возможности, с объяснением причин такого отказа»⁷. На следующем заседании, 21 марта, большинством голосов (в том числе председательствующий) против 10 голосов к статье было принято примечание по инициативе Н.Ч. Зайончковского: «правила о назначении и увольнении членов приходского причта изложены в уставе духовных консисторий»⁸.

¹ Демин В.А. Государственная дума России: механизм функционирования. С. 102.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 599. Л. 97 об.

³ Там же. Оп. 7. Д. 1179. Л. 40.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 191.

⁵ Там же. Л. 179 об.

⁶ Там же. Л. 198

⁷ Там же. Л. 202.

⁸ Там же. Л. 203 об.

В ходе дальнейших заседаний комиссии были рассмотрены статьи об учете прихожан при храме — «приходские списки» были заменены на «приходские книги»¹; сведения о переселении из прихода в приход — «переходное свидетельство» отменялось, вводилась «выписка из приходской книги»². Были внесены коррективы в состав приходского собрания, в который теперь могли входить не только «лица, платящие приходские сборы»³, а все «прихожане, достигшие 25-летнего возраста, независимо от материального ценза»⁴, материальный ценз учитывался только при решении вопросов, связанных с приходским самообложением. Статья о тех, кто был лишен права участия в приходских собраниях, дополнилась одним пунктом, распространявшим запрет на участие для тех, кто был изобличен «в тайном винокурении или в тайной торговле спиртными напитками»⁵.

При обсуждении статьи 20 синодального законопроекта также не было единства во мнениях. В законопроекте указывалось, что «на приходском собрании председательствует священник-настоятель»⁶, в то время как часть членов комиссии разделяли мнение о необходимости собрания избирать себе председателя, в том числе и из прихожан. В.Н. Львов высказывался против допущения мирян до председательствования в приходском собрании, ввиду церковного характера последнего. В.П. Шеин в целях большего удобства при голосовании признал необходимым статью разделить на три части: первая часть — «на приходском собрании председательствует священник-настоятель», вторая часть — слова «в случае его болезни или отсутствия, а также если подлежащее обсуждению дело касается его личных выгод или интересов, председательствует другой священник, по назначению благочинного», и третья часть — «если епархиальное начальство признает необходимым участие благочинного в приходском собрании, то он и председательствует в собрании»⁷. Каждая часть была поставлена на отдельное голосование: первая часть статьи была принята, вторая подверглась редакции, третья часть статьи отклонена. Также по части первой А.А. Назаров признавал необходимым «предоставить приходскому собранию избирать себе председателя»⁸. Это была последняя статья проекта приходской реформы, рассмотренная комиссией по делам Православной церкви.

Из 62 статей проекта устава, выработанного Св. Синодом, комиссия по делам Православной церкви успела обсудить 20, приняв 8 статей без изменений, подвергнув 8 статей незначительной редакции, изменив полностью 4 и включив 7 новых статей. Таким образом, составлялся но-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 220.

² Там же. Л. 220.

³ Там же. Оп. 7. Д. 1179. Л. 24 об.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 220.

⁵ Там же. Л. 220 об.

⁶ Там же. Оп. 7. Д. 1179. Л. 25.

⁷ Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 217.

⁸ Там же.

вый проект устава. После 23 марта 1916 г. был большой перерыв в заседаниях комиссии, в следующий раз она собралась лишь 25 мая 1916 г., и там обсуждались совсем другие вопросы, не имеющие отношения к приходской реформе.

В течение весны—лета 1916 г. в Св. Синод стали поступать «ходатайства многих преосвященных о разрешении устроить пастырские собрания по вопросу о реформе прихода. Св. Синод признал несвоевременным устройство подобных собраний. Вместе с тем Синод предлагает владыкам не высказываться публично о приходской реформе»¹. Законопроект предполагалось забрать согласно определению Св. Синода от 29 апреля 1916 г. Ober-прокурором был сделан доклад об этом в Совете министров, против высказались все министры, и сам А.Н. Волжин заявил, что он является лишь докладчиком синодального постановления².

В прессе сообщалось, что «члены комиссии священники связаны позицией, которую заняло ведомство православного вероисповедания в проекте. Ввиду этого по просьбе духовенства председатель комиссии отложил рассмотрение реформы прихода до осенней сессии в надежде на перемену политики ведомства»³. Хотя прот. Н. Дроздов пояснял: «Думские священники уверяют, что Львов по личной инициативе отложил „реформу прихода“ ввиду того, что не было в Петрограде шести членов комиссии из левого крыла, и явилась опасность „одностороннего решения вопроса в комиссии“»⁴.

Так закончилось обсуждение одного из самых ожидаемых законопроектов в области церковных преобразований. В.Н. Львов отстаивал проект нормального устава православного прихода IV отдела Предсоборного присутствия. В целом аналогичную позицию заняло большинство присутствующих на заседаниях членов комиссии, хотя по ряду вопросов (например, выборности духовенства) единства во мнениях не было. Но общая направленность была очевидна, в том числе и для представителей Св. Синода. Представители православного ведомства в целом занимали единую позицию: невмешательства Государственной думой в вопросы церковного законодательства, которое они признавали. Св. Синод изъявил намерения забрать законопроект из комиссии, представители ведомства перестали посещать заседания. Вместе с тем и дальнейшее обсуждение устава в комиссии прекратилось, сначала по сообщениям прессы — до осени, но фактически так и не возобновилось.

¹ Церковные дела / Приходская реформа // Бессарабия. 1916. 17 мая.

² Приходская реформа / Церковные дела // Бессарабия. 1916. 22 мая.

³ Церковные дела // Бессарабия. 1916. 1 июня.

⁴ Дроздов Н., прот. Слова и дела // Церковный вестник. 1916. №№ 28–29. С. 590.

М.В. РОДЗЯНКО И ВОПРОС ОБ «ИСТИННОМ ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ» В ЯНВАРЕ — ФЕВРАЛЕ 1917 г.

ГАВРОЕВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА,
аспирант кафедры русской истории РГПУ
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: feolika@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена деятельности М.В. Родзянко в январе–феврале 1917 г., когда он пытался предотвратить роспуск Государственной думы, продлить ее полномочия, опираясь при этом на общественные силы страны. Автор пишет о том, что думский председатель и ряд видных депутатов старались привлечь на свою сторону и рабочих Петрограда с целью обратить внимание правительства и императора на необходимость активной законодательной деятельности Государственной думы.

Ключевые слова: М.В. Родзянко, Государственная дума, Совет министров, Центральный военно-промышленный комитет.

Деятельность председателя Государственной думы в последние два месяца существования монархии не становилась предметом специального исследования¹. Данная статья является попыткой восполнить существующий пробел в историографии.

16 декабря 1916 г. председатель Совета министров А.Ф. Трепов в письме на имя М.В. Родзянко уведомил председателя Государственной думы о перерыве в работе думских занятий вплоть до 12 января 1917 г.² Однако, 5 января 1917 г. М.В. Родзянко получил письмо от А.Ф. Третьякова о том, что срок возобновления заседаний Думы переносится на 14 февраля 1917 г.³ Сам председатель Государственной думы связывал это с действиями министра внутренних дел, бывшего товарища председателя Думы А.Д. Протопопова⁴.

¹ Немногочисленные статьи петербургского историка И.Л. Архипова о М.В. Родзянко сводятся к цитатам из воспоминаний современников председателя Государственной думы, которые характеризуют его как недальновидного и ни на что не способного политика (см., напр.: *Архипов И.Л.* Председатель Государственной думы М.В. Родзянко // *Отечественная история*. 2006. № 3. С. 114–126; его же. М.В. Родзянко: второй человек «думской монархии» // *Звезда*. 2009. № 11. С. 160–178; его же. М.В. Родзянко: второй человек «думской монархии» // *Архипов И.Л.* Созвездие обреченных. Двенадцать в революции. СПб., 2016. С. 31–65). Краткие сведения о деятельности М.В. Родзянко накануне Февральской революции, о его попытках мобилизовать общественные силы в поддержку Думы содержатся в энциклопедической статье А.Б. Николаева (*Николаев А.Б.* Родзянко Михаил Владимирович // *Государственная дума России: Энциклопедия: в 2-х т. М.; Челябинск, 2013. Т. 1. С. 602–604*).

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1090. Л. 58. К письму была приложена копия указа Правительствующему Сенату от 15 декабря о перерыве занятий Государственной думы (там же. Л. 59).

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1090. Л. 60.

⁴ *Николаев А.Б.* Протопопов Александр Дмитриевич // *Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия*. М., 2008. С. 506; *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 198.

Какие же действия предпринимал М.В. Родзянко в связи с отсрочкой начала занятий Думы? Попытаемся восстановить хронику событий, предшествовавших открытию занятий 14 февраля 1917 г.

3 января 1917 г. председатель Государственной думы вызывает к себе председателя Постоянного совета Объединенных дворянских обществ А.Д. Самарина¹, московского губернского предводителя дворянства П.А. Базилевского, орловского губернского предводителя дворянства князя А.Б. Куракина и товарища председателя совета Объединенных дворянских обществ В.И. Карпова². В этот же день у него был председатель Земгора князь Г.Е. Львов, московский городской голова М.В. Челноков (кадет)³ и депутат А.И. Коновалов (прогрессист)⁴, с которыми М.В. Родзянко обсуждал текущий момент⁵. Во время беседы председатель Государственной думы уведомил присутствующих, что, в случае роспуска нижней палаты парламента, возглавляемые этими людьми организации должны были бы взять в свои руки инициативу дальнейших активных действий⁶. В ответ участники встречи наметнули М.В. Родзянко о возможности перемены курса политики правительства, думский председатель должен был быть готов принять пост председателя Совета министров⁷. Вечером 3 января в гостях у председателя Государственной думы был великий князь Михаил Александрович. В ходе беседы Родзянко обсуждал с ним необходимость смены правительства, приход к власти лиц, пользующихся общественным доверием⁸. Председатель Думы просил великого князя обсудить тревожную ситуацию в стране с Николаем II, а также поспособствовать назначению аудиенции М.В. Родзянко у императора⁹.

¹ В документах Департамента полиции МВД обнаружено перлюстрированное письмо от 12 января 1917 г. А. Смирнова из Петрограда В.А. Смирновой в Одессу, где указывалось, что встреча М.В. Родзянко и А.Д. Самарина является «признаком поворота в лучшую сторону» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 88).

² Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 173.

³ Николаев А.Б. Челноков Михаил Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 672.

⁴ Петров Ю.А. Коновалов Александр Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 281.

⁵ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 174.

⁶ Там же.

⁷ Еще в конце декабря 1916 г. состоялась беседа М.В. Родзянко и В.А. Маклакова о согласованных действиях в случае дарования «ответственного министерства», о необходимости «установить „имена“». Кадет уведомил об этом А.И. Коновалова в своем письме от 29 декабря 1916 г. (В.А. Маклаков, Петроград — А.И. Коновалову, Москва, 29 декабря 1916 г. // Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 530).

⁸ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 174.

⁹ В своих мемуарах М.В. Родзянко пишет том, что встреча с великим князем Михаилом Александровичем состоялась 8 января 1917 г. Однако суть беседы полностью совпадает с тем, что указано в дневнике Я.В. Глинки (*Родзянко М.В. Крушение империи*. С. 203–204). В мемуарах председатель Думы указал, что им было отправлено прошение о назначении высочайшей аудиенции 23 декабря 1916 г.

4 января 1917 г. председателя Государственной думы посетил генерал В.И. Гурко, исполняющий обязанности начальника Штаба верховного главнокомандующего, который прибыл в Петроград инкогнито. В разговоре с М.В. Родзянко он сообщил, что в случае роспуска Думы «войска перестанут драться»¹. 6 января М.В. Родзянко получил уведомление о высочайшей аудиенции 7 января 1917 г., во время которой он вновь поднял тему о политике правительства, необходимости твердой власти². После аудиенции М.В. Родзянко отправился в Великий Новгород, где было назначено дворянское собрание, в итоговой резолюции которого нашли отражение «боль и страх за будущее России»³. Вслед за Великим Новгородом аналогичные резолюции приняли дворянские собрания Симбирской, Ярославской, Самарской и Московской губерний⁴. Однако, кадеты и прогрессисты полагали, что дворянские резолюции не помогут изменить внутривнутриполитическую ситуацию, тактика же М.В. Родзянко вызывала их недовольство⁵. Представители этих двух думских фракций считали более надежным способом оказать давление на правительство с помощью рабочих демонстраций⁶.

Большинство советских и современных исследователей сходятся на том, что идея рабочей демонстрации к Таврическому дворцу в день возобновления занятий Государственной думы целиком и полностью принадлежит рабочей группе Центрального военно-промышленного комитета⁷. По имеющимся материалам Департамента полиции ЦВПК играл второстепенную роль в активизации рабочего движения с целью убедить правительство не распускать Государственную думу. В этой связи несомненный интерес представляет донесение начальника Петроградского охранного отделения

В думском делопроизводстве следующее прошение датируется 4 января 1917 г., т.е. на следующий день после беседы с великим князем Михаилом Александровичем (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1125. Л. 47).

¹ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 175.

² Родзянко М.В. Крушение империи. С. 206–207.

³ Там же. С. 209.

⁴ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967. С. 296.

⁵ Там же.

⁶ В.С. Дякин сомневался в том, что М.В. Родзянко и П.Н. Милюков могли выступить инициаторами рабочей демонстрации 14 февраля 1917 г. у Таврического дворца. Однако, каких-либо подтверждений этому тезису историк не привел (Дякин В.С. Указ. соч. С. 296).

⁷ См., напр.: Дякин В.С. Указ. соч.; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984; Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет и Февральская революция 1917 г. К вопросу о соотношении факторов организованности и стихийности // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. СПб., 2007. С. 243–271; его же. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 г. // Российская история. 2012. № 1. С. 69–90; его же. Прогрессивный блок и левые фракции IV Государственной думы и Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета // Первая мировая война и Государственная дума. Материалы Международной научной конференции. Казань, 17–18 октября 2014 г. М., 2015. С. 121–135.

К.И. Глобачева от 26 января 1917 г. В нем указано, что в столице существуют две общественные оппозиционные группы, стремящиеся захватить власть в свои руки¹. Первую из них составляют «руководящие „дельцы“ парламентского Прогрессивного блока» во главе с М.В. Родзянко². По мнению К.И. Глобачева, эта часть думской оппозиции уже не верит в то, что члены правительства уйдут со своих постов добровольно и передадут всю власть думскому большинству, которое должно «насадить в России начала „истинного парламентаризма по западноевропейскому образцу“»³. Далее он сообщил министру внутренних дел А.Д. Протопопову о том, что именно этой группе принадлежит идея «шествия народа к Таврическому дворцу», которое станет доказательством, что отказ Государственной думы выполнить указ о роспуске является результатом подчинения народных представителей своим избранным⁴. Начальник Петроградского охранного отделения особо подчеркнул, что рабочее шествие являлось идеей именно М.В. Родзянко, П.Н. Милюкова⁵ и ряда других депутатов, и только потом она была встречена сочувственно представителями рабочей группы ЦВПК⁶, которая и начала вести работу среди рабочих фабрик и заводов Петрограда. Далее предполагалось, что представители мирной манифестации у Таврического дворца вызовут председателя Государственной думы и депутатов, которым будут зачитаны резолюции фабрик и заводов о поддержке Государственной думы в ее борьбе с правительством⁷. В случае же неудачи в работе рабочей группы ЦВПК думское большинство хотело бы увидеть у стен Таврического дворца представителей особых делегаций, которые бы огласили свои резолюции и заявили о готовности рабочих поддержать борьбу народных представителей с правительственной властью⁸. К.И. Глобачев полагал, что данная ситуация является доказательством начала открытой борьбы думской оппозиции с правительством⁹.

В документах Департамента полиции есть материалы, подтверждающие, что рабочие фабрик и заводов проводили митинги и собрания с целью поддержать деятельность Государственной думы. Первым зафиксированным собранием стала сходка рабочих механической мастерской Невского судостроительного завода 12 января 1917 г.¹⁰. 1 февраля 1917 г.

¹ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. ЛЛ. 113–113 об.

² Там же. Л. 113 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 114.

⁵ В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства П.Н. Милюков настаивал на том, что он был противником шествия рабочих к Таврическому дворцу, так как «такое шествие легко взять в тиски и расстрелять» (Показания П.Н. Милюкова, 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 351).

⁶ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 114.

⁷ Там же. Л. 114 об.

⁸ Там же. Л. 115.

⁹ Там же. Л. 115 об.

¹⁰ Там же. Л. 13 об.

полицейский надзиратель Петергофского участка сообщил о митинге на Путиловском заводе с участием около 1000 человек¹, а пристав Лесного участка доносил о собрании рабочих завода «Айваз», а еще раньше произошло собрание рабочих на Петроградском металлическом заводе². 30 января на Петроградском трубочном заводе помощником начальника в мастерских была конфискована прокламация, в которой был призыв к рабочим сплотиться и организовать свои силы, чтобы 14 февраля 1917 г. перед стенами Таврического дворца огласить требования рабочего класса³. Одновременно стали появляться слухи о том, что депутат Государственной думы П.Н. Милюков посещал заводы и фабрики, призывая рабочих к беспорядкам⁴. Кадетами было составлено специальное письмо для периодической печати с целью разоблачить самозванца и предостеречь рабочих от провокаций. Однако, оно появилось на страницах газет только после того, как на этом настоял М.В. Родзянко, так как военная цензура не пропустила обращение П.Н. Милюкова⁵. Несомненно, что думский председатель был заинтересован в поддержке со стороны рабочих, которые своими обращениями и резолюциями⁶ привлекали еще большее внимание к вопросу о деятельности Государственной думы.

¹ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 9.

² Там же. Л. 31.

³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 51. Л. 2.

⁴ Родзянко М.В. Крушение империи. С. 213.

⁵ Там же. Не исключено, что М.В. Родзянко оказал содействие лидеру думских кадетов с целью дискредитировать его среди общества и рабочих, так как своим письмом П.Н. Милюков отказывался от возможности еще раз продемонстрировать правительству то, что Государственная дума находит поддержку у народа, чьи интересы представляли депутаты Государственной думы в стенах Таврического дворца. Лидер кадетов обратился к рабочим Петрограда со следующими словами: «<...> Обращу лишь внимание рабочих на то, что дурные и опасные советы, распространяемые в их среде такими низкими средствами, очевидно, исходят из самого темного источника. <...> я обращаюсь с убедительной просьбой ко всем слышавшим эти советы и увещевания не принимать участия в демонстрациях 14 февраля и оставаться в этот день спокойными» (Письмо в редакцию / Обращение к рабочим Петрограда // Речь. 1917. 10 февраля). В этом же номере было опубликовано обращение к рабочим командующего войсками Петроградского военного округа, генерал-лейтенанта С.С. Хабалова, в котором он просил их оставаться на своих местах в день открытия заседаний Государственной думы (Обращение к рабочим Петрограда // Речь. 1917. 10 февраля). См. о С.С. Хабалове в дни Февральской революции: Николаев А.Б. Последнее убежище генерал-лейтенанта С.С. Хабалова и обстоятельства его второго ареста в дни Февральской революции // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург 18 марта 2011 г. Сб. науч. ст. СПб., 2012. С. 69–74.

⁶ См., напр.: Обращение совещания организованных рабочих социал-демократов Петрограда к рабочим всех фабрик и заводов города // Меншевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 г. М., 1996. С. 453–457; Проект резолюции, предложенной рабочей группой ЦВПК для обсуждения в рабочих коллективах по поводу демонстрации в день открытия сессии Государственной думы // Там же. С. 459–461. Последняя распространялась в виде листовки, напечатанной на машинке. В этих документах Государственная дума признавалась местом, куда обращено внимание всей страны.

Накануне возобновления занятий Государственной думы, 1 февраля 1917 г., М.В. Родзянко на заседании Особого совещания по обороне государства выступил с ходатайством о назначении соединенного заседания всех четырех особых совещаний под председательством императора Николая II с целью «доложить государю императору обо всем, что их тревожит в настоящее время»¹. Военный министр М.А. Беляев высказался против такого рода совещания, так как Николай II был прекрасно осведомлен обо всех трудностях. На следующем заседании, 4 февраля, на имя Беляева последовало письменное заявление от имени М.В. Родзянко и еще 18 членов Особого совещания по обороне² с ходатайством на имя императора «обсудить в ближайшее время в присутствии его императорства величества вопросы, связанные с наступившими в деле обороны страны серьезными и опасными осложнениями»³. По словам председателя Думы, военный министр М.А. Беляев отказался передавать заявление императору, после чего была составлена письменная просьба, которая была отправлена Николаю II вместе с очередным докладом М.В. Родзянко⁴. Не исключено, что думцы предполагали использовать соединенное заседание как возможность озвучить свои политические требования.

10 февраля 1917 г. состоялась последняя аудиенция М.В. Родзянко у императора Николая II. В последнем своем докладе думский председатель высказал неудовольствие в отношении правительства, которое заваливало Думу «законопроектами, имеющими отдаленное значение для мирного времени»⁵, что, в свою очередь, никоим образом не могло поспособствовать стабилизации внутривнутриполитической жизни страны. По мнению председателя Думы, следовало начать обсуждение еврейского и аграрного вопросов, не прибегая к ст. 87 Основных законов Российской империи⁶, т.е. обратил внимание императора на программу Прогрессивного блока⁷,

¹ Журнал № 140 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, 1 февраля 1917 г. // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918 гг.: 1917 г. М., 1978. Ч. 1. С. 158–159.

² После М.В. Родзянко под заявлением стояли подписи следующих членов Государственной думы и Государственного совета: А.А. Добровольского, Д.Н. Чихачева, В.А. Маклакова, Н.В. Некрасова, А.И. Коновалова, П.Н. Крупенского, А.И. Шингарева, М.В. Челнокова, Н.В. Савича, Н.Н. Львова, М.А. Стаховича, А.И. Гучкова, В. И. Тимирязева, И.А. Шебеко, С.Ф. Ольденбурга, В.И. Гурко, В.И. Карпова, бар. В.В. Меллер-Закомельского.

³ Приложение / Журнал № 141 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, 4 февраля 1917 г. // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. С. 180.

⁴ Родзянко М.В. Крушение империи. С. 211.

⁵ Последний всеподданнейший доклад М.В. Родзянко // Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пб., 1921. С. 163.

⁶ Там же.

⁷ Речь идет о требовании отменить ограничительные законы для евреев (например, черту оседлости, процентные нормы в учебных заведениях), также говорилось о необходимости восстановить еврейскую печать (Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1–2. С. 135). По вопросу печати М.В. Родзянко в июле 1915 г.

таким образом, намекая императору на необходимость плодотворной законодательной работы Думы.

Накануне открытия заседаний Государственной думы в адрес ее председателя поступил целый ряд телеграмм со словами поддержки. 30 января 1917 г. было получено письмо от уполномоченных рабочих, которые заверяли М.В. Родзянко, что он и Дума являются единственной надеждой рабочих и всего государства, также они выступили категорически против роспуска нижней палаты парламента¹. 14 февраля была отправлена телеграмма от старшины присяжных заседателей выездной сессии Московского окружного суда в городе Коломне, в которой была высказана уверенность в плодотворной работе Думы на пользу России². Далее последовала телеграмма от комитета Московской биржи, председатель которой высказался за необходимость появления твердой власти в стране, надежду же полностью возлагал на Государственную думу³. Организационный комитет всероссийского союза торговли и промышленности и его председатель П.П. Рябушинский высказались за появление новой власти, которая в единении с Думой доведет страну до победы. Правительство же в телеграмме было обвинено в нежелании сотрудничать с общественными силами страны⁴. В день открытия думских заседаний М.В. Родзянко также получил телеграмму от совета присяжных поверенных округа Тифлисской судебной палаты, который пожелал «выразительнице народный чаяний» успеха в борьбе за спасение страны⁵. Поступил еще целый ряд телеграмм и писем, в которых четко прослеживается поддержка действий М.В. Родзянко и возглавляемой им Государственной думы со стороны различных слоев населения России⁶.

Таким образом, можно говорить о том, что председатель Государственной думы М.В. Родзянко накануне возобновления занятий Государственной думы использовал имеющиеся у него возможности, чтобы укрепить в сознании общества престиж нижней палаты парламента, а также заставить правительство и императора учитывать интересы думской оппозиции, которую он возглавлял.

обращался к министру внутренних дел князю Н.Б. Щербатову с просьбой обратить внимание на необходимость возобновления работы еврейских периодических изданий в Варшаве (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 172. ЛЛ. 242, 243, 247).

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1189. ЛЛ. 241–241 об.

² Там же. Л. 247.

³ Там же. ЛЛ. 252–254.

⁴ Там же. ЛЛ. 255–256.

⁵ Там же. Л. 261.

⁶ Ряд телеграмм был опубликован в «Справочном листке Государственной думы» от 19 февраля 1917 г.: от московского губернского предводителя дворянства П.А. Базилевского, комитета Московской биржи, председателя организационного комитета Всероссийского союза торговли и промышленности П.П. Рябушинского, Нижегородской городской думы, Костромской городской думы, Тихвинской городской думы, Общества вспомоществования служащих и служивших по найму в земских учреждениях Ставропольской губернии, присяжных поверенных округа Тифлисской судебной палаты, присяжных заседателей выездной сессии Московского окружного суда, машинистов Московско-Курской железной дороги (Справочный листок Государственной думы: Четвертый созыв — пятая сессия). № 41: 19 февраля (4 марта) 1917 г.).

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В ОСОБОМ СОВЕЩАНИИ ПО УСТРОЙСТВУ БЕЖЕНЦЕВ В ОБСУЖДЕНИИ МЕР ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ БЕЖЕНЦЕВ К СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ РАБОТАМ (ФЕВРАЛЬ — МАРТ 1917 г.)

ЗЛАТИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры русской истории
РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: zlatmari@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу деятельности Особого совещания по устройству беженцев в период до, во время и после революционных событий в Петрограде в феврале — марте 1917 года на примере обсуждения на заседаниях Совещания проекта о мерах по привлечению беженцев к сельскохозяйственным работам. Активное участие в обсуждении предполагаемых мер принимали члены Государственной думы и Государственного совета, входившие в состав Особого совещания по устройству беженцев. Проблема поиска дополнительных трудовых ресурсов для выполнения сельхозработ была столь актуальна, что несмотря на стремительно изменившееся положение в стране на первом же послереволюционном заседании Особого совещания, состоявшемся 18 марта 1917 года, члены совещания вернулись к обсуждению данного законопроекта. Утверждение воззвания к беженцам и проекта о мерах по привлечению беженцев к сельскохозяйственным работам прошло на очередном заседании Особого совещания уже 29 марта 1917 года.

Ключевые слова: беженцы, Особое совещание по устройству беженцев, Государственная дума, Государственный совет, Первая мировая война, 1917 год.

Несмотря на то, что советские и российские исследователи неоднократно обращались к проблеме экономического развития и положения сельского хозяйства в годы Первой мировой войны, в том числе, в 1917 году, историография вопроса о привлечении беженцев к сельскохозяйственным работам отнюдь не столь обширна. В.М. Рынков в статье «Сельское хозяйство Западной Сибири в годы Первой мировой войны: опыт государственного регулирования» большее внимание уделяет проблеме использования в сельском хозяйстве труда военных частей, военнопленных и «желтых рабочих» — китайцев¹. Беженцы достаивают

¹ Рынков В.М. Сельское хозяйство Западной Сибири в годы Первой мировой войны: опыт государственного регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 4 (8). С. 71–77.

ся лишь пары строк: автор сообщает о том, что несмотря на, казалось бы, выгодные предложения администрации вынужденные мигранты дали ничтожное количество сельскохозяйственных рабочих. При этом В.М. Рынков отмечает, что в конце 1917–1918 годах привлекаемые перспективой получения захваченных частновладельческих и казенных земель многие беженцы стремились осесть в Сибири и заняться сельским трудом¹.

М.В. Васильев в статье «Беженцы Первой мировой войны и Псковская губерния»² обращает внимание на циркуляры по привлечению беженцев к сельскохозяйственным работам, но только в Псковской губернии и только применительно к 1916 году.

С.В. Букалова в статье «Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны»³ сообщает о попытках привлечь беженцев к работе в сельском хозяйстве, но, опять же, ограничивается 1916 годом⁴. О проекте, разрабатываемом в Особом совещании по устройству беженцев в 1917 году, как и о положении дел в целом в 1917, в статье речи не идет. Тем более, что вся работа С.В. Букаловой построена на отсылках к трудам А.Н. Курцева и И.Б. Беловой. Поэтому логичнее обратиться к работе самой И.Б. Беловой⁵. Ирина Борисовна в диссертации не обходит стороной тему организации мер по привлечению беженцев к работе в поле, но в своем исследовании данной проблемы не выходит за границы 1916 года. При этом И.Б. Белова выявляет ряд важных моментов. Она отмечает, что уже в 1916 году, помимо обещанных мер поощрения, использовали и меры принуждения беженцев к сельхозработам через отмену пайков. «Особое совещание по устройству беженцев предписывало снимать с казенного беженского пайка отказавшихся от земледельческих работ, не считая уважительной такую причину отказа, как „низкая“ оплата»⁶. «Всего на сельскохозяйственных работах на октябрь 1916 г. находилось 14 %, на других работах — 15 % беженцев. Отказавшиеся от сельскохозяйственных работ без уважительной причины были лишены пособий. Например, в Калужской губернии в мае 1916 г. были лишены пособий 590, в июне 1916 г. — 635 чел. В Орловской губернии в 1916 г. лишили пайков 3 228 чел.»⁷. Губернаторы обязали городские и уездные управы провести обследование семей, по-

¹ Рынков В.М. Указ. соч. С. 74–75.

² Васильев М.В. Беженцы Первой мировой войны и Псковская губерния // Псков. 2014. № 40. С. 170–184.

³ Букалова С.В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год: Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. М.; Самара, 2015. С. 246–252.

⁴ Там же, С. 250–251.

⁵ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России): Дис. ... д. ист. н. Брянск, 2015.

⁶ Там же. С. 152.

⁷ Там же. С. 153.

лучавших государственные пособия, выявить среди них трудоспособных безработных, предложить им работу, а в случае отказа без уважительной причины предупредить о лишении беженских пособий¹.

Наиболее известной работой о деятельности самого Особого совещания по устройству беженцев является статья А.В. Ильина «Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 — февраль 1917 г.)»². Но, во-первых, в ней крайне обзорно представлена деятельность Совещания: данные о полутора годах трудов учреждения умещаются в одну статью. Во-вторых, интересующий нас период 1917 года в статье Ильина не представлен.

Тем важнее большее внимание уделить исследованию ранее мало-изученной деятельности Особого совещания по устройству беженцев в 1917 году, особенно его работе по разработке мер для привлечения вынужденных мигрантов к сельскохозяйственному труду. Затянувшаяся мировая война выкачивала людские ресурсы, все больше сокращая численность рабочих рук в тылу, серьезный удар пришелся и по сельскому хозяйству. По заявлению управляющего департаментом государственных земельных имуществ В.Ф. Сафонова, представителя Министерства земледелия в Особом совещании по устройству беженцев, из-за нехватки трудоспособных в сельском хозяйстве шло сокращение производства сельхозпродуктов. По его данным, на 1916 год уменьшение площади посевов составило по Европейской России около 8 % и коснулось, прежде всего, хозяйств, чей урожай зерна шел на продовольствие армии и продаже. Площадь засева некоторых таких помещичьих хозяйств уменьшилась чуть ли не наполовину. Наступающий 1917 год грозился сделать складывающуюся ситуацию еще более плачевной³.

В поисках источников пополнения рабочей силы в сельском хозяйстве Министерство земледелия обратилось в начале 1917 года в Особое совещание по устройству беженцев с просьбой утвердить разработанный министерством проект мер по привлечению беженцев на работу «в поле»⁴. Надо сказать, что это была не первая попытка за счет беженцев, в том числе, решить проблему с нехваткой числа трудящихся в сельском хозяйстве. Еще в феврале 1916 года Министерство земледелия сообщало через Особое совещание и циркулярными письмами губернаторам, губернским и уездным земским управам о необходимости привлечения беженцев к сельскохозяйственным работам⁵, причем в качестве привлекающего метода был выбран «пряник». Обещали сохранить за беженцем, поступившим на сельхозработы, причитающийся ему от казны паек (поступивших на работу, как правило, снимали с беженского довольствия),

¹ Белова И.Б. Указ. соч. С. 151–152.

² Ильин А. В. Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 — февраль 1917 г.) // Известия высшей школы. Серия «Правоведение». 1991. № 5. С. 49–55.

³ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 658–659.

⁴ Там же. Л. 658.

⁵ Васильев М.В. Беженцы Первой мировой войны и Псковская губерния // Псков. 2014. № 40. Приложение № 1. С. 178.

плюс дополнительные пайки для членов семьи¹. Однако запланированного результата данная мера не принесла. Из предполагавшихся 700–800 тыс. чел., способных к труду и проживающих в сельской местности, на поля в 1916 году вышло около 300–350 тыс. чел.². Да и далеко не всегда на работу выходили добровольно за дополнительное вознаграждение. В некоторых губерниях применяли уже в 1916 году карательные меры: беженцев, отказавшихся от сельскохозяйственных работ без уважительной причины, лишали пособий (Орловская, Калужская губ.)³. Но все эти меры не дали должного результата, и в начале 1917 года В.Ф. Сафонов, представитель Министерства земледелия, представил на одобрение в Особое совещание по устройству беженцев новый проект мер по привлечению вынужденных мигрантов к сельскохозяйственным работам. Проект был отправлен на рассмотрение специально организованной при Совещании временной комиссии⁴. Председателем комиссии был назначен член Государственного совета А.И. Лыкошин (правый), который входил в состав Совета Российского общества попечения о беженцах православного вероисповедания⁵. Среди членов комиссии из думцев был Н.Д. Крупенский (Центр)⁶, а из Госсовета, помимо председателя, В.П. Энгельгардт (Левая группа)⁷.

На этот раз по планам Министерства земледелия, представленным комиссии В.Ф. Сафоновым, предполагалось пополнить ряды тружеников сельского хозяйства за счет беженцев, проживающих в городах. Таким образом, планировалось убить сразу двух зайцев: снять проблему нехватки рабочих рук в деревне и разгрузить от беженцев переполненные ими города. Как собирались завлечь городских жителей в село? В роли «кну-та» выступала 1-я статья, согласно которой на время с 1 апреля по 1 октября выдача продовольственных и квартирных пайков на беженцев, проживающих в городах, должна была составить одну пятую от суммы, выдававшейся в марте 1917 года⁸. При этом надо учитывать, что на тот момент по решению Особого совещания по устройству беженцев выдавались средства на 50 % от общего числа беженцев. То есть деньги получала только половина вынужденных мигрантов, и уже от этой суммы должна была остаться одна пятая часть. В качестве «пряника» была представлена 2-я статья, согласно которой в сельской местности выдача продовольственных и квартирных пайков должна была производиться

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 241 об.

² Там же. ЛЛ. 642, 659, 661.

³ Белова И.Б. Указ. соч. С. 153.

⁴ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 658–667.

⁵ Куликов С.В. Лыкошин Александр Иванович // Государственный совет Российской империи. 1905–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 158.

⁶ Николаев А.Б. Крупенский (Крупенский 2-й) Николай Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 300.

⁷ Бородин А.П. Энгельгардт Вадим Платонович // Государственный совет Российской империи. 1905–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 334.

⁸ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 660.

на всех нетрудоспособных членов семьи беженца, работающего в сельском хозяйстве¹. Посредником между беженцами и нанимателями становилась уездная земская управа, она же должна была следить, чтобы наниматель обеспечил беженца — сельского работника и его семью — помещением для проживания.

На заседании временной комиссии Особого совещания по рассмотрению проекта было заявлено В.Ф. Сафонову, что надежды на результат от сокращения пайка минимальны, но определенная практическая польза от этого есть². Единственное, в чем проявилось на тот момент смягчение положений проекта, за что выступали, в том числе, Н.Д. Крупенский и В.П. Энгельгардт, это **постепенное** (выделено автором — М.З.) снижение процента получателей беженского пайка: со второй четверти (апрель — июнь 1917 года) должны были снизить на 50 % от изначальной суммы, с третьей четверти (июль — сентябрь) на 75 % от суммы. С другой стороны, члены Комиссии, в том числе, члены Государственного совета и Государственной думы, выступили против 2-й статьи, заявив, что бюджет не выдержит выдачи пайка всем нетрудоспособным в сельской местности, слишком накладно. Поэтому для сельской местности надо сохранить прежний принцип выдачи пайка на 50 % беженцев, а для города процент соответствующим образом сократить. Кроме того, с посредника между беженцем и нанимателем снималась повинность по обязательному обеспечению беженца удобно расположенным жилым помещением для него и его семьи. За самовольный уход с сельскохозяйственных работ до 1 октября беженец и его семья лишались любых пайков³.

Доработанный таким образом и одобренный временной комиссией проект был представлен для обсуждения и утверждения на Общее заседание Особого совещания по устройству беженцев, проходившее 18 и 22 февраля 1917 года. И вот тут ситуация поменялась коренным образом. Общее собрание, в отличие от комиссии, возмутило меры по привлечению городских беженцев на сельскохозяйственные работы, предложенные Министерством земледелия. Из членов Думы поддержал проект только Н.Д. Крупенский, от Госсовета — А.И. Лыкошин. Но они были членами комиссии, которая этот проект и дорабатывала. Против 1-й статьи и проекта в целом единым фронтом выступили не только представители национальных и общественных организаций помощи жертвам войны, некоторые из представителей министерств, но и члены Государственной думы и Государственного совета. Поскольку нас интересует мнение именно членов Думы и Совета, перечислим тех, кто выступил с обличительными речами. Из думцев: Я.С. Гарусевич (Польское коло)⁴. Он заявлял, что к цели, заявленной в проекте, надо стремиться, но пред-

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 661.

² Там же. ЛЛ. 661–662.

³ Там же. ЛЛ. 667–668.

⁴ Николаев А.Б., Постников Н.Д. Гарусевич Ян Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 122.

лагаемые средства недопустимы. По двум причинам: нецелесообразны и незаконны (противоречат закону от 30 августа 1915 года, не наделившего Особое совещание правом принуждать беженцев к чему-либо, а выбранный метод — это принуждение). Нецелесообразен, так как, исходя из правила «паяк на 50 % беженцев» при 60–65 % нетрудоспособных среди беженцев, получалось, что трудоспособные и не получают паяк, соответственно, и работать не смогут, и пайка лишатся¹. О том, что это скорее мера по сокращению расходов на паяк, чем привлечение к сельскохозяйственному труду, говорил И.П. Залит² (прогрессист)³. Точку зрения Я.С. Гарусевича (в плане незаконности применения мер принуждения) и И.П. Залита (попытка снизить расходы на пайки) поддерживали депутаты Государственной думы Я.Ю. Гольдман (прогрессист)⁴, М.М. Ичас (кадет)⁵, М.-Ю. Джафаров⁶ (мусульманская фракция)⁷.

С критикой представленного проекта из членов Государственного совета выступили К.Г. Скирмунт (Центр)⁸ (уже дальше некуда сокращать процентную норму выдачи пайка, надо организовать сельскохозяйственную помощь беженцев на других началах⁹), барон А.О. Шиллинг (Центр)¹⁰ (надо не понижать паяк, а увеличивать размер пайка работающим в сельском хозяйстве¹¹) и А.Ф. Кони (внепартийный)¹². Он подчеркнул и обосновал четыре проблемные точки проекта, обобщая в этом плане все ранее сказанное на заседании: неисполнимый, нецелесообразный, безнравственный и вредящий общественному порядку¹³. Однако и думцы, и представители Госсовета, аргументированно отклонив представленный проект мер по привлечению беженцев на сельскохозяйственные работы, своих идей не предложили. Единственное, что они заявили, наряду с другими участниками заседания: цель проекта важная и крайне актуальная, поэтому проект надо полностью переработать и внедрить.

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 635 об.–636.

² Там же. Л. 637.

³ Николаев А.Б. Залит (Залтис) Иван (Янис) Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 201.

⁴ Николаев А.Б. Гольдман (Гольдманис) Ян (Янис) Юрьевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 136.

⁵ Николаев А.Б. Ичас Мартин Мартинович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 224.

⁶ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 638, 640, 641.

⁷ Николаев А.Б., Усманова Д.М. Джафаров Мамед-Юсуф // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 162.

⁸ Бородин А.П. Скирмунт Константин-Стефан-Феликс Генрихович // Государственный совет Российской империи. 1905–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 249.

⁹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 641 об.

¹⁰ Бородин А.П. Шиллинг Альфред Оттонович (Альфред Карл Вильгельм) // Государственный совет Российской империи. 1905–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 322.

¹¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 641 об.

¹² Куликов С.В. Кони Анатолий Федорович // Государственный совет Российской империи. 1905–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 132–133.

¹³ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 643–643 об.

Для этой цели была создана вторая Комиссия по выработке мер к привлечению беженцев на сельскохозяйственные работы, председателем комиссии стал представитель Министерства внутренних дел, управляющий земским отделом А.А. Станкевич. Только он и А.Б. Нейдгарт (Правый центр)¹ выступили не просто с критикой проекта, но и предложили свой выход из тупика. Комиссии было поручено создать совершенно новый проект, но с той же главной целью: привлечь беженцев на работу в сельское хозяйство.

Новая комиссия собиралась дважды, в уже беспокойные дни 24 и 25 февраля 1917 года². По сути дела, на этих совещаниях обсуждался проект, выработанный отделом А.А. Станкевича. Если очень кратко, суть его плана сводилась к тому, что помимо самого проекта о мерах, в котором должны быть четко прописаны пути организации беженского труда в сельском хозяйстве, нужно было написать еще и Воззвание к беженцам. В этом Воззвании предполагалось проникновенно сообщить о том, насколько необходима помощь беженского труда в сельском хозяйстве, а также оповестить о некоем поощрении беженцев за работу «в поле». На заседаниях Комиссии, в основном, предлагали идеи и принимали участие в обсуждении и разработке проекта представители национальных организаций (Г.Б. Слиозберг, В.Ф. Грабский, В.А. Равич-Щерба и др.) и представители министерств (сам А.А. Станкевич — от МВД, И.К. Христофоров — от Министерства финансов). Участвовал в полемике из думцев Я.Ю. Гольдман, лишь пару фраз в конце заседаний сказал Я.С. Гарусевич. От Госсовета представители не упоминались. В итоге было решено в воззвании обратиться не только к патриотическим чувствам беженцев, но и пообещать, что те из них, кто пойдет на сельскохозяйственные работы с 1 апреля по 1 октября, и кто будет занесен в соответствующий список, получит право первой очереди как при доставке на родину (когда придет пора), так и при восстановлении разрушенного хозяйства в родных пенатах. Кроме того, было обещано выдать таким беженцам при отъезде в родные места особое безвозвратное пособие на переезд³. В плане мер по организации привлечения беженцев к труду в сельскую местность была предложена довольно четко прописанная схема работы. Объединяющим звеном и координатором работы всех соответствующих учреждений в губернии должны были стать уже существующие губернские совещания по устройству беженцев. Сама организация мероприятий по привлечению беженцев к сельскому труду поручалась Особому уездному комитету, чьим председателем должен был стать глава уездной земской управы. Также четко прописывалось, представители каких организаций и ведомств, должностные лица должны были войти в состав этого новообразующегося комитета. Именно

¹ Куликов С.В. Нейдгарт (Нейдгарт) Алексей Борисович // Государственный совет Российской империи. 1905–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 180.

² РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 669–673 об., 674–676.

³ Там же. Л. 677.

уездный комитет должен был выступать посредником между владельцами земли и беженцами. Привлекать беженцев к полевым работам предполагалось путем организации самостоятельного хозяйства беженцев через аренду пустующих земель (при условии снабжения таких групп лиц — арендаторов — необходимым живым инвентарем, сельскохозяйственными орудиями, семенами и пр., выдачей ссуд — предложение Я.Ю. Гольдмана). Также предполагалось заняться вербовкой отдельных работников из числа беженцев, образованием трудовых артелей с отправкой их на места спроса рабочей силы, с обязательным обеспечением двух последних групп лиц определенным размером заработной платы, жилым помещением, продовольствием и пр. Деньги на все эти мероприятия должны были выделяться от Особого совещания¹.

Проект, принятый в комиссии, обсуждался на общем собрании Особого совещания уже после свершившейся революции 18 марта 1917 года. В журнале заседания от 18 марта процесс рассмотрения проекта представлен крайне скупо. Сообщено решение, за которое проголосовали на заседании: отправить воззвание и проект мер на незначительную доработку. Что постановлено было изменить²: во-первых, «Совещание признало нужным обратиться с воззванием к беженцам, но не включать в него обещания возратить на родину в первую очередь беженцев, ставших на сельскохозяйственные работы, и вообще не обещать им каких-либо льгот и преимуществ». Во-вторых, велено было исключить из проекта пункт о губернских совещаниях как объединяющего начала и координатора всех организаций помощи беженцам в губернии. Отказаться от слишком четкого прописывания состава особых уездных комитетов, ограничиться лишь общим указанием, что в состав комитета могут входить представители широких общественных кругов, в том числе, национальных, общественных, волостных комитетов и прочие. Председателем уездного комитета теперь становился комиссар из представителей любых местных земских, городских, национальных и прочих общественных организаций. Таким образом, в более-менее выстроенный проект вторглась аморфность и вариативность. Сохранившиеся черновики протокола заседания обогащают сухую речь журнала³. Если брать высказывания именно членов Думы и Совета, то Н.Д. Крупенский, В.П. Энгельгардт и А.Б. Нейдгарт были против обещания в Воззвании каких-либо поощрений для беженцев, работающих в сельском хозяйстве, поскольку это, во-первых, было невозможно, во-вторых, опасно что-то обещать, иначе могут возникнуть недоразумения потом.

Пожелания и замечания, высказанные на заседании Особого совещания от 18 марта, были учтены. Подкорректированный соответствующим образом проект мер по привлечению беженцев к сельскохозяйственным работам был представлен и утвержден на заседании Особого совещания

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 678–679 об.

² Там же. ЛЛ. 698 об.–699.

³ Там же. ЛЛ. 693 об.–694.

29 марта 1917 года¹. Показательно, какие высказывания, в том числе, и от членов Госсовета и Госдумы, сопровождали процесс окончательного утверждения проекта. Они дошли до нас не в тексте журнала, сохранились лишь в черновиках ведущего протокол В.П. Энгельгардта. Н.Д. Крупенский заявил, что «мы опоздали, пока будем устраивать комитеты, работы будут уже окончены»². Ф.И. Лошкейт (беспартийный)³ заметил, «теперь ничего устойчивого нет, нельзя устанавливать что-либо определенного»⁴.

О том, что проект мер по привлечению беженцев к сельхозработам начали реализовывать, косвенно подтверждают следующие данные. Особое совещание по устройству беженцев к 6 мая 1917 года начало получать с мест телеграфные просьбы об отпуске кредитов на организацию мероприятий по привлечению беженцев к сельскому труду. Так Иркутское губернское совещание испрашивало 20 тыс. руб., Царевококшайский уездный комитет (Казань) — 10 тыс. руб.⁵, но в телеграммах не писали, на что именно нужны деньги. Члены Особого совещания постановили, что деньги на указанные цели должны быть отпущены, но не полностью, лишь частично. И впредь требовать, чтобы сообщали, на какие надобности просят средства.

Таким образом, можно констатировать, что в ходе разработки в Особом совещании по устройству беженцев проекта мер по привлечению беженцев к сельскохозяйственным работам решено было отойти от использования средств принуждения («проект Сафонова»), но и от приемов излишнего поощрения («проект Станкевича») пришлось отказаться, в итоге был выбран «Проект гражданского долга». Основной вклад в дело разработки программы мер внесли сотрудники министерства внутренних дел и представители общественных и национальных организаций помощи жертвам войны. Члены Госдумы и Госсовета больше проявили себя в прениях, посвященных вопросу утверждения статей рассматриваемого плана мер по приобщению вынужденных мигрантов к сельскохозяйственному труду.

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 726–727, 731–732 об.

² Там же Л. 714 об.

³ Николаев А.Б. Лошкейт Федор Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 333.

⁴ В данном случае речь шла о нормах условия труда, размере зарплаты и установления определенного состава штата Уездного комитета (РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 714 об.).

⁵ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 799–799 об.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЧИСЛЕННОСТЬ, ВЛИЯНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДЕМИН ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН
(Краснознаменск, Россия);
e-mail: vadime_demine@mail.ru

Аннотация: В статье говорится о работе предпринимателей в реформированном Государственном совете Российской империи. Анализируются их численность, взаимоотношения с другими депутатами, основные направления деятельности. Указываются результаты их выступлений по различным законопроектам. Делается вывод о малой влиятельности предпринимателей в палате.

Ключевые слова: Государственный совет Российской империи, Государственная дума, политическое влияние предпринимателей, страхование рабочих в Российской империи.

В последние три десятилетия значительно повысился интерес к истории законодательных палат России начала XX в., в т.ч. Государственного совета. Появился целый ряд посвященных ему исследований, в т.ч. монографических¹. Итоги изучения Государственного совета подведены в соответствующей энциклопедии². Тем не менее, многие проблемы его истории изучены явно недостаточно. К их числу относится влияние различных общественных слоев на его деятельность.

Предлагаемая работа преследует цель отчасти восполнить этот пробел и показать роль предпринимателей в верхней палате Российской империи. Она является продолжением другой статьи автора³.

Как известно, указ о переустройстве учреждений Государственного совета 20 февраля 1906 г. и Учреждение Государственного совета 24 апреля 1906 г. ввели представительство в нем торговли и промышленности. Выборщики от соответствующих организаций, в основном

¹ Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999; Korros A.S. Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalism, and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906–1911. Lanham, 2002; Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. М., 2006; Мичурин А.Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.

² Государственный совет Российской империи. 1905–1917. Энциклопедия / Под ред. В.В. Шелохаева. М., 2008.

³ Демин В.А. Предприниматели в III Государственной думе: численность, влияние, результаты деятельности // Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX — начала XX вв. Череповец, 2017. С. 59–66.

биржевых комитетов¹, избирали на 9 лет (с перевыборами одной трети каждые три года) 12 членов Совета. Они должны были иметь лишь общие цензы (возраст не моложе 40 лет, образование не ниже среднего, отсутствие судимости за преступления, караемые ограничением в правах), особые торгово-промышленные цензы не предусматривались.

За все время работы реформированного Государственного совета (1906–1917) в него избиралось от торговли и промышленности 24 члена. Из них лишь 19 принадлежали к числу крупных и средних предпринимателей. В их числе были крупные и крупнейшие промышленники Н.С. Авдаков, П.О. Гукасов, Н.Ф. фон Дитмар, Г.А. Крестовников, М.Л. Лосев, В.А. Поклевский-Козелл, С.М. Ротванд, П.П. Рябушинский, М.Н. Триполитов, Б.И. Ханенко, К.А. и Н.А. Ясюнинские², крупный мукомол и коммерсант Г.Э. Вейнштейн, коммерсант Ф.В. Стахеев, топ-менеджеры промышленных компаний С.П. Глезмер, Ф.А. Иванов, В.И. Тимирязев, руководители банков А.Ф. Мухин и А.В. Баулин.

Остальные (А.И. Гучков, Е.Л. Зубашев, П.Ф. Иорданов, Н.Э. фон Крамер, И.П. Лаптев) являлись общественными деятелями, хотя и связанными с бизнесом в той или иной степени.

Также крупными промышленникам являлись 4 члена по назначению: владелец нескольких заводов различного профиля Н.П. Балашов, стекольный фабрикант и коммерсант кн. Александр Д. Оболенский (1-й), женатый на владелице нескольких крупных добывающих и текстильных предприятий А.А. Половцов, имевший несколько добывающих предприятий В.Н. Охотников (также избирался от съезда землевладельцев Оренбургской губ.). Также бывшими топ-менеджерами в жестко контролируемых государством сферах бизнеса было 5 членов по назначению: П.Л. Барк (руководил банком), гр. С.Ю. Витте, П.Н. Думитрашко, К.С. Немешаев и О.Р. фон Экеспарре³ (все четверо возглавляли железнодорожные компании, Думитрашко лишь 3 года, а Витте и Экеспарре в 70–80-е гг. XIX в.).

Среди представителей земств, кроме Н. Ясюнинского (2-го), к предпринимательству имели отношение пятеро: Н.Н. Глебов (имевший доломитовые копи), кн. А.Д. Голицын (2-й, член правлений различных баков и промышленных предприятий), И.Г. Каменский (1-й, владелец или совладелец различных фирм), бар. В.В. Меллер-Закомельский (2-й, совладелец и руководитель нескольких добывающих и др. компаний), В.Э. Ромер (руководитель банков и бумажных фабрик).

Из членов от землевладельцев бизнесу были не чужды, кроме Охотникова, пятеро: гр. Андрей А. Бобринский (топ-менеджер в добывающей промышленности и пред. Всероссийского общества сахарозаводчиков), гр. С.И. Велепольский (топ-менеджер в промышленности), В.П. Глебов

¹ См. подробн.: *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. С. 43–45.

² Николай Ясюнинский избирался также от Владимирского губернского земского собрания.

³ Избирался также от дворянства.

(топ-менеджер и крупный коммерсант), бар. Л.Л. Кроненберг (глава страховой компании и член правлений других предприятий), Х.Н. Хлебников (рыбопромышленник и судовладелец).

Среди представителей дворянских обществ, кроме фон Экеспарре, предпринимательством занимались А.А. Ильин (совладелец картографической фабрики) и В.И. Карпов (владел каменноугольной шахтой). Член от Академии наук и университетов И.Х. Озеров являлся акционером и топ-менеджером ряда компаний.

Многие представители земств, землевладельцев, дворянских обществ, а также члены по назначению владели расположенными в их имениях и связанными с сельским хозяйством промышленными предприятиями: пищевыми, кирпичными, торфобрикетными, мельницами и др., однако очевидно, что по своим связям, интересам и психологии они относились к помещикам, а не предпринимателям.

Таким образом, не считая этих членов, а также бывших банковских и железнодорожных руководителей среди бюрократов, к предпринимателям и топ-менеджерам можно отнести 36 членов реформированного Государственного совета из 428, или 8 %. При этом почти половина из них (члены по назначению, от земств, дворянства, науки и часть от землевладельцев) являлись не столько бизнесменами, сколько крупными помещиками или (Озеров) представителями интеллигенции. Фактически предпринимателей в верхней палате представляли лишь чуть больше 20 членов или примерно одна двадцатая.

Избранные от торговли и промышленности предприниматели в подавляющем большинстве (15 из 19) входили в группу центра. В ее составе они образовывали торгово-промышленную подгруппу, не отличавшуюся сплоченностью и не пользующуюся значительным влиянием. 3 (Гукасов, Вейнштейн и Рябушинский) были левыми, Баулин после раскола центра (1911) вошел в группу правого центра. Из остальных 5 представителей курии 3 было центристами и 2 (Зубашев и Лаптев) — левыми. Фракционный состав предпринимателей, одновременно являвшихся помещиками или профессором (Озеров), был более разнообразным, но и среди них большинство (9 из 17) входило в группу центра. Правыми было 4, левыми — 3, правоцентристом — 1¹.

Малочисленные представители промышленности и торговли стояли особняком и по происхождению (в значительном большинстве были не из дворян), и по образованию (19 из 24 были инженерами (12), специалистами по естественным наукам (4) и выпускниками коммерческих училищ (3), составлявшими ничтожную долю в других куриях, при незначительном количестве преобладавших в них юристов и выпускников военных училищ). Они не вызывали доверия у помещиков и интеллектуалов из других курий, рассматривавших землевладельцев как опору

¹ Подсчитано по: Государственный совет Российской империи. 1905–1917. Энциклопедия; Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. Приложение 1. Члены, переходившие из одной группы в другую, учтены в составе последней.

существовавшего режима и требующих создания для них режима наибольшего благоприятствования за счет промышленности, или (и) небезосновательно считавших промышленников Государственного совета выразителями узкоклассовых интересов.

Руководили работой Совета более сплоченные и компетентные члены по назначению. В частности, они бессменно возглавляли финансовую комиссию, рассматривавшую в числе прочих большинство законопроектов о торговле и промышленности, а также действовавшие в 1916–1917 гг. комиссии — экономическую и о торговле и промышленности. Из представителей торговли и промышленности значительным влиянием пользовался бывший министр торговли и промышленности Тимирязев, являвшийся «своим» среди членов по назначению. Именно он избирался председателем ряда особых комиссий, в т.ч. по наиболее важным законопроектам о торговле и промышленности: о страховании рабочих от несчастных случаев и болезни, о времени торговли, о найме торговых служащих, а также о виноградном вине. Также значительным влиянием в Совете пользовался бар. В. Меллер-Закомельский, являвшийся с 1913 г. председателем группы центра и с 1915 лидером Прогрессивного блока в верхней палате, однако он занял такое положение благодаря влиянию в земско-дворянских кругах и специализировался на общеполитических вопросах.

Другие члены Совета от торговли и промышленности, особенно из крупнейших предпринимателей, нередко избирались докладчиками комиссий по законопроектам, связанным с торговлей, промышленностью, транспортом, а также трудовым законодательством. Однако, как будет показано ниже, общее собрание далеко не всегда прислушивалось к их аргументам.

Политическим дебютом представителей торговли и промышленности в Государственном совете стало рассмотрение законопроекта об изменении некоторых правил о паровых котлах. Он предусматривал передачу надзора за ними от фабричной инспекции желающим обществам владельцев котлов и губернским земствам. При этом III Государственная дума из-за нежелания снизить обложение промышленности отклонила предложение правительства об отмене котельного сбора, предназначенного на покрытие расходов по надзору. С отменой сбора с сельскохозяйственных котлов палата согласилась.

Государственный совет 24 октября 1909 г. одобрил предложение меньшинства особой комиссии, сложившегося вокруг предпринимателей, об отмене сбора с подконтрольных обществ котлов. Показательно, что возражал против этого докладчик Карпов. Согласительная комиссия 9 голосами против 3 поддержала решение Совета. Однако Дума одобрила мнение меньшинства о снижении сбора в 2 раза. 21 апреля 1910 г. Государственный совет несмотря на возражения Крестовникова и Авдакова одобрил проект¹.

¹ Государственный совет. Сессия 5. Стенографические отчеты. СПб., 1910. Стб. 45–68, 2210–2224.

Дума в феврале 1909 г. одобрила законопроект об установлении правил о сборе в пользу городов с грузов, привозимых в города и вывозимых из них по железным дорогам. Он предусматривал утверждение ходатайств городских дум о введении таких сборов министрами (вместо действовавшего ранее законодательного порядка). Особая комиссия Государственного совета 7 голосами, включая председателя (члена по назначению С.Ф. Платонова), против 7 одобрила основные положения проекта.

Общее собрание Совета 28 октября 1909 г. по предложению Крестовникова, Авдакова и др. (возражали в числе прочих докладчик Крамер и Стахеев) 86 голосами против 63 высказалось за законодательный порядок введения сборов. Предпринимателям добиться успеха помог юридический пуризм многих членов по назначению, недовольных отступлением от принципа введения налогов только в законодательном порядке или путем «самообложения».

В согласительной комиссии делегации палат поддержали их решение. Дума утвердила мнение своих представителей. 28 февраля 1910 г. Государственный совет под давлением правительства и лично выступившего по проекту П.А. Столыпина 107 голосами против 57 согласился с нижней палатой.

В других подобных случаях выступления предпринимателей в верхней палате было еще менее успешным. 28 октября 1911 г. Государственный совет несмотря на возражения Крестовникова 69 голосами против 42 одобрил законопроект об установлении в доход г. Нижнего Новгорода и Нижегородской ярмарки сбора с грузов, привозимых в город и на ярмарку¹. Осенью 1912 г. предприниматели во главе с Авдаковым добились решения финансовой комиссии об отклонении законопроекта об установлении в пользу г. Батум особого сбора с проходящих через Батумский порт товаров и других мерах восполнения г. Батуму, однако общее собрание Совета 63 голосами против 23 не согласилось с этим и 26 июня 1913 г. одобрило проект².

В большинстве затрагивающих торговлю и промышленность законопроектов, не связанных с налогами, выступления предпринимателей также оказались неуспешными. 5–6 июня 1912 г. при рассмотрении проекта об условиях сдачи нефтеносных земель (1912), несмотря на выступления Гукасова, Авдакова, Крестовникова и даже Тимирязева, были отклонены все поправки меньшинства финансовой комиссии, образовавшейся вокруг торгово-промышленной подгруппы³.

При рассмотрении 11 января 1913 г. законопроекта о мерах и весах (утвержден в 1916) была отклонена поправка Иванова, Дитмара и Три-

¹ Государственный совет. Сессия 7. Стенографические отчеты. СПб., 1912. Стб. 21–62, 107, 816–817.

² Государственный совет. Сессия 8. Стенографические отчеты. СПб., 1913. Стб. 2662–2688.

³ Государственный совет. Сессия 7. Стенографические отчеты. Стб. 3995–3996, 4715–4744, 4764–4805.

политова (возражал докладчик Тимирязев) об освобождении от надзора весов, не использующихся при сделках¹.

IV Государственная дума при рассмотрении законопроекта о публикации акционерными компаниями обязательных объявлений предложила отменить правила об обязательной публикации в частных «Московских ведомостях» и «С.-Петербургских ведомостях», а также помещать соответствующие объявления не в «Правительственном вестнике», а в изданиях Министерства финансов. Комиссия законодательных предположений Государственного совета по требованию правительства высказалась против этих поправок. При рассмотрении проекта в общем собрании 13 ноября 1913 г., несмотря на выступления Авдакова («от имени торговли и промышленности»), Крестовникова и др., поправка об отмене привилегий «Московских ведомостей» и «С.-Петербургских ведомостей» была отклонена 73 голосами против 70. Выступления Крестовникова, Зубашева от имени торгово-промышленной подгруппы, Дитмара и др. в пользу публикаций в изданиях финансового ведомства (вместо «Правительственного вестника») также оказались безуспешными.

Согласительная комиссия с участием Авдакова и Зубашева 9 голосами против 5 одобрила отмену обязательных объявлений в «Московских ведомостях» и «С.-Петербургских ведомостях». Однако 26 марта 1914 г. при рассмотрении ее доклада (одобренного Думой) Государственный совет 72 голосами против 53 отклонил проект.

Лишь в отдельных частных вопросах, не связанных с налогообложением, предпринимателям удавалось добиться успеха. 25 ноября 1911 г. при рассмотрении законопроекта о Бакинском градоначальстве Гукасов вопреки мнению финансовой комиссии, но при поддержке представителей правительства добился сохранения подведомственности присутствию по нефтяным делам (в котором преобладали выборные от нефтепромышленников и городского самоуправления) всех общих вопросов по охране и поддержанию порядка в городе и на нефтепромыслах (а не вносимых по усмотрению градоначальника)².

Правительство внесло законопроект о поддержке сельскохозяйственного машиностроения, предусматривавший налоговые льготы и премии соответствующим производителям, а также продление льготного ввоза некоторых не производящихся в России сельскохозяйственных машин и освобождение от пошлин запчастей для них. III Государственная дума при его рассмотрении в феврале 1912 г. голосами левых фракций и крестьян национально-правого крыла, желавших поддержать не промышленность, а сельское хозяйство, отклонила налоговые льготы и премии, а также распространила таможенные льготы на выпускаемые в России сенокосилки и конные молотилки. Весной 1912 г. Государственный со-

¹ Государственный совет. Сессия 8. Стенографические отчеты. Стб. 757–804.

² Государственный совет. Сессия 7. Стенографические отчеты. Стб. 588–635, 2685–2686.

вет при активном участии членов от торговли и промышленности добился отклонения основных думских поправок¹.

Важное место в деятельности предпринимателей в Государственном совете заняли законопроекты по рабочему вопросу. Первым из них стал проект о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев или утративших работоспособность на работах мастеровых, рабочих и вольнонаемных служащих, а равно членов семейств сих лиц, в промышленных и технических заведениях министерства финансов. Он вызывал возражения промышленников как создающий прецеденты распространения трудового законодательства на служащих и введения страхования от профессиональных болезней. Думская комиссия по рабочему вопросу, возглавляемая предпринимателями, добилась фактического отказа Думы от рассмотрения второй части проекта (о профессиональных заболеваниях).

В особую комиссию Государственного совета по первой части (15 членов) 20 октября 1909 г. было избрано 5 членов от торговли и промышленности. Она предложила (заключение поддерживали докладчик Триполитов и Крестовников) отложить обсуждение проекта на неопределенный срок (до разработки общего закона), однако 12 декабря 1909 г. общее собрание под давлением правительства не согласилось с этим. При рассмотрении проекта по существу (май 1910 г.) комиссия добилась принятия поправки о страховании лишь незначительного числа промышленных рабочих ведомства и отказа от страхования служащих, в основном многочисленных «сидельцев винных лавок».

Согласительная комиссия (с участием Крестовникова, Триполитова и Карпова) 11 голосами против 1 одобрила это решение. Однако Дума 87 голосами против 64 вновь проголосовала за страхование служащих. Верхняя палата повторно рассмотрела проект 16 марта 1911 г., т.е. спустя несколько дней после «парламентского кризиса», в ходе которого Дума поддержала Государственный совет против правительства. Докладчик Триполитов счел невозможным «при настоящих обстоятельствах» изложить свое мнение, и проект был одобрен².

При рассмотрении общих законопроектов о страховании промышленных рабочих от несчастных случаев и болезни большая часть предпринимателей (Триполитов, Авдаков, возражали им Крестовников и докладчик Тимирязев) при поддержке части правых безуспешно добивалась возложения лечения на больничные кассы (вместо предпринимателя).

В действовавшей в ноябре 1911 — феврале 1912 гг. особой комиссии по законопроекту об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах (предусматривал ограничение вре-

¹ Государственный совет. Сессия 7. Стенографические отчеты. Стб. 2404–2406, 2641–2670, 3595–3560.

² Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 5. СПб., 1910. Стб. 32–34, 396–431, 2616–2674, 2687–2712, 2716–2784, 3126–3186, 3317–3318. Сессия 6. Стб. 1373–1394.

мени торговли для отдыха продавцов) сложился блок части предпринимателей и правых, вопреки мнению ведомства пересмотревший проект в ограничительном смысле. В частности, было предложено разрешить торговлю продуктами 15 часов в сутки (вместо 12), разрешить 5-часовую торговлю в праздники и воскресенья любыми товарами (а не отдельными) и др. При рассмотрении проекта общим собранием (декабрь 1912 — январь 1913) представители предпринимателей раскололись. Мнение комиссии поддерживали докладчик Триполитов, Ротванд, Крестовников (отчасти), в то время как Дитмар, а также Крамер и Тимирязев выступали против ее поправок. В соответствии с мнением правительства они были отклонены¹.

В заключение можно отметить следующее. В Государственном совете имелось отдельное представительство предпринимателей. Это отличало его от Государственной думы, в которую предприниматели должны были избираться на общих основаниях, что в условиях отрицательного или настороженного отношения общественного мнения к бизнесу препятствовало избранию предпринимателей, готовых отстаивать интересы своей социальной группы. Поэтому в верхней палате представители бизнеса действовали более активно и последовательно.

В частности, они выступали против дополнительного обложения бизнеса, за облегчение его положения в некоторых частных вопросах, а также за ограничение обязательного страхования рабочих и служащих и иных мер по охране труда.

Из-за малочисленности представителей торговли и промышленности и их отчужденности от представителей высшей бюрократии (руководивших палатой) и земско-дворянских деятелей (заявивших в ней влиятельное положение) выступления предпринимателей в Государственном совете оказывались в большинстве случаев малоуспешными. Им удавалось добиться успеха лишь при поддержке правительства.

¹ Государственный совет. Сессия 8. Стб. 197–225, 228–274, 278–331, 334–404, 473–670, 804–806.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ КРУГАХ И РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

МИЧУРИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории для преподавания
на естественных и гуманитарных факультетах
Института истории СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: michurinspb@mail.ru

Аннотация: В статье затрагивается интересная и малоизученная тема, так как вопросы промышленного законодательства, общественной полемики и правительственной политики в этой области мало затрагивались в отечественной историографии. Вопросы промышленности и индустриального развития играли достаточно важную роль в общественном сознании в начале XX века. Это был также важный, но не первостепенный вопрос в период существования I–IV Государственной думы и Государственного совета Российской империи. В статье проводится разбор общественной полемики по промышленному вопросу, борьбы в правительственном лагере, в Государственной думе и Государственном совете в этой области, показывая несостоятельность представлений о том, что в Российской империи существовал универсальный промышленный дискурс, очевидный в период промышленной модернизации начала XX века. Основной тон в парламенте играли землевладельческие группы, которые с подозрением относились к вопросам развития промышленности.

Ключевые слова: Российская империя, Государственный совет, Государственная дума, модернизация, научно-техническая политика.

Вопросы промышленности и индустриального развития играли достаточно важную, но не всегда главенствующую роль в общественном сознании в конце XIX — начале XX века. В докладной записке Николаю II С.Ю. Витте писал в 1900 году по этому поводу: «Россия... нуждается в том, чтобы национальное политическое и культурное здание имело под собой надлежащую экономическую почву, чтобы империя вашего величества была великой не только политической и земледельческой, но и промышленной державой. И было бы роковою исторической ошибкою предполагать, что с удовлетворением этой народной потребности в создании широкой и разнообразной промышленности можно медлить. Международное соперничество не ждет»¹. И тем более это был не первостепенный вопрос в период существования I–IV Го-

¹ Докладная записка С.Ю. Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2/3. С. 133.

сударственной думы в Российской империи, в которой иные вопросы играли более важную роль. Левые партии и группы, в том числе национальные, в целом негативно относились не только к политическому, но и экономическому строю, видя в развитии промышленности усиление эксплуатации рабочих¹. Правые круги также относились к промышленникам с подозрением.

С.Ю. Витте в своей записке Николаю II считал невысокую заработную плату русского рабочего связанной с сельскохозяйственным трудом и благом для России: «При этих огромных естественных богатствах мы сверх того владеем еще дешевым трудом нашего, правда еще малообученного, но по природе даровитого, сметливого и усердного народа... Воспитанный на скромных привычках сельского обихода, он гораздо менее требователен, чем западноевропейский или особенно североамериканский рабочий, и невысокая заработная плата является для русской предприимчивости счастливым даром, дополняющим богатства русской природы»².

Однако многие исследователи конца XIX — начала XX века считали по-другому: «Несоразмерно низкая заработная плата у нас никоим образом не может быть объяснена большею дешевизной предметов первой необходимости, такое объяснение могло быть в известной степени допущено лишь по сравнению с Англией»³. То же мнение озвучивалось и в периодической печати⁴. Включались данные по уровню жизни в США и других западных странах и во вполне официальные отчеты по условиям жизни российских рабочих⁵. Вообще важной частью публичной полемики было сравнение жизненных условий в России и промышленных странах Запада⁶, отмечалось, при этом, что основной объем промышленного дохода (45 % и выше) рабочего шел на питание⁷. Все это говорило о сверхприбылях российских

¹ *Пажитнов К.* Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. СПб., 1910. С. 53.

² Докладная записка С.Ю. Витте Николаю II. С. 133. Сходные данные: Очерки современного состояния фабрично-заводской промышленности в России // *Вестник финансов, промышленности и торговли*. 1886. № 48. С. 573–577.

³ *Дементьев Е.М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. Изд. 2-е. М., 1893. С. 160–161; *Исаев А.А.* Начала политической экономии. СПб., 1894. С. 296–297.

⁴ ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 5. Д. 138а. Л. 18.

⁵ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882–1883 гг. фабричного инспектора Московского округа И.И. Янжула. СПб., 1884. С. 106; Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный. Т. 4: Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879–1885 гг. / Сост. д-ром Е.М. Дементьевым и проф. Ф.Ф. Эрисманом. М., 1893. Ч. 2. С. 514.

⁶ *Погожев А.В.* Статистика труда и анкеты по рабочему вопросу в иностранных государствах и в России. СПб., 1907.

⁷ *Овсянников В.* Довоенные бюджеты русских рабочих // *Вопросы труда*. 1925. № 9. С. 56–58.

промышленников и приводило к обострению рабочего движения, особенно в годы Первой мировой войны, на что прямо указывала часть общественных кругов, порицая промышленников за чрезмерные, по ее мнению, доходы¹. Указывала на это и леворадикальная печать: «Несоответствие условий, в которых приходится жить рабочим, с запросами, предъявленными к жизни, заставляет их сильно страдать и искать выхода из ненормального положения, в котором они находятся благодаря несовершенству существующего порядка»². Это же отмечала и вполне респектабельная газета «Новое время»³. Уровень жизни рабочих при этом вызывал широкую полемику в общественных и думских кругах⁴. Правда, уже современники отмечали увлечение исследователей конца XIX — начала XX века статистикой и большим количеством научных таблиц, без ясного изложения их значения. Например, С.В. Коган-Бернштейн правильно отмечал повышение заработной платы в результате рабочего движения 1905 годов. В то же время, его сводки изменения размеров рабочего дня в различных отраслях производства могли служить лишь какой-то предварительной ступенью для самых общих заключений⁵.

Одновременно в начале XX века в результате наметившегося повышения стоимости рабочей силы и под напором рабочего движения увеличилась и заработная плата, причем в больших размерах, чем стоимость питания. Поскольку темпы роста зарплаток начали обгонять темпы роста расходов на питание, доля денежных расходов на покупку продовольствия сократилась: ткачей — на 14,1 %, красильщиков — на 20,8 %, женщин — на 25 % и более. Если доля расходов на питание в первой половине 1880-х годов равнялась 33,9–45,7 % у мужчин и 57,2 % — у женщин, то к кануну Первой мировой войны она стала равняться примерно 25 % заработка у мужчин и 33 % заработка у женщин⁶. Отмечался обще-

¹ Ершова Т.В. Финансовая прибыль московской буржуазии в период Первой мировой войны в 1914–1917 годы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 4 (20). С. 28–29.

² Искра. 1902. № 29. 1 декабря.

³ Новое время. 1905. 8 апреля.

⁴ Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1909. С. 50–54; Томомианиц В. Экономическое положение рабочего класса России // Образование. 1906. № 4. С. 84–123.

⁵ Бернштейн-Коган С.В. Численность, состав и положение петербургских рабочих. Опыт статистического исследования. СПб., 1910. С. 181–188.

⁶ Песков П.А. Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве. М., 1882. Вып. 2. С. 54–55; Терентьев П. Прохоровская Трехгорная мануфактура в Москве, 1799–1899 гг. Историко-статистический очерк. М., 1900. С. 51; Шестаков П.М. Рабочие на мануфактуре Т-ва «Э. Циндель» в Москве. М., 1900. С. 4, 43; Козьминых-Ланин И.М. К вопросу об артельном харчевании фабрично-заводских рабочих Московской губ. М., 1914. С. 22; Первая областная конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ Московского промышленного района. М., 1907. С. 23.

ственностью также крайне низкий уровень медицины и профилактики болезней в промышленной сфере¹.

Существовала и иная обширная литература по рабочему вопросу². Заметим, однако, что при обыске в квартире одного из первых марксистов Г.В. Петровского практически не было книг по экономической тематике, широко выходявших в России, в том числе в конце XIX века: «18 июля 1889 г. у Петровского произвели обыск и обнаружили рукопись „Кровавая история в Якутске“, брошюру Л.Н. Толстого „Так что же нам делать?“», а при повторном обыске 2 августа — „Исторические письма“ П.Л. Лаврова, устав тайной библиотеки студентов Технологического института, протоколы собраний распорядителей библиотеки. Дознание установило, что в библиотеке имелись издания группы «Освобождение труда». Студент-технолог Я.М. Питерский рассказывал, что получил от Петровского книжку герценовского „Колокола“, „Три речи П.Л. Лаврова“ (Минск, 1888), „Календарь „Народной воли“ на 1883 г.“ (Женева, 1883), брошюру Ф. Энгельса „Социализм утопический и социализм научный“ (М., 1884), лавровские „Исторические письма“ и „К молодежи“ П.А. Кропоткина на польском языке»³. В других же рабочих кружках конца XIX — начала XX века обсуждали экономические вопросы и вопросы развития промышленности, читали соответствующую литературу⁴. Существовала и неофициальная полемика в рабочей среде по поводу капитализма в России, высказывалось сочувствие рабочим других областей российской империи, следили за их политической и экономической борьбой⁵.

Большое внимание в это время уделялось и статистическим данным развития промышленности в России, притом самыми разными политическими силами⁶. Рассматривался даже расовый состав ра-

¹ Врачебно-санитарное законодательство в России: Узаконения и распоряжения правительства по гражд. мед., сан. и фармацевт. частям, опубл. по 1 янв. 1913 г. / [Сост.] Д-р Н. Г. Фрейберг. 3-е изд., испр. и доп. изд. СПб., 1913.

² Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. Изд. 2-е, испр. и доп.. М., 1904; Козьминых-Ланин И.М. Фабрично-заводской рабочий Владимирской губернии (1897 гг.). Владимир на Клязьме, 1912; Численность и состав рабочих в России на основании Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1906. Т. 1; Козьминых-Ланин И.М. Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. С предисловием П.А. Вихляева. М., 1912; Шер В.В. История профессионального движения рабочих печатного дела в Москве. М., 1911. С. 46–47; Билимович А.Д. Подъем товарных цен в России. Киев, 1909. С. 65–67.

³ Орехов А.М. Первые марксисты в России. Петербургский «Рабочий союз» 1887–1893 гг. М., 1979. С. 29–30.

⁴ Там же. С. 130–131.

⁵ Карелина В.М. На заре рабочего движения в С.-Петербурге // Красная летопись. 1922. № 4. С. 17; В начале пути. Воспоминания петербургских рабочих 1872–1897 гг. Л., 1975. С. 240.

⁶ РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 332. ЛЛ. 2, 6, 10, 16, 22; Д. 254. ЛЛ. 1–102; Ленин В.И. Наши «успехи» // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. М., 1973. Т. 23. С. 20–21.

бочих на фабриках. Е.М. Дементьев, например, критиковал своих оппонентов: «...наши цифры говорят нам совсем обратное — о могущественном, первенствующем влиянии унаследованных расовых особенностей»¹. При этом Дементьев правильно, в целом, отмечает преобладание на фабриках выходцев из крестьянского сословия, связывая это с тяжелыми условиями жизни в сельской местности в главе 1-й «Связь фабричных рабочих с земледелием»².

Еще одним дискуссионным вопросом была борьба в правительственных кругах по формированию «промышленной повестки» работы. С.Ю. Витте призывал усилить централизацию и сконцентрировать вопросы промышленности в одном ведомстве — Министерстве финансов, что ему было крайне выгодно: «Как министр иностранных дел собирает в последовательную и стройную политическую систему все повеления вашего величества по управлению внешними отношениями государства, как из действий и указаний министра внутренних дел все ведомства познают волю государя по внутреннему управлению — так страна нуждается в столь же объединенном и твердом руководстве в области промышленно-торговой политики, в столь же последовательном и сосредоточенном объявлении высочайших повелений и воззрений по сей отрасли народной жизни одним министром, ближе всего стоящим к промышленности — министром финансов»³. Однако контроль правительства в этой сфере и так был чрезвычайно высок. Например, все утверждения всех уставов акционерных обществ в России и их контроль проходили через Санкт-Петербург⁴. Образование Министерства торговли и промышленности царским указом 27 октября 1905 года было своего рода компромиссом в этой полемике, так как часть промышленных вопросов осталась по-прежнему в министерстве финансов.

Вместе с тем антипромышленные настроения получили широкое распространение и среди чиновничества, которое опасалось, по словам видного промышленного деятеля Н.Н. Изнара, «чрезмерного развития частной промышленности и ее укрепления, вызывающих необходимость в изыскании сдерживающих мер»⁵. Министр торговли и промышленности в 1909–1915 гг. С.И. Тимашев писал в своих воспоминаниях, что ему «приходилось часто, слишком часто слышать и в Совете министров, и в Думе ироничные замечания, что тот или другой проект проникнут чрезмерной заботливостью о промышленниках, которым, кажется, и без меня недурно живется»⁶. В свою

¹ Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. Изд. 2-е. М., 1893. С. 215.

² Там же. С. 1–56.

³ Докладная записка С.Ю. Витте Николаю II. С. 139.

⁴ РГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 984. ЛЛ. 1–13; Ф. 23. Оп. 14. Д. 454. ЛЛ. 1–3.

⁵ Шенелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 65.

⁶ Там же. С. 70.

очередь, журнал «Промышленность и торговля», выражавший мнение предпринимательского сообщества, обвинял чиновников в экономической некомпетентности, псевдопатриотических настроениях, непонимании подлинных интересов Отечества. Еще дальше шел Совет съездов Представителей Промышленности и Торговли в 1914 году, заявляя по поводу действий правительства: «... „национальная“ политика последнего, встречающая опору в части Государственной думы и Государственного совета, должна быть отнесена к числу самых сильных тормозов для дальнейшего развития производительных сил... К большому нашему прискорбию состав Государственной думы за единичными исключениями совершенно чужд торгово-промышленному труду»¹.

В начале XX века в России произошел существенный подъем экономической конъюнктуры, а высшие правительственные круги пришли к выводу о необходимости масштабных инвестиций в данной сфере. Можно сказать о начале формирования научно-технической политики в России в это время. На протяжении полутора десятилетий накануне Первой мировой войны в ведущих университетах и технических вузах, при военном и морском ведомствах были созданы десятки механических, химических, электротехнических лабораторий, оборудованных по последнему слову техники. Лаборатории эти, по сути, являлись институтами и имели в своем распоряжении целые здания и современное оборудование. Так, Центральная научно-техническая лаборатория военного ведомства (ЦНТЛ ВВ) владела в Санкт-Петербурге на 8-й Госпитальной улице шестью корпусами, специально построенными для нее в 1912–1914 годах. Еще раньше (в 90-е гг. XIX в.) на острове Новая Голландия в Санкт-Петербурге были созданы Научно-техническая лаборатория и Опытный бассейн. Созданный в 1899 г. Физический институт при Санкт-Петербургском университете также был на тот момент одним из наиболее крупных и хорошо оснащенных научных учреждений в мире. В 1899 году был основан Санкт-Петербургский политехнический университет, к созданию которого тоже причастен С.Ю. Витте. В тот же период серьезные научные лаборатории появляются на целом ряде крупных как государственных, так и частных предприятий².

Роль и место промышленности и торговли в России начала XX века подчеркивало и то, что в реформированном Государственном совете после 1906 года часть членов избиралась от Совета торговли и мануфактур его московского отделения, местных комитетов торговли

¹ Промышленность и торговля в законодательных учреждениях 1913–1914 гг. Кн. 3-я. Доклад Совета съездов представителей промышленности и торговли. VIII Очередной съезд. СПб., 1914. С. 21–22.

² Мичурин А.Н. Научно-техническая политика России в XIX–XX веке // История науки и техники: Учебное пособие / Под ред. С.В. Кулика, С.Б. Ульяновой. СПб., 2016. С. 70–130.

и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ¹. Они обычно входили в самом Государственном совете в левую (академическую) группу². Среди ее членов в разные годы были такие видные члены финансово-промышленного мира, как А.И. Гучков, П.П. Рябушинский. Другие депутаты от торговли и промышленности входили в группу центра. Выделение в группе центра различных профессиональных групп (в том числе и торгово-промышленная) в годы Первой мировой войны свидетельствует именно о поляризации сил, желании промышленников играть более активную роль в отстаивании своих требований³.

Одновременно с этим, уже в ходе Первой мировой войны, отдельные видные, даже оппозиционно настроенные, политики обличали промышленников России за их жажду наживы. Отсутствие четких установок в бюро оппозиционного Прогрессивного блока, например, привело к тому, что глава IV Государственной думы М.В. Родзянко во время своего пребывания в Харькове в 1915 году на встрече с горнопромышленниками юга России отметил, что промышленность не оправдала надежд по обслуживанию нужд армии, а промышленные группы своими ссорами фактически прервали нормальную работу по снабжению армии. Эти заявления сродни тем заявлениям члена Государственного совета П.П. Кобылинского (правый) в августе 1915 года, в которых Кобылинский обличал промышленников в хищнических наклонностях и отсутствии патриотизма. Н. Манаров, один из корреспондентов Кобылинского, с восторгом писал: «Пусть правительство избавит нас от этих негодяев, пусть правительство ведет войну не только с немцами на полях сражений, но и с пособниками немцев внутри России, с наглыми негодями-промышленниками!»⁴. Сходные по духу заявления Родзянко, сказанные во время выборов в Государственный совет от промышленности П.П. Рябушинского и А.И. Гучкова, говорят о полном отсутствии координации между Родзянко и «Прогрессивным блоком». Прогрессистская газета «Утро России», всячески способствовавшая проведению П.П. Рябушинского в члены Государственного совета, очень быстро напомнила Родзянко, что он «недалеко ушел от пресловутой потребительской психологии... говорил Родзянко-земец и дворянин. Этим многое можно, если не оправдать, то объяснить»⁵.

В годы Первой мировой войны, помимо региональных и экономических вопросов в российском парламенте, среди промышленников стали

¹ Мичурин А.Н. Некоторые аспекты кризиса политической системы Российской империи в годы Первой мировой войны // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 179. С. 107–117.

² РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914. Д. 7. ЛЛ. 1 об.–2.

³ Бородин А.П. Усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете в 1907–1914 годах // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 56–66.

⁴ РГИА. Ф. 961. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

⁵ Утро России. 1915. 22 сентября.

преобладать и чисто политические вопросы¹. 2 сентября 1915, например, состоялось собрание торгово-промышленной группы. Большинство собравшихся находили, что ближайшие выборы должны носить ярко выраженный политический характер: «Ввиду этого было признано соответствующим ввести в Гос[ударственный] совет таких практических деятелей промышленности, которые проявили себя с определенной политической стороны, независимо от того, к каким районам эти лица принадлежат»². Были названы кандидатуры А.И. Гучкова, П.П. Рябушинского и В.Н. Литвинова-Фалинского, а также Г.Э. Вейнштейна как представителя евреев³. Избрание Г.Э. Вейнштейна показало, что промышленники резко полевели во время войны, и вызвало бурю эмоций у различных политических сил, включая и императрицу Александру Федоровну, которая могла негодовать по поводу того, «...что Гучков, Рябушинский, Вейнштейн (наверно, настоящий жид), Лаптев и Жуковский выбраны в Гос[ударственный] сов[ет] всеми этими скотами!»⁴. Хотя Н.В. Савич и отмечает, что деятельность в Государственном совете Гучкова не удовлетворяла⁵ — это явно не соответствует фактическому положению дел. А.И. Гучков и П.П. Рябушинский просто манкировал своими обязанностями, не участвуя в заседаниях Государственного совета в течение целого года и не принимая участие в рассмотрении вопросов развития промышленности и торговли⁶.

В Государственной думе, в целом, наибольший интерес депутатов всех созывов вызывали правовые вопросы, проблемы местного управления и самоуправления, народного образования, социальной политики, аграрных отношений. При этом, для кадетов приоритетными были проблемы права и судопроизводства. Этому было посвящено более 40% подготовленных ими законопроектов. Октябристы уделяли значительное внимание вопросам образованию. Около 22 % разработанных ими законодательных инициатив касались положения народного просвещения. В 22 % законопроектов леворадикальных фракций затрагивался аграрный вопрос. Около 13 % законопроектов кадетов и прогрессистов были посвящены проблемам общеимперского управления. В то же время среди октябристских законопроектов их доля составляла менее 3 %; среди законодательных инициатив правых фракций — чуть

¹ Мичурин А.Н. Политические взгляды членов Государственного совета по воспоминаниям и архивным документам // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2013 г. Сб. науч. ст. СПб., 2014. Ч. 2. С. 16–17.

² Утро России. 1915. 2 сентября.

³ Утро России. 1915. 15 сентября.

⁴ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. III. С. 361. Схожие оценки: Речь. 1915. 18 сентября; Русские ведомости. 1915. 18 сентября; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. ЛЛ. 1462, 1470.

⁵ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 90.

⁶ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1917 г. Д. 4. Л. 7.

более 1 %. Проблемы торговли и промышленности не слишком волновали народных избранников всех фракций. Левые радикалы и кадеты не подготовили ни одной инициативы, касающейся этих вопросов за 1906–1917 годы. Правые разработали 4 законодательных предположения, т.е. чуть более 4 % от общего числа внесенных ими предположений. Октябристы внесли 6 подобных инициатив (т.е. около 3,5 %)¹. Всего по фракциям за 1906–1917 гг. в Государственную думу по торговым и промышленным вопросам было внесено: правые — 4 законодательных предположения, октябристы — 6, центристы — 1, кадеты — 0, левые — 0, национальные группы — 1. В сравнении с земельным вопросом думская деятельность по законотворчеству в торговой и промышленной сфере явно проигрывала. Земельный вопрос: правые — 11 законодательных предположений, октябристы — 6, центристы — 6, кадеты — 7, левые — 11, национальные группы — 3². Это прямо расходилось с призывами С.Ю. Витте: «В настоящее время политическое могущество великих государств, призванных выполнять исторические задачи, создается столько же духовными силами народа, сколько и его экономическим строем, и даже боевая готовность страны определяется не одним уровнем ее военной организации, но и степенью развития ее промышленности»³.

Депутаты-крестьяне из правых были особенно недовольны обилием иностранных терминов (в том числе промышленных) в речах думских ораторов. В этом их поддержал Екатеринбургский отдел «Союза русского народа», в сентябре 1908 года постановивший на общем собрании ходатайствовать перед правыми депутатами о следующем: «на заседаниях Государственной думы очень часто гг. членами употребляются выражения и фразы, плохо понятные коренным русским мужикам... Все прения и разговоры должны вестись как подобает в русской Государственной думе, русским разговорным языком, без комичного ввертывания иностранных слов, не существующих даже и в большинстве словарей. В крайнем случае, в силу необходимости, где нужно будет употребить иностранное выражение, там сейчас же произнесенное слово должно быть выговорено и по-русски», ведь «иностранными выражениями и так за последнее время сбили всю русскую народную массу с истинного пути» (например, слова: «парламент», «экспроприация», «аграрный вопрос» и т.д.)⁴.

Большую роль в парламенте играли землевладельцы, которые формировали собственную экономическую повестку, отличную от промышленной. В III Государственной думе 360 депутатов жили за счет

¹ Законотворчество думских фракций, 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 732–755.

² Там же.

³ Докладная записка С.Ю. Витте Николаю II. С. 133.

⁴ Яновская В.Б. Государственная дума царской России в оценках депутатов и историков // Родина. 2005. № 3. С. 34–42.

ренты, а в IV Думе — 354¹. Промышленники понимали, что формирование политического мнения теперь зависело от политических партий, и активно их поддерживали. Это касалось и кадетов (газета «Биржевые ведомости»), и октябристов, и прогрессистов (газета «Утро России»)². Биржи и биржевые комитеты поддерживали прежде всего «Союз 17 октября»³. 20 декабря 1911 г. Ф.И. Гучков писал по поводу такой поддержки: «Без опоры какой-нибудь политической партии им не обойтись: прошли те времена, когда вопросы обложения, концессий, субсидий могли решаться путем шушуканья министра финансов с председателем Московского биржевого комитета»⁴. Неформальные встречи проходили в квартирах и особняках промышленников в начале XX века, что в Москве вообще приобрело систематический характер. Обсуждались самые разнообразные вопросы, прежде всего промышленные и финансовые. В них участвовали самые разнообразные общественные деятели (например: П.П. Рябушинский, М.В. Челноков, А.И. Шингарев, А.И. Коновалов)⁵. В самой же Государственной думе интересы предпринимателей не встречали, по их мнению, должного внимания⁶. Эти заседания у промышленников проходили и позднее, в годы Первой мировой войны: «Вспоминается мне еще мое участие в один из описываемых годов в двух совещаниях на политические темы у известного богача П.П. Рябушинского в его роскошном доме на Пречистенском бульваре»⁷. Там бывали профессура, прогрессистские члены Думы, земцы, писатели. Участились в начале XX века случаи лоббирования депутатами интересов крупного бизнеса, включение их в члены правления банков и железнодорожных компаний⁸.

«Отставные» политики тоже оказывали воздействие на процессы, в том числе и в формировании промышленной политики, играли роль экспертов, имели связи в Государственной думе, Государственном совете и прессе. Особенно заметную роль в этом играл С.Ю. Витте⁹. Ведущие периодические издания, включая «Новое время» и «Русское

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 435.

² Там же. Ф. 1327. Оп. 2. 1906. Д. 40. Л. 37 об.; *Колышко И.И.* Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 191; *Селезнев Ф.А.* Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917). Нижний Новгород, 2001. С. 74–80.

³ *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и буржуазия. Нижний Новгород, 2006. С. 73.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 517. Л. 3.

⁵ Там же. Ф. 810. Оп. 1. Д. 324. Л. 2; *Утро России*. 1910. 13 октября.

⁶ *Шепелев Л.Е.* В.В. Жуковский и С.И. Тимашев о законодательных учреждениях России (1907–1914 гг.) // *Россия в XIX–XX вв.: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина*. СПб., 1998. С. 233–238.

⁷ *Голицын М.В.* кн., Мои воспоминания (1873–1917). М., 2007. С. 540.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 517. Л. 100.

⁹ *Хайлова Н.Б.* «Никогда еще он не говорил так откровенно со мною»: Воспоминания М.М. Ковалевского о встречах с С.Ю. Витте накануне роспуска II Государственной думы. 1907 г. // *Исторический архив*. 2010. № 5. С. 123–153.

слово», фактически обслуживали его интересы¹. Заметим, что когда автор записки Николаю II в 1900 году С.Ю. Витте скончался в 1915 году, буржуазная печать отнеслась к его смерти с большим вниманием, отмечая прежде всего его финансовые и промышленные преобразования в России в конце XIX — начале XX века². Вместе с этим «правая» печать и сам Николай II высказывались о смерти этого «промышленного реформатора» без всякого сожаления³.

С.Ю. Витте констатировал еще в начале века то, что мог сказать и перед своей смертью в 1915 году: «Итак, несмотря на достигнутые успехи в деле роста промышленности Россия и по настоящее время остается страной по преимуществу земледельческой, а при сложившемся ныне строе политических и экономических международных отношений земледельческая страна, не имеющая своей собственной промышленности, достаточно развитой, чтобы удовлетворять главным потребностям населения продуктами отечественного труда, не может почитать свою мощь непоколебимой; без своей собственной промышленности она не может достигнуть настоящей экономической независимости, а опыт всех народов наглядно показывает, что только хозяйственно самостоятельные народы оказываются в силе проявлять в полной мере и свое политическое могущество»⁴. Вопросы промышленного развития России так и не приобрели должного значения в этот период и не стали первостепенным вопросом российского общественного сознания, проигрывая общеполитическим, аграрному и, отчасти, национальному вопросам.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 568. Л. 1293.

² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 298–374.

³ Русское знамя. 1915. 14 марта; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С. 116.

⁴ Докладная записка С.Ю. Витте Николаю II. С. 133.

СЦЕНАРИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАПРОСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

РЯБУХИН ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры новейшей истории России
Пермского государственного
национального исследовательского
университета (Пермь, Россия);
e-mail: i_ryabukhin@mail.ru

Аннотация: В представленном исследовании прослеживается становление и осуществление сценариев запросной деятельности как в первом — четвертом созывах Государственной думы Российской империи, так и отдельными фракциями внутри народного представительства. Проводится анализ изменения практик, выделяются идеально-типические модели взаимодействия по вопросам интерpellаций внутри депутатского корпуса и с правительством. Прослеживается связь между общим фоном взаимоотношений правительства и Думы и сценарием запросной деятельности, которого придерживается большинство представительного органа.

Ключевые слова: парламентская история, формирование элит, депутатские запросы, позднеимперский период истории России, парламентские практики.

Запросная практика народного представительства в позднеимперский период российской истории складывалась постепенно и условно может быть сведена к нескольким моделям или сценариям. Один из них — намеренное использование интерpellации для конфронтации с правительством. В действиях как центральных, так и местных властей намеренно выискивались нарушения прав человека, запрос строился на сообщениях с мест, нередко апеллировал к сообщениям печати, личным контактам депутатов.

Он характерен преимущественно для первого созыва и в полной мере проявился уже при обсуждении первого запроса, тема которого была сформулирована следующим образом: «Печатание воззваний в департаменте полиции, содержание в тюрьмах многих лиц без предъявления к ним обвинений и беспорядки в Вологде, Калязине и Царицыне»⁵. Поскольку данный запрос фактически стал образцом для всех последующих думских заявлений подобного плана, необходимо провести его более тщательный анализ. Сам запрос опирался на факты, сообщенные в газете «Речь» от 15 февраля 1906 г.⁶, и состоял из двух частей. Первая касалась непосредственно печатания в департаменте «возмутительных воззваний,

⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 272.

⁶ Там же.

призывающих к избиению инородцев и интеллигенции»¹. Сюда же были отнесены беспорядки в городах, так как «они совершались при том же преступном отношении властей»². Первая часть заканчивалась формулировкой: «Известны ли г. министру приведенные факты, какие меры приняты им для наказания виновных и что министр намерен сделать для предотвращения таких преступлений в будущем?». Затем следовала вторая часть, состоявшая целиком из одной формулировки и не имевшая ничего общего с предыдущим материалом: «Независимо от сего мы просим Государственную думу сделать г. министру запрос о том: Известно ли г. министру, что администрация переполнила тюрьмы заключенными, в числе коих есть заведомо невинные, и что в нарушение всех, даже исключительных законов об усиленной и чрезвычайной охране власти содержат заключенных свыше установленного срока без предъявления какого бы то ни было обвинения, доводя их таким путем до отчаяния, выражающегося в добровольной голодовке?»³.

Приведенные цитаты наглядно отражают специфические стороны, которыми обладали все последующие запросы перводумцев. Прежде всего это безоговорочное доверие одному источнику. Если в данном случае речь идет о рапорте статского советника Макарова, который был просто опубликован в газете, то практически все запросы, посвященные высылкам и содержанию в тюрьме (а это более 50 % от общего количества запросов), основывались только на телеграммах и письмах с мест, при этом не привлекались другие, в том числе официальные, данные.

Второй недостаток заключался в том, что ответ фактически закладывался в запрос и состоял в признании действий властей незаконными априори. Третий недостаток формально-юридического характера встречается в большинстве запросов Думы первого созыва — это отсутствие ссылок на действующее законодательство или указаний на нарушение каких-либо законов со стороны администрации.

Кроме того, большинство запросов имели частный характер, то есть были посвящены отдельным лицам, которые либо высланы, либо содержатся в тюрьме, либо подверглись другим, по мнению Думы, незаконным и насильственным действиям со стороны администрации.

При этом, конфликт между правительством и Думой носил неуправляемый характер, а все попытки, предпринимаемые, в частности П.А. Столыпиным, установить конструктивный диалог заканчивались речами, подобными выступлению С.Д. Урусова: «Эта опасность, смею сказать, не исчезнет, пока на дела управления, а, следовательно, на судьбы страны будут оказывать влияние люди, по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики (*несмолкаемый гром аплодисментов*)»⁴.

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. С. 272.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 2. С. 1132.

Таким образом, в Государственной думе первого созыва запросы выполняли не функцию контроля и влияния на деятельность правительства, а являлись важным средством выражения оппозиционности правительству и его политике, полем для выдвижения партийных требований, доказывали и разоблачали антинародный характер власти. Прежде всего, это была форма протестной деятельности.

Другой сценарий предполагает применение интерpellации именно для контроля над деятельностью правительства, анализа различных издаваемых подзаконных актов, инструкций, действий конкретных министров. Предполагает активную работу комиссии по запросам, снижение общего количества запросов, скрупулезную проверку на соответствие интерpellации законодательству. Основы такого сценария начали складываться во втором созыве, в соответствии с кадетской тактикой «бережения» представительства.

Наглядно это проявилось при обсуждении заявления о запросе № 1, который касался «насилия над членом П.С. Сиговым и другими, при проводах его в Красноуфимске»¹. Подобный запрос подавался в Думе первого созыва и касался «избиения чинами полиции члена фракции трудовиков депутата Сидельникова» (№ 258)², при этом инициаторами выступали представители фракций демократических реформ и кадетов. Запрос был признан спешным и передан министру внутренних дел³.

В случае с П.С. Сиговым первыми противниками спешности выступили именно кадеты. Депутат В.М. Гессен, признавая сохранение «различий между законом и печальной действительностью», тем не менее считал необходимым образовать сначала комиссию, а потом рассматривать какие-либо запросы, так как «запрос стоит <...> не в соответствии с теми статьями закона, которые об этом говорят»⁴. Позиция же левых депутатов совпадала в чем-то с ситуацией в Думе первого созыва и может быть выражена следующими словами самого П.С. Сигова: «Я не думаю, что несоблюдение какой-то маленькой формальности может служить препятствием тому, чтобы сегодня был заслушан мой запрос»⁵.

Данный случай интересен также и тем, что разъяснения на запрос были представлены министром юстиции еще до принятия запроса, прямо во время обсуждения, правда, версия событий в изложении прокурорского надзора кардинально отличалась от депутатской⁶.

Впоследствии кадеты стали прямо говорить о вредности запросов левых и, в частности, социал-демократов, которые превращали заседания

¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 632–633.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 2. С. 1572–1577.

³ Там же. С. 1577.

⁴ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 634.

⁵ Там же. Стб. 635.

⁶ Там же. Стб. 639–642.

представительного органа в «тяжелые удручающие дни, безрезультатно потерянные»¹, и одной из доктрин станет передача интерpellаций левых в комиссию по запросам в том случае, если нет непосредственной угрозы жизни людей.

Наглядной иллюстрацией кадетской тактики применения запросов во втором созыве служит депутатское заявление № 4 «Незаконные действия Московского генерал-губернатора Гершельмана», который касался отмены приговора военно-полевого суда московским генерал-губернатором. Это было сделано «вопреки закона и специального на сей предмет циркулярного разъяснения председателя Совета министров от 12 октября 1906 года». Формулировка запроса выглядела следующим образом: «Предлагаем Государственной думе сделать председателю Совета министров запрос: 1. Известен ли ему описанный выше факт. 2. Намерен ли председатель Совета министров принять меры к привлечению виновных к законной ответственности за превышение власти»².

Помимо общего момента с практикой первого созыва, который выражался в директивной формулировке второго пункта запроса, заявление впервые было направлено не против применения чрезвычайного законодательства, а рассматривало нарушения, допущенные при приведении в действие приговора военного суда. Согласно с практикой кадетов, запрос был передан в комиссию, которая, в свою очередь, постановила направить его трем министрам: юстиции, внутренних дел и военному³.

Тем не менее, в общем, отношения с правительством у большинства второго созыва складывались в условиях неуправляемого конфликта, и, в результате, «контрольный» сценарий окончательно сформировался и полноценно применялся лишь в третьем и отчасти четвертом созыве народного представительства.

При этом каждая фракция, подавая интерpellацию, могла придерживаться принципиально иного сценария, нежели общее собрание. Например, конфронтационного сценария придерживались во всех созывах социал-демократы и отчасти трудовики. Не чуждался использовать интерpellации в этих целях и правый фланг Думы.

В этом случае сценарий большинства Думы предполагал намеренное сдерживание любой радикальной запросной деятельности. Наиболее ярко подобная практика проявилась во время работы третьего созыва, когда октябристы намеренно блокировали запросы как с левого, так и с правого фланга Думы, используя для этого работу комиссии по запросам.

Наглядный пример связан с депутатским заявлением № 172 «по поводу принятия Советом министров прошения Головолобова о привлечении к судебной ответственности депутата Кузнецова за клевету с трибуны» народного представительства. Как указывали интерpellанты, в чис-

¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 1. Приложение. № 79 от 04.04.1907.

² Там же. Стб. 1470–1471.

³ Там же. Стб. 1584–1592.

ле которых были и представители кадетской партии, при обсуждении заявления № 169 социал-демократ Г.С. Кузнецов косвенно обвинил Я.Г. Гололобова в причастности к убийству социал-демократа и члена Государственной Думы второго созыва А.Л. Караваева. Я.Г. Гололобов, в свою очередь, обратился с прошением в Совет министров. По мнению инициаторов запроса незакономерность заключалась в том, что орган исполнительной власти не имеет права рассматривать подобного рода обращения, тем более давать им дальнейший ход с целью снятия неприкосновенности с депутата.

Несколько к другим выводам пришла комиссия по запросам, в докладе которой¹, в частности, отмечалось, что «законом не возбраняется Совету министров рассматривать такого рода обращения». Однако, по мнению большинства комиссии, незакономерность заключалась в том, что «за речи, произнесенные с трибуны, депутат не может быть ответственным перед судом», и, следовательно, высшим органом исполнительной власти неправильно истолкована статья 14 Учреждения Государственной Думы. Интересен тот факт, что к заключению комиссии имеется особое мнение октябристов князя И.А. Куракина и Н.П. Шубинского, которые предлагали Думе ужесточить карательные меры «по отношению к членам Думы, допустившим злоупотребление словом». Сам запрос, по мнению депутатов, необходимо свести к утверждению о том, что нарушается право представительного органа применять дисциплинарные взыскания к депутатам.

Водоразделом в запросной деятельности третьего созыва служат март 1911 г. и события, связанные с введением земств в западных губерниях по статье 87 Основных законов Российской империи. Тогда, протестуя против действий председателя Совета министров П.А. Столыпина, А.И. Гучков отказался возглавлять Думу, а октябристская фракция инициировала ряд запросов, связанных с проведением закона в действие чрезвычайным способом². Таким образом, конфликт между Думой и правительством вновь переходит в неуправляемую стадию.

Запросная деятельность в период до марта 1911 года в значительной мере стала результатом активности октябристов, националистов и правых. Если в Думе второго созыва их участие в подаче и обсуждении интерpellаций ограничивалось в основном внесением формул перехода и комментариями с мест, то в Думе третьего созыва фракция Союза 17 октября и правый фланг Думы самостоятельно инициировали запросы. Большинство запросов октябристов касались незначительных нарушений, допущенных министрами или чиновниками при принятии тех или иных законодательных актов. Типичным примером может служить запрос № 4, направленный министру финансов. Его исходный текст был

¹ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. 1911–1912 гг. СПб., 1912. Т. 4. № 566.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 год. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. 3. Стб. 719–730.

сформулирован следующим образом: «Чем вызвано со стороны министра финансов уклонение от ст. 118 Осн. Зак. при издании именного высочайшего указа Правительствующему Сенату, коим признано нужным предоставить министру финансов выпустить в 1908 г. в обращение новые билеты государственного казначейства на сумму 163.000,000 р. с назначением процентов на них из 4 % годовых и погашением не позднее 4 лет со времени выпуска, после чего билеты эти могут быть обменены на новые, если то будет признано полезным»¹. Правые, поддержавшие запрос, настояли на поправке, которая сводилась к замене слов «при издании именного высочайшего указа» на «при поднесении на благовоззрение его императорского величества проекта именного высочайшего указа», так как «воля государя императора священна и неприкосновенна», и, следовательно, Николай II при издании указа ошибку допустить не мог².

Уже с начала полномочий четвертого созыва между исполнительной и законодательной властью наметился неразрешимый конфликт. В этом плане показательна реакция либерального лагеря на ответы министров. «Ответ на запрос является тогда, когда запрос утратил свой интерес. Это ответ исторический на запрос политический. Если мы дальше будем прогрессировать в этом направлении, то ответ на запрос Государственной думы будет появляться в „Русском архиве“ и в „Русской старине“». Поэтому те замечания, которые мне придется сделать на данные здесь объяснения, будут замечаниями в значительной мере академическими. Прежде всего, я хотел бы оговориться относительно неправильной постановки самого основания ответа. Он дан будто бы тогда, когда Дума уже утвердила все выборные производства и этим признала законность своего избрания. Это высказано вначале и этим утверждением кончалось заявление г. товарища министра внутренних дел. Он вам сказал приятный комплимент: четвертая Дума законно избрана. Но, господа, умные люди не очень верят комплиментам и знают, что в комплименте всегда заключается по крайней мере преувеличение. Дума, господа, еще не все выборы утвердила»³, — заявлял кадет Ф.И. Родичев.

В запросной деятельности четвертого созыва довоенного периода можно выделить несколько основных черт. Прежде всего, депутаты всех фракций, в том числе и социал-демократы, стали уделять гораздо больше внимания фактической части запроса, его обоснованию, которое теперь осуществляется не только со ссылкой «на сообщения печати», но и за счет привлечения законодательной базы. С другой стороны, повышается уровень радикализации запросной деятельности у левых и либеральных фракций, которые, начиная от эсдеков, инициировавших запросы в защиту конкретных рабочих, и заканчивая кадетами и под-

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 годы. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 2. Стб. 41.

² Там же. Стб. 44.

³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1913–1914 гг. Сессия вторая. СПб., 1913. Ч. 1. Стб. 1467.

держивающими их в запросной деятельности прогрессистами, использовали любой удобный случай для подачи запроса о незаконных действиях и несоответствии тех или иных законоположений друг другу.

Если центр Думы, и прежде всего октябристы, при этом пытались сохранять нейтралитет и декларировали то, что придерживаются только закона, отдавая предпочтения попеременно то левым, то правым запросам, то консервативная часть Думы, наоборот, начинала выходить в плоскость экономической запросной деятельности, однако не успела реализовать ее в полной мере в связи с началом Первой мировой войны.

Принципиально иной сценарий запросной деятельности былработан Думой в годы Первой мировой войны, когда депутаты предпринимали попытки посредством интерpellации получить оперативную информацию от правительства о происходящем в стране.

В годы мировой войны резко возрастает количество принимаемых в спешном порядке запросов, а также интерpellаций, поданных в порядке ст. 40 Учреждений Государственной думы. Депутаты полагали, что таким образом возрастает вероятность получения объяснений министров, а основным аргументом во всех прениях по запросам становилась война¹. При этом вопросы общее собрание задавало чаще всего по экономической и инфраструктурной тематике в связи с ухудшением снабжения в городах, эвакуацией и т.д.².

Примечательно и то, что, критикуя, например, Б.В. Штюрмера, Дума фактически поддерживала министров, непосредственно отвечавших за ведение боевых действий. При этом главным мотивом выступлений большинства высших сановников в представительном органе становится не обсуждаемый предмет, а неизбежность победы над врагом, и депутаты не подвергали министров критике за подобные отступления.

В целом, за время работы первого–четвертого созывов запросные практики Государственной думы прошли путь от инструмента привлечения внимания правительства к представительному органу до контрольной функции, которая в полной мере начала реализовываться в третьем и четвертом созывах. Содержательный анализ запросных практик позволяет сделать вывод, что данная сторона думской деятельности привлекала депутатов, позволяла «захватить» трибуну для выражения фракционных установок, выступала средством коммуникации с правительством. Отдельного внимания заслуживает и работа комиссии по запросам, которая выступала органом, позволявшим сдерживать радикализм думской оппозиции, и превращала запрос в инструмент контроля законности тех или иных действий власти.

¹ См., напр.: Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915–1916 гг. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 534–537; 785–789; 1183–1185 и др.

² См., напр.: Там же. Стб. 881–883; 1813–1831 и др.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ КРИЗИСЫ В РОССИИ В 1906–1914 гг.: ТИПОЛОГИЯ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

СОЛОВЬЕВ КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ,

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института российской истории РАН
(Москва, Россия);
e-mail: kirillsol22@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению характера и причин парламентских кризисов в России в начале XX в. Автор приходит к выводу, что парламентский кризис — естественное состояние, в котором пребывала Дума в 1906–1914 гг. В значительной мере оно было обусловлено слабостью партийных организаций как, в целом, в России, так и в стенах Таврического дворца. Консолидация же думских фракций, а, соответственно, и выход представительных учреждений из состояния парламентского кризиса свидетельствовали об обострении политического кризиса, который в 1915 г. входил в свою новую фазу.

Ключевые слова: кризис, парламентский кризис, политический кризис, Государственная дума, Совет министров

Историки любят понятие «кризис»¹. Оно придает значительность явлениям, осмысленность — процессам, и льет воду на мельницу тем, кто не верит в случайности в истории. При этом само понятие, несомненно, полезно и в ряде случаев даже неминуемо. И все же слишком частое использование терминов девальвирует их значение. «Системный кризис», «политический кризис» и прочие формы кризисов, «мелькающих» на страницах статей и монографий, зачастую лишены конкретного научного содержания. В данном случае понятие служит лишь маркером, подчеркивающим, что говорящий верит в объективный характер трудностей, переживаемых системой, или же предопределенность ее печального финала.

В этом случае данное понятие с неизбежностью мифологизируется. Кризис становится синонимом тяжелой болезни, практически всегда заканчивающейся летальным исходом. При таком его понимании само словоупотребление становится знаком, многое объясняющим в историографических предпочтениях автора. Либо он говорит о кризисе, что выдает в нем явного «пессимиста», не сомневающегося в предрешенности краха империи. Либо он отрицает его, а значит верит в случайность происшедшего в 1917 г.²

¹ Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 3–4, 7; Miliukov P. Russia and its crisis. N.Y., 2005. P. 329–410; Manning R.T. The crisis of the old order in Russia. Gentry and government. Princeton, 1975. P. 3–44.

² См.: Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Февраль в тени Октября (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2018. № 1. С. 162–163.

При этом как будто не замечается, что понятие используется отнюдь не только историками. В общественных науках чаще всего не принято столь «драматизировать» кризис. Скорее он оценивается как необходимое состояние системы, в которой всегда имеется та или иная диспропорция, дисбаланс. Любая система находится в поисках устойчивого состояния, которое едва ли в полной мере достижимо. Следовательно, развитие происходит от кризиса к кризису, от одной диспропорции к другой. Конечно, такой кризис оказывается настоящим испытанием¹. Преодолевая его, организм становится лишь сильнее. Но далеко не всегда случается именно так. Некоторые болезни оказываются роковыми для системы. А умирают порой и от насморка.

Парламентские кризисы — неотъемлемая часть жизни любого представительства учреждения, даже укорененного в социальной среде и обеспеченного всей необходимой политической инфраструктурой. Тем более, это относится к режимам, где парламентский строй только складывался: как, например, в Австро-Венгрии, которая переживала не одну парламентскую драму в стенах собственных представительных учреждений².

Парламентский кризис подразумевает дефицит управляемости процессов в законодательном представительстве. Прежде всего, это обусловливается отсутствием устойчивого парламентского большинства, что заметно затрудняет прохождение законопроектов. Такого рода кризисные явления чувствовались в жизни Государственной думы на протяжении практически всех лет ее существования. Более того, можно с уверенностью говорить, что подобные трудности были неизбежны.

В 1906–1915 гг. в Думе не было устойчивого большинства — ни оппозиционного, ни проправительственного. На то было много причин. Главная же заключалась в отсутствии сильных, подлинно общенациональных партий. В этом не было секрета для современников. В частности, именно по этой причине октябрист, видный юрист-международник Л.А. Камаровский полагал невозможным учредить в России парламентаризм английского типа. По его мнению, дуалистическая модель конституционной монархии была как раз следствием слабости партийных структур в империи³.

Современники не уставали повторять, что на массового избирателя партии большого влияния не имели⁴. По словам члена Государственного совета Б.И. Ханенко (Центр)⁵, в Киеве действовали лишь две партийные

¹ Koselleck R., Richter M.W. Crisis // Journal of the History of Ideas. Vol. 67. № 2 (Apr., 2006). P. 381–400; Lukton R.C. Crisis theory: review and critique // Social Service Review. Vol. 48. № 3 (Sep., 1974). P. 384–402.

² Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. М., 2004. С. 65–67.

³ Камаровский Л.А. О парламентаризме // Голос Москвы. 1906. 30 декабря.

⁴ См.: Rawson D.S. Rightist Politics in the Revolution of 1905: The Case of Tula Province // Slavic Review. 1992. Vol. 51. № 1. P. 108.

⁵ Бородин А.П. Ханенко Богдан Иванович // Государственный совет Российской империи. 1905–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 299.

группы: правомонархисты и кадеты. Всем прочим приходилось примыкать либо к тем, либо к другим. Большинство же оставалось абсолютно безучастным к партийной жизни¹. Прошло полгода. Приближались выборы в Третью Думу. Октябрист Г.Г. Лерхе² писал А.И. Гучкову о московских избирателях: «В городе выборами интересуются очень мало. К сожалению, были попытки не только восстановить умирающие партии, как, например, торгово-промышленную, но даже устроить новые. И городские, и уездные комитеты („Союза 17 октября“ — К.С.) развалились. Из местных уездных представителей, которым я писал, получил ответ только от одного, из одиннадцати городских — только от четверых»³. Аналогичным образом ситуация складывалась в Воронежской губернии. Голосовали не за партии, а за более или менее популярных общественных деятелей⁴.

Со временем ситуация лишь усугублялась. Партии теряли и тень былого влияния. Осенью 1911 г. в «Союзе 17 октября» отмечали, что киевского отделения «Союза» фактически не было тогда, когда он мог рассчитывать на голоса избирателей по первой городской курии⁵. В сентябре 1912 г. Гучкову докладывали, что в Сумском уезде Харьковской губернии прекратила существование местная партийная группа. Имело место лишь деление на левых и правых⁶. Примерно то же говорилось о Рязанской губернии⁷. Неслучайно в октябре 1912 г. чиновники МВД констатировали: «Партийное деление, установившееся ко времени выборов в III Думу, пережило себя. В настоящую минуту это организации, где имеются только генералы и офицеры, но нет армии. Исключением являются лишь крайне левые группы и социал-демократы в особенности. Из правых групп сравнительно более многочисленные — националисты. Имеются отделы с некоторым количеством членов почти повсеместно. Но отделы эти, за исключением Юго-Западного края, созданы искусственно и будут существовать лишь до тех пор, пока их поддерживает людьми и средствами администрация»⁸. В итоге представители различных партий предпочитали называть себя беспартийными. Причем, это относилось и к правым, и к левым, которые обычно агитировали в свою пользу так: «Надо выбирать не по партиям, а просто честных, хороших местных людей»⁹.

¹ Выписки из протоколов группы Центра // ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

² Г.Г. Лерхе 17.10.1907 избран в III Государственную думу, входил во фракцию «Союз 17 октября» (Лерхе Герман Германович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 326).

³ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 100.

⁴ Шидловский С.И. Воспоминания: В 2 ч. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 109–110.

⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 207–208.

⁶ Письма А.И. Гучкову // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 509. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 23.

⁸ Переписка председателя Совета министров // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 25.

⁹ Там же.

Действительно местные власти регулярно доносили, что партийная принадлежность кандидатов в депутаты немного значила для крестьян¹. Впрочем, и сами депутаты зачастую не были активно вовлечены в партийную жизнь. В 1912 г. бывший председатель Думы Н.А. Хомяков делился своей печалью с октябристом И.С. Ключевым: «Что это за время, которое нам приходится переживать? Где у нас настоящие люди, истинные граждане? Их нет ни здесь, ни в провинции. Возьмите в пример хотя бы нашу Смоленскую губернию или вашу Самарскую. Кого выбрать в Думу, в губернское земское собрание? Все те же лица — обыденные, будничные, беспринципные, неустановившиеся, неустойчивые, смотрящие на вещи сегодня так, а завтра — по-другому»². Октябрист Н.В. Савич не был столь категоричен, однако, в сущности, давал схожую оценку: «На выборах не было яркого разделения между разными оттенками политических настроений среди того антиреволюционного блока, который объединил все консервативное, умеренное и просто перепуганное „иллюминациями“ и разгромами имений глубоко мирное, имущее и цензовое большинство обывателей провинции. Выбирали не по принадлежности к той или другой партии, в этом еще не разбирались, а изблюбленным кандидатом являлся тот, кто проявил наибольшую активность во время выборных кампаний против левого картеля»³.

В момент максимальной численности партий до 1917 г., а именно в период Первой русской революции, они мобилизовывали в свои ряды до 0,5 % населения России. После 1906 г. общая численность партий пойдет резко на спад⁴. Некоторые партии фактически сведутся в одну точку — в думскую фракцию.

Но и там, в Таврическом дворце, не хватало порядка. Все фракции страдали от отсутствия депутатской дисциплины. Народные избранники зачастую не видели необходимости согласовывать свои решения с фракционным руководством.

Практически все фракции Думы находились на грани распада с момента своего создания. На внутренние противоречия постоянно жаловались думские правые. 23 ноября 1911 г. один из их лидеров А.С. Вязигин писал жене: «Вообще я чувствую, как растет у меня отчуждение от грубого и насильственного направления, которое мне было всегда не по душе»⁵. Не вызывал симпатий Вязигина и Н.Е. Марков: «Он делается типичным „парламентарием“, для которого жизнь невозможна вне Государственной думы»⁶. Вязигин полагал, что Г.Г. Замысловский

¹ Донесения состоящего в распоряжении председателя Совета министров чиновника Дмитриева-Мамонова // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 8. Л. 83.

² Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 14 об.

³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 27–28.

⁴ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 9.

⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 200–201.

⁶ Там же. С. 204.

и Марков завидовали ему и строили разные козни¹. Постоянно возникали конфликты между руководством фракции и входившими в нее крестьянами и священнослужителями².

Схожие трудности переживали националисты. По словам А.И. Савенко, «одни из нас прямо лезут в октябристы (Сувчинский³, Трегубов⁴, Населенко⁵), другие перетягивают группу вправо (к ним относится о. Митроцкий⁶). Приходится много тратить сил и нервов, чтоб держать фракцию в русле разумной середины»⁷. Как и среди правых, крестьяне и священники, принадлежавшие к националистам, порой занимали собственную позицию, отличную от мнения фракционного руководства⁸. Все тот же Савенко писал, что депутатское объединение существовало «как стадо без пастырей»: некому было следить за голосованием и даже собирать фракционные совещания⁹.

В октябре 1913 г. представители левого крыла фракции уже вели переговоры с партией Центра о возможности создания единой группы¹⁰. В апреле 1914 г. Савенко уже констатировал раскол. 20 правых националистов оказались в непримиримом противоречии с большинством своих софракционеров¹¹. В августе 1915 г. объединение перестало существовать. 14 августа 1915 г. Савенко писал жене: «Ты уже знаешь из газет, что из национальной фракции вышел весь цвет фракции. Сегодня состоялось первое заседание нашей новой фракции. Родовались мы, как дети, что, наконец, вырвались из душной балашовской тюрьмы, где все мы задыхались от трупного запаха»¹².

Точно также и октябристы балансировали на грани распада. При образовании фракции «Союза 17 октября» в Третьей Думе ее представители буквально метались между двумя депутатскими клубами, располагавшимися на Моховой улице Санкт-Петербурга: Клубом правых и умеренных и Клубом общественных деятелей¹³. Такого рода проблемы были неизбежны. Большинство октябристов принадлежало к правому крылу объединения. Однако они были плохо организованы и весьма пассивны. Напротив, левое крыло фракции составляли самые деятельные октябри-

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 219.

² Там же. С. 350–351.

³ Николаев А.Б. Сувчинский Корнелий Евтихеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 595–596.

⁴ Николаев А.Б. Трегубов Александр Лаврентьевич // Там же. С. 618.

⁵ Николаев А.Б. Населенко Памфил Тимофеевич // Там же. С. 399.

⁶ Николаев А.Б. Митроцкий Михаил Владимирович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 378.

⁷ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 322.

⁸ Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 23.

⁹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 370.

¹⁰ Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 27.

¹¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 400.

¹² Там же. С. 443.

¹³ Савич Н.В. Указ. соч. С. 30.

сты¹. Его представители безраздельно доминировали в бюро фракции. Тем не менее, чаще всего именно они настаивали на «свободе голосования», не желая солидаризироваться со своими правыми товарищами². Раскол среди октябристов казался неминуемым³. 13 июня 1908 г. Савич писал: «Дума превратилась в земское собрание; партийная дисциплина рушилась, всяк сам за себя»⁴. В августе 1908 г. Н.А. Хомяков даже отказывал «Союзу 17 октября» в праве называться партией. По его мнению, «Союз» должен был в самом скором «расслоиться»⁵.

Напрасным было требовать от октябристов дисциплины. М.В. Родзянко редко голосовал вместе с фракцией⁶. Депутат III Государственной думы И.В. Тищенко⁷ в ходе голосования практически всегда поддерживал правых⁸. В то же самое время многие октябристы были категорически против альянса даже с националистами⁹. Время от времени бюро октябристов ставило вопрос о необходимости «обязательного голосования». В 1911 г. были даже выработаны правила: баллотировка считалась обязательной в том случае, если на заседании фракции присутствовало не менее 50 депутатов и за обязательность голосования высказалось, по крайней мере, 2/3 собравшихся. Но даже в этом случае если депутат не хотел голосовать вместе с фракцией, он был вправе воздержаться¹⁰.

Правда, редко на октябристские собрания являлось 50 депутатов. Фракции вновь приходилось напоминать о дисциплине. 6 мая 1911 г. этой проблеме было посвящено особое совещание. «Это полное неуважение к нашей работе, — недоумевал Н.А. Хомяков, — полнейшее невнимание к самой фракции, а через нее и к Думе. Нехорошо вообще, когда члены не посещают фракционные собрания, но еще хуже, когда они проводят это время за картами тут же, в следующей комнате, чуть не рядом»¹¹.

Пускай призрачное, но все же единство фракции — результат немалых усилий А.И. Гучкова. По словам Вязигина, «члены Думы многократно могли наблюдать, как в течение одного и того же заседания менялось настроение центра — могущественной фракции „Союза 17 октября“, что влекло за собой порой весьма неожиданный и неприятный для А.И. Гучкова исход голосования»¹². Гучков редко мог отлу-

¹ Савич Н.В. Указ. соч. С. 79.

² Вязигин А.С. Гололобовский инцидент. Харьков, 1909. С. 8.

³ Около Думы // Русские ведомости. 1907. 4 ноября.

⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 108–109.

⁵ Речь. 1908. 23 августа.

⁶ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

⁷ Тищенко Иван Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 614.

⁸ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 17 об.

⁹ Там же. Д. 10. Л. 15 об.

¹⁰ Там же. Д. 5. Л. 50 об.

¹¹ Там же. Д. 8. Л. 25.

¹² Вязигин А.С. Указ. соч. С. 8.

читься из Думы, ему приходилось постоянно быть «настороже»¹. Ради упрочения фракции ему зачастую приходилось отказываться от своих взглядов, скрывать эмоции, личные пристрастия. 27 мая 1908 г. близкий к октябристам журналист И.А. Гофштеттер писал Ф.И. Гучкову: «Лидерство Ал[ександра] Ив[ановича] (*Гучкова — К.С.*) — это нравственная каторга, это отречение от личной совести, подчинение своей мысли стадной равнодействующей. Он сам говорил мне, что завидует идиоту Пуришкевичу, который может молоть всякий вздор, все, что взбредет ему в голову, а Ал[ександр] Ив[анович] и на трибуне, и в партийных совещаниях чувствует себя точно в наморднике: говорит, да оглядывается, как бы не уклониться от партийной линии поведения, не внести раскола в свою партию, не вызвать протеста единомышленников»².

Тем опаснее для фракции было избрание Гучкова председателем Думы. В октябре 1907 г. октябристы отбросили эту идею, отлично осознавая, что партийный лидер был им нужен совсем в ином качестве³. Спустя три года Гучков не смог преодолеть искушения сесть в думский президиум. А.И. Звегинцев видел в этом главную его ошибку за все время работы Третьей Думы: «Ему не следовало идти в председатели... так как этим переходом он, оставляя свою партию без руководителя и тем ослабляя ее, ничего не выигрывал в смысле общегосударственной пользы — в высших сферах ему не доверяли, и там он не имел никакого влияния»⁴. С этой оценкой соглашался и Н.В. Савич: «Мы разом теряли руководителя думской работы, искусного председателя фракции, единственного из нас, кому по плечу было сглаживать острые углы внутрипартийных трений. Словом, кандидатура Гучкова нас резала насмерть»⁵.

Дезинтеграционные тенденции во фракции приняли особое ускорение после кризиса 1911 г., обусловленного принятием законопроекта о введении земства в Западном крае в порядке 87 ст. Основных законов. Гучков, не согласный с правительственным решением, ушел в отставку. Фракция не была готова его поддерживать. Таким образом, несомненный лидер «Союза 17 октября» оказался в полном одиночестве. Гучкову оставалось только выйти из состава бюро октябристов и отправиться на Дальний Восток⁶.

Фракция осиротела. Дума осталась без председателя. Октябристам следовало определиться с кандидатурой на должность спикера. Большинство высказывалось за М.М. Алексеенко, всесильного руководителя бюджетной комиссии. Алексеенко не хотел ее менять на председательское кресло. Регулярно вспоминалось имя М.В. Родзянко. Но правый октя-

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 103–104.

² Письмо И.А. Гофштеттера Ф.И. Гучкову // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 384. Л. 3.

³ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 2. Л. 2об.

⁴ Там же. Д. 10. Л. 15.

⁵ Савич Н.В. Указ. соч. С. 80.

⁶ Там же. С. 55–56.

брист вызывал недовольство левых членов «Союза 17 октября»¹. И все же другие варианты не просматривались. Дума нехотя поддержала екатеринославского депутата. В тот самый момент Гучков заметил сидевшему рядом с ним И.С. Ключеву: «Ну теперь Дума себя похоронила»². С этим многие октябристы, видимо, внутренне соглашались. На следующий день после избрания Родзянко левые октябристы уже обсуждали возможность выхода из фракции³. 25 апреля 1911 г. Н.А. Хомяков без обиняков заявлял: «Пора уже нам перестать хромать на обе ноги. Надо принять... то или другое решение. Нужно точно определить, во что мы веруем. Если мы конституционалисты, то должны стоять твердо под знаменем своим, „Союза 17 октября“, а если кто-либо из нас отступает от его принципов, то он должен выйти совсем из нашей фракции. Надо уже, наконец, поставить эту точку над і и баста»⁴. К осени 1911 г. единой фракции фактически уже не было. Левых октябристов их правые коллеги даже несколько побаивались и не приглашали на многие фракционные совещания⁵.

После выборов в Четвертую Думу ситуация усугубилась. У фракции не было лидера: Гучков не прошел в Думу, Родзянко предпочел председательское кресло, а Алексеенко ни на что не променял бы бюджетную комиссию⁶. Вместе с тем перед октябристами стояла непростая задача. Им следовало определить тактику на будущее. С кем блокироваться — с кадетами или с националистами⁷. Левое крыло объединения как раз противилось альянсу с последними⁸.

Октябрист Г.В. Скоропадский в ноябре 1912 г. отмечал «страшную грызню» во фракции⁹. Хомяков разъяснял свою позицию журналистам: «Уже три года, как я твердил одно — надо уходить. Разве могут сговориться люди с различной психологией, с различными взглядами на вещи. Во фракции создалось положение, что там занимались не политикой, а взаимонадувательством. Правые стремились проводить свою линию в отсутствие левых. Вместо того, чтобы заниматься примирением непримиримого, гораздо лучше работать»¹⁰. В сентябре 1913 г. Ключев объяснял прессе, что «в высшей степени желательно очистить фракцию. Пусть фракция будет меньше, но единодушнее»¹¹.

В ноябре 1913 г. состоялась конференция «Союза 17 октября». Ее резолюции обозначали крутой поворот фракции влево¹². Конечно, боль-

¹ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 48–49.

² Там же. Л. 61.

³ Там же. Л. 55 об.

⁴ Там же. Л. 87 об.

⁵ Там же. Л. 48.

⁶ Савич Н.В. Указ. соч. С. 95.

⁷ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 11. Л. 20, 25 об.–26.

⁸ Там же. Д. 12. Л. 11 об.

⁹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 317.

¹⁰ Раскол среди октябристов // Речь. 1912. 7 декабря.

¹¹ Парламентский дневник // Речь. 1913. 22 сентября.

¹² Донесения Л.А. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 26.

шинство депутатов-октябристов не было к этому готово. Они отказались подчиняться решениям партийного форума. Это обозначало открытое признание раскола во фракции¹. Среди левых октябристов этого не боялись: «Нет больше сил терпеть иго правого октябризма, пора перестать идти на поводу политики господ Шубинских и Скоропадских, пора снять чехлы и распустить октябристские знамена. Пора образовать самостоятельную политическую группу, не запятнанную политикой уступок и компромиссов, пора выступить с открытым забралом, чтобы не потерпеть нового постыдного поражения на будущих выборах»².

В отношениях между бывшими софракционерами чувствовалось напряжение. В феврале 1914 г. левый октябрист Ключев, выступая в Думе, представил свое объединение как группу «чистых» (вместо «истых») октябристов. Правые засмеялись, а земцы-октябристы серьезно обиделись. Алексеенко отказался подать руку Ключеву: «Не хочу пожать Вас своей нечистой рукой». Е.П. Ковалевский только лишь заметил: «Здравствуйте, чистый октябрист». М.И. Арефьев корил Ключева за столь обидные слова. Мимо проходил Хомяков, который полушутя заметил: «Так что же? Иван Семенович [Ключев] совершенно прав. Вам действительно не мешало бы немного помыться»³.

Со стороны могло показаться, что кадеты таких проблем не знали. Это было не так. Несмотря на славу наиболее дисциплинированной фракции кадеты, как и все прочие депутаты, плохо посещали совещания объединения⁴. Некоторые члены фракции чуть ли не нарочито декларировали свое неприятие партийных догматов и фракционного руководства⁵. В.А. Маклаков не раз признавался в своем желании покинуть ряды кадетов. Его сдерживало лишь то, что вторая городская курия Москвы голосовала за него как за члена Партии народной свободы. На вечере у В.И. Гурко Маклаков определил свою партийность так: «Да, я кадет..., но я не признаю двух пунктов кадетской программы — прямых выборов и ответственного министерства». Присутствовавший Милуков опешил. Маклакову пришлось объясняться: он де полагал программные положения партии неосуществимыми в современных условиях⁶.

В ноябре 1912 г. Н.Н. Щепкин ожидал скорый раскол среди кадетов. Ему казалось, что должна была выделиться группа правых членов партии во главе с В.А. Маклаковым и М.В. Челноковым. П.Н. Милуков признавал такой прогноз верным. Он связывал подобное развитие событий с упрочением положения прогрессистов и, прежде всего, «группы

¹ Материалы фракции «Союза 17 октября» в Государственной думе // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 37. Л. 72.

² Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 13.

³ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 135 об.

⁴ Кизеветтер Е.Я. Дневник // ОР РГБ. Ф. 566. К. 19. Д. 1. Л. 274 об.

⁵ Хомякова М.А. Дневники // РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 976. Л. 40 об.

⁶ Энгельгардт Б.А. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 218. К. 305. Д. 3. ЛЛ. 325–326.

А.И. Коновалова»¹. Фракция, как известно, сохранилась. И все же она смотрелась очень неустойчивым, хрупким образованием. 14 октября 1913 г. Ф.Ф. Кокошкин писал И.И. Петрункевичу, что он с волнением следил за заседаниями ЦК. Ему хотелось присутствовать на них, дабы по возможности противодействовать складыванию большинства «чересчур склонного к „блокам“ и „соглашениям“ в духе В.А. Маклакова, который в своих великодушных стараниях вытянуть увязших в болоте октябристов готов вымазать в болотной тине и нашу партию»².

Организационная слабость фракций³ часто позволяла выдвигаться вперед сословным, хозяйственным, корпоративным интересам тех слоев общества, которые представляли депутаты. Все это превращало любые партийные договоренности, блоки и альянсы в Думе в фикцию, которая никак не могла упорядочить законотворческий процесс⁴.

В этой связи возникает естественный вопрос: что же в итоге способствовало более или менее планомерной законотворческой деятельности Думы, если она так страдала от внутренних изъянов? Очевидно, что, по крайней мере, до 1911 г. «первая скрипка» в законотворческом процессе принадлежала правительству. Оно предлагало повестку депутатов. Те, в свою очередь, так или иначе реагировали на нее⁵.

Ситуация начала меняться после гибели П.А. Столыпина: при новых премьерах Совет министров постепенно деградировал как орган власти. Он все более напоминал Комитет министров дореволюционных времен, решавший преимущественно технические задачи. Такой кабинет не мог формировать повестки — он сам плелся за обстоятельствами⁶. В итоге перманентный парламентский кризис, имевший место в Государственной думе, стал приобретать угрожающие формы. В Совете министров не знали, как подступиться к своевольным народным избранникам. Попытка правительства активно вмешаться в ход избирательной кампании

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 311–312.

² Письмо Ф.Ф. Кокошкина И.И. Петрункевичу // BAR. Panina coll. Вох. 3.

³ По подсчетам И.К. Кирьянова, в III Думе во фракции правых солидарность при поименных голосованиях составляла 56,9 %, доля неучаствовавших в голосовании — 36,5 %. Среди националистов изначально солидарность была высокой (71,2 %), потом она пошла на убыль (60,1 %). Солидарность голосования октябристов была чрезвычайно низкая (55,6 %). Схожий процент показывали и октябристы (59,5 %). При этом среди них была существенная доля неучаствовавших (37,6 %). Кадеты были весьма дисциплинированы. Их солидарность при поименном голосовании достигала 72,9 %. Еще большую сплоченность демонстрировали трудовики (74,2 %) и социал-демократы (74 %) (Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX в.: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 139–142).

⁴ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 187–198.

⁵ Там же. С. 241–242, 247–251.

⁶ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 656–671.

1912 г. имела обратный эффект. Дума нового состава оказалась менее лояльной исполнительной власти, чем предыдущая. Более того, именно правительственное давление на избирателей в итоге создало предпосылки для складывания в Четвертой Думе левоцентристского большинства, очевидно оппозиционного по отношению к действующей власти¹.

Оно окончательно оформилось в августе 1915 г. вместе с образованием Прогрессивного блока. Это был **выход из затянувшегося парламентского кризиса**, но в то же самое время это стало **началом тяжелейшего политического кризиса**, который в итоге оказался роковым для империи. Это лишнее подтверждение того, что партийные организации были слабо укоренены в российском обществе. Депутаты с большим успехом говорили с правительством от имени земств и городов, национальных, конфессиональных групп или бизнес-интересов, нежели от имени каких-либо партийных структур.

Проблема была лишь в том, что такой диалог предусматривал «деполитизацию» Думы, готовой посадить себя на «диету» сугубо практических вопросов. В общении с ней политическое лидерство переходило к правительству. Однако в тот момент, когда Совет министров перестал справляться со стоявшей перед ним задачей, ситуация стала патовой. Исполнительная власть невольно подталкивала депутатов к реанимации политических лозунгов прежних лет, позабытых за годы работы Третьей Думы. Их осуществление отнюдь не подразумевало возможность диалога с правительством.

Таким образом, вполне естественные нескончаемые парламентские кризисы 1906–1914 гг. скорее свидетельствовали о формировании и развитии представительных институтов в России. Последовавший за ними политический кризис 1915–1917 гг. поставил под сомнение дальнейшее существование думской системы, и, как известно, именно он ее и смел.

¹ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. С. 689–697.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА (НАЧ. XX В.)

ИМПЕРСКИЕ ВЛАСТНЫЕ ИНСТИТУТЫ, ЭЛИТЫ ЗАКАВКАЗЬЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА В 1905–1907 гг.: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ЯНЧЕНКО ДЕНИС ГЕННАДЬЕВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент Института истории

Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: d.yanchenko@spbu.ru

ШОРОХОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ,

кандидат исторических наук,
ассистент Института истории

Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: v.shorokhov@spbu.ru

Аннотация: Авторами проанализированы ключевые направления деятельности имперской власти на Кавказе в 1905–1906 гг. в контексте общей политики снижения напряженности и преодоления последствий революционных потрясений. Наиболее эффективными в условиях революции стали действия временной и чрезвычайной, но облеченной реальными полномочиями и тонким пониманием ситуации властной структуры — института наместничества. Однако в самой его сути были заложены ограничения, исключавшие возможность кардинального разрешения проблем, многие из которых до сих пор терзают Кавказ. Самостоятельная политика наместника И.И. Воронцова-Дашкова вела к конфликту с петербургской бюрократией и Думой. Стоит учитывать и личностный фактор — сложные отношения И.И. Воронцова-Дашкова с членами Совета министров, в особенности с П.А. Столыпиным.

Ключевые слова: Революция в России 1905–1907 гг., Кавказское наместничество, Совет министров, Государственная дума, имперское управление.

В годы Первой русской революции система управления Кавказом претерпела кардинальные изменения. Изучение взаимоотношений вла-

сти и общественности, Государственной думы и чинов администрации в вопросах управления Кавказом привлекает внимание исследователей и сегодня. Это связано с сохранением очагов вооруженных конфликтов, незавершенностью, разнородностью и сомнительной эффективностью современных моделей управления территориями, сто лет назад входившими в Кавказское наместничество.

В условиях революционного кризиса можно выделить четыре основных элемента комплекса мер, предпринятых для «успокоения» края. Во-первых, это повышение статуса государственных служащих. Во-вторых, адаптация законодательства о выборах в Думу для условий Кавказа и попытки наладить взаимоотношения центральной и местной администрацией с готовыми к диалогу слоями населения. В-третьих, это активная борьба с революционным национальным движением. В-четвертых, корректировка религиозной политики в отношении исповедующих христианство грузин и армян, а также кавказских мусульман. Подробно все четыре направления уже были рассмотрены нами в отдельной научной статье¹; в данной работе мы остановимся только на сюжетах, связанных с попытками модернизации чиновничьего аппарата и взаимодействием центральной и региональной власти с Думой.

После упразднения наместничества в 1882 г. административный аппарат региона был встроен в систему общеимперских ведомств. В условиях революции Николай II согласился на децентрализацию управления. Восстановление наместничества в 1905 г. стало вынужденной мерой. Ответственный пост был предложен выдающемуся администратору И.И. Воронцову-Дашкову. В записке на высочайшее имя от 12 апреля 1905 г. наместник сам очертил законодательные рамки полномочий (ст. ст. 9–19, а также 26, 27 Учреждения по управлению Кавказом и Закавказского края 1876 г.). Он подчеркнул, что «все нужные по делам Кавказского и Закавказского края справки, сведения, объяснения и т.п., по всем вообще частям управления, требуются не иначе как через наместника Кавказского»². В реалиях 1905 г. наиболее сложными направлениями администрирования стали суды и правоохранительные структуры. Они демонстрировали бессилие в борьбе с угрозами безопасности края, что в письме министру юстиции С.С. Манухину 3 сентября 1905 г. (№ 200) отмечал сам И.И. Воронцов-Дашков³, и требовали реформирования.

По своему статусу должность наместника приравнивалась к посту министра и предполагала членство в Государственном совете. В апреле 1905 г. в записке Николаю II Воронцов-Дашков предлагал уравнивать

¹ Yanchenko D.G., Shorokhov V.A. The Caucasian policy of the imperial branches of power during the first Russian revolution // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2017. Vol. 62. Issue 4. P. 674–692.

² О порядке подчиненности личного состава Кавказских судебных установлений // РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 8. Л. 6 об.

³ О сношениях с разными местами и лицами // РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 23. ЛЛ. 1 об.–2.

в правах наместника с руководителями ведомств в отношении чиновников, служивших на Кавказе. Указами (от 26 февраля 1906 г. и от 3 мая 1906 г.) наместник был наделен полномочиями министра по отношению ко всем кавказским служащим, кроме чинов Государственного контроля, Государственного банка и судебных учреждений¹. Значимой оставалась роль министерства финансов, которое сохранило за собой ключевые функции «управления экономикой и финансами края»².

Судебные чиновники остались в центральном подчинении уже по настоянию наместника. Во-первых, администрация хотела заручиться поддержкой населения, убедить его в независимости юстиции. Во-вторых, «никогда не будет для выбора того обширного круга кандидатов, как у министра юстиции»³, — писал И.И. Воронцов-Дашков управляющему делами Комитета министров Э.Ю. Нольде. Последний в 1905 г. был доверенным лицом наместника в правительстве и отстаивал его интересы в заседаниях государственных учреждений.

Настрой на централизацию системы и русификацию чиновничества быстро оттеснил на второй план необходимость рациональной организации совместной работы судебных органов и полиции на Кавказе. Юридически это положение не было урегулировано до 1917 г. К 1908 г. петербургские администраторы в своем стремлении усилить влияние Совета министров на кавказские дела пользовались поддержкой националистически настроенных депутатов Думы. Судебная система империи, наряду с образованием, с 1880-х гг. в наибольшей степени была подвержена усилиям по унификации. Тем не менее, на Кавказе сохранялась специфика при поиске вариантов законодательной модернизации и создания единого имперского пространства. Например, проект сенатора Н.М. Рейнке подразумевал, что шариатские дела будут решаться кадием, но мировой судья должен утвердить его решение. Апелляционной инстанцией должен был стать Сенат⁴. «Абречество» в целом носило локальный характер и стало восприниматься как угроза уже после Первой революции в контексте панисламизма. Архивные источники с уверенностью позволяют говорить о том, что в 1905–1906 гг. и наместника, и Министерство внутренних дел гораздо больше беспокоили события в Закавказье, в крупных русских центрах Северного Кавказа, и грядущие выборы в Думу.

Доклад наместника 22 апреля 1905 г. Николаю II характеризовал состояние полиции как крайне тревожное. И.И. Воронцов-Дашков отмечал,

¹ О порядке подчиненности личного состава Кавказских судебных установлений. ЛЛ. 1–2 об.

² Цит. по: *Исмаилова А.М.* Экономическое развитие и централизация бюджетного управления на Южном Кавказе в конце XIX — начале XX вв. // *Современные тенденции развития науки и технологий.* 2016. № 3–5. С. 12.

³ О порядке подчиненности личного состава Кавказских судебных установлений. Л. 3.

⁴ *Рейнке Н.М.* Горские и народные суды Кавказского края // *Журнал Министерства юстиции.* 1912. № 2 (Февраль). С. 1–71.

что «противоправительственная политическая пропаганда» за последние годы распространилась «и привела к ряду революционных и социал-демократических движений в этой окраине». Наместник писал о слабости охранного отделения в борьбе с революцией. На территории Кавказа с почти 9-миллионным населением «учреждено только шесть губернских жандармских управлений» (32 офицера, 139 нижних чина), «две крепостные жандармские команды» (2 офицера, 22 нижних чина). Власти опирались на охранное отделение в Тифлисе, «два небольших розыскных пункта в Баку и Батуми» и два жандармских полицейских управления Закавказской и Владикавказской железных дорог¹. Для объединения усилий предлагалось создать две специальные канцелярии: одну для делопроизводства, другую — особую, для политического розыска в крае. Финансирование агентуры для политического сыска должно было составить не менее 100 тыс. рублей в год². В докладе отмечалось, что финансирование подобных мероприятий на Кавказе было меньшим (320 тыс. рублей), чем в Варшавском генерал-губернаторстве (433 тыс. рублей)³.

Революционные события в Баку показали низкий уровень материального достатка и социального престижа чинов полиции, их слабое обеспечение современным оружием и подготовленными кадрами. Оценка событий по-прежнему остается актуальной как для отечественных⁴, так и для зарубежных исследователей⁵. В апреле 1905 г. высшие чины полиции на местах получили полномочия начальников дивизии, право ходатайствовать о награждении и продвижении подчиненных, даже если те не подходили под существовавшие правила о наградах⁶.

По предложению наместника императорским указом 22 мая 1905 г. кавказскую полицию возглавил жандармский генерал-лейтенант Е.Н. Ширинкин, отвечавший за безопасность Николая II. Предложения об увеличении секретных расходов на 100 тыс. руб. были приняты⁷. Утверждение о том, что служащие полиции не получали должного денежного вознаграждения, верно лишь отчасти. Наместник добивался изменения ситуации — предоставления младшим чиновникам полиции (полицейским надзирателям) права государственной службы, аналогичные правам чинов петербургской и московской полиции (XIV класс по должности, IX разряд по пенсии)⁸.

¹ Об объединении полицейской деятельности на Кавказе // РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 3. Л. 6.

² Там же.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Джаббаров Р.Ф. Власти Российской империи и армяно-азербайджанский конфликт // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 449–462.

⁵ Sargent L. The «Armeno-Tatar War» In the South Caucasus, 1905–1906: Multiple Causes, Interpreted Meanings // Ab Imperio. 2010. № 4. P. 143–169.

⁶ Об объединении полицейской деятельности на Кавказе. Л. 9.

⁷ Там же. ЛЛ. 30–32.

⁸ Письмо наместника еив на Кавказе — управляющему делами Комитета министров Э.Ю. Нольде // РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 3. Л. 40 об.

По мере развития революции возникла необходимость объединения деятельности правоохранительных служб на Кавказе под руководством наместника. Необходимость этой меры была подтверждена Е.Н. Ширинкиным и, в целом, была в русле предложений, сделанных Воронцовым-Дашковым. С созывом Думы исчезла былая оперативность в принятии решений. В апреле 1906 года было решено упразднить должность заведывающего полицейской частью на Кавказе, но Николай II указал действовать в законодательном порядке. Переписка наместника с Советом министров по этому вопросу продолжалась несколько месяцев. Очередной думской дискуссии о революционном движении на Кавказе следовало избежать. Совет министров успешно нашел выход из сложившегося положения. В предложениях Воронцова-Дашкова содержалось указание на возможное сокращение трат на ряд канцелярских должностей. Особый журнал Совета министров от 1 августа 1906 г. «Об объединении управления гражданской и полицейской частями в Кавказском крае» был согласован Николаем II 24 августа 1906 г. Реформа не требовала новых расходов казны, экономия составила 27 тыс. рублей в год. Штатные перестановки в структуре МВД не рассматривались законодательными палатами. Перемены свелись к упразднению должности заведывающего полицией на Кавказе, возложению его обязанностей на помощника наместника по гражданской части. Штат бывшей канцелярии заведывающего полицией был сокращен. Оставшиеся должности «под именем особого отдела по полицейской части» присоединили к общей канцелярии наместника¹. Правительству и верховной власти, не нарушая закон, удалось поддержать наместника и сосредоточить в его руках управление всей борьбой с революционным движением на Кавказе. Положение усиленной охраны действовало в крупных городах и ряде губерний² еще до прибытия Воронцова-Дашкова на Кавказ.

После актов 6 августа 1905 г. (Булыгинской думы) и 17 октября 1905 г. в Петербурге действовало Особое совещание по применению Положения о выборах в Государственную думу к Кавказскому краю под председательством Д.М. Сольского. В состав Особого совещания вошли чиновники — представители кавказского дворянства: егермейстер кн. Д. Меликов, камергер кн. Н. Аргутинский-Долгоруков, председатель Кавказской археографической комиссии Е. Вейденбаум, чиновник особых поручений наместника Асельдер-бек Казаналипов, потийский городской голова Н. Николадзе, член Батумской городской управы Г. Журули. Отдельно по представлению наместника был включен бывший председатель правления Тифлисского дворянского земельного банка, издатель газеты «Иверия» кн. И. Чавчавадзе³.

¹ Об объединении полицейской деятельности на Кавказе. Л. 63.

² Там же. Л. 19.

³ Совет министров по наместничеству на Кавказе. По вопросу о применении к Кавказу положения о Государственной думе // РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 26. ЛЛ. 108, 115–115 об.

Слухи о подготовке нового «Положения о выборах» активно обсуждались в управленческой среде Закавказья. 21 января 1906 г. и.о. тифлисского городского головы кн. Черкезов запросил Э.Ю. Нольде о целесообразности подготовки избирательных городских списков. В ответной телеграмме 25 января 1906 г. Нольде отписал, что подробную информацию из Петербурга в Тифлис должен был передать на словах входивший в состав Особого совещания Е. Вейденбаум¹. Порядок выборов на Кавказе содержал ряд важных отступлений от «общих оснований». В казачьих областях были образованы по два избирательных собрания: первое — из выборщиков от войскового казачьего сословия, второе — из выборщиков от остального населения области. Выборы в округах, населенных горскими народами, могли проводиться только в формате съездов уполномоченных сельских обществ. В один избирательный округ с центром в Батуми соединялись Черноморская губерния, Сухумский округ и Батумская область². Вероятно, это было сделано с целью увеличения представительства русского населения при проведении выборов. В комиссии по производству выборов наместником могли быть назначены председателями представители местного населения, если не было уездных предводителей дворянства, мировых посредников.

Уже при разработке положения о выборах по закону 6 августа 1905 г. власть искала опору в крупных землевладельцах. Вместе с тем, она опасалась национализма грузинского дворянства. По мнению МВД, «частные землевладельцы Кавказа были бы поставлены в более благоприятное положение, чем владельцы земель даже южных губерний»³. Итоговые проекты предполагали кардинальное снижение ценза. Эта мера должна была обеспечить явку избирателей. Провал выборов в условиях революции был невыгоден власти. В одном из вариантов документа, со ссылкой на представителей Особого совещания, отмечалось: «грузинское дворянство редко и неохотно пользуется правом собирательного голоса на дворянских выборах (и посылает уполномоченных)». К участию в предварительных съездах предлагалось допустить всех, владевших землей. Грузинские дворяне ходатайствовали о понижении ценза, поскольку эта мера предусматривалась проектом введения земских учреждений в Закавказье. Едва ли подобная замена прямого участия в выборах удовлетворила бы политические амбиции помещиков⁴, и все же ставка на региональное дворянство в условиях революции оказалась верной. Это ключевое отличие от организации выборов в других национальных регионах, в частности Средней Азии, где проблема поиска лояльного населения осложнялась религиозными противоречиями и образовательным уровнем⁵.

¹ Совет министров по наместничеству на Кавказе. Л. 118.

² Там же. ЛЛ. 123–123 об.

³ Там же. ЛЛ. 4–4 об.

⁴ Там же. Л. 132.

⁵ См. подробн.: Янченко Д.Г., Андреев А.А., Шорохов В.А. Выборы депутатов «инородцев» от Средней Азии в Первую и Вторую думы // Клио. 2017. № 12 (132). С. 83–95.

Отметим, что и православное духовенство Грузии, как и представители дворянства, в целом предпочитало диалог с местной властью. Весьма умеренной выглядит просьба представителей грузинского духовенства о восстановлении автокефалии. Экзарх Грузии Николай писал наместнику и правительству о просьбе всех епископов, кроме Сухумского, «о монаршем даровании автокефалии грузинской церкви». «Усерднейше прошу разрешения мне прибыть в Петербург для личных докладов столь важного дела»¹. Сомнительно, конечно, что власть согласилась бы на реформу, учитывая отсутствие самостоятельности у Русской православной церкви. Ответа на это письмо не последовало.

В губерниях со смешанным армяно-татарским населением наместнику предлагалось «соединять по своему усмотрению отдельные селения в избирательные участки сообразно племенному составу населения, хотя бы чересполосно», и разделять каждое избирательное собрание на два отделения, «заранее (здесь зачеркнуто, поставлено „и“ — *авт.*) определять число членов Государственной думы, подлежащих избранию»².

Интерес Думы первого созыва к армяно-азербайджанскому конфликту был обусловлен, как минимум, наличием в ее составе представителей обеих его сторон. Ряд народных представителей уже имел опыт участия в примирительных мероприятиях, предпринятых властями для погашения конфликта. Ранее других бурную политическую активность развил главный редактор влиятельной газеты «Каспий», депутат Городской думы Баку и участник Комитета по примирению армян и мусульман, «азербайджанец» А.М. Топчибашев. В марте 1905 г. он оказался во главе кружка бакинских интеллектуалов, принявших «Заявление о нуждах мусульман», которое предполагалось передать разработчику проекта представительного учреждения А.Г. Булыгину. В апреле 1905 г. в составе делегации думы Баку А.М. Топчибашев оказывается в Санкт-Петербурге, где получает аудиенцию у А.Г. Булыгина, И.И. Воронцова-Дашкова, на которой озвучивает предложения, сформулированные в «Заявлении»³. В качестве поощрительного жеста наместник 22 апреля 1905 г. разрешает выпуск газеты «Хайят» на азербайджанском языке. Одновременно все тот же А.М. Топчибашев принимает участие в создании прообраза мусульманской фракции Думы — «Иттифаг аль-Муслимин»^{4,5}. Характерно, что, несмотря на остроту конфликта, центральное место при по-

¹ О сношениях с разными местами и лицами // РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 23. Л. 5.

² Совет министров по наместничеству на Кавказе. Л. 128.

³ Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной думе России. Баку, 1991. С. 8–11.

⁴ Гасанлы Дж. Али Мардан бек Топчибашев: жизнь, эпоха, единомышленники (к 150-летию со дня рождения) // Кавказ и глобализация. 2013. Т. 7. Вып. 1–2. С. 141–142.

⁵ Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916 гг. Казань, 2005. С. 134.

следующих встречах занимали ходатайства об организации национальных учебных заведений (они, в целом, были благосклонно восприняты И.И. Воронцовым-Дашковым)¹.

Первая Государственная дума в силу краткой деятельности не успела поучаствовать в решении проблемы. Одним из препятствий на пути вовлечения думцев в конфликт был особый статус наместника, закрепленный указом «О восстановлении должности наместника Кавказского» от 26 февраля 1905 года. Чиновник, занимавший данный пост, отчитывался лишь перед императором, а зависимость наместника от Совета министров во время Первой русской революции еще не была выражена ярко. И.Л. Горемыкин, ставший председателем Совета министров в 1906 г., систематически переадресовывал думские запросы о погроме наместнику на Кавказе. По мнению председателя правительства он не располагал необходимыми данными и не имел полномочий для ответа относительно незакономерных действий администрации Закавказья, способствовавших, будто бы, развитию в крае армяно-татарской распри (от 13–15 июня 1906 г., № 337). Горемыкин писал: «по действующему закону должность и власть Наместника поставлены совершенно обособленно от общего министерского управления»². Тем не менее, в годы революции И.И. Воронцов-Дашков был настроен на конструктивное взаимодействие с общественностью Закавказья, с правительством, а затем и с первым российским парламентом³.

Весной — летом 1905 г. в Баку проходила ревизия сенатора А.М. Кузминского, призванная определить причины погромов февраля 1905 г. и виновных в их развязывании. Как следует из опубликованного в 1906 г. отчета⁴, стороны конфликта оказались достаточно подготовленными к общению с властями, чтобы переложить ответственность за его разжигание исключительно на местных чиновников. Судя по «Записке об управлении Кавказом» И.И. Воронцов-Дашков постепенно принял позицию азербайджанцев, посчитав ключевым фактором эскалации деятельность армянской террористической организации «Дашнакцутюн»⁵.

Яркой инициативой наместника по снижению напряженности между армянами и азербайджанцами стало проведение «примирительного» съезда в Тифлисе (20 февраля — 6 марта 1906 г.), незадолго до созыва Первой Думы. Состав участников был представительным: все члены Со-

¹ Гасанлы Дж. Указ. соч. С. 143.

² Переписка с Советом министров об армяно-татарских столкновениях в Азербайджане. Запросы членов Думы по этому поводу // РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 70. Л. 29 об.

³ Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 4.

⁴ Кузминский А.М. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1905 году, по высочайшему повелению, сенатором А. Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. СПб.: [Б. и.], 1906. 620 с. // РГИА. Ф. 1535. Оп. 1. Д. 1.

⁵ Воронцов-Дашков И.И. Указ соч. С. 8–17.

вета наместника, губернаторы, представители азербайджанцев и армян, духовные лица, ведущие газеты Закавказья¹. Правда, итоговая декларация съезда содержала лишь набор либеральных политических требований: введение всеобщего бесплатного начального обучения на родном языке, суда присяжных, равенства перед законом и т.п., но объединению общественности содействовала.

В ряду «практических» мер выделялось предложение создать особое совещание из выборных от населения при наместнике. Последнее было принято И.И. Воронцовым². Однако, как это часто бывало в революционную пору, участники съезда по его окончании втянулись в новую политическую схватку — за право быть избранными во всероссийское законодательное учреждение — Государственную думу. В составе Первой Думы представители враждующих сторон (вряд ли неожиданно для себя! — *авт.*), оказались в рамках одной фракции — кадетов. Мусульмане Закавказья дополнительно координировали действия с другими парламентариями исламского исповедания на платформе уже упомянутого «Иттифаг аль-Муслимин»³.

Власть на Кавказе в условиях революции и национальных волнений вынужденно шла на демократизацию выборного процесса, привлечение инородцев. Несмотря на опасность новых столкновений на почве «армяно-татарской» вражды кавказская администрация рекомендовала сохранить выборы в проблемных регионах, «в особенности в тех губерниях, где ни та, ни другая национальность не имеет решительного численного преобладания». Русская власть полагала, что совместное участие в выборах армян и азербайджанцев сгладит вражду, а «съезды городских избирателей, а равно уездных землевладельцев, ввиду большей культурности и малочисленности их состава, едва ли могут вызвать столкновения между национальностями»⁴.

Проблема продолжавшихся армяно-азербайджанских столкновений поднималась в Думе в рамках работы Комиссии «тридцати трех» 6 и 12 июня 1906 г.⁵. В выступлениях армянских (Х.И. Багатуров, К.М. Тер-Петросянец) и мусульманских (И. Зиятханов) депутатов, представлявших регион, а также докладчика от комиссии кадета К.К. Черносвитова были охарактеризованы причины и ход конфликта. Консолидированная (кадетская) позиция сводилась к обвинениям властей края в некомпетентности, бездействии и одновременно подстрекательстве к погромам. Звучала критика концепций обрусения и колонизации Закавказья. Наиболее радикальным оратором 12 июня 1906 г., согласно стено-

¹ Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков — администратор, реформатор. СПб., 2008. С. 76–77.

² Сеидзаде Д.Б. Указ. соч. С. 21–22.

³ Топчибаев А.М. Мусульманская парламентская фракция. Отдельный оттиск из номеров «Каспия» (№№ 25, 26). Баку, 1907. С. 25–26.

⁴ Совет министров по наместничеству на Кавказе. ЛЛ. 128–129.

⁵ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. II. Стб. 1227–1241.

грамме, стал представлявший Кутаисскую губернию грузинский социал-демократ И.И. Рамишвили, который ранее имел опыт посредничества между враждующими сторонами. Его речь, насыщенная марксистской риторикой, однако, содержала важное утверждение, что население «еще, быть может, ... страдает известным национализмом». Завершалось выступление И.И. Рамишвили не предложениями по деэскалации конкретного конфликта, а призывом к уничтожению «ненавистного режима»¹.

Мы согласны с утверждением, что «наместничество стало региональной ипостасью сильной централизованной власти, оснащенной широкими полномочиями, но при этом ... приближенной к управляемым территориям и, как следствие, более прагматичной и маневренной»². После созыва Первой Думы депутатское право запросов обрушило шквал критики на членов Совета министров, порядок управления Кавказом.

Дума второго созыва запомнилась знаменитым «зурабовским инцидентом», достаточно подробно рассмотренным в литературе и воспоминаниях^{3,4}. Именно его принято считать поводом к роспуску Второй Думы. Представляется, что в новом избирательном законе сокращение количества депутатов от Кавказа в Думе было связано с попыткой П.А. Столыпина заручиться поддержкой справа в новой Думе и Государственном Совете. «Зурабовский инцидент» только подлил масла в огонь, вызвав раздражение Николая II. Даже по признанию царских сановников он носил второстепенный характер⁵. Примечательно только, что с подобной речью выступил именно представитель национальной окраины, отставной офицер А.Г. Зурабов, 2 года отслуживший в русской армии. Выступление не носило характера экспромта, и, хотя к Кавказу прямого отношения не имело, оно ярко характеризовало ненависть социал-демократов к военным. В действиях армии социалисты справедливо видели причины поражения Первой русской революции.

И.И. Воронцов-Дашков лично настоял перед Николаем II на сохранении в Думе, которая должна была формироваться на основе нового избирательного закона 1907 г., представительства от Кавказа. Товарищем министра внутренних дел С.Е. Крыжановским было подготовлено несколько проектов избирательного закона. Разработка вопроса началась еще при И.Л. Горемыкине, втайне от П.А. Столыпина, и он сообщал об этом Николаю II. По словам С.Е. Крыжановского: «Государь

¹ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. II. Стб. 1237–1239.

² Азасбекова С.С. Проблема восстановления наместничества на Кавказе в начале XX века // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». 2011. Вып. 8. С. 11.

³ См. подробн.: Зурабов А.Г. Вторая Государственная дума: Впечатления: С приложением некоторых речей и резолюций с.-д. фракции. СПб., 1908.

⁴ Головин Ф.А. Записки Ф.А. Головина // Красный Архив. Т. 19. 1926. С. 140–144.

⁵ Шванебах П.Х. Записки сановника // П.А. Столыпин глазами современников / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2008. С. 104–105.

выразил желание — впоследствии в 1907 г. им подтвержденное, не лишать участия в выборах тех слоев населения, которые уже пользуются этим правом»¹. Мы не считаем, что император стремился к устранению национального представительства Кавказа. К этому следует добавить позицию уважаемого царем наместника. Воронцов-Дашков аргументированно возражал против этой меры в 1905 г.². Также как Николай II, он не был человеком, чье мнение менялось под влиянием политического момента.

Программа «умиротворения» Кавказа с помощью либеральных административно-политических реформ, связанная с именем И.И. Воронцова-Дашкова, в долгосрочной перспективе была успешной. Однако самостоятельная политика наместника вызвала конфликт с петербургской бюрократией и Думой, что затруднило проведение преобразований в ходе Первой русской революции. Стоит учитывать и личностный фактор — непростые отношения И.И. Воронцова-Дашкова с представителями правительства, в особенности с набравшим силу после 1906 г. П.А. Столыпиным. Этот конфликт ярко проявился при решении вопроса о реформе армянской церкви и был нами рассмотрен в ранней публикации³. Свою лепту в незавершенность реформ, по нашему мнению, внесли элиты локальных сообществ региона, прежде всего, Закавказья. Обладая развернутыми и радикальными (по меркам инертного руководства империи) программами реформ, политические представители грузин, армян и азербайджанцев пытались добиться в кратчайший срок максимальных уступок со стороны власти путем прямой и косвенной поддержки революционных кругов (наиболее агрессивным было поведение грузинских социал-демократов). При этом запрос имперских структур на восстановление минимально безопасных условий функционирования в той или иной степени игнорировался.

¹ BAR. Series II: Manuscripts. Box 1. Sergei Efimovich Kryzhanovskii Papers, 1907–1940. Kokovtsov, Vladimir Nikolaevich to Sergei Efimovich Kryzhanovskii. Без указ. л. Письмо от 20 июня 1929 г. Л. 1.

² Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. СПб.: 1998. С. 488.

³ Yanchenko D.G., Shorokhov V.A. Ibid. P. 686–688.

ОТРАЖЕНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ТЕМЫ В ПЕЧАТИ (нач. XX в.)

«АДРЕС РУССКОЙ ДУМЕ ИЛИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ОБСУЖДЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ ПРИБЫТИЯ АНГЛИЙСКОЙ ДЕПУТАЦИИ С ПРИВЕТСТВИЕМ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

ПОРТНЯГИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат исторических наук,
доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: n.portnyagina@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена обсуждению в периодической печати России прибытия английской делегации с приветствием I Государственной думе. Материалы российской прессы, а также дипломатическая переписка британского посла А. Николсона с британским министром иностранных дел Э. Греем дают нам ценный материал для изучения крайне актуальной и недостаточно хорошо изученной проблемы влияния общественного мнения России на политические процессы периода Первой русской революции.

Осенью 1906 г. в российской прессе началась полемика по поводу прибытия английской делегации, в которую входили члены британского парламента, представители от тред-юнионов и других общественных организаций. Она везла адрес для С.А. Муромцева уже после роспуска I Государственной думы. В Англии и России были созданы особые комитеты для приема этой делегации. Император, правительство, правые партии и консервативная печать выступили категорически против приезда английской делегации, расценив его как вмешательство во внутренние дела России и поддержку революции. Кадетская печать подавала прибытие делегации как поддержку со стороны британского парламента, общества и правительства распушенной Думе, собираясь использовать этот факт в борьбе с властью. В результате совместные усилия русского правительства и консервативной прессы привели к тому, что русский и английский комитеты по приему английской делегации пришли к единодушному решению отложить приезд в Россию английских гостей.

Таким образом, этот небольшой эпизод в общественно-политической жизни России продемонстрировал большое влияние общественного мнения на политические процессы страны в период революции 1905–1907 гг. И если обычно в этот период доминировало либеральное общественное мнение, создаваемое либеральной прессой, то в данном случае борьбу за общественное мнение в отношении приезда английской делегации осенью 1906 г. выиграли консерваторы.

Ключевые слова: I Государственная дума, парламент, английская делегация, либеральная пресса, консервативная пресса, общественное мнение, адрес I Думе.

В Великобритании за две недели до роспуска I Государственной думы несколько лондонских либеральных газет, «Daily News», «Chronicle», «Morning Leader», «Spectator», «Observer», «Tribune», выдвинули идею выразить сочувствие русскому парламенту. Из представителей этих газет по инициативе редактора иностранного отдела газеты «Tribune» Перриса был образован комитет по подготовке приезда в Россию английской делегации для вручения приветственного адреса председателю думы С.А. Муромцеву. Он и составил текст адреса. Секретарями комитета стали Перрис и Скотт. Вначале адрес подписали 30 общественных деятелей Великобритании. Однако после агитации в пользу адреса, развернутой на страницах этих газет, подписей стало значительно больше. Его подписали известные представители всех слоев английской нации, включая 300 членов парламента и официальных представителей конгресса тред-юнионов¹. По словам секретаря комитета Скотта, у которого корреспондент «Нового времени» взял интервью во время пребывания последнего в Санкт-Петербурге в октябре 1906 г., адрес должен был выразить сочувствие английского народа «русским конституционным партиям», «всем либералам, всему русскому народу в целом», а не какой-либо отдельной партии².

Несмотря на то что составлен этот адрес был уже после роспуска I Думы, комитет все равно решил привезти его в Россию и торжественно вручить С.А. Муромцеву. Тон адреса был достаточно революционным и антиправительственным: «Председателю Думы. Сэр, мы, нижеподписавшиеся члены парламента, представители городских и образовательных учреждений и других британских граждан, при закрытии первой сессии первого русского парламента желаем передать ему непосредственно этим посланием чувства симпатии и уважения. Наша собственная история научила нас тому, что представительное правление и личная свобода являются единственным прочным основанием, на котором нация может надеяться установить свое развитие и благодеяние, и наше доброжелательство к России побудило нас следить за созданием Думы и ее борьбой за власть с живейшим интересом и пылкими надеждами. Мы узнали, сколь достоин удивления гений русского народа. Сердце

¹ Ф.Д. Секретарь английской делегации // Новое время. 1906. 5 октября; Скотт. Письмо в редакцию // Новое время. 1906. 6 октября.

² Ф.Д. Секретарь английской делегации.

каждого великодушного человека тронута героизмом жертв, приносимых для свободы, и страданиями долгой и мучительной борьбы. Полное торжество свободы в России, которое видится нам в недалеком будущем, сделает, наконец, возможным русскому и британскому народу облечь в формальное соглашение дружбу, уже объединяющую их, дружбу, основанную на общности идеалов и которая должна содействовать осуществлению стремлений всех добрых европейцев к цивилизации, посвященной миру»¹. Адрес был опубликован в «*Times*» 24 августа (6 сентября) 1906 г. В России приезде английской депутации активно содействовала кадетская партия. Она создала специальные комитеты, которые должны были организовать торжественный прием депутации не только в столице, но и в Москве. Были разослали более 1000 приглашений. Принять участие в приеме депутации согласились представители Высших женских курсов, Горного института, редакций «Трудовой России», «Женского вестника» и др.².

Предполагалось, что англичане прибудут в Санкт-Петербург 3 октября. Утром того же дня будет зачитан адрес, С.А. Муромцев произнесет речь и преподнесет ответный адрес, написанный славянской вязью. К участию в собрании приглашались депутаты I Думы, представители вузов, ученые, литераторы, представители прогрессивной печати и общественных организаций³. Вечером планировался банкет. Московские кадеты вели переговоры с британским консулом в Москве о возможности прибытия представителей кадетской партии в консульство в то время, когда английская депутация вручит адрес С.А. Муромцеву в столице⁴.

Планируемый приезд английской депутации с адресом I Думе стал широко обсуждаться в печати и встретил неоднозначную реакцию в обществе. Правые партии и их печать выступили категорически против приезда депутации. Первый протест поступил от монархической партии 11 (24) сентября. Выступая в собрании партии в Москве, В.А. Грингмут оценил прибытие депутации следующим образом: «Враги России англичане собираются прислать депутацию для чествования изменника С.А. Муромцева»⁵. Монархические партии назначили на 14 (27) сентября совещание по вопросу об устройстве антианглийской демонстрации по случаю приезда в Москву депутации от английского парламента⁶. А 15 (28) сентября монархическая партия направила Эдуарду VII телеграмму за подписью В.А. Грингмута с просьбой предотвратить прибы-

¹ Теплов В.А. Английская депутация в Россию // Русский вестник. 1906. Т. 306. Ноябрь. С. 328.

² К приезду английской депутации // Биржевые ведомости. 1906. 24 сентября (утр. вып.).

³ К приезду английской депутации с приветствием бывшей Государственной думе // Биржевые ведомости. 1906. 14 сентября (веч. вып.).

⁴ A. Nicolson to Edward Grey. 8 October 1906. Telegram № 676 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 34619. P. 1.

⁵ Теплов В.А. Английская депутация в Россию. С. 331.

⁶ Из Москвы // Россия. 1906. 26 сентября.

тие английской депутации, которая будет «приветствовать преданных суду мятежников против русского самодержавного царя», что монархисты рассматривали как оскорбление русскому народу¹. Консерваторы подчеркивали незаконность депутации, так как она везет адрес несуществующей Думе, часть депутатов которой, к тому же, осуждена властью. Все это расценивалось как сочувствие русской революции². Кроме того, правых раздражало, что кадеты хотят использовать приезд английской депутации, чтобы «выставить англичан своими сторонниками»³.

Правительственная газета «Россия» опубликовала довольно много статей, большинство из которых являлись переводами из английских газет, доказывающих, что члены депутации не имеют в Британии веса, а сама депутация не имеет смысла, поскольку ее члены не представляют английского народа, а С.А. Муромцев — русского⁴. По мнению «России», кадетская партия в Думе показала свою революционность, поэтому англичанам нужно решить вопрос, кому они везут адрес: «русской Думе или русской революции»⁵. Об отрицательных отзывах в британской прессе в отношении депутации много писали и «Новое время», и «Киевлянин», и «Русский вестник», и многие другие газеты⁶.

Большинство правой прессы настаивало на том, что депутация не имеет официального значения и не выражает мнения широких слоев английского общества⁷. Однако «Московские ведомости» не согласились с этим мнением. С их точки зрения, депутация, в которую входят члены парламента, не может являться «частным делом»⁸. Вся правая пресса восприняла приезд англичан как вмешательство во внутренние дела России. «Русский вестник» опубликовал большую статью консервативного публициста, в прошлом дипломата, В.А. Теплова, в которой автор расценивал цель адреса не просто как вмешательство во внутренние дела страны, но как специальную акцию, направленную на ослабление России как политического соперника, ее обращение в простое «орудие английских интересов»⁹. С его точки зрения, Великобритания, поддерживая кадетскую партию, революцию и террористов, желала именно этого.

Либеральная печать приветствовала приезд англичан, а кадеты взяли на себя организационную сторону приема депутации. С конца сентября в либеральной прессе стали появляться статьи, в которых подробно

¹ Речь. 1906. 30 сентября. С. 3.

² Русское знамя. 1906. 11 октября. С. 2.

³ Все хорошо, что хорошо кончается // Новое время. 1906. 4 октября.

⁴ Плохо пишут из Англии! // Россия. 1906. 29 сентября; Иностранные известия // Россия. 29 сентября; Сыромятников С.Н. Еще об английской депутации // Россия. 1906. 30 сентября; Англия // Россия. 1906. 13 октября.

⁵ Сыромятников С.Н. Еще об английской депутации.

⁶ Новое время. 1906. 28 сентября. С. 2–3; Новое время. 1906. 29 сентября. С. 1; Новое время. 1906. 30 сентября. С. 1; Киевлянин. 1906. 28 сентября. С. 3; Теплов В.А. Английская депутация в Россию. С. 343.

⁷ Русское знамя. 1906. 29 сентября. С. 4.

⁸ Московские ведомости. 1906. 11 октября. С. 2.

⁹ Теплов В.А. Английская депутация в Россию. С. 327.

освещалась вся история присылки этой депутации. В противовес правым либералы подчеркивали, что адрес встретил большое сочувствие в Англии и России¹. Публицисты настаивали, что эта акция имеет серьезный политический и, вместе с тем, внепартийный характер². Между правой и либеральной печатью разразилась настоящая война по поводу прибытия англичан. Либеральная печать обвиняла черносотенные организации и их газеты в извращении смысла адреса и искажении фактов³, отношение правых к английской депутации называлось «изуверством». В конечном итоге монархистов корили за враждебность существующему строю и желание его разрушить⁴. С точки зрения либеральной прессы адрес в поддержку I Думы продемонстрировал бы «небывалое зрелище англо-русского единения», он стал бы такой страницей русской истории, «которая хоть на короткое время рассеяла давящий всех нас кошмар, внесла бы свежую струю в нашу спертую атмосферу...»⁵.

В определенный момент к проблеме приема в России английской депутации подключились русское и британское правительства. Николай II писал матери: «И из Англии лезет какая-то шутовская депутация с адресом Муромцеву и им всем. Дядя Bertie и английское правительство дало нам знать, что они очень сожалеют, что ничего не могут сделать, чтобы помешать им приехать. Знаменитая свобода! Как они были бы недовольны, если бы от нас поехала депутация к ирландцам и пожелала тем успеха в борьбе против правительства!»⁶. На самом деле британское правительство оказалось в очень неудобном положении, поскольку перед ним в это время стояла серьезная проблема заключения англо-русского соглашения, поэтому оно стремилось избегать любых осложнений в англо-русских отношениях. А именно на это намекала правительственная газета «Россия», отмечая, что адрес будет «полезен и приятен только врагам англо-русского сближения» и помешает ему⁷. Об этом же предупреждал и «Киевлянин»⁸.

21 сентября (3 октября) министр иностранных дел России А.П. Извольский поставил в известность британского посла в России А. Николсона о том, что русское правительство, особенно П.А. Столыпин, беспокоилось, что кадеты преподнесут визит британцев как выражение симпатии к ним, как демонстрацию против русского правительства. Министр пони-

¹ Речь. 1906. 3 октября. С. 2; В.Г. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1906. № 10. С. 180; К приезду английской депутации с приветствием бывшей Государственной думе // Биржевые ведомости. 1906. 14 сентября (веч. вып.); К приезду английской депутации // Биржевые ведомости. 1906. 24 сентября (утр. вып.).

² Адрес С.А. Муромцеву // Биржевые ведомости. 1906. 7 сентября (веч. вып.).

³ Депутация не приедет // Биржевые ведомости. 1906. 30 сентября (утр. вып.).

⁴ Террор справа // Биржевые ведомости. 1906. 27 сентября (утр. вып.).

⁵ Там же.

⁶ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 3. (22). С. 202.

⁷ Сыромятников С.Н. Еще об английской депутации.

⁸ Киевлянин. 1906. 30 сентября. С. 2.

мал, что британское правительство ничего не может предпринять, чтобы помешать депутации совершить свой визит. Тем не менее, он просил посла сделать достоянием общественности в той или иной форме тот факт, что британское правительство не ассоциирует себя с этим визитом, чтобы в России его также восприняли как частное дело¹. 25 сентября (7 октября) А.П. Извольский вновь вернулся к этому вопросу. А. Николсон пообещал публикацию в «*Times*» редакционной статьи о депутации, в которой могло бы утверждаться, что ее приезд — частное предприятие, не связанное с правительством. Посол доносил министру об антианглийских настроениях, которые появились в России в связи с ожидаемым приездом депутации². В тот же день консул Британии в Москве М. Гров сообщил послу о возможном посещении московских кадетов британского консульства в день вручения адреса С.А. Муромцеву в Петербурге. Он писал, что «не сможет отказать им в приеме, будет любезным и уклончивым»³. Несмотря на то что А. Николсон, выполняя указания британского правительства, дал ему четкие инструкции ни в коем случае не принимать депутации от любой политической партии⁴, московский консул настаивал на необходимости приема кадетов. Он мотивировал это тем, что кадеты «так сильны в Москве, что его позиция будет крайне затруднительной, он окажется отрезанным от очень полезных каналов информации»⁵. Тем не менее, посол настоял на своем, он писал Э. Грэю: «Я осознаю трудности Грова, но я уверен, что Вы согласитесь со мной, что в нынешнем политическом беспорядке служащие консульства должны воздерживаться от вмешательства во внутренние дела этой страны»⁶.

Публично русское и британское правительства, конечно, не признавали свое вмешательство в дело прибытия английской депутации. Когда Э. Грэй депутаты парламента спросили о его участии в приостановке в интересах русского правительства поездки депутации в Россию, тот ответил, что не предпринимал никаких официальных мер в отношении членов депутации, поскольку «рассматривал депутацию как независимую от правительства Его величества»⁷. Парламентские дебаты показывают, что британские парламентарии полагали, что адрес был бы встречен сочувственно всеми слоями населения в России и «укрепил бы добрые чувства русского народа по отношению к Англии»⁸.

¹ A. Nicolson to Edward Grey. 4 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 34614. P. 1.

² A. Nicolson to Ed. Grey. 8 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 34618. P. 1.

³ A. Nicolson to Ed. Grey. 7 October 1906. Telegram 261 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 33849. P. 1.

⁴ Ed. Grey. to A. Nicolson. 8 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 33849. P. 2.

⁵ A. Nicolson to Ed. Grey. 8 October 1906. Telegram 676 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 34619. P. 1.

⁶ Ibid.

⁷ HCD. 1906. 25 October. Vol. 163. Col. 410-1.

⁸ Ibid.

Русское правительство не высказывалось публично по этому поводу. Однако либеральная общественность предполагала, что оно не рекомендовало англичанам приезжать в Россию, поскольку не могло гарантировать им безопасность, а если бы депутация не последовала его советам, возможно, не пустило бы ее в страну уже на границе¹.

Правые обратились с призывом к обществу помешать приезду английской депутации. Битва против приема депутации развернулась, прежде всего, в Москве, где были сильны позиции и кадетов, и правых. 13 (26) сентября московский градоначальник А.А. Рейнбот сообщил московскому генерал-губернатору С.К. Гершельману о возможном прибытии в Москву депутации. Он поделился своими сомнениями в отношении возможности публичного чествования членов распущенной Думы, которые обвиняются в государственном преступлении, и губернатор согласился с ним. Московские власти решили, что приезд депутации опасен для общественного спокойствия, и отдали распоряжение рестораторам города не сдавать залы для банкетов, связанных с приемом депутации². У П.А. Столыпина состоялся даже телефонный разговор с московским генерал-губернатором об этой проблеме. Премьер указал С.К. Гершельману, что предлагаемый им запрет должен распространяться только на публичные собрания, но не на частные³.

16 (29) сентября состоялось заседание Московской городской Думы, на котором среди прочих обсуждался вопрос и об английской депутации. Дума осудила кадетов, гласных Думы (А.И. Шамшина, Н.И. Астрова, В.В. Пржевальского, Н.М. Кишкина, Н.Н. Щепкина), вошедших в комитет по приему депутации, поскольку они не получали на это полномочий от городской Думы. По инициативе городского головы Н.И. Гучкова Дума приняла резолюцию об отказе принять депутацию и предоставить для ее приема какие-либо городские помещения, расценив ее приезд как посягательство «на наши внутренние дела и распоряжение нашими судьбами»⁴. За резолюцию проголосовало 60 гласных, 6 было против, 48 — воздержались. Кадеты, покинувшие заседание в начале обсуждения этой проблемы, не голосовали. Дворянство Петербурга также закрыло свои залы для англичан⁵. «Русское знамя» издевательски писало по этому поводу: «Санкт-Петербург закрыл двери своих собраний для приема. Прием может состояться только в помещении бань, что, впрочем, возможно только по средам и пятницам»⁶.

Встретив такое сопротивление приезду депутации со стороны значительной части русского общества, многие члены парламента, опасавши-

¹ Биржевые ведомости. 1906. 30 сентября (веч. вып.). С. 5.

² Теплов В.А. Английская депутация в Россию. С. 331.

³ A. Nicolson to Ed. Grey. 10 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 34625. P. 1.

⁴ Теплов В.А. Английская депутация в Россию. С. 334–336.

⁵ К приезду английской депутации // Биржевые ведомости. 1906. 19 сентября (веч. вып.).

⁶ Еж. Мыльный пузырь // Русское знамя. 1906. 28 сентября.

еся осложнений в отношениях с Россией, вышли из ее состава и убрали свои подписи под адресом¹. Кроме того англичане опасались, что монархисты организуют какие-либо публичные акции, направленные против депутации в Петербурге и Москве. Они боялись как за себя, так и за своих соотечественников, работающих в России. «Киевлянин» на это заявил, что англичанам нечего опасаться, поскольку «правые, хотя бы и крайние, никогда не работали бомбами»². П.Н. Милуков, в ответ на запрос лондонского комитета о гарантиях безопасности для депутации, ответил, что «опасность беспорядков мала, но он не может гарантировать полного порядка»³.

1 октября в «Речи» вышла статья «Победа патриотов». Ее автор сообщал, что приезд в Россию английских гостей отложен. Кадеты использовали эту ситуацию для критики власти и правых. Они обвинили монархистов в «зоологическом национализме» и подготовке беспорядков, а власть в бессилии предотвратить их и защитить англичан. «Итак, перед лицом всего цивилизованного мира громко заявлено, что русская власть бессильна оградить мирных путешественников от „оскорблений“ со стороны известной части общества», — писала «Речь»⁴. «Это они, подонки общества, его гнусные элементы, игрою случая выброшенные на поверхность, это они разыграли роль спасителей русской народной чести», — вторили «Биржевые ведомости»⁵.

Правые расценили отмену приезда как знак сплочения общества не только перед внешней опасностью, но и перед революцией. «Хочется думать, — писал А. Суворин, — что этот успех не последний, что общество на нем легко поймет, какая сила заключается в нем, если оно начинает действовать как свободное общество, руководимое патриотизмом и сознанием тех благ, которые сулит ему преобразованный строй родины»⁶.

Таким образом, этот небольшой эпизод в общественно-политической жизни России продемонстрировал большое влияние общественного мнения на политические процессы страны в период революции 1905–1907 гг. И если обычно в этот период доминировало либеральное общественное мнение, создаваемое либеральной прессой, то в данном случае борьбу за общественное мнение в отношении приезда английской депутации осенью 1906 г. выиграли консерваторы и их печать.

¹ Речь. 1906. 29 сентября. С. 4.

² Киевлянин. 1906. 30 сентября. С. 2.

³ Теплов В.А. Английская депутация в Россию. С. 342.

⁴ Победа патриотов // Речь. 1906. 1 октября; От распорядительного комитета по приему английской депутации // Речь. 1906. 3 октября.

⁵ Депутация не приедет // Биржевые ведомости. 1906. 30 сентября (утр. вып.).

⁶ Суворин А. Маленькие письма. DCLXXXIII // Новое время. 1906. 13 октября.

РОССИЙСКАЯ ПРЕССА ОБ ОБСУЖДЕНИИ РАСПУТИНСКОЙ ТЕМЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ В НАЧАЛЕ 1912 г.: ИСТОРИЯ ОДНОГО МЕДИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СКАНДАЛА

КОЦЮБИНСКИЙ ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель
факультета свободных искусств и наук
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: dk65@mail.spbnit.ru

ТАРАН СЕРАФИМА ЮРЬЕВНА,

корреспондент газеты «МК в Питере»,
независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: serafima.taran@yandex.ru

Аннотация: Одним из главных сюжетов, вокруг которых выстраивалась оппозиционная активность Думы, являлась тема влияния Г.Е. Распутина на верховную власть. Публикуемые в прессе материалы о «старце» служили информационной основой для выступлений думцев. Рубежными стали события начала 1912 г., когда под влиянием медийных скандалов имя Распутина впервые прозвучало с думской кафедры. В итоге произошло стихийное формирование механизма широкой думско-медийной фронды, сумевшей противостоять попыткам правительства наложить запрет на публичное обсуждение «распутинской темы». Главную роль в развитии скандала и в формировании фронды сыграли крайне правые и правополитрические силы. Атакуя «старца», они стремились влиять на самодержца, оттеснив от него Распутина и поддерживавшие его силы. Данный эпизод подтверждает тот факт, что третьеиюньская политическая система начала разрушаться «с самого верха» вскоре после гибели П.А. Столыпина, задолго до политического кризиса, разразившегося в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: Г.Е. Распутин, «старец», Гермоген, А.И. Гучков, М.А. Новоселов, Государственная дума, газеты, пресса, медийный образ, скандал.

В развитии системного политического кризиса, приведшего в Феврале 1917 г. к падению самодержавия, важнейшую роль сыграла пресса, являвшаяся «элементом нарождавшегося гражданского общества, который наиболее угрожал устоям абсолютизма, и который правящим верхам труднее всего было контролировать»¹.

¹ Дейли Дж. Пресса и государство в России (1906–1917 гг.) // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 25.

Не менее важную роль в морально-политической подготовке крушения монархии сыграла Государственная дума, чья оппозиционная активность, по позднейшим признаниям самих думцев, «не предотвратила революции... А может быть, даже ее ускорила...»¹.

Одним из центральных сюжетов, вокруг которых выстраивалась оппозиционная активность Думы, являлась тема влияния Г.Е. Распутина на верховную власть. При этом публикуемые в прессе антираспутинские материалы служили информационной основой для оппозиционных выступлений членов Думы. Рубежными в этой связи явились события начала 1912 г., когда вследствие серии громких медийных скандалов имя Распутина впервые прозвучало с думской кафедры.

Предпосылкой данного скандала явилось нарушение баланса сил в рамках т.н. третьеиюньской политической системы, спровоцированное гибелью в сентябре 1911 г. «главного архитектора» упомянутой системы — премьер-министра П.А. Столыпина, обеспечивавшего на протяжении послереволюционных лет сравнительно стабильное функционирование думской монархии. В ситуации резкого уменьшения политического веса нового председателя Совета министров В.Н. Коковцова активизировались силы, которые всегда стремились к активному взаимодействию с правительством и самодержцем: с одной стороны, крайне правые, с другой — правоцентристы (октябристы и русские националисты). Основных причин активизации этих сил было две. Во-первых, они были обеспокоены тем, что в новых условиях усилится влияние на царя со стороны Распутина, которое до того сдерживал Столыпин. Во-вторых, и те, и другие сами лишились сдерживавшей и координировавшей их активность «направляющей», которой являлся покойный премьер.

Непосредственным толчком к скандалу явилось распространение в конце ноября или начале декабря 1911 г. отпечатанных на гектографе копий писем императрицы Александры Федоровны и царских дочерей к Распутину. Как отмечает Коковцов, «отдельные места и выражения из письма Императрицы, составлявшие в сущности проявления мистического настроения, давали повод к самым возмутительным пересудам»².

«Утечку компромата» на царскую семью организовал черносотенный иеромонах Илиодор³. Как можно предположить, таким образом Илиодор и его ближайший политический союзник — саратовский епископ, член Св. Синода Гермоген, решили создать ситуацию, позволявшую, как им

¹ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 440.

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919): Воспоминания. Мемуары. Мн., 2004. С. 452.

³ Судя по всему, эти письма были украдены Илиодором в период его дружеского общения с Распутиным, хотя сам Илиодор настаивал на том, что получил их от «старца» в подарок (*Илиодор (Сергей Труфанов)*. Бывш. иер.). Святой черт (Записки о Распутине). М., 1917. С. 31).

виделось, добиться удаления Распутина от царской семьи¹. Факт близости Распутина к царской чете давно вызывал у Гермогена и Илиодора ревность и недовольство, но пока Столыпин был жив, они нуждались в «старце» как в защитнике от «гонений» со стороны могущественного премьера. Однако после гибели последнего угроза репрессий со стороны правительства перестала казаться Гермогену и Илиодору актуальной, а факт эксклюзивного влияния Распутина на Синод и царскую чету, в свою очередь, стал восприниматься как нестерпимый. Это и подтолкнуло черносотенных лидеров к активным действиям.

«Разогрев» посредством упомянутых писем антираспутинские настроения в обществе, 16 декабря 1911 г. Илиодор и Гермоген (вместе с несколькими единомышленниками) заманили Распутина на Ярославское Синодальное подворье, где обвинили «старца» в сожительстве с царицей, подвергли избиению и потребовали от него навсегда прекратить общение с «царями». Распутину, однако, удалось вырваться из рук атаковавших его черносотенцев и убежать.

Хотя слух о случившемся разнесся по Петербургу моментально, единственной газетой, рискнувшей «по горячим следам» откликнуться на это происшествие, явилось правоцентристское «Вечернее время». Формально в публикации речь шла о давней размолвке Распутина с крайне правым епископом Феофаном. Но читатели должны были догадаться, что на самом деле речь шла о только что приключившейся драке «старца» с другими крайне правыми церковниками. В статье упоминался юродивый Митя Козельский, «предавшийся пьянству и в нетрезвом состоянии слишком давший волю рукам»², что также «отсылало» к обстоятельствам потасовки, активную роль в которой играл именно упомянутый Митя.

В последующие дни газеты не комментировали случившееся и активизировались лишь в начале января 1912 г., когда стало ясно, что царь взял под защиту Распутина и подверг опале Гермогена (ему было предписано выехать из столицы в епархию³).

Первым об этом сообщило правоцентристское «Новое время», отметив, что у опального епископа присутствует «редкая в наше время смелость и стойкость»⁴ (последний пассаж завуалированно намекал на недавние события на Ярославском подворье). Эта новость тут же стала сенсацией и была перепечатана крупными столичными изданиями.

¹ В начале 1912 г. к распространению также подключились лидер партии октябристов А.И. Гучков и политический авантюрист П.А. Бадмаев, получившие копии писем от Илиодора (*Амальрик А. Распутин. Документальная повесть. М., 1992. С. 152–156*).

² *Видъ. Старец Григорий Распутин — ныне Новых // Вечернее время. 1911. 16 декабря.*

³ Спустя несколько дней, в связи с отказом покинуть Петербург, Гермоген был принудительно командирован на покой в Жировицкий монастырь Гродненской губернии.

⁴ Увольнение епископа Гермогена // *Новое время. 1912. 9 января.*

Либерально-оппозиционные СМИ, как и в 1909–1910 гг.¹, не спешили критически высказываться по «распутинской теме», предпочитая собственным комментариям эксклюзивные «говорящие» факты. «Биржевые ведомости» («желтая» газета, в целом придерживавшаяся либеральной ориентации) первыми опубликовали интервью с Гермогеном, где владыка прямо заявил: «В деле моего удаления не последнюю роль сыграл и Григорий Распутин»². Официоз кадетской партии «Речь» первым поведал о событиях, произошедших на Ярославском подворье, где «Распутин недавно имел столкновение с иеромонахом Илиодором», и где «иеромонах вместе с блаженным Митей <...> грубо оскорбили его»³.

В отличие от либерально-оппозиционных правоцентристские СМИ заняли четкую редакционную позицию, поддержав Гермогена и осудив Распутина. Близкий к русским националистам «Свет» писал, что Распутин «по авторитетному свидетельству епископа Гермогена, заслуживает отлучения от церкви»⁴, и жестко критиковал обер-прокурора Синода В.К. Саблера за попустительство в отношении «гносного кощунщика»⁵.

Переход части крайне правых и правоцентристских СМИ в связи с опалой Гермогена к де-факто оппозиционной риторике, с одной стороны, и нейтрально-благожелательный интерес либерально-оппозиционных СМИ к личности одиозного черносотенного епископа, бросившего вызов «всесильному старцу», — с другой, привели к формированию феномена широкой медийной фронды на базе противостояния Распутину. Это отметил, в частности, и сам Гермоген: «Мне высказали соболезнования со всех сторон: и правые, и левые, и церковные, и светские люди»⁶.

Оппозиционно-газетная фронда, стихийно сложившаяся на протяжении первой половины января 1912 г. и нацеленная острием против царского фаворита, вызвала беспокойство со стороны Николая II. Как отмечает Коковцов, глава МВД А.А. Макаров «получил очень резкую по тону записку от Государя, положительно требующую от него принятия „решительных мер к обузданию печати“, и запрещение газетам печатать что-либо о Распутине»⁷.

Эти меры обрушились на октябристский официоз «Голос Москвы», оказавшийся в центре скандала с брошюрой редактора-издателя Религиозно-философской библиотеки М.А. Новоселова «Распутин и мистиче-

¹ Коцюбинский Д.А., Семькина Е.В. «Развратный хлыст» или жертва молвы? Споры о Григории Распутине в начале XX века // Родина. 2015. № 10. С. 108–111; Коцюбинский Д.А., Семькина Е.В. Распутинская сенсация на страницах российской прессы. Становление аналитического, оппозиционного и «желтого» направлений освещения темы. Май–июнь 1910 г. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 4. С. 444–466.

² Увольнение епископа Гермогена // Биржевые ведомости. 1912. 10 января.

³ Скептик. Изворотливость // Речь. 1912. 12 января.

⁴ К увольнению Гермогена // Свет. 1912. 10 января.

⁵ Свет. 1912. 16 января.

⁶ Епископ Гермоген о своем увольнении // Новое время. 1912. 12 января.

⁷ Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919): Воспоминания. Мемуары. Мн., 2004. С. 457.

ское распутство»¹, опубликованной в Москве во второй половине января 1912 г. и сразу же конфискованной властями².

24 января в «Голосе Москвы» за подписью Новоселова³ вышла статья, практически полностью воспроизводившая введение к только что конфискованной брошюре. Эта статья обличала Синод и церковных иерархов за попустительство «развратному хлысту»: «Доколе <...> святейший синод, перед лицом которого уже несколько лет разыгрывается этим проходимцем преступная трагикомедия, будет безмолвствовать и бездействовать? <...> Почему молчат епископы, коим хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя?»⁴. В тот же день это письмо появилось в отрывках на страницах вечерних газет «Вечернее время» и St. Petersburg Gerold.

Власти наложили арест на эти три газеты, предъявив их редакторам обвинение в распространении о «правительственных установлениях» сведений «заведомо ложных» и возбуждающих в населении «враждебное к ним [установлениям, — Д.К., С.Т.] отношение»⁵. Однако представители антираспутинской фронды расценили эти действия властей не как заботу о репутации Синода, а как попытку запретить прессе свободно касаться распутинской темы.

На следующий день в Думе произошло — впервые за ее историю — объединение всех фракций на оппозиционной платформе. А именно, в связи с осуждением репрессивных действий правительства по отношению к газетам. Практически единогласно (при одном голосе против) Дума приняла запрос к главе МВД, указав на незакономерность действий администрации и поставив вопрос о восстановлении «законного порядка»⁶. Как следует предположить, данный солидарный демарш думцев был морально подготовлен предшествующим отрезком времени, в течение которого произошло фактическое «братание» различных СМИ на базе «противостояния Распутину». В свою очередь, думское заседание 25 января приковало к себе внимание и вызвало одобрение со стороны практически всех газет.

Октябристский официоз опубликовал текст думского запроса, а также полностью воспроизвел речь А.И. Гучкова, в которой резко критиковались действия администрации в отношении печати, а также бездействие государства по отношению к угрожающей ему смертельной опасности. Хотя имя Распутина при этом не упоминалось, намек на него был очевиден: «Господа, тяжелые и жуткие дни переживает Россия, глубоко взволнована народная совесть. Какой-то мрачный призрак средневековья встал перед нами. <...> Неблагополучно в нашем государстве:

¹ Новоселов М.А. Распутин и мистическое распутство. М., 1912.

² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 82. ЛЛ. 3, 5.

³ Новоселов М. Голос православного мирянина // Голос Москвы. 1912. 24 января.

⁴ Там же.

⁵ Вечернее время. 1912. 25 января.

⁶ Голос Москвы. 1912. 26 января.

опасность грозит нашим родным святыням, но где же они, охранители этих святынь, святыни алтаря и святыне трона? <...> Патриотический долг <...> — возвысить свои голоса и дать исход тому общественному негодованию, которое накаплиется в стране». Далее Гучков подчеркнул факт единения в общем гражданско-политическом порыве прессы с Думой: «И вот этот долг совершила наша пресса. Этот долг совершаем и мы сегодня, внося и поддерживая этот запрос»¹.

Редактор «Вечернего времени» Борис Суворин, подвергшийся административному наказанию, позитивно отозвался о той поддержке, которую Дума оказала прессе: «Вчера целым букетом были отданы под суд редакторы нескольких газет из-за дела, о котором говорил весь город уже несколько недель. Но печать на этот раз не осталась одинокой. Государственная дума немедленно пришла нам на помощь и не дала в обиду»².

«Свет» подчеркнул беспрецедентность произошедшего: «Еще ни разу государственная Дума не подымалась на такую высоту, как в этот, поистине исторический день 25-го января». Дума «вотировала только за правду, она стояла только на страже величайших народных святынь — святыни алтаря и святыни трона, — по великолепному выражению Гучкова»; «Никого — ни крайних правых, ни крайних левых, ни инородцев даже не искусила подобная необычайная солидарность»³. При этом «Свет» невольно признавал, что истинные мотивы ситуативного «слияния» правых в едином оппозиционном порыве с либералами и даже социалистами были скорее чувственно-эмоциональными, нежели рационально-прагматическими. По мнению «Света», это, однако, говорило в пользу Думы: «Прекрасное здоровое нравственное чувство сказалось в ее воле. Что так толковать о закулисных соображениях и хитроумных расчетах. Такие ответы, как данный вчера государственною думою, даются от сердца, а не от соображений, и тот, кто этого не понимает — жалок, глуп и несчастен»⁴.

Рупор крайних правых «Московские ведомости» также выступил в поддержку запроса, опубликовав речь В.Н. Львова, в которой с думской кафедры впервые было произнесено имя Распутина: «Что это за странная личность — Григорий Распутин, которая изъята из ведения обыкновенных законов о печати и поставлена на странный пьедестал недостижимости и недоступности? <...>. Пусть печати будет представлено то естественное право <...>, — судить об известной личности»⁵.

На следующий день «Московские ведомости» подчеркнули важность объединения всех думских фракций на почве борьбы против Распутина и позволили себе пассаж, который можно было при желании трактовать как завуалированный призыв к физическому устранению «старца»:

¹ Голос Москвы. 1912. 26 января.

² Суворин Б. День за днем // Вечернее время. 1912. 26 января.

³ Свет. 1912. 27 января.

⁴ Там же.

⁵ Московские ведомости. 1912. 26 января.

«...дело идет собственно вовсе не о конфискации газет, а о той личности, по поводу которой произошла конфискация. <...> Принятие запроса, радостного для врагов существующего порядка, лицами, составляющими несомненных его защитников, показывает, что гнилая язва стала нестерпимой. Видно, им кажется, все — лучше этой язвы, и нет ничего страшнее ее. Таков смысл голосования со стороны людей порядка. Дай Бог, чтобы смысл этот был понят во всей своей страшной глубине. Дай Бог, чтобы язва была бесповоротно устранена из отравленного ею организма»¹.

Левые либералы, оказавшиеся в данном случае оттесненными с оппозиционной авансцены правоцентристами, оценивали принятие запроса хотя и одобрительно, однако подчеркнуто сдержанно: «И если картина, которая открывается теперь, поистине мрачна и ужасна, то это вовсе не значит, что она — новая и неожиданная картина. Это только луч, осветивший [еще раз] темное царство», — писала «Речь»².

Политическая поддержка, оказанная Думой прессе, заключалась не только в самом факте принятия запроса. Включив в его текст статью Новоселова, думцы дали газетчикам возможность опубликовать этот «крамольный материал» в виде официального думского документа. Этой возможностью поспешили воспользоваться многие издания включая крайне правые³.

Таким образом, в последних числах января 1912 г. российскими журналистами и парламентариями был — во многом стихийно — выработан механизм совместного действия, сводивший де-факто на нет попытку правительства успешно контролировать прессу. То, что было до известной степени достижимо в ситуации личных контактов руководителей думских партий и крупнейших СМИ со Столыпиным и его министрами, оказалось невозможным после того, как выстроенная последним модель «ручного управления» третьеиюньской политической системой стала выходить из строя.

В течение февраля 1912 г. российская пресса продолжала активно обсуждать темы, связанные с фигурами Распутина, Гермогена и Илиодора, параллельно отслеживая судьбу думского запроса.

Состоявшееся в начале марта 1912 г. обсуждение сметы Синода подтвердило эффективность механизма думско-медийной антираспутинской фронды. Думцы продолжали демонстрировать межфракционную солидарность в негативной оценке действий Синода, покровительствующего «старцу», а журналисты, в свою очередь, акцентировали внимание на этих солидарных действиях абсолютного думского большинства. Внимание газетчиков, в частности, привлек фрагмент речи социал-демократа Е.П. Гегечкори, в котором он поддержал критику Саблера, высказанную перед тем лидером крайне правых В.М. Пуришкевичем⁴.

¹ Запрос о конфискации газет // Московские ведомости. 1912. 27 января.

² Речь. 1912. 26 января.

³ Московские ведомости. 1912. 27 января.

⁴ Новое время. 1912. 7 марта.

Ключевой, как и 25 января, явилась речь неформального лидера антираспутинской фронды А.И. Гучкова. Крупнейшая правоцентристская газета России «Новое время» воспроизвела ее целиком включая наиболее яркие антираспутинские пассажи: «Вы все знаете, какую тяжелую драму переживает Россия. <...> А в центре этой драмы загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков, странная фигура в освещении XX столетия. Быть может, изувер-сектант, творящий свое темное дело, быть может, проходимец-плут, обдeldывающий свои темные делишки. Вдумайтесь только, кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, которая тащит за собою... (Марков 2-й с места: „Это бабьи сплетни!“) и смену направлений, и смену лиц, падение одних, возвышение других. <...> Но Григорий Распутин не одинок! Разве за спиной Григория Распутина не стоит целая банда, пестрая и неожиданная компания, взявшая на откуп и его личность, и его чары. <...> И пусть история знает, и пусть народ запомнит, что в эту тяжелую годину <...> обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Карлович Саблер не исполнил своего долга». В комментариях «Новое время» поддержало речь Гучкова и осудило ответ на нее со стороны Саблера¹.

«Московские ведомости» также одобрили атаку Гучкова на Распутина и Саблера и отмежевались от Н.Е. Маркова 2-го, перебившего Гучкова: «...мы не можем <...> присоединиться к тем, которые ее [речь Гучкова, — Д.К., С.Т.] прерывали восклицаниями „бабьи сплетни“. Не в наших правилах называть правду ложью или ложь правдою»².

При этом «Московские ведомости» подчеркивали, что поддерживают Гучкова вопреки тому, что он является их политическим противником, и что «его выступление 9 марта, без сомнения <...>, будет не на благо России. Но есть положения роковые»; «...г. Гучков взял на себя, в подрыв наших основ, исполнение того, что <...> должно было быть исполнено, с неколебимой энергией, иерархией нашей Церкви»³.

Данная идейная коллизия в очередной раз подтверждала, что в основе участия правых (как и правоцентристов) в антираспутинской фронде лежала не столько их рационально осмысленная партийная прагматика, сколько негативные эмоции, спровоцированные начавшейся эрозией третьей июньской («стольпинской») политической системы и до известной степени затмевавшие холодный политический расчет.

В свою очередь, левые либералы вновь оказались в арьергарде оппозиционной атаки и постарались дать произошедшему демонстративно сдержанную оценку: «Все напряжение страсти, вызванное последними церковными событиями, почему-то вылилось в боковое русло и приняло характер чисто личных нападков и выходов, за которыми ступсевалось принципиальное значение поднятых вопросов»⁴.

¹ Новое время. 1912. 10 марта.

² Московские ведомости. 1912. 11 марта.

³ Там же.

⁴ Речь. 1912. 10 марта.

В ответ на кадетские обвинения Гучкова в том, что он не подверг Саблера целостной и конструктивной критике, «Голос Москвы» возразил, что это должен был сделать лидер кадетов П.Н. Милюков, которому Гучков сознательно оставил такую возможность: «Но г. Милюков упорно молчал, точно набрал в рот воды...»¹.

В дальнейшем внимание думцев и прессы переключилось на сюжеты, исключавшие возможность сохранения широкой думско-медийной фронды (Ленский расстрел и др.). Распутин же тем временем покинул Петербург, что в итоге привело к снятию вопроса о нем с думской повестки дня.

Сказанное позволяет заключить, что под влиянием разразившегося в начале 1912 г. антираспутинского политического скандала произошло стихийное формирование механизма широкой думско-медийной фронды, которая сумела оказать эффективное противодействие попыткам правительства наложить запрет на публичное обсуждение «распутинской темы».

При этом иницилирующую и наиболее активную роль как в развитии скандала, так и в формировании думско-медийной фронды сыграли крайне правые и правоцентристские силы. Атакуя «старца», они стремились пробиться в политическое пространство около трона, которое ранее контролировал Столыпин, и которое после его исчезновения, как они полагали, захватили и удерживают Распутин и скрывающаяся за ним «банда». На данном примере отчетливо видно, что третьи-июньская политическая система начала разрушаться «с самого верха», притом задолго до политического кризиса, разразившегося в период Первой мировой войны.

В этой связи события начала 1912 г., в ходе которых впервые оформился механизм широкой думско-медийной антираспутинской фронды, можно рассматривать как своего рода «генеральную репетицию» грядущей консолидации думского большинства на «антираспутинской» платформе летом 1915 г., завершившегося «штурмом власти» в конце 1916 г. и крушением самодержавия в феврале 1917 г.

¹ Голос Москвы. 1912. 13 марта.

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В 1917 ГОДУ

IV ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

КУЛИКОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник СПб ИИ РАН,
член НМС при Центре истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема соотношения таких центров Февральской революции 1917 г., как IV Государственная дума и Центральный военно-промышленный комитет. Автор приходит к выводу, что если 27 февраля — 3 марта 1917 г. Дума возглавляла революцию, то Комитет, через его Рабочую группу и связанные с нею структуры, руководил революцией, начиная с 23 февраля. Заключение в рамках Комитета союза между буржуазными и социалистическими лидерами, между председателем Комитета А.И. Гучковым и председателем Группы К.А. Гвоздевым обусловил победу революции.

Ключевые слова: Государственная дума, Центральный военно-промышленный комитет, Февральская революция.

Одним из выдающихся достижений постсоветской историографии является концепция А.Б. Николаева о главенствующей роли IV Государственной думы, сыгранной ею во время Февральской революции 1917 г., концепция, получившая наиболее полное оформление в двухтомнике под характерным названием — «Думская революция»¹. Значение этой концепции заключается, прежде всего, в том, что она окончательно выявила всю несостоятельность имевшего широкое распространение в советской и зарубежной историографии мифа о контрреволюционной деятельности Думы в февральско-мартовские дни 1917 г. Если проблему роли Думы в революции можно считать, очевидно, решенной,

¹ Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. В 2-х т. СПб., 2017. Т. 1; Т. 2.

то, с другой стороны, вопрос о том, какие факторы привели к ситуации, когда Дума 27 февраля 1917 г. возглавила революцию, остается, пока что, открытым. Это фактически признает и сам А.Б. Николаев, рассматривая в своей последней фундаментальной монографии, как, впрочем, и в предыдущих трудах¹, события 27 февраля — 3 марта 1917 г. Между тем, Февральская революция началась, как минимум, 23 февраля, но писать о какой-либо причастности Думы к событиям, развертывавшимся в Петрограде до 27 февраля, нет никаких оснований. В связи с этим, а также с учетом имеющейся источниковой базы, в 2002 г. стала кристаллизироваться, в т.ч. и благодаря усилиям А.Б. Николаева, концепция, согласно которой революционную мобилизацию масс осуществлял, начиная с 23 февраля, Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), используя Рабочую группу ЦВПК и слившуюся с ней Рабочую группу Петроградского областного военно-промышленного комитета (ПОВПК)². Как же решается поставленная проблема — проблема двоецентризма Февральской революции? Что касается периода 27 февраля — 3 марта 1917 г., то для решения проблемы соотношения в указанный период Государственной думы и ЦВПК как центров революции необходимо развести два вопроса: какое из упомянутых учреждений возглавляло революцию, а какое — руководило революцией?

Рассматривать ЦВПК в качестве штаба по подготовке революции позволяет, помимо прочего, его персональный состав. Председатель Бюро ЦВПК А.И. Гучков одновременно являлся выборным членом Государственного совета и в 1915–1917 гг. входил в Прогрессивный блок российского парламента. Лидер Фракции прогрессистов и член Прогрессивного блока в IV Государственной думе А.И. Коновалов был заместителем А.И. Гучкова по Бюро ЦВПК, софракционер А.И. Коновалова А.А. Бубликов и член Прогрессивного блока в верхней палате Н.Ф. фон Дитмар имели посты товарищей А.И. Гучкова. В Бюро ЦВПК входили многие другие члены Прогрессивного блока в Государственной думе: из прогрессистов — В.А. Ржевский и С.И. Франгулов, из кадетов — В.А. Виноградов, Н.К. Волков, С.В. Востротин, А.А. Добровольский, Ю.М. Лебедев, Н.В. Некрасов, М.М. Новиков, М.И. Пападжанов, В.А. Степанов и А.И. Шингарев, из октябристов — князь С.С. Волконский, И.А. Годнев, А.В. Иванов и И.С. Ключев, из земцев-октябристов — М.Л. Киндяков, Н.В. Савич и Г.С. Унковский, из прогрессивных националистов —

¹ Николаев А.Б. 27 февраля 1917 г.: к вопросу о центрах революции // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Второй год выпуска. Памяти В.И. Старцева. СПб., 2002. С. 235–250; *его же*. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / С предисл. С.М. Ляндреса. Рязань, 2002; *его же*. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля — 3 марта 1917 г.: Дис. ... д. ист. н. СПб., 2005; *его же*. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. Монография. СПб., 2005.

² См. историографию по данной концепции: Куликов С.В. Февральская революция спустя сто лет // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 545–559.

В.Я. Демченко, из независимых — М.А. Караулов, а также выборные члены Прогрессивного блока в Государственном совете Е.Л. Зубашев, Ф.А. Иванов, Н.Э. Крамер, Г.А. Крестовников, И.П. Лаптев и П.П. Рябушинский. Кроме того, членами Бюро ЦВПК были трудовик А.Н. Русанов и формально беспартийные главноуполномоченный Всероссийского земского союза князь Г.Е. Львов, председатель Центрального комитета военно-технической помощи П.И. Пальчинский, председатель Киевского областного военно-промышленного комитета М.И. Терещенко и главноуполномоченный Всероссийского союза городов М.В. Челноков. Наконец, в областные военно-промышленные комитеты входили земец-октябрист С.Т. Варун-Секрет, прогрессивные националисты А.И. Савенко и Н.Н. Чихачев и члены Прогрессивного блока в Государственном совете Г.Э. Вейнштейн и князь А.Д. Голицын¹. Важно также отметить, что секретарем Общего собрания ЦВПК был народоволец М.В. Новорусский², а помощником редактора «Известий ЦВПК» — народный социалист С.В. Дмитриевский (Димитриевский)³. С ЦВПК сотрудничали горный инженер Н.Е. Паршин и профессор Военно-медицинской академии В.А. Юревич. Подавляющее большинство перечисленных деятелей являлись активными участниками Февральской революции.

М.В. Новорусский объяснял введение представителей рабочих в «организацию, враждебную им по классовым интересам», осознанием буржуазными лидерами «необходимости объединения всех общественных элементов на борьбу одновременно на два фронта: с врагом внешним и врагом внутренним, т.е. со старым режимом». Более того, согласно свидетельству Новорусского, руководители ЦВПК, «в большинстве представители капиталистических групп, легально и гласно допустили в свою среду инородную группу» именно для «подготовки революции», а потому Департамент полиции полагал «не без основания», что ЦВПК «подрывает основы и корни»⁴. В Рабочую группу ЦВПК входили 10 человек: В.М. Абросимов (оказавшийся агентом Петроградского охранного отделения), Я.И. Анасовский, Г.Е. Брейдо, К.А. Гвоздев (председатель Бюро группы), Е.А. Гудков, И.И. Емельянов, Г.К. Комаров, Е.А. Кузьмин, Н.Я. Яковлев и Ф.Я. Яковлев (все — меньшевики-оборонцы). Членами Рабочей группы ЦВПК являлись 6 человек: И.В. Васильев, А.А. Ершов и И.Т. Качалов (меньшевики-оборонцы), А.И. Божевольнов, Я.С. Остапенко и В.М. Шилин (эсеры). Секретарями Рабочей группы ЦВПК стали видные меньшевики-оборонцы Б.О. Богданов, Е. Маевский (В.А. Гутовский) и Л.М. Пумпянский. По свидетельству А.И. Коновалова, в конце 1915 г. окончательные двухстепенные выборы в обе группы охватили

¹ Личный состав военно-промышленных комитетов. По 24 октября 1915 г. Пг., 1915. С. 7–28, 63, 64, 78, 103.

² Новорусский М.В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета // Историко-революционный бюллетень. 1922. №№ 2–3. С. 27.

³ Волковыский Н.М. Из прошлого С.В. Дмитриевского // Последние новости. 1930. № 3311. С. 3.

⁴ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 27–28, 29.

101 предприятие Петрограда, на которых работали 219000 чел.¹. Общее количество петроградских рабочих насчитывало, к указанному сроку, около 300000 чел.², а потому через Рабочую группу и ее 153 выборщика ЦВПК опирался на самые широкие слои столичного пролетариата.

С одной стороны, Рабочая группа ЦВПК всячески поддерживалась его руководителями в лице А.И. Гучкова, А.И. Коновалова и М.И. Терещенко, с другой — она «завязала тесные нити сотрудничества» с социал-демократической и трудовой фракциями Государственной думы и их лидерами Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенским, а также с внепартийным социал-демократом Н.Д. Соколовым и членами его кружка³. К 1917 г. для политической мобилизации масс ЦВПК использовал заседания Рабочей группы, которые, вспоминал Б.О. Богданов, подразумевая парадные помещения ЦВПК, «происходили почти ежедневно, рабочие набивались в эти парадные помещения до отказа, люди сидели едва ли не друг на друге»⁴. Политической мобилизации способствовали также существовавшие при Рабочей группе 10 комиссий, а именно: 1) Продовольственная комиссия, 2) Профессиональная (связывала группу с легальными и нелегальными профсоюзами), 3) по мобилизации промышленности, 4) по организации труда, 5) по охране труда и социальному законодательству (обеспечивала связи группы с больничными кассами), 6) содействия организации бирж труда, 7) содействия организации общественных столовых, 8) содействия рабочей кооперации (через эту комиссию группа поддерживала отношения с продовольственными кооперативами), 9) содействия созыву рабочего съезда и 10) Статистическая.

Е. Маевский вспоминал: «В так называемых (для конспирации) „комиссиях“ при [Рабочей] группе, которые к концу 1916-го и началу 1917 г. превратились в многолюдные рабочие собрания, сторонники группы убеждали рабочих в необходимости, во имя революции, координировать свои усилия с усилиями некоторых кругов прогрессивной буржуазии и использовать Думу как общероссийский центр, на котором, в его столкновениях с правительственной властью, сосредоточивается всенародное внимание»⁵. Проведению этих идей в толщу столичного пролетариата содействовали нижестоящие структуры ЦВПК — комиссии содействия Рабочей группе, начавшие создаваться

¹ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты: в 4 т. М., 1995. Т. 4. С. 290.

² Лейберов И.П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979. С. 13.

³ Арский Р. В Петрограде во время войны (Из воспоминаний) // Красная летопись. 1923. № 7. С. 87.

⁴ Богданов Б.О. Фрагменты воспоминаний // Богданова Н.Б. Мой отец — меньшевик. СПб., 1994. С. 195.

⁵ Маевский Е. Канун революции. Из истории рабочего движения накануне революции 1917 г. Деятельность рабочего представительства при ЦВПК (по материалам). Пг., 1918. С. 6.

на фабриках и заводах Петрограда в ноябре 1916 г. Задача комиссий, сообщал «Бюллетень Рабочей группы ЦВПК», состояла в установлении «более тесной» связи группы с «наиболее сознательными элементами» пролетариата. На некоторых заводах организация комиссий приобрела «чрезвычайно строгий и широкий характер». В частности, на Металлическом заводе комиссии были выбраны во всех цехах, делегаты цеховых комиссий избирались в общезаводскую комиссию, причем выборы утверждало общезаводское собрание, а общезаводская комиссия поддерживала «постоянное общение» с Рабочей группой¹. Не менее мощным орудием политической мобилизации пролетариата стали продовольственные кооперативы, деятельность которых объединял созданный по инициативе Рабочей группы и при материальной поддержке ЦВПК Петроградский союз потребительных обществ (ПСПО). Его учредительное собрание состоялось 14 апреля 1916 г. в Лиговском народном доме графини С.В. Паниной (в январе 1917 г. она передала свой народный дом в распоряжение ПСПО).

На проходившем 14–15 января 1917 г. 2-м собрании уполномоченных ПСПО в его Правление были выбраны три члена Рабочей группы ЦВПК (В.М. Абросимов, Г.Е. Брейдо и Е.А. Гудков), а также Н.С. Бойков, И.Д. Волков, В.И. Иванов, Ивкин, И.И. Калинин, П.А. Сабанский, С.С. Самодуров и О.П. Чижиков. Кандидатами к ним оказались избранными В.А. Богомолов, Н.В. Васильев, Лохманов, К.А. Новиков, Г.П. Петров, Ив. Перов, Н. Милютин, Филипов, Шурупов и Ив. Щербаков. Тогда же Правление ПСПО выбрало свое Бюро, членами которого стали И.Д. Волков, Е.А. Гудков и П.А. Сабанский. Кроме того, собрание уполномоченных избрало Совет ПСПО (Б.О. Богданов, С.Д. Масловский (Мстиславский), А.В. Нарыжный, В.Ф. Пекарский и М.Л. Хейсин) и кандидатов в члены Совета (К.А. Гвоздев, Л.П. Гурьев и Тетеркин). К числу руководящих деятелей ПСПО относились также Б.В. Авилов, М.А. Брунштейн, Г. Гаврилов, В.Г. Громан, Н.А. Ильин, Н.Ю. Капелинский (секретарь ПСПО), Меньшенин, И.А. Михайлов, В. Петров, А. Франкорусский (Б.Н. Леонтьев), А.С. Чемпковский, Ф.А. Череванин. Но главную роль в руководстве ПСПО играли К.А. Гвоздев, Б.О. Богданов и Г.Е. Брейдо, которые были «наиболее активными работниками Правления и Союза»². К началу Февральской революции ПСПО включал в себя 22 кооператива, расположенных во всех районах Петрограда и объединявших около 48000 членов³. На самом деле их было еще больше: например, Потребительное общество служащих и рабочих Выборгской стороны, председателем Правления которого являлся Гвоздев, насчитывало накануне

¹ К истории гвоздещины. «Бюллетени» Рабочей группы ЦВПК // Красный архив. 1934. Т. 67. С. 91–92.

² Мстиславский С.Д. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. М., 1922. С. 9.

³ Петроградский союз рабочих потребительных обществ (Петросоюз). История союза и его организация (с приложением принятых инструкций). Сб. Пг., 1918. С. 5, 7, 8, 10, 13, 15.

революции 11300 членов, но фактически — до 100000, поскольку, по соглашению с заводоуправлениями, обслуживало заводы Выборгской стороны, не входившие в это общество¹.

К концу 1916 г. при Рабочей группе создается также особый «Рабочий центр». «Вместе с группой, поддерживая ее и спланировав возле нее, почти с самого начала ее деятельности шли наиболее видные и зрелые меньшевистские рабочие, — вспоминал Е. Маевский. — И вот, к концу 1916 г. при группе, наряду с так называемыми комиссиями, был образован особый „Рабочий центр“, ядро которого составилось из указанных выше виднейших [социал]-д[емократов] рабочих. Этот „Рабочий центр“ в тесном единении с группой начинает широкую кампанию политических митингов по фабрикам и заводам Петрограда, стремясь вызвать рабочие массы к активному вмешательству в разрастающийся конфликт между ценовой Россией и Россией правительственной. На подготовительных, более узких, собраниях в помещении Рабочей группы, — сообщал Маевский, — обсуждается характер выступлений, намечаются, воспроизводятся и размножаются конспекты для речей, готовятся резолюции»². С одобрения лидеров ЦВПК Рабочая группа, в целях вовлечения «цензовой» Государственной думы в революцию, намечала провести 14 февраля 1917 г., в день открытия думской сессии, всеобщую забастовку и массовую демонстрацию пролетариата, направив ее к Таврическому дворцу. По свидетельству Б.О. Богданова, для подготовки этой революционной акции и руководства ею в помещении ЦВПК была создана «большая группа» или «штаб»³, называвшийся также, по сведениям Департамента полиции, «пропагандистская коллегия»⁴. В нее входили около 50–60 человек, как меньшевики-оборонцы, так и беспартийные, являвшиеся представителями крупнейших предприятий столицы. На фабриках и заводах Петрограда «штаб» образовал ячейки, через которые осуществлялась вербовка и организация будущих забастовщиков и демонстрантов и поддерживались их отношения с «центром»⁵. П.Н. Милуков расценивал акцию, запланированную на 14 февраля, как полицейскую провокацию, однако данное мнение опровергается реакцией МВД на эту акцию.

В ночь с 26 на 27 января по инициативе министра внутренних дел А.Д. Протопопова (кстати, бывшего члена Бюро ЦВПК) и ордеру главного начальника Петроградского военного округа генерала С.С. Хабалова 8 членов Рабочей группы ЦВПК и ПВПК (Г.Е. Брейдо, Е.А. Гудков, И.И. Емельянов, И.Т. Качалов, Е.А. Кузьмин, В.М. Шилин, Н.Я. Яковлев и Ф.Я. Яковлев, а также Б.О. Богданов) были арестованы. Еще 2 члена

¹ К истории «Рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете // Красный архив. 1933. Т. 57. С. 62.

² Маевский Е. Указ. соч. С. 6.

³ Богданов Б.О. Указ. соч. С. 198, 200.

⁴ В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д. Протопопова // Былое. 1918. № 13. С. 109.

⁵ Богданов Б.О. Указ. соч. С. 198, 200.

группы подверглись аресту позднее (И.В. Васильев — в ночь с 30 на 31 января, В.М. Абросимов — накануне революции). К.А. Гвоздева оставили на его квартире «ввиду болезни» под домашним арестом, назначив ему «для охраны» полицейского, но 29 января А.И. Гучков ходатайствовал перед Хабаловым об удалении этого полицейского, что и было сделано по причине ручательства Гучкова «о неуклонении К. Гвоздева от законной ответственности»¹. Благодаря данному обстоятельству Гвоздев, а через него — Гучков, имел «полную возможность поддерживать связи с рабочими организациями и деятелями»², а значит — и руководить ими. «Рабочая группа, — писал М.В. Новорусский, — была вырвана из жизни 27 января. Но дело, которое она вела по подготовке революции при участии многих заводских представителей продолжалось»³. В результате ЦВПК оказался штабом не только по подготовке, но и по проведению Февральской революции.

Подразумеваемая события, начавшиеся в Петрограде 23 февраля, член ЦК Союза 17 октября князь А.В. Оболенский, которого А.И. Гучков посвятил в план своего заговора, вспоминал: «Беспорядки, начатые в столице, были организованы для того, чтобы показать государю безвыходность положения и тем принудить его к отречению»⁴. Заседания Бюро ЦВПК происходили 22, 23, 24 и 25 февраля: на всех заседаниях председательствовал Гучков, в заседании 22 февраля участвовали А.А. Бубликов и М.И. Терещенко, 24 — А.И. Коновалов и Терещенко, 25 — П.И. Пальчинский, Терещенко и член Рабочей группы Я.И. Анасовский⁵. Организуя в Петрограде 23–26 февраля забастовки и демонстрации, ЦВПК использовал, через оставшихся на свободе членов Рабочей группы, созданные ею структуры, прежде всего — «штаб» в 50 человек, комиссии содействия на заводах и Правление ПСПО.

Секретный сотрудник «Семенов» доносил Петроградскому охранному отделению 21 февраля, что «сегодня» «выходит специально посвященный женскому дню № легального кооперативного органа „Труд“»⁶. Действительно, февральский номер журнала «Труд», являвшегося органом ПСПО, содержал агитационные статьи, посвященные Международному женскому дню⁷, который приходился на 23 февраля (8 марта по н. ст.). Типичную для этого дня ситуацию наблюдал большевик А.П. Тайми во время митинга, происходившего на Заводе точных механических изделий, где выступил связанный с Рабочей груп-

¹ К истории «Рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете. С. 72.

² Рафес М.Г. Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С. 180.

³ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 29.

⁴ Оболенский А.В. Мои воспоминания // Проблемы истории Русского зарубежья. Мат. и иссл. М., 2008. Вып. 2. С. 367.

⁵ Известия ЦВПК. 1917. № 209. С. 3–4.

⁶ В Петрограде накануне Февральской революции (В освещении Петроградского охранного отделения) // Красная летопись. 1927. № 1. С. 45.

⁷ См.: Труд. Журнал, посвященный рабочей кооперации. 1917. № 2–3 (8–9).

пой меньшевик-оборонец Г.М. Грабовский. Он говорил, что «в странах Западной Европы давно уже установился такой свободный режим, который позволяет женщинам мирно праздновать их праздник», а потому «и мы должны стремиться к установлению таких же порядков, при которых полиция не только не мешает народным собраниям, но даже сама их охраняет»¹. Празднование международного женского дня дало поводы для инициирования в столице 23 забастовок и демонстраций, в которых первоначально участвовали преимущественно женщины и подростки.

Когда 23 февраля член Бюро ЦВПК В.П. Литвинов-Фалинский встретил на улице М.И. Терещенко, находившегося «в каком-то радостном возбуждении», между ними произошел характерный диалог. Терещенко: «Ну, как вам нравятся народные волнения?» — Литвинов: «Ничего особенного, это скоро само потухнет». Терещенко: «А если мы дадим приказ рабочим выходить на улицу?» — Литвинов: «Тогда другое дело»². Выполняя указания руководителей ЦВПК, Правление ПСПО 23, 24 и 25 февраля организовывало совещания лидеров ПСПО и социал-демократической фракции Государственной думы. В совещании 25 февраля участвовали 30–35 человек, в т.ч. от ПСПО — И.Д. Волков и Ф.А. Череванин, от социал-демократической фракции — М.И. Скобелев и Н.С. Чхеидзе³. Характерно, что Н.С. Чхеидзе «не склонен был верить в широкий размах движения», между тем как «левая» группа участников совещаний «предвкушала и прокламировала революцию, считая необходимым в экстренном порядке создать боевые рабочие организации в столице». «Левую» группу возглавлял Ф.А. Череванин, от которого и «исходила мысль о немедленных выборах на петербургских заводах Совета рабочих депутатов». «Во всяком случае, — подчеркивал осведомленный меньшевик Н.Н. Суханов, имея в виду совещание 25 февраля, — директива выборов исходила от этого инициативного собрания деятелей рабочего движения. Директива эта была немедленно подхвачена партийными организациями»⁴. Совещание наметило план создания Совета рабочих депутатов, имея в виду превращение больничных касс и кооперативов в районные организационные пункты, куда и надлежало направлять информацию о ходе выборов депутатов. В качестве общегородского центра, который сосредоточивал бы сведения из районов, намечалось использовать ПСПО⁵. Суханов недвусмысленно признавал за совещаниями 23–25 февраля «огромную историческую заслугу» в области

¹ Тайми А.П. Среди рабочих и солдат Петрограда // В годы подполья. Сборник воспоминаний. 1910 — февраль 1917 г. М., 1964. С. 350.

² Родзянко М.В. Крушение Империи и Государственная дума и Февральская революция. Первое полное издание записок председателя Государственной думы с дополнениями Е.Ф. Родзянко. Нью-Йорк, 1986. С. 337.

³ Токарев Ю.С. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л., 1976. С. 16.

⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 55, 56.

⁵ Токарев Ю.С. Указ. соч. С. 16.

подготовки «техники и организации сил революции»¹. То, что члены ПСПО активно участвовали в Февральской революции, отмечал и его анонимный историограф. «Первое время после мартовских дней, — сообщал он как нечто само собой разумеющееся, — жизнь в Союзе затихла по вполне понятным причинам. Часть работников Союза ушла в Совет рабочих депутатов»². Впрочем, и в данном случае главную роль играли руководители ЦВПК.

Утром 25 февраля у А.И. Гучкова были «руководители рабочих»³, т.е., судя по всему, К.А. Гвоздев и оставшиеся на свободе члены Рабочей группы Я.И. Анасовский и Я.С. Остапенко. Днем по инициативе Гучкова и при активном содействии председателя IV Государственной думы М.В. Родзянко в Троицком переулке заседало совещание представителей военно-промышленных комитетов, причем «руководящую роль» на нем играл Гвоздев⁴. Днем под председательством Гучкова состоялось и заседание Бюро ЦВПК, на котором, в частности, присутствовали Анасовский, П.И. Пальчинский и М.И. Терещенко. Анасовский поставил вопрос «о необходимости срочно принять надлежащие меры к умиротворению ныне происходящего движения и направления последнего в правильное русло, не дав этому движению возможности вылиться в уродливые формы». Для достижения этого надлежало, по мнению Анасовского, предпринять следующие шаги: 1) «Ходатайствовать о немедленном освобождении арестованных членов Рабочей группы и восстановлении деятельности Группы, которая взяла бы на себя задачу внести успокоение в рабочие массы». 2) «С разрешения подлежащих властей организовать собрания представителей от рабочих в каждом районе для выяснения на собраниях и урегулирования создавшегося положения». 3) «Принять меры к тому, чтобы власти и заводууправления не чинили препятствий выборам представителей от рабочих в имеющие быть учрежденными 12 городских районных продовольственных комиссий». По итогам обсуждения предложений Анасовского Бюро ЦВПК постановило: 1) «Признать необходимым срочно возбудить ходатайство о немедленном освобождении арестованных членов Рабочей группы». 2) «Ввиду учреждения при Петроградском городском управлении 12-ти городских районных продовольственных комиссий обратиться к властям и заводууправлениям с просьбою не ставить препятствий избранию рабочим населением Петрограда своих представителей в означенные комиссии». 3) «Созвать членов ЦВПК в понедельник, 27 сего февраля, в 4 часа дня для обсуждения целесообразности предположенных пунктами 1 и 2 сего постановления мер»⁵. Очевидно, что освобождение членов Рабочей группы

¹ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 62.

² Петроградский союз рабочих потребительных обществ (Петросоюз). С. 14.

³ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2014. С. 474.

⁴ Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 42.

⁵ Известия ЦВПК. 1917. № 209. С. 4.

способствовало бы дальнейшему углублению революции, а выборы в продовольственные комиссии стали бы ничем иным, как прикрытием организации Совета рабочих депутатов.

После заседания Бюро ЦВПК А.И. Гучков сообщил М.И. Терещенко, что вечером в ЦВПК состоится собрание, в котором примут участие Я.И. Анасовский и Я.С. Остапенко и «представители нескольких кооперативов», всего — «около 25–26 человек»⁶, несомненно — представители ПСПО. На собрании, начавшемся, с разрешения Гучкова, в 8 часов вечера, присутствовали также А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев⁷ и участники совещаний, проходивших по инициативе ПСПО 23–25 февраля, всего — «человек 50»⁸. Очевидно, это и был упоминавшийся Б.О. Богдановым «штаб» в 50–60 человек⁹: именно он 23–26 февраля непосредственно руководил забастовками и демонстрациями в Петрограде. Подразумевая народные волнения, начальник Петроградского охранного отделения генерал К.И. Глобачев 25 февраля доложил С.С. Хабалову, что «им намечены уже революционеры, которые это дело инспирируют». «Революционерами» оказались участники собрания в ЦВПК, пришедшие туда «под предлогом, якобы, обсуждения вопроса о продовольствии, но в существе дела для обсуждения вопроса об организации беспорядков»¹⁰. По этой причине собрание в ЦВПК полиция прекратила при помощи наряда от запасного батальона Волынского полка, отведя в полицейский участок 28 человек. Однако, после вмешательства Терещенко, находившегося в ЦВПК по просьбе Гучкова, задержанию подверглись только 14 (в т.ч. — Анасовский и Остапенко) — остальных отпустили на свободу¹¹. О степени революционности собрания 25 февраля можно судить по тому, что говорили такие его участники, как члены Бюро и Правления ПСПО И.Д. Волков и С.С. Самодуров, на происходившем поздним вечером того же дня заседании Петроградской городской думы, формально — также посвященном обсуждению продовольственного вопроса.

И.Г. Волков заявил, что «вспыхнувшее движение кроме требований хлеба таит в себе и другие чаяния рабочих», и «только при демократизации современного строя можно бороться с продовольственными неурядицами». Сообщая гласным думы, что в понедельник, 27 февраля, «должны состояться собрания рабочих для выборов представителей в продовольственные организации», он подчеркнул, что «никакой га-

⁶ Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford, 2014. P. 252.

⁷ Донесение Петроградского охранного отделения в МВД о заседании Петербургского комитета РСДРП (6). 25 февраля 1917 г. // Февральская революция 1917 г. Сб. док. и мат. М., 1996. С. 58.

⁸ Допрос генерала С.С. Хабалова. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства: в 7 т. М.; Л., 1924. Т. 1. С. 194.

⁹ Богданов Б.О. Указ. соч. С. 200.

¹⁰ Допрос генерала С.С. Хабалова. С. 188.

¹¹ Lyandres S. Op. cit. P. 254–255.

рантии от правительства рабочим не надо, ибо они в посулы правительства совершенно не верят». С.С. Самодуров от имени «рабочих всей России» выразил протест против ареста «товарищей», т.е. собравшихся в ЦВПК членов «штаба», и откровенно признал: «За требованием хлеба слышится другой крик, это крик о воле. Беда не в Протопоповых, а в системе. Дела мы не поправим, если на современный государственный аппарат будем накладывать заплатки; его надо уничтожить до основания. Только тогда наступит успокоение, если современная правительственная власть будет вырвана с корнем»¹. Степень революционности рабочих была обусловлена степенью революционности их руководителей из ЦВПК. Вечером 26 февраля А.И. Коновалов объезжал рабочие кварталы, организуя выборы в Совет рабочих депутатов². Тогда же руководители ЦВПК сделали ставку на вооруженное восстание, вспыхнувшее утром 27 февраля.

По свидетельству меньшевика Н.И. Иорданского, вооруженное восстание 27 февраля «получило направление от военной организации, связанной с заговорами кружка либеральных генералов и антидинастической группы [Центрального] военно-промышленного комитета». «Во главе заговора, — подчеркивал Н.И. Иорданский, — стояли представители [Центрального] военно-промышленного комитета — Гучков, Коновалов и др. К руководящим кругам примыкали и верхи думского Прогрессивного блока». «Военная организация» А.И. Гучкова хотя и была «связана только с одиночками и мелкими солдатскими кружками», однако «общая наметка первоначальных операций, несомненно, могла быть известна и той небольшой части солдат, которая уже находилась в сношениях с заговорщиками и которая имела возможность тайно получить указания от руководящей группы, из осторожности державшейся в тени»³. Судя по всему, «руководящая группа» — это «пятерка» А.И. Гучкова: в нее входили также князь Д.Л. Вяземский, Д.В. Коссиковский, Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко, с конца сентября 1916 г. занимавшиеся технической подготовкой государственного переворота. Массовую поддержку перевороту обеспечивал личный состав ЦВПК, который заседал перманентно весь день 27 февраля вплоть «до 12 часов ночи»⁴. Вспоминая то, как проходил этот день в ЦВПК, М.В. Новорусский писал: «Собравшихся было много и все с лихорадочным нетерпением следили за тем, как разворачиваются события»⁵. «В Комитете, — вспоминал кадет князь В.А. Оболенский о 27 февраля, — было множество народа. Как и в Думе, все знакомые лица левой петербургской интеллигенции.

¹ Донесение К.И. Глобачева в МВД о событиях в Петроградской городской думе 25 февраля 1917 г. // Февральская революция 1917 г. С. 55–56.

² Философов Д.В. Дневник // Звезда. 1992. № 1. С. 195.

³ Иорданский Н.И. Военное восстание 27 февраля. Заметки // Молодая гвардия. 1928. Кн. 1. С. 170–171.

⁴ Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания. 1869–1920: в 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 157.

⁵ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 30.

Шли совещания об организации порядка в городе»¹. Н.М. Волковыский, подразумевая служащих ЦВПК и рабочих «тех предприятий, которые были связаны с этим последним», указывал, что их насчитывалось «свыше одной тысячи»². Таким образом, в непосредственном распоряжении ЦВПК, в отличие от Государственной думы, имелись как персональные, так и институциональные ресурсы, что и обусловило участие лидеров ЦВПК в создании главных органов революционной власти, прежде всего — Временного комитета Думы.

Членами Временного комитета являлись М.В. Родзянко (председатель), Н.В. Некрасов (товарищ председателя), И.И. Дмитриуков, М.А. Караулов, А.Ф. Керенский, А.И. Коновалов, В.Н. Львов, П.Н. Милуков, В.А. Ржевский, Н.С. Чхеидзе, С.И. Шидловский и В.В. Шульгин³. Половина из них была связана с ЦВПК через его Бюро либо Рабочую группу, остальные — лично через А.И. Гучкова и М.И. Терещенко. Дело в том, что вопрос о создании Временного комитета около полудня 27 февраля предварительно обсуждался в узком совещании, участниками которого стали Родзянко, Коновалов, Милуков и Шульгин, а также... Гучков и Терещенко. Более того, в это время именно Гучков написал известную телеграмму Родзянко Николаю II, отправленную царю в тот же день⁴. Очевидно, что Гучков и Терещенко, не являясь депутатами, пребывали в Таврическом дворце в качестве ключевых фигур центра революции, находившегося в ЦВПК. Вечером 27 февраля, узнав об образовании Временного комитета, собравшиеся в ЦВПК представители общественных организаций (того же ЦВПК, Земского и Городского союзов, Петроградской городской думы, столичных санитарных попечительств и попечительств о бедных и др.) единогласно приняли следующую резолюцию: «Представители общественных организаций, собравшись 27 февраля на совещание, приветствуют постановление Государственной думы не расходиться и ее решимость принять власть в свои руки. Временный комитет из членов Государственной думы, опирающийся на силы сознательной части армии, совместно с рабочими и населением, встретит дружную поддержку общественных организаций и даст, наконец, России полную победу над внешним и внутренним врагом»⁵. Таким образом, ЦВПК инициировал не только создание Временного комитета, но и первый акт его публичной поддержки со стороны общественности.

Аналогичная ситуация наблюдается и в случае с Исполнительным комитетом Петроградского Совета рабочих (с 1 марта — и солдатских) депутатов, куда первоначально вошли Б.О. Богданов, К.А. Гвоздев (председатель), К.С. Гриневич, Н.Ю. Капелинский, А. Франкорусский (Б.Н. Леонтьев), М.И. Скобелев и Н.С. Чхеидзе⁶. Все они были члена-

¹ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 157.

² Волковыский Н.М. Указ. соч. С. 3.

³ Николаев А.Б. Думская революция. Т. 1. С. 213.

⁴ Lyandres S. Op. cit. P. 259.

⁵ Великие дни российской революции 1917 г. Пг., 1917. С. 7.

⁶ Токарев Ю.С. Указ. соч. С. 28.

ми Рабочей группы либо сотрудничали с ней через ПСПО, а потому неудивительно, что начальник Канцелярии ЦВПК барон Г.Х. Майдель, используя «гучковский или коноваловский автомобиль», днем 27 февраля «с благословения» владельцев автомобиля объезжал совместно с Гвоздевым заводы и фабрики и «бросал в рабочие классы лозунг немедленных выборов Совета рабочих депутатов по примеру 1905 г.»⁷. После того, как около полудня восставшие взяли тюрьму «Кресты»⁸, на свободе оказались арестованные члены Рабочей группы и связанные с ней революционеры, которые направились непосредственно в ЦВПК. «Вдруг одни за другим, как загробные тени, — вспоминал М.В. Новорусский, — появляются прямо из разбитых „Крестов“ члены Рабочей группы. Они пошли не домой, не на свои фабрики, а именно в [Центральный военном-промышленный] комитет, где нужно было дать толчок к дальнейшим действиям. Чувствовалось, что люди в прошлом „сработались“, а сговариваться сейчас было некогда. Дороги были не только часы, но даже минуты, потому что никто не мог быть уверен, что победит народ, а не правительство. И потому, после первых приветствий, почти без малейшего промедления, Богданов, как располагающий той силой, которая вышла на улицу в его отсутствие, обратился к присутствующим членам враждебного класса и громко, но настойчиво сказал: „Идемте все в Думу. Мы власть уже захватили. Но без вас не сможем удержать ее. Будем действовать вместе“»⁹. По воспоминаниям М.И. Скобелева, Богданов и его соратники пришли в Таврический дворец около 3-х часов пополудни¹⁰. Так началась история Исполкома Петросовета.

Еще более тесно с ЦВПК были связаны и главные деятели думско-советской Военной комиссии: полковник Ф.И. Балабин, А.И. Гучков, С.В. Дмитриевский (Димитриевский), М.А. Караулов, А.Ф. Керенский, А.И. Коновалов, С.Д. Масловский (Мстиславский), П.И. Пальчинский, Н.Е. Паршин, В.А. Ржевский, М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе, полковник Б.А. Энгельгардт (член фракции земцев-октябристов¹¹) и В.А. Юревич¹². Генерал-квартирмейстера Штаба Петроградского военного округа Балабина к участию в заговоре привлек лично Гучков. «Мы, — вспоминал Балабин, подразумевая себя и Гучкова, — считали, что выходом из положения мог бы быть дворцовый переворот: у Николая нужно силой вырвать отречение от престола»¹³. Балабин

⁷ Иорданский Н.И. Указ. соч. С. 169.

⁸ Кирпичников Т.И. Восстание л.-гв. Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. — февраль 1917 г.). Л., 1986. С. 311–312.

⁹ Новорусский М.В. Указ. соч. С. 30.

¹⁰ Lyandres S. Op. cit. P. 177.

¹¹ Николаев А.Б. Энгельгардт Борис Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 716.

¹² Николаев А.Б. Думская революция. Т. 2. С. 270–349.

¹³ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. М., 1993. С. 179.

оказался тем «кротом», который парализовал деятельность «штаба Хабалова» и экспедиции генерала Н.И. Иванова, направленной Николаем II для наведения порядка в Петрограде. Помощник командующего Петроградским военным округом А.И. Козьмин отмечал, что Балабин «проявил большую энергию во время Февральских событий, был действующим лицом в борьбе против генерала [Н.И.] Иванова»¹. Появление в Военной комиссии остальных деятелей не нуждается в особых комментариях.

Не менее характерна и ситуация с думско-советской Продовольственной комиссией, в которую вошли Б.В. Авиллов, М.А. Броунштейн, И.Д. Волков, С.В. Востротин, В.Г. Громан, И.А. Михайлов, М.В. Новорусский, А.В. Тыркова, А. Франкорусский, А.И. Шингарев². Они, пожалуй, за исключением Тырковой, были связаны с ЦВПК по линии его Бюро либо Рабочей группы, как активисты ПСПО. Инициаторами создания Продовольственной комиссии стали М.И. Терещенко и А.И. Шингарев³. Показательно, что для решения вопроса о продовольственном обеспечении восставших солдат Тыркова и В.А. Оболенский отправились именно в ЦВПК, где узнали, что «питание солдат уже кем-то налажено»⁴. Понятно, что в данном случае ЦВПК через Рабочую группу задействовал структуры ПСПО.

Согласно свидетельству М.В. Родзянко, Государственная дума «не была внутри себя подготовлена к вспыхнувшей революции и для воплощения таковой не имела никакого плана и никакой организации». Кто же, по мнению Родзянко, подготовил и организовал революцию? «Революция, — писал он, — готовилась и организовалась вне стен Таврического дворца в среде Исполнительного [комитета] Совета рабочих депутатов, который имел, несомненно, определенные директивы и действовал по заранее тонко и всесторонне обдуманному плану, выдвигая впереди себя Государственную думу как бы в виде народного революционного знамени»⁵. С точкой зрения Родзянко можно согласиться, если принять во внимание мнение рабочего-гвоздеца И. Маркова, который, подразумевая собрание, заседавшее 25 февраля в ЦВПК, писал: «Фактически-то это и был уже Совет рабочих депутатов, самими рабочими еще без указания партийных центров составившийся»⁶. «Оппозиционные политические деятели [военно-промышленных] комитетов, — указывал А.Д. Протопопов, — через рабочих депутатов установили связь с рабочими массами и организовали их в нужное время на борьбу с существовавшим строем за осуществление политиче-

¹ Козьмин А.И. Записки (1917 г.) // Красный архив. 1933. Т. 60. С. 151.

² Николаев А.Б. Думская революция. Т. 2. С. 41–42.

³ Lyandres S. Op. cit. P. 261.

⁴ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 157.

⁵ Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // Архив русской революции. 1922. Т. 6. С. 63, 64.

⁶ Марков И. Как произошла революция (запись рабочего) // Воля России. 1927. Вып. 3. С. 96.

ских идеалов оппозиции»¹. Руководители ЦВПК как реального центра революции, используя персональные и институциональные ресурсы этого учреждения, 27 февраля 1917 г. образовали своего рода филиалы ЦВПК в Государственной думе в виде Временного комитета Думы, Исполнительного комитета Совета и думско-советских Военной и Продовольственной комиссий, тем самым создав условия для того, чтобы Дума номинально возглавила революцию.

Полковник А.А. Тилли, командированный в распоряжение генерала Н.И. Иванова генералом М.И. Занкевичем, исправлявшим должность начальника Главного управления Генерального штаба, докладывая Иванову ранним утром 2 марта 1917 г. о событиях в Петрограде, сообщил: «все говорят, что хозяйничает Родзянко, но фактически — Гучков»². Если бы Дума, как институт, 27 февраля — 3 марта не только номинально возглавляла Февральскую революцию, но и реально руководила ею, то после победы революции Дума не просто сохранила бы значение полноценного законодательного органа, но и повысила собственный статус до Учредительного собрания. Однако ничего подобного не произошло, и именно после победы революции Дума даже не возобновила своего функционирования, поскольку 27 февраля — 3 марта она «царствовала, но не правила», «правил» же — ЦВПК, не имевший в лице своих руководителей стремления к сохранению «цензовой» Думы. Реализация в рамках ЦВПК союза между оппозиционной и революционной контрэлитами, между буржуазными и социалистическими лидерами, гучковцами и гвоздевцами привела к тому, что гучковцы принесли в жертву этому победоносному союзу, помимо прочего, и «цензовую» Думу несмотря на всю бесспорную революционность, которую она проявила в февральско-мартовские дни 1917 года.

¹ Протопопов А.Д. Предсмертная записка // Искендеров А.А. Закат империи. М., 2001. С. 562.

² Допрос генерала Н.И. Иванова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 323.

ТЕЛЕГРАММЫ И ПИСЬМА ВРЕМЕННОМУ КОМИТЕТУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ СОБЫТИЙ ФЕВРАЛЯ — МАРТА 1917 г. В РОССИИ

РАСКИН ДАВИД ИОСИФОВИЧ,

доктор исторических наук
профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: d.raskin@spbu.ru

Аннотация: Письма и телеграммы, адресованные Временному комитету Государственной думы, рассматриваются в статье как источник изучения массового общественного дискурса в первые месяцы после Февральской революции 1917 г. В обращениях различных общественных групп отразились массовые представления о новой власти. Но этот исторический источник является сложным и неоднозначным и, по мнению автора, нуждается в серьезном критическом анализе.

Ключевые слова: Временный комитет Государственной думы, письма, телеграммы, дискурс, власть, исторический источник.

Начиная с первых дней марта 1917 г., тысячи телеграмм (реже — писем) стали поступать в Таврический дворец. Они сохранились в архиве Государственной думы, где (судя по всему, еще до его передачи в архив Государственного совета)³ были систематизированы (по группам адресантов, административно-территориальному признаку и хронологии). Общее их количество в составе фонда Государственной думы составляет до 19 тыс.⁴ Максимум приходится на март — май 1917 г. Начиная с июня, их количество резко убывает, хотя отдельные обращения имели место даже осенью 1917 г.

Эти обращения уже привлекали внимание исследователей: А.Б. Николаева⁵ и Е.С. Гавровой, специально изучившей обращения отдельных

³ 16 октября переименованного в Архив законодательных дел и подчиненного Сенату (Раскин Д.И., Соколов А.Р., Мулина И.В. Архивный фонд Государственной думы Российской империи: страницы истории // Вестник архивиста. 2015. № 2. С. 299–300).

⁴ А.Б. Николаев указывает несколько большую цифру — ок. 20 тыс. (Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 573). Возможно, такое (в общем незначительное) расхождение объясняется тем, что А.Б. Николаев привлек для своих подсчетов более широкий круг источников.

⁵ Николаев А.Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля — 3 марта 1917 г.: Дис. ... д. ист. н. СПб., 2005. С. 838–849; его же. Революция

групп населения к М.В. Родзянко¹. Телеграммы и письма в основном исходили от органов местного самоуправления, общественных организаций, различных вновь образованных комитетов, крестьянских обществ, собраний рабочих и служащих, солдат, советов рабочих и солдатских депутатов и т.д. Подавляющее большинство направлено из провинции, хотя сравнительно незначительный процент — из Петрограда².

Почти все обращения носят характер приветствий по случаю победоносной революции. Они содержат заверения в поддержке новой власти и требования довести войну до победного конца, собрать Учредительное собрание, объявить амнистию политзаключенным, осуществить равноправие национальностей (реже — создать национальные автономии), решить продовольственный вопрос, сменить местную администрацию, а иногда — «предать суду народа семью Романовых»³. Рабочие собрания и комитеты призывали новую власть согласовывать свои действия с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов⁴. В крестьянских обращениях начинают появляться требования передачи земли трудящимся на ней⁵.

Лишь немногие обращения выбиваются из общего ряда. Это, например, телеграмма «центра флотских демократических организаций» председателю Государственной думы от 4 марта с требованием обратиться к германскому народу с «нотой» — свергнуть правительство и начать мирные переговоры⁶, телеграмма исполнительного комитета слободы Михайловки от 25 марта с протестом против действий Петро-

и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года: Монография. СПб., 2005. С. 573–581; *его же*. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 2. С. 241–252.

¹ *Гавроева Е.С.* Письма во власть: рабочие и М.В. Родзянко (март 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2015. С. 76–82; *ее же*. Письма во власть: солдаты и М.В. Родзянко (март 1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения. Сб. науч. ст. СПб., 2015. С. 112–117; *ее же*: Письма во власть: инородцы и М.В. Родзянко (март 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 41–46. На основании этих писем автор делает выводы об отношении соответствующих групп населения к М.В. Родзянко.

² Например, телеграммы рыборотговцев Горсткиной ул. и Сенной пл. Забалканского рынка от 5 марта, общества торговцев Апраксина двора от 10 марта и др. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1269. ЛЛ. 5, 52).

³ Например, в телеграмме от имени митинга рабочих Малевского горного района (12 марта 1917 г.) (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1267. ЛЛ. 11–12). Характерно, что речь идет даже не о Николае II, для суда над которым имелись правовые основания, а обо всем семействе. Так зарождалась общественная атмосфера, приведшая, в конце концов, к известному событию в доме инженера Ипатьева.

⁴ Например, в адресованной М.В. Родзянко телеграмме казанских типографских рабочих от 5 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. оп. 5. Д. 1267. Л. 100).

⁵ Обычно в сочетании с надеждой на Учредительное собрание, которое «выразит непреложную волю народа-земледельца дать землю только тому, кто поливал ее потом своим» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1341. Л. 62).

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. ЛЛ. 1–4.

градского совета¹, телеграмма Лево-Россошанского волостного исполнительного комитета от 27 марта, авторы которой умоляли «не начинать переговоров о мире с нашими врагами до полного свержения германского милитаризма»², телеграмма крестьян Лебяжинской вол. Землянского у. с протестом против выступлений политических партий³ и некоторые другие.

В целом набор требований был довольно стандартным. Эти требования, равно как заверения в поддержке революции и многочисленные заявления о том, что «только демократическая республика отвечает требованиям нашим»⁴, соответствуют ставшему сразу же после победы революции нормативным публичному дискурсу.

Иного в приветственных телеграммах и быть не могло. На них можно распространить замечание Б.И. Колоницкого о письмах в газеты: «...сам факт того, что письма направляются в определенное издание или орган власти, сигнализирует о наличии определенной позиции: их составители часто ориентируются на ту структуру, которую они уже считают авторитетной... тем самым аудитории газеты подавался сигнал: образцовые граждане должны поступать подобным образом; и если издание пользовалось авторитетом, то такого рода публикации могли спровоцировать появление новых резолюций»⁵.

Прямые указания на те или иные требования или заявления едва ли могут служить решающим доказательством самозарождения и даже устойчивого наличия их в массовом сознании. Но они, несомненно, свидетельствуют об их нормативности в рамках задаваемого правительственными заявлениями, прессой и т.п. каналами информации публичного дискурса.

Использование этих телеграмм и писем в качестве источника скрытой, «связанной» информации представляется гораздо более перспективным.

Важен сам адресат посланий — Временный комитет Государственной думы, сама Дума, а иногда М.В. Родзянко (в качестве главы и того, и другой). Приветствия, заявления о поддержке, различные требования и пожелания, направленные именно по данному адресу, — несомненное свидетельство того, что Государственная дума (и ее Временный комитет)

¹ «Признавая [в] самостоятельных выступлениях Совета рабочих и солдатских депутатов явное стремление к захвату власти [и] неповиновения [так в подлиннике. — Д.Р.] Временному правительству выражают протест» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1250. Л. 13).

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1341. Л. 61.

³ «Крестьянство будет поддерживать только Думу и Временное правительство до созыва Учредительного собрания, в котором оно через своих избранных сумеет заявить о своих нуждах. Почему всякие выступления правых и левых партий от имени крестьянства недопустимы ради партийных своих целей [так в подлиннике — Д.Р.]. Война должна быть доведена до победного конца в единении с доблестными нашими союзниками» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1341. Л. 32).

⁴ Например, в телеграмме граждан слободы Александровки Хоперского округа от 20 марта (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1250. Л. 23).

⁵ Колоницкий Б. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 г.). М., 2017. С. 16–17.

представлялись в публичном дискурсе в качестве источника новой революционной власти или как сама эта власть.

Довольно часто телеграммы направлялись в адрес как Думы, так и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а также в адрес Думы и Временного правительства. Это соответствует официальному заявлению об образовании Временного правительства Временным комитетом Государственной думы по соглашению с Петроградским Советом и сложившемуся под влиянием этого заявления представлению о двух источниках власти нового правительства.

Но характерно, что даже поздравление горнорабочих Екатеринбургского горнопромышленного общества с 1-м мая было направлено как Петроградскому Совету, так и Государственной думе¹.

Устойчивыми формулами были утверждения, что «народное представительство» свергло «при содействии доблестной армии и пролетариата старый порядок»², народную свободу «отвоевала Государственная дума»³, Временный комитет Государственной думы был главным инициатором «в деле освобождения дорогой Родины»⁴, а М.В. Родзянко — «организатором стихийных сил народного гнева»⁵. Эти и другие стереотипные формулировки, встречающиеся в телеграммах самых различных групп населения, непосредственно не связанных между собой и обладавших различной степенью грамотности, были результатом воздействия на общественный дискурс телеграмм органов новой власти на места и периодической печати.

В частности, особую роль сыграла телеграмма № 129 за подписью М.В. Родзянко от 2 марта 1917 года председателям земских и городских управ о переходе власти в руки Временного комитета Государственной думы, подчеркивавшая роль Думы в революции⁶.

Механизм формирования таких устойчивых формул и стереотипов, источником изучения которого могут служить телеграммы в Государственную думу, заслуживает отдельного изучения.

Приведем несколько примеров устойчивых формул, обозначавших восприятие Временного комитета и самой Думы как источника или органа революционной власти.

¹ Телеграмма от 19 апреля (1 мая по новому стилю) (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1357. Л. 21).

² Например, в телеграмме (ок. 14 марта) екатеринославской общественности, рабочих и кооперативных организаций (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1250. Л. 59).

³ Например, в телеграмме (11 марта) граждан станицы Таубековской (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1307. Л. 6).

⁴ Например, в телеграмме (12 марта) солдат 3-й саперной роты 5-го сибирского саперного батальона (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 50).

⁵ Например, в телеграмме (10 марта) солдат технического батальона 3-го инженерного полка (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 47).

⁶ *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 392. По мнению Е.С. Гавроевой, сообщения с мест были ответом на эту телеграмму (*Гавроева Е.С.* Письма во власть: Рабочие и М.В. Родзянко (март 1917 г.). С. 77).

Например, городская дума Ростова-на-Дону 3 марта постановила «признать Временный исполнительный комитет Государственной думы стоящим во главе правительства»¹, Совет рабочих и солдатских депутатов г. Прилук 8 марта приветствовал «Исполнительный комитет Временного правительства»², жители Новочеркасской станицы 7 марта — «возникшее по почину Государственной думы центральное правительство»³, собрание делегатов хуторских исполнительных комитетов станицы Быстрианской 1-го Донского округа 25 марта — Думу, «которая в соучастии [с] армией рабочих низвергла старую гнилую власть и создала новое правительство для счастья свободной России»⁴, граждане пос. Голодаево Саринской вол. Донецкого округа 25 марта — Временное правительство, «образовавшееся из среды членов Государственной думы и по ее почину»⁵, солдаты 22-й артиллерийской бригады 14 марта «присоединились» к Временному правительству, «составленному под Вашим [М.В. Родзянко. — Д.Р.] опытным руководством»⁶ и т.д., и т.п.

Зачастую авторы телеграмм не видели разницы между Временным комитетом Государственной думы и Временным правительством⁷, а М.В. Родзянко нередко считали главой Временного правительства. Например, 7 марта рабочие и служащие Государево-Байракского рудника (Екатеринославской губ.) постановили «выразить Временному народному правительству, председателем которого состоите Вы, Михаил Владимирович, наше доверие»⁸. В тот же день Гавриловский волостной сход постановил «приветствовать Вас [М.В. Родзянко. — Д.Р.] как главу Временного правительства»⁹. 9 марта солдаты 5-го отделения Полтавского конного завода, а 10 марта солдаты-писаря управления Курского уездного воинского начальника и (в тот же день) солдаты 122-й полуроты 10-го этапного батальона в телеграммах на имя М.В. Родзянко приветствовали «новое правительство в лице Вашем»¹⁰. 23 марта рабочий комитет при фабрике М.М. Кузнецова (в Симбирском у.) приветствовал «новое верховное правительство во главе с М.В. Родзянко»¹¹ и т.д., и т.п.

Дело здесь, конечно, не в недостаточной осведомленности. Государственная дума в массовом политическом дискурсе воспринималась

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1250. Л. 39.

² Там же. Д. 1357. Л. 6.

³ Там же. Д. 1307. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Д. 1263. Л. 50.

⁷ Первым на это обратил внимание А.Б. Николаев (см.: Николаев А.Б. Революция и власть: Дис. ... д. ист. н. С. 845–846; *его же*. Революция и власть: Монография. С. 578; *его же*. Думская революция. Т. 2. С. 248–249).

⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1267. Л. 45.

⁹ Там же. Д. 1341. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 1263. ЛЛ. 33, 37, 40. Такое же приветствие содержится в телеграмме от 10 марта рабочих и служащих акционерного общества «Катушка» (бывш. бр. Уткиных) в г. Костерево Владимирской губ. (там же. Д. 1274. Л. 34).

¹¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1253. Л. 46.

на начальном этапе революции как источник власти Временного правительства, как верховная власть, а само это правительство могло ощущаться как исполнительный орган при этой верховной власти.

Так, например, команда запасных нижних чинов г. Дербента приветствовала 9 марта Временное правительство «в составе Государственной думы»¹. Не случайно кн. Г.Е. Львова в большинстве телеграмм называли председателем Совета министров, а копии некоторых телеграмм, адресованных М.В. Родзянко, были адресованы либо кн. Г.Е. Львову, либо всем членам Временного правительства (в соответствии с опубликованным списком)².

Характерно, что такое представление присутствовало в посланиях не только недостаточно осведомленных или недостаточно грамотных российских граждан. Еще 14 мая президент клуба «Калифорния» («California Club») в г. Сан-Франциско мисс Маргарет Карри приветствовала «новую демократию» «под руководством [leadership] председателя Государственной думы»³.

Сам М.В. Родзянко именуется в телеграммах «самоотверженным борцом за честь и свободу России»⁴, «борцом за свободу, организатором стихийных сил народного гнева»⁵ и т.п. В телеграмме церковного причта старосты с. Бунакова Вяземского у. от 3 марта дано даже богословское обоснование перехода на сторону новой власти: «дух Божий, отступивший от помазанника, сейчас почиет на Вас»⁶.

Как указывает Е.С. Гавроева, наиболее типичными были наименования «первый гражданин свободной России», а также «освободитель России»⁷.

Но, разумеется, было бы весьма наивно и опрометчиво видеть в этих устойчивых формулах свидетельство столь же устойчивых массовых представлений о Государственной думе и ее председателе, тем более доказательство действительной популярности последнего среди рабочих и солдат.

Будучи, по выражению А.Я. Лившина и И.Б. Орлова, отражением «пестрой мозаики повседневности, а также базисных структур национальной психологии и культуры»⁸, письма и телеграммы в адрес Времен-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 26.

² Например, телеграмма собрания солдатских, офицерских и гражданских представителей г. Павлограда от 14 марта (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1357. Л. 13).

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1370. Л. 288.

⁴ В телеграмме рабочих и торгового класса «захолустного города Лбищенска» от 12 марта (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1253. Л. 97).

⁵ В телеграмме солдат технического батальона 3-го инженерного полка от 12 марта (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1370. Л. 70).

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1292. Л. 1.

⁷ Гавроева Е.С. Письма во власть: рабочие и М.В. Родзянко (март 1917 г.). С. 78; ее же. Письма во власть: солдаты и М.В. Родзянко (март 1917 г.). С. 112–117.

⁸ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 95.

ного комитета Государственной думы (а также самой Думы и ее председателя), во-первых, отражали принятие самыми широкими кругами русского общества революционных перемен в целом.

Во-вторых, они были выражением лояльности по отношению к новой власти. Здесь работали как механизмы, аналогичные порождавшим всевозможные всеподданнейшие адреса и телеграммы предшествующей эпохи, так и общий социально-психологический механизм подражания.

В-третьих, эти обращения воспроизводили устойчивые формулы нарождающегося политического дискурса, внедряемые в последний телеграммами и др. обращениями новой власти, прессой. По мере нарастания политической дифференциации стали дифференцироваться и лозунги и требования, также формулируемые при помощи готовых стереотипов.

Взгляды и настроения различных общественных групп (прежде всего, народных масс) в революционную эпоху стремительно менялись, опережая публичное выражение этих взглядов и настроений, в том числе в форме коллективных писем и телеграмм.

В рассматриваемых телеграммах и письмах отразились, прежде всего, стереотипы мифологического сознания, тяготеющего к черно-белому восприятию действительности, а применительно к персоналиям — к вожизму. Первым кандидатом на роль вождя оказался М.В. Родзянко, вскоре затем — А.Ф. Керенский¹. Характерно, что те же самые устойчивые формулы, которыми обозначался Родзянко, стали применять к Керенскому².

Против иллюзий, порождаемых потоком приветственных телеграмм, предостерегал М.В. Родзянко в своем письме начальник хозяйственной части 150-го пехотного полка полковник Булгаков: «Вы там в Петрограде находитесь в одной атмосфере, а Россия в другой. Там войска готовы к восприятию идей, а тут-то... Не обольщайтесь. Здесь имеет значение слово того, кто говорит последним. Солдаты от нового правительства ждут чего-нибудь материального, реального: денег, мира, земли»³.

Не только довольно скоро оттесненный на второй план М.В. Родзянко, но и ставший на некоторое время народным кумиром А.Ф. Керенский так и не смогли отрешиться от этих иллюзий. Но критическое отношение к ним обязательно для современного историка.

¹ По выражению Б.И. Колоницкого, «образы Керенского довольно быстро затмили образы Родзянко и других претендентов на роль вождей переворота. Именно харизматичный „революционный министр“, а не глава Временного правительства князь Г.Е. Львов стал олицетворением Февраля» (*Колоницкий Б.И. Антимонархическая революция 1917 года и начало формирования культа вождя народа // Исторические исследования. 2017. № 6. С. 41*).

² Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский: антимонархическая революция и формирование культа „вождя народа“ (март — июнь 1917 г.). С. 73–74.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1370. ЛЛ. 3–3 об. В этом же письме полковник Булгаков приводит пример уровня сознания солдатской массы. Прибывшие на фронт с маршевой ротой солдаты на вопрос: «с кем воюем?», — уверенно отвечали: «с немцем», но в ответ на вопрос о союзниках России называли Англию, Францию и Германию.

ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ РОССИИ В МАРТЕ — СЕНТЯБРЕ 1917 г.

АРОНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой «История правовых учений»

Юридического института
Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева (Орел, Россия);
e-mail: aronovdv@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются методологические аспекты квалификации типологии государственного строя России с марта и по сентябрь 1917 г., анализируются трансформация, место и роль институтов государственного управления в революционный период. В результате анализа имеющихся источников, теоретических разработок либеральных юристов начала XX в., советской, зарубежной и современной российской историографии делается вывод о республиканской природе государственного строя страны. Методологической основой исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, выступает социологический позитивизм, позволяющий избежать ограниченности юридического позитивизма, увязывающего республиканский строй в России с актом Временного правительства 1 сентября 1917 г.

Ключевые слова: революция 1917 г., либеральная юриспруденция, природа государственного строя России, республиканский строй в России, Временный комитет Государственной думы, Временное правительство, социологический позитивизм, легизм.

*«Но нет чернил у мятежа,
У бунта нет тетрадки»
Б.А. Слуцкий*

Одним из вопросов, вызывающих и поддерживающих уже многолетнюю дискуссию в российской, да и в зарубежной исторической и историко-правовой науке, выступает вопрос о сущностных изменениях в государственном строе России. Эта проблема касается как природы Основных законов 23 апреля 1906 г., российской государственности в последующий думский период ее политической истории, так и сущности событий февраля 1917 г. и типологии политического режима марта — октября 1917 г., места и роли Учредительного собрания. Не следует обходить вниманием пусть не самые масштабные, но знаковые вопросы о том, кто был последним императором России¹, когда де-юре и де-факто завершился переворот, начавшийся событиями 25 октября

¹ Об отречении государя императора Николая II от престола Российского и о сложении с себя верховной власти. 2 марта 1917 г. // Российское законодательство X–XX веков / Отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994. Т. 9. С. 122–123; Об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти впредь

1917 г. (а может, все-таки 5-го января 1918 г.?) и ряд других. Не дают ответа на этот вопрос и многочисленные, вышедшие как в контексте юбилейных событий 1917 г., так и как результат многолетнего изучения парадигмы российского государственного управления, издания¹.

В настоящей статье по преимуществу рассматривается вопрос о типологии строя, возникшего в России в результате событий февраля 1917 г. и последующего конституирования органов государственного управления. Данная проблематика рассматривается в контексте сложившейся в отечественной исторической и историко-правовой литературе традиции считать в качестве основания охарактеризовать Россию в качестве республики Декларацию Временного правительства от 1 (14) сентября 1917 г.² Данное утверждение есть не более чем следование весьма упрощенной методологии юридического позитивизма (легизма) и вряд ли может считаться продуктивным³. И действительно, пытаться в условиях системного социального кризиса, дошедшего до стадии реализации такого небесспорного (теоретически и нормативно) права, как права народа на восстание против угнетения, опираться в определении сущности того или иного периода развития политического режима, государственной власти на нормативные акты, издаваемые (кстати, кем и на каком основании?) для их легитимации, как-то даже и несерьезно. Хотя подобный подход, в т.ч. и в своих крайних легистских формах, вновь начинает пробивать себе путь, прежде всего в историко-правовой науке. Порою эти крайности выглядят уже совсем находящимися за гранью добра и зла, когда юридическая сила монаршей воли, на основании исторической традиции монархической власти и ее неограниченность в силу природы, априорно объявляется неуничтожимой и неограничимой. Соответственно постулируется возможность отмены ею ранее издаваемых актов, эту власть ограничивающих. Типичный пример — это оценка в рамках методологии юридического позитивизма природы событий 3 июня 1907 г., когда не принимается во внимание природа актов 23 апреля 1906 г., ограничивших российскую монархию.

Подобный подход, применительно к событиям февраля — марта 1917 г., предпочитает не обращать внимание на сущностные характеристики политического режима и системы государственного управления,

до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов государства Российского // Там же. С. 126–127.

¹ См., напр.: Реформы России с древнейших времен до конца XX в.: в 4-х т. М., 2016; Россия в 1905–1907 гг.: Энциклопедия / [отв. Ред. В.В. Журавлев]. М., 2016; Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017; и др.

² От Временного правительства. Обращение Временного правительства к гражданам России с объявлением России республикой. 1 сентября 1917 г. // Российское законодательство X — XX веков / Отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994. Т. 9. С. 129.

³ Лушин А.Н. Провозглашение Российской республики 1 сентября 1917 года: правовые аргументы Временного правительства // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 1). С. 181–183.

которые сложились в силу событий февраля–марта 1917 г. Знаковыми, в строгом следовании методологии юридического позитивизма, выступают только юридические акты, что, конечно, упрощает задачу исследователя, но вряд ли приближает нас к пониманию исторической реальности. В этом отношении весьма уместными представляются строки, написанные, правда, немного по другому поводу:

Держава, подданных держа,
Диктует им порядки.
Но нет чернил у мятежа,
У бунта нет тетрадки¹.

Мятеж и бунт в силу своей социальной природы выступают отрицанием предшествующего им социального строя, и требовать от их акторов или вообще подходить к ним с мерками мирного социального реформирования просто ненаучно. В случае же, когда мы обращаемся к событиям февраля — сентября 1917 г. по какой-то таинственной причине в качестве некоего критерия правомерности действий тех, кто пришел к власти в рамках третьемартовской политической системы², выбираются Основные законы России в редакции 23 апреля 1906 г.; отдельные нормы их, конечно же, не действуют, это понятно, в силу отречения как Николая II, так и Михаила Александровича. Строго говоря, после фактической утраты императорской (исторической) властью реальной способности ко всем видам управления страной, сами отречения от престола, редакции их текста, содержащиеся в них противоречия нормам законодательства о престолонаследии и прочее, прочее, прочее с точки зрения социологического позитивизма принципиального значения не имеют. В момент утраты старой властью реального потенциала управления происходит своего рода обнуление правового поля, и те его части, которые потом вновь начинают действовать, получают легитимацию уже от новой власти, которая использует иные источники легитимации как себя, так и используемой нормативной базы. Соответственно, при сохранении грамматической формы законодательства, используемого новой властью, его источник имеет уже другую природу.

¹ Слущкий Б.А. У государства есть закон ... / Русская поэзия [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://rupoem.ru/sluckij/u-gosudarstva-est.aspx>

² Термин и концепция предложены доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаевым. См.: Николаев А.Б. Государственная дума и Февральская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г. // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г. Сб. науч. ст. СПб., 2017. Ч. 2. С. 40–42; *его же*. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 2. С. 261; *его же*. Третьемартовская политическая система // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 457–461.

При этом мы никоим образом не отрицаем место и значение методологии юридического позитивизма в изучении переломных моментов в политической и социальной истории, не говоря уже об истории собственно законодательства. Здесь, конечно же, нужны та тщательность и скрупулезность, бережное отношение именно к тексту, к его значению, взаимосвязи с иными нормами, месту в конкретной правовой системе. Однако зачастую именно эти плюсы не позволяют легизму схватывать картину трансформаций в целом, когда происходит не постепенная трансформация правовых институтов, а резкая, одномоментная смена их природы. И считать, что решение какого-либо должностного лица может создать общественное отношение макроуровня, это не что иное как иллюзия, попытка поиска простого, привычного ответа там, где рождаются новые социальные и, как следствие, правовые реальности.

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным рассмотреть альтернативные точки зрения на природу государственного строя России, сформировавшиеся уже в 1917 г.¹. Однако, возвращаясь к характеристике того строя, который сложился в России после событий 27 февраля — 3 марта 1917 г., полагаем необходимым заметить, что на каких бы идеологических позициях ни стояли сторонники различных мнений в оценке значимости для России событий, произошедших в указанный период, все признают исторический факт прекращения в России монархической формы правления. Ее природа по Основным законам 23 апреля 1906 г. — абсолютная или ограниченная (конституционная?) тема отдельной дискуссии и в рамках настоящей статьи не рассматривается. Соответственно, следуя даже законам формальной логики, можно вполне обоснованно предположить, что если Россия не монархия, то она вряд ли может быть чем-то иным, кроме как республикой. В ряде дискуссий, связанных со столетием революции 1917 г., обозначились аргументы сторонников крайних форм левого и правого юридического позитивизма. Первый из них отрицает республиканскую природу России в период «третьемартовского» политического режима, основываясь на отсутствии нормативно-правовых актов, устанавливающих способ формирования и деятельности основных органов государства. Вторые, обращаясь к типологии форм реализации власти Аристотеля, полагают, что этот период следует охарактеризовать как период анархии.

Полагаем возможным говорить о том, что этим позициям свойственны существенные недостатки. Считать легитимацию власти возможной исключительно в рамках государственного законодательства — значит не учитывать ситуацию революционного пути возникновения нового типа государственности. В этот период нормотворческий элемент легитимации нового государственного строя по определению отстает от развития событий.

Новые органы государственной власти в момент, когда они приступают к нормотворчеству, облачают свои постулаты в чеканную норму

¹ См., напр.: Боголепов А. Современный государственный строй России // Право. 1917. № 27–28. С. 1066–1076.

законов, указов, постановлений и декретов, уже в силу изменения социальной реальности просто не могут опираться на нормативные акты прекратившей свое существование государственной власти. Их основой выступают иные источники. В данном случае обычно называется и народный суверенитет, и социальное насилие, но в любом случае суть состоит в присущей им несвязанности на данном этапе нормами предшествующего позитивного права.

Если говорить о характеристиках государственного строя России марта 1917 г. как анархических, то обращение к конкретно-исторической ситуации, формированию новых органов государственного управления, действиям Временного комитета Государственной думы с конца февраля 1917 г., показывает, что оснований для подобной характеристики нет. Это же относится и к деятельности Временного правительства. А.Б. Николаев в фундаментальной двухтомной монографии «Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года»¹ отмечает, что существовали сформированные 27–28 февраля, т.е. до Временного правительства, новые чрезвычайные органы управления. Собственно значительная часть монографии скрупулезно по дням, а порою и по часам показывает, что последнее, в чем можно было бы обвинить членов ВКГД и привлекаемых ими социальных сил, так это в небрежении прозой госуправления. Скорее можно найти некий романтизм в вере, что их труд будет оценен теми, кому они прокладывали тогда дорогу к власти, но это вопрос отдельной дискуссии. Таким образом, полагаем, что точка зрения на госуправление в России после прекращения управления монархического, как на анархическое, может быть охарактеризована как крайне слабо аргументированная.

Соответственно 3 марта в России в связи с установлением полного народоправства изменилась форма правления. Государственная власть перешла к коллегиальному органу — Временному правительству. Последнее по природе не обладало признаками монархической власти — наследственностью и пожизненностью. Оно сформировалось в ходе ряда компромиссных соглашений Временного комитета Государственной думы, а также Совета рабочих и солдатских депутатов. Природа данных органов неоднородна и неоднозначна.

Вместе с тем полагаем, что несмотря на роспуск IV Думы императором на каникулы курialsную систему формирования депутатского корпуса Думы, отсутствие в Петрограде на момент описываемых событий сколь-нибудь значимого количества ее депутатов мы можем говорить о том, что Временный комитет Государственной думы по своей природе (хотя и весьма ограниченно) выступал носителем народного суверенитета. Ничего аналогичного ему в системе органов власти России в тот момент просто не было. Одни из них прекратили свою деятельность, как это произошло с императорской властью, правительством, органами отраслевого управления. Другие возникали, используя в качестве источника легити-

¹ См.: Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 1; Т. 2.

мации все тот же народный суверенитет; в первую очередь это относится к системе Советов, но, строго говоря, любой орган власти, опирающийся на народное волеизъявление, которое в момент социальных катаклизмов приобретает самые разнообразные, порою, с позиций стороннего, особенно по времени и ментальности наблюдателя, откровенно гротескные формы, имеет аналогичную природу. Собственно это и есть то, что в советском историческом дискурсе называлось «революционное творчество масс», а в более нейтральных терминах может быть определено как смена источника власти или типа легитимации. Соответственно на какой-то, а в нашем случае февраля 1917 г. это очень краткий период, возникает состояние, которое можно охарактеризовать как «вакуум власти». Этот период, который действительно может быть определен как период анархии, в Февральской революции присутствует достаточно условно.

Соответственно именно ВКГД как орган управления, обретший в силу социального катаклизма, вызвавшего его к власти, совершенно особую чрезвычайную природу, сыграл роль связующего элемента, носителя в передаче высшей государственной власти. Несмотря на то, что, как вполне справедливо отмечают специалисты по истории февраля — марта 1917 г., Временное правительство уже своими первыми решениями лишало ВКГД значимых полномочий в новой системе государственного управления¹, он сыграл свою роль и как орган чрезвычайного управления, обеспечивший преемственность высшей государственной власти, и как орган оперативного управления общей компетенции, заполнивший вакуум оперативного управления в критические дни системного социально-политического кризиса февраля — марта 1917 г.

То, что его потенциал не был востребован, полагаем возможным объяснить известной закономерностью в отношениях между вчерашними партнерами по политическим коалициям, хорошо описанным в следующих строках:

Растет на чердаках и в погребях
российское духовное величие,
а выйдет — и развесит на столбах
друг друга за малейшее отличие².

В марте 1917 г. до подобных форм выяснения отношений между политическими оппонентами оставалось совсем немного времени, но это уже тема иной научной дискуссии.

¹ Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 2. С. 227–241.

² Губерман И.М. Гарики (Дацзыбао) [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=337666&pg=10>

НА ПУТИ К СОВЕТСКОМУ ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ: (февраль — октябрь 1917 года)

КАЛАШНИКОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЯНОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: vvk2@mail.ru

Аннотация: Автор рассматривает события революционного 1917 года как процесс превращения Советов рабочих и солдатских депутатов в органы государственной власти. Доказывает, что политическая система, созданная на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, представляла собой вариант парламентской республики, т.е. являлась формой парламентаризма.

Ключевые слова: Советы, советский парламентаризм, революция 1917 года.

1. Рождение идеи. Одним из основных лозунгов Февральской революции 1917 г. был лозунг «Долой самодержавие», который для восставших рабочих столицы означал курс на создание демократической республики. Эту цель первыми провозгласили социалисты, которые ставили ее в своих дореволюционных программах. Республиканскую позицию социалисты озвучили через созданный в февральские дни Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Уже 27 февраля Петросовет поставил задачу «окончательного низвержения старой власти» и перехода к «народному правлению», а в Манифесте ЦК РСДРП прямо говорилось о необходимости перехода к «демократической республике»¹. На общем собрании Петросовета 2 марта депутаты, одобрив итоги переговоров с Временным комитетом Государственной думы (ВКГД) по вопросу об образовании Временного правительства, приняли резолюцию, в которой отмечалось, что «Временное правительство ... в ближайшем будущем должно исполнить требование рабочего класса о демократической республике»². Важно подчеркнуть, что позицию рабочих в этом вопросе поддержали и солдатские депутаты, показав тем самым слабость монархической идеи среди крестьян, одетых в солдатские шинели. В такой ситуации в конце марта партия кадетов, главная правительственная партия, на своем VII съезде превратилась из конституционных монархистов в республиканцев. Резолюция съезда, принятая по докладу Ф.Ф. Кокошкина, гласила: «Россия

¹ Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 февраля. № 1. С. 1 и Прибавление к № 1.

² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы / Ред. кол. Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев. Отв. ред. В.И. Старцев, Ю.С. Токарев. Отв. сост. Б.Д. Гальперина. Л., 1991. Т. 1. С. 74.

должна быть демократической парламентарной республикой»¹. Учредить республику предстояло Учредительному собранию, созываемому на основе всеобщего и равного избирательного права.

Однако уже в апреле на левом фланге социалистического движения появилась сила, которая заняла более радикальную позицию в вопросе о государственном устройстве России. Большевики объявили своей целью борьбу за особую форму республики: за власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Власть Советов прямо противопоставлялась «буржуазному парламентаризму», и главные отличия состояли в том, что Советы будут объединять только трудящихся, и в органах власти не будет невыборных чиновников.

Идея создания такого государства возникла у В.И. Ленина в результате изучения взглядов основоположников марксизма на государство, а также опыта деятельности левых фракций в Государственной думе всех созывов и в европейских парламентах. Этот опыт говорил о том, что в рамках буржуазного парламентаризма левым партиям было крайне трудно защищать интересы своих избирателей.

Вернувшись в Россию, Ленин в «Апрельских тезисах» заявил о «необходимости перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов», которые оценивались как «единственно возможная форма революционного правительства». В пятом тезисе раскрывалась суть государства нового типа (государства-коммуны): «Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху. Устранение полиции, армии, чиновничества. Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего»².

Не следует думать, что все эти идеи были абсолютно новыми. Например, требование «замены постоянного войска всеобщим вооружением народа» содержалось в программе РСДРП, принятой в 1903 г.³ В программе эсеров 1906 г., помимо этого требования, содержались положения о «выборности, сменяемости во всякое время и подсудности всех должностных лиц»⁴.

На Апрельской конференции большевики приняли резолюцию «О Советах рабочих и солдатских депутатов», в которой ставилась задача «передачи *всей государственной власти в руки Советов* или других органов, непосредственно выражающих волю *большинства народа* (органы местного самоуправления, Учредительное собрание и т.п.)»⁵. Резолюция

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии 1905–1920 гг.: в 3 т. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 492.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 113–118.

³ Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. Протоколы. М., 1959. С. 421.

⁴ Протоколы Первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906. С. 285.

⁵ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). М., 1958. С. 259.

упоминала Советы, органы местного самоуправления и Учредительное собрание, и большевики еще четко не представляли себе, как вписать эти институты в единое целое.

2. Этапы становления советского парламентаризма. Прежде чем стать органами государственной власти, Советы прошли большой путь, в ходе которого их важность была доказана самим опытом революции.

Дни революции. Этот путь начался уже в дни Февральской революции, когда Петросовет стал одним из двух центров восстания, а затем и вторым источником создания новой революционной власти наряду с ВКГД¹.

Отметим, что 3 марта в первом обращении Временного правительства к населению страны источником власти правительства был назван только ВКГД. В обращении говорилось, что правительство «назначено» думским комитетом, и ни словом не упоминались какие-либо договоренности с Петросоветом. О них не упоминалось и в обращении Исполкома Петросовета, которое было опубликовано в печатном органе Петросовета рядом с обращением Временного правительства². Причины достаточно очевидны: Петросовет был всего лишь городским органом и не мог открыто претендовать на то, чтобы формировать и контролировать правительство всей страны. Эта функция на тот момент была по плечу только ВКГД. Однако 4-я страница того же номера «Известий» содержала информацию о заседании Петросовета от 2 марта, на котором обсуждались итоги переговоров Исполкома Петросовета с ВКГД по вопросу о формировании правительства и условиях его поддержки³. Таким образом, роль Петросовета как одного из источников власти нового правительства была публично зафиксирована. Более того, практически сразу Петросовет оказался единственным источником правительственной власти, который сохранил, а далее увеличил свою роль. Это произошло вследствие отказа Временного правительства признать необходимость сохранения роли Думы или хотя бы роли ВКГД как элементов постфевральской политической системы⁴.

Влияние Советов усилилось после успешного проведения Всероссийского совещания (29 марта — 4 апреля), на котором были представлены Советы 120 городов, а также комитеты 6 армий и 40 соединений и частей фронта и тыла. Делегаты высказались за условную поддержку

¹ Тезис о двух источниках власти Временного правительства наиболее четко сформулирован и обоснован А.Б. Николаевым. См.: Николаев А.Б.: 1) Третьемартовская политическая система // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. М., 2017. Т. 1. С. 457–461; 2) Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 2. С. 207–208.

² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта. С. 1.

³ Там же. С. 4.

⁴ Журнал заседания Временного правительства № 2 // Февральская революция 1917 года: Сб. док. и мат. / Сост. О.А. Шашкова. Отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 161–162.

Временному правительству, «поскольку оно будет неуклонно идти в направлении к упрочению и расширению завоеваний революции»¹. Иными словами, формально Советы на власть не претендовали. В то же время одной из своих главных задач делегаты считали создание «повсюду общих Советов РСД». Совещание отказалось видеть в Советах узкоклассовые органы и определило их роль как «революционных» и «демократических органов», призванных объединить все демократические силы и организации². Важно отметить, что по аграрному вопросу совещание высказалось за «безвозмездное отчуждение всех частновладельческих земель для передачи их трудящемуся народу». В вопросе о войне делегаты высказались за ее прекращение путем переговоров и отказа правительств воюющих стран «от завоевательных программ»³. Таким образом, первый советский форум сформулировал программу, которая обеспечивала Советам широкую поддержку. Тот, кто был готов выполнить эту программу, имел наибольшие шансы взять и удержать власть в революционной России.

Апрельский кризис. Коалиция. Реальную роль Советов показал Апрельский кризис, вызванный известной нотой П.Н. Милюкова. Исполком, обсудив ситуацию с нотой, уже 21 апреля принял постановление: «признать, что ни один крупный акт правительства не может быть принят без согласия Совета р. и с. д.»⁴. Это уже была открытая заявка на постоянный контроль Совета над правительством. В ходе кризиса Временное правительство удержалось у власти только благодаря позиции Петросовета и, сознавая это, потребовало от социалистов вхождения в состав кабинета. 27 апреля глава правительства кн. Г.Е. Львов официально обратился к председателю Петросовета Н.С. Чхеидзе с предложением о создании коалиции. Львов вел речь о «расширении состава» правительства путем «привлечения к ответственной государственной работе новых активных творческих сил страны». Однако Петросовет высказался не за расширение, а за создание коалиции на принципиальной основе⁵. Отставка П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова показала, что тезис о простом «расширении» не прошел.

Пятого мая была принята правительственная декларация первого коалиционного кабинета, которая заявляла о готовности решить два главных вопроса революции так, как этого требовали Советы. По вопросу о мире

¹ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.; Пг., 1927. С. 293.

² На это важное обстоятельство справедливо обратили внимание А.Б. Николаев и О.А. Поливанов. См.: Николаев А.Б., Поливанов О.А. Российский парламентаризм в 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 1993. Вып. 1. С. 26–27.

³ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. С. 291.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. СПб., 1995. Т. 2. С. 293–294.

⁵ Этот сюжет в новейшей историографии хорошо описан в статье А.А. Смирновой: Смирнова А.А. Петроградский Совет и проблема вхождения социалистов во Временное правительство // Вестник СПбГУКИ. 2011. Июнь. С. 162–172.

целью объявлялось «скорейшее достижение всеобщего мира ... без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов». По вопросу о земле говорилось о готовности «решить вопрос о переходе земли в руки трудящихся» на Учредительном собрании¹. Кадетское большинство в составе правительства было принципиально против такой программы, но не осмелилось возражать. Фактически именно Петросовет определил содержание майской правительственной программы.

Отметим и тот факт, что Исполком Петросовета опубликовал проект правительственной декларации в «Известиях» накануне официальной публикации наряду с особым заявлением *об условиях формирования* коалиционного правительства. В заявлении Исполкома выделялось два момента: 1) министры-социалисты «признают себя ответственными перед Петроградским Советом р. и с. д. и обязуются отдавать ему отчет во всех своих действиях»; 2) их «пребывание в составе правительства возможно лишь при условии энергичного проведения в жизнь» согласованной программы². Таким образом, судьба правительства зависела от того, одобрит ли его деятельность Совет или нет, ибо в случае выхода социалистов из правительства оно лишалось критически важной опоры.

При формировании коалиционного правительства Петросовет выступил как единственный публичный и представительный источник власти: в правительственной декларации ни о каких других источниках уже не упоминалось. Вскоре эта роль источника власти была закреплена Всероссийскими съездами Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Первые съезды Советов. Уже в дни формирования коалиционного правительства в Петрограде собрался Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Восьмого мая съезд принял резолюцию, которая одобряла создание коалиции и подчеркивала, что министры-социалисты *представляют* Всероссийский Совет крестьянских депутатов и *ответственны* перед ним³. Отметим, что крестьянский съезд в документах именовал себя «Всероссийским Советом», что способствовало укреплению идеи Советов среди крестьян. Нельзя не отметить близость этой идеи мировоззрению крестьян, которые привыкли решать все дела в рамках общинного самоуправления.

Важнейшим результатом съезда стало постановление по аграрному вопросу. В нем под давлением делегатов было записано, что уже до Учредительного собрания «все земли без исключения должны перейти в ведение земельных комитетов» с правом последних определять порядок обработки и уборки полей, укоса лугов и т.п.⁴. Фактически постановление превращало земельные комитеты в главные органы власти в дерев-

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 мая. С. 1.

² Там же.

³ Советы депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т. 1. С. 136.

⁴ Там же. С. 147–148.

не, поскольку наделяло их правом распоряжаться землей. В дальнейшем они и играли эту главную роль, превращаясь в Советы крестьянских депутатов или выступая как аналоги таких Советов.

В июне состоялся I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Уже с первых дней работы съезда стало ясно, что коалиция с кадетами рассматривается многими делегатами как временный компромисс. Основным вопросом съезда становится вопрос о том, должны ли Советы и когда брать власть в свои руки. Меншевик И.Г. Церетели, главный идеолог коалиции, понимая опасность таких настроений, выступил с примечательной трактовкой революционного процесса, идущего в России. Он говорил о постепенном отколе от революции тех слоев буржуазии, которые вначале шли «как будто бы по линии развития революции». Среди уже отброшенных Церетели назвал «империалистские слои буржуазии, как Милюков, Гучков». Тактику социалистов Церетели представил следующим образом: «идти вперед и вести всех тех, кто способен идти вперед, и в тот момент, когда те или другие слои отстают, в этот момент отрываться от них и продолжать поступательное движение вперед. Вот в этом смысле мы говорим о поддержке Временного правительства в целом»¹. Съезд встретил эту трактовку рукоплесканиями, веря в то, что таким образом и будет преодолена коалиция с буржуазией. Однако на деле Церетели придерживался иного мнения. Он был убежденным сторонником коалиции и резко критиковал предложение большевиков о формировании правительства из числа советских партий. Церетели назвал его шагом, который ведет к гражданской войне и победе контрреволюции: «Гражданская война вызовет захват власти со стороны правых, сознательных контрреволюционеров или со стороны левых, безответственных, но своими безответственными действиями подготавливающих почву контрреволюции»².

В ходе споров по вопросу о роли и задачах Советов меньшевики рассматривали их как общественные организации и были против лозунга о переходе государственной власти в руки Советов. В то же время «лидеры партий меньшевиков и эсеров в ходе прений неоднократно подчеркивали, что в случае возникновения кризисных ситуаций новый орган должен будет действовать исходя из требований момента». И в таких случаях «ЦИК должен будет выполнять роль парламента»³. Эта позиция говорит о том, что уже в июне умеренные социалисты не могли полностью игнорировать вариант становления советского парламентаризма.

Реальная позиция лидеров меньшевиков и эсеров проявилась в вопросе о войне и мире. Их усилиями съезд, с одной стороны, поручил правительству *обеспечить быстрое заключение демократического мира*,

¹ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1930. Т. I. С. 271, 273.

² Там же. С. 275.

³ См. об этом: Николаев А.Б., Поливанов О.А. Указ. соч. С. 28.

а с другой — делегатов убедили высказаться в пользу проведения наступления на фронте. И напрасно большевики убеждали делегатов в том, что наступление закроет возможность быстрого заключения мира и усилит внутреннюю контрреволюцию¹. Большинство делегатов поддерживали Церетели. Начавшееся вскоре наступление на фронте быстро провалилось. Оно показало германскому руководству слабость русской армии и закрыло возможность результативных переговоров о мире.

Как известно, решения съезда вызвали недовольство рабочих и солдат Петрограда и других крупных центров, что показали демонстрации 18 июня. Они прошли под лозунгом «Вся власть Советам».

Июльский кризис. Второго июля кадеты спровоцировали правительственный кризис: вышли в отставку, заявив о своем недовольстве действиями министров-социалистов (А.Ф. Керенского — по украинскому вопросу, В.М. Чернова — по аграрному). Правительственный кризис сделал актуальным вопрос о формировании нового правительства. Под впечатлением от успеха июньской демонстрации революционные слои рабочих и солдат Петрограда устроили вооруженную демонстрацию с требованием перехода власти в руки Советов. Большевикам пришлось ее возглавить, хотя они понимали преждевременность такого требования. Лидеры ВЦИК под нажимом демонстрантов 4 июля обещали решить вопрос о власти. Однако вброс компромата на В.И. Ленина («немецкий шпион») и спровоцированная перестрелка на Невском проспекте помогли скомпрометировать большевиков. Их обвинили и в провале июньского наступления, который стал очевидным в эти дни. Две сотни видных большевиков были арестованы, Ленин ушел в подполье. Важно подчеркнуть: удар по большевикам не стал прямым ударом по Советам. В то же время победа над большевиками вдохновила правые силы и побудила их вести наступление на позиции Советов и солдатских комитетов, обвиняя всех социалистов в развале армии.

Керенский, который в июльские дни возглавил правительство, вначале издал правительственную декларацию от 8 июля, которая подтверждала основные положения майской декларации. Отметим, что ЦИК Советов дал этому правительству неограниченные полномочия, определив его как «правительство спасения революции». Тем самым ЦИК фактически выступил в роли парламента — источника формирования правительства и определения его полномочий². Однако вскоре Керенский стал искать компромисс с кадетами. В результате 22 июля была создана новая правительственная коалиция с кадетами на платформе, которая перечеркивала декларацию от 8 июля. Это вызвало протест левого крыла ВЦИК, но Керенский погасил его угрозой уйти в отставку.

¹ См. заявление фракции большевиков по вопросу о наступлении, сделанное съезду: Правда. 1917. 20 (7) июня.

² Насколько нам известно, на это обстоятельство первыми обратили внимания А.Б. Николаев и О.А. Поливанов: См.: Николаев А. Б., Поливанов О. А. Указ. соч. С. 28.

Августовские баталии. В середине августа Керенский собрал Московское государственное совещание¹, рассчитывая получить поддержку от общественных организаций, стоявших правее Советов. Эту идею давно высказывали кадеты в надежде таким способом снизить зависимость правительства от Советов. На совещании произошло единение правых сил, которые считали, что реальная власть в стране уже принадлежит «революционной демократии», т.е. Советам, и требовали изменить это положение. Об этом прямо говорил А.И. Гучков: «располагая значительной частью вооруженных сил среди солдат и рабочих, именно так называемая „революционная демократия“ является носителем государственной власти»².

Донской атаман А.М. Каледин сформулировал задачу: «Расхищению государственной власти центральными и местными Комитетами и Советами должен быть немедленно и резко поставлен предел»³. В ответ Н.С. Чхеидзе, выступая от имени всех левых организаций, представленных на совещании, предлагал сосредоточиться на выполнении программы, на основе которой и создавалось коалиционное правительство. Он специально упомянул декларации от 6 мая и 8 июля, получившие одобрение со стороны Советов⁴. Позиция Чхеидзе встретила явное неприятие со стороны правых, которые как раз и видели в этих декларациях диктат со стороны «революционной демократии».

Совещание отразило процесс поляризации сил, что не позволило принять какой-либо итоговый документ и создать представительный орган, на который Временное правительство могло бы так или иначе опираться, снизив свою зависимость от Советов. Напротив, Московское совещание укрепило решимость правых сделать ставку на военную диктатуру как единственное средство продолжать войну и остановить захват помещичьей земли земельными комитетами.

В конце августа генерал Л.Г. Корнилов попытался установить такую диктатуру, но попытка провалилась из-за отсутствия достаточной социальной базы. Он смог бросить на Петроград только казачьи и туземные части, да и они сразу остановились после того, как узнали, что офицеры обманом их ведут на Петроград против воли правительства и Советов. Следует отметить, что Корнилов в ходе мятежа сильно напугал министров-социалистов и эсеров-меньшевистские верхи Советов: он публично обвинил правительство в том, что оно «под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба»⁵. На фоне такого обвинения лидеры Советов

¹ См. о Государственном совещании подробн.: Николаев А.Б. Борьба сил революции и контрреволюции в связи с созывом Государственного совещания (апрель — август 1917 г.): Дис. ... к. ист. н. Л., 1990.

² Государственное совещание. Стенографический отчет. М.; Л, 1930. С. 102.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 78–79.

⁵ Browder R.P., Kerensky A.P. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanford, 1961. Vol. 3. P. 1573; Вопросы истории. 1991. № 2. С. 138–139.

и министры-социалисты не могли рассчитывать на милосердие в случае успеха мятежа. Перед угрозой военной диктатуры все социалисты сплотились, сформировав Комитет народной борьбы с контрреволюцией на паритетных началах. В дни мятежа все советские партии и Керенский, как глава правительства, действовали вместе, что и привело к быстрому провалу корниловщины.

Борьба с Корниловым резко повысила привлекательность лозунга «Вся власть Советов». Уже 27 августа фракция большевиков во ВЦИК предложила создать правительство на базе Советов, выдвинув общедемократическую программу, которая фактически совпадала с той, которую оглашал Чхеидзе на московском совещании¹. Лидеры эсеров и меньшевиков взяли паузу. После разгрома корниловцев ЦК большевиков 31 августа вновь предлагает ВЦИК сформировать советское правительство, не настаивая на своем вхождении в его состав². Теперь ВЦИК открыто отклонил это предложение, но 31 августа позицию большевиков поддерживал Петроградский Совет, а 5 сентября — Московский Совет. После этого Советы разных уровней стали принимали большевистские резолюции с требованием перехода власти в руки Советов. Большевики готовились решить этот вопрос на II Всероссийском съезде Советов р. и с. д, который по постановлению I-го съезда предстояло созвать в сентябре.

Демократическое совещание. Однако эсерово-меньшевистские верхи ВЦИК отказались созвать съезд Советов, понимая, что большинство делегатов проголосуют за создание советского правительства. Вместо этого они созвали Демократическое совещание, на котором делегаты от Советов оказались в меньшинстве. Большинство составлялось из представителей демократических городских и земских самоуправлений, кооперативов, профсоюзов, комитетов снабжения, продовольственных комитетов и т.д. Об этом замысле откровенно написал Н.Д. Авксентьев, председатель Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов³.

Совещание отклонило предложение большевиков о создании правительства из советских партий и выделило из своей среды узкий орган: так называемый Предпарламент, который 23 сентября проголосовал за коалицию с кадетами. Таким образом, Демократическое совещание решило ту задачу, которую не решило августовское Государственное совещание: Керенский и его союзники отодвинули Советы на второй план. Временное правительство теперь опиралось не на Советы, а на Предпарламент, но по требованию кадетов последний терял право контролировать действия правительства. Более того, именно правительство формировало состав Предпарламента, вводя в него новых членов.

¹ Рабочий. 1917. 28 августа.

² Протоколы Центрального комитета РСДРП (б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, С. 37–38.

³ Авксентьев Н. Большевистский переворот // Отечественная история. 1992. № 2. С. 145.

Это была иллюзорная победа. Совещание показало, что большинство делегатов с мест, представлявших Советы, были сторонниками «однородного советского правительства» и поддерживали требование большевиков о скорейшем созыве II съезда Советов. ВЦИК старого состава был вынужден пойти на созыв съезда в октябре. На съезде большинство делегатов выступили за переход власти в руки Советов. В этой связи следует в правильный контекст ставить Октябрьское вооруженное восстание: оно носило вторичный характер, устранив Временное правительство, которое заранее объявило о своей независимости от советского съезда. Первичным фактором победы большевиков была готовность большинства местных Советов формировать советское правительство и безотлагательно решать вопросы о земле и выходе из войны. На пути Советов стояло лишенное реальной опоры правительство. Его свержение стало символическим актом, воодушевившим делегатов II съезда Советов. Весьма показательно, что восстание провели органы Петросовета, а не партийные структуры большевиков.

II съезд создал советскую систему государственной власти. Основные компоненты этой системы: 1) Всероссийский съезд Советов как высший представительный, законодательный и контрольный орган; 2) ВЦИК как постоянно действующий орган съезда, наделенный теми же функциями; 3) Совет народных комиссаров — исполнительный орган власти, ответственный перед ВЦИК и Всероссийским съездом. Наличие указанных функций, представлявших собой основные парламентские функции, говорит о том, что в октябре 1917 г. большевики создали советскую форму парламентаризма, которая исключала тех, кто эксплуатировал чужой труд. То, как сложилась дальнейшая судьба советского парламентаризма, уже другая история.

УЧАСТИЕ ДУМСКИХ КОМИССАРОВ В СОЗДАНИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА БАЗАХ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА (МАРТ 1917 г.)

БАЖАНОВ ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры русской истории
РГПУ им. А.И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: dino10@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена роли комиссаров Государственной думы в строительстве революционной власти на местах. На материалах деятельности думских представителей в Кронштадте, Ревеле и на кораблях, базировавшихся на островах Моонзундского архипелага, в первые мартовские дни выявляются границы и масштаб их влияния. Подчеркивается, что в тех случаях, когда представителям Думы, чей авторитет был весьма высок, удавалось вступить в конструктивный диалог с военными, они получали возможность заложить прочный фундамент дальнейшего развития демократических органов местной власти, ориентировавшихся на сотрудничество с правительством.

Ключевые слова: Государственная дума, комиссары, Кронштадт, Ревель, Балтийский флот, В.Н. Пепеляев, И.Т. Евсеев, А.И. Непенин, Д.Н. Вердеревский.

Позиция военных в решающие дни борьбы за власть является важнейшим условием достижения успеха или провала. Падение монархии в России в феврале 1917 г. продемонстрировало это со всей очевидностью. Именно переход на сторону восставших частей петроградского гарнизона внес перелом в столице. Это обстоятельство учитывалось и Временным комитетом Государственной думы, направлявшим своих представителей в воинские части Петрограда. Вопрос о деятельности думских представителей в контексте их воздействия на воинские контингенты рассматривался рядом исследователей с конца 1960-х гг. И.И. Минц в «Истории Великого Октября», в соответствии с концепцией Февральской революции, оформленной в «Кратком курсе истории ВКП(б)», подчеркивал роль воздействия на солдат в столице со стороны рабочих, а затем представителей, направляемых Военной комиссией Петроградского Совета. Взаимодействие с солдатами думцев носило лишь единичный и вынужденный из-за прихода отдельных частей в Таврический дворец характер¹. После правительственного постановления от 6 марта «думские делегации» командировались в армейские фронтовые части, а также на Балтийский

¹ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1967. Т. 1. С. 472, 476–477, 483–484.

и Черноморский флоты, выполняя роль своеобразных агитаторов Временного правительства¹. Аналогичного взгляда придерживался Э.Н. Бурджалов². В дальнейшем, однако, исследователи больше внимания уделили деятельности думских представителей в правительственных учреждениях. В 1990-е гг. значительное внимание формированию и деятельности думских комиссаров уделил А.Б. Николаев. В ряде статей³ исследователем был реконструирован персональный состав думских комиссаров, направлявшихся в правительственные учреждения, а также в воинские части, рассмотрены основные формы и методы их деятельности, отмечена роль в деле ликвидации старой и создания на местах новой власти. Впоследствии эти выводы были включены автором в общий контекст деятельности Временного комитета Государственной думы в период свержения монархии⁴. Деятельность В.Н. Пепеляева и С.А. Таскина получила освещение в диссертации П.Н. Гордеева⁵. Заметим, что она рассмотрена в общем контексте событий первых революционных дней в Кронштадте без анализа стоявших перед ними задач.

Первая волна думских посланцев отправилась в воинские части 28 февраля. Так, А.П. Саватеев прибыл рано утром в 4-й Донской казачий полк, сумев удержать большую его часть от ухода из столицы⁶. П.В. Герасимов, В.Н. Пепеляев, В.А. Степанов, И.Н. Ефремов, И.В. Титов и, возможно, Е.Г. Колбинцев командировались на Петергофское шоссе и на Балтийский вокзал встречать части, шедшие из Ораниенбаума⁷.

В то же время довольно быстро была выяснена необходимость для делегирования представителей Думы и в места расположения крупных контингентов армии и флота вне столицы. 1 марта депутаты Н.Н. Николаев и С.П. Мансырев ездили в Ивановское в автомобильную роту⁸.

¹ Минц И.И. Указ. соч. С. 619–620.

² Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 275–276; *его же*. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 29.

³ Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль — начало марта 1917 г.) // Революция 1917 года в России. Сб. науч. ст. СПб., 1995. С. 13–20; *его же*. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль — март 1917 г.): персональный состав // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1995. Вып. 5. С. 46–74; *его же*. Думские комиссары в русской армии (февраль — март 1917 г.) // Новый часовой. СПб., 1996. № 4. С. 72–83.

⁴ Николаев А.Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля — 3 марта 1917 г.: Дис. ... д. ист. н. СПб., 2005; *его же*. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года (далее — Революция и власть). СПб., 2005; *его же*. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года (далее — Думская революция). СПб., 2017. Т. 1.

⁵ Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — октябре 1917 года: Дис. ... к. ист. н. (далее — Кронштадтский Совет). СПб., 2007.

⁶ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 234.

⁷ Там же. С. 236.

⁸ Там же. С. 276–277.

В тот же день стало известно о восстании войск Кронштадтского гарнизона. Кронштадт в годы Первой мировой войны играл роль форпоста обороны столицы с моря, являясь центром управления мощными укреплениями, прикрывавшими Петроград на северном (форт Ино) и южном (форт Красная Горка) берегах Финского залива. В то же время Кронштадт продолжал оставаться основной тыловой базой для кораблей Балтийского флота и центром подготовки пополнений — здесь размещались 1-й Балтийский флотский экипаж, а также учебные команды для обучения специалистов. Общая численность гарнизона оценивается современным исследователем П.Н. Гордеевым в 30,7 тыс. чел., в том числе 12,1 тыс. моряков¹. Информация о начале революции в Петрограде достигала военных моряков, судя по воспоминаниям очевидцев, уже с первых дней. Однако она не была вполне ясной, доказательством чему является утверждение того же автора, что о восстании частей петроградского гарнизона стало известно 28 февраля утром². С 15 ч. началась забастовка рабочих порта, а вечером, в период с 20 до 23 ч. 30 мин., восстали солдаты 3-го Кронштадтского крепостного пехотного полка. Вероятным поводом представляются как слухи о возможном использовании этой части для похода на Петроград, так и отказ менять роту, стоявшую в карауле на заставах со стороны Ораниенбаума³. К выдвинувшимся из казарм солдатам присоединились матросы Учебно-минного отряда. Это могло быть сделано по предварительному сговору, на чем настаивали многие участники выступления. Однако нельзя исключать и элемент спонтанности, т.к. в ротах возникло недовольство, связанное с необходимостью после вечерней молитвы исполнить «Боже, царя храни»⁴. После этого те и другие отправились к 1-му Балтийскому флотскому экипажу. С этого момента события полностью вышли из-под контроля командования.

Восставшими частями были выпущены арестанты, многие из них отправились в порт, где находились военные корабли. Члены команды открывали доступ на корабли, а дальше начинали репрессии против командного состава. Затем большая часть нижних чинов уходила на берег «делать революцию». В результате в ночь с 28 февраля на 1 марта погибло, согласно подсчетам П.Н. Гордеева, около 30 морских офицеров и не меньше 10 старших унтер-офицеров (боцманов и кондукторов)⁵. Среди них Р.Н. Вирен и начальник штаба Кронштадтского порта контр-адмирал А.Г. Бутаков, командир 1-го Балтийского флотского экипажа генерал-майор по Адмиралтейству Н.В. Стронский, начальник Школы юнгов капитан 1 ранга К.И. Степанов. Еще около 100 было арестовано. Со стороны восставших погибших было значительно меньше — торжественно захоронены 7 марта 1917 г. были два матроса.

¹ Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет. С. 43–44.

² Колбин И.Н. Кронштадт организуется, готовится к бою // Октябрьский шквал. Сборник статей. Л., 1927. С. 26.

³ Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет. С. 76.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же. С. 108–110.

Впервые о результатах восстания в Кронштадте стало известно в штабе Балтийского флота в 14 ч. 1 марта, после чего командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин запросил содействия у председателя ВКГД М.В. Родзянко¹. В Кронштадт по решению Военной комиссии ВКГД были отправлены В.Н. Пепеляев и С.А. Таскин². Однако информацию о бунте в Таврическом дворце получили еще до этого. На эту мысль наводит свидетельство самого В.Н. Пепеляева, который сообщал, что он был вызван по телефону П.Н. Милюковым еще в 2 ч. ночи с 28 февраля на 1 марта. Выехали думские представители рано утром³. Учитывая, что дорога думских представителей до Кронштадта шла через Ораниенбаум, и тем же маршрутом они в тот же день вернулись, полагаем, что отъезд все же состоялся утром. В противном случае шансы на возвращение в Петроград в тот же день для В.Н. Пепеляева и С.А. Таскина понижались.

Приехав в крепость, думцы сразу узнали о гибели Р.Н. Вирена, арестах представителей офицерского корпуса. Сначала В.Н. Пепеляев и С.А. Таскин побывали во 2-м Кронштадтском пехотном полку и Машинной школе, где их встретили восторженно. Далее думские представители направились в 1-й Балтийский флотский экипаж. Там они в первую очередь встретились с арестованными офицерами. Это было серьезным просчетом по двум причинам. Во-первых, судя по воспоминаниям В.Н. Пепеляева, к офицерам они направились «сразу, без всяких речей матросам, только назвавшись»⁴. Во-вторых, несмотря на сообщение, что нижние чины экипажа выражают недовольство, думские представители остались у арестованных. Ушли они лишь после повторного предупреждения⁵. Тем самым, линия поведения думцев могла восприниматься как определенное неуважение. Наладить контакт, а тем более повлиять на изменение положения арестованных они не смогли. Узнав о том, что в Таврический дворец должна отправиться некая делегация, думские комиссары также решили возвратиться. При этом сам В.Н. Пепеляев признал ограниченность собственных возможностей, мотивировав свой отъезд во второй половине дня тем, что в Кронштадт нужен комендант, назначенный ВКГД⁶.

В Ревеле поначалу события развивались по схожему с Кронштадтом сценарию. 1 марта, по сообщению командующего флотом вице-адмирала А.И. Непенина, «забастовали без предъявления каких-либо требований судостроительные мастерские Северо-Западного общества»⁷. На следу-

¹ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 76; Смолин А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. С. 69.

² Смолин А.В. Два адмирала. С. 70.

³ [Пепеляев В.Н.] 27 мая 1917 г. Доклад В.Н. Пепеляева о положении дел в Кронштадте // Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А.К. Дрезена. М.; Л., 1932. С. 74.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 37.

ющий день размах выступлений рабочих значительно вырос — забастовка переросла во всеобщую. Согласно донесению начальника 1-й бригады крейсеров контр-адмирала В.К. Пилкина, группы бастующих в скором времени появились в порту, призывая команды стоявших кораблей присоединиться. В этих непростых условиях начальник В.К. Пилкин и начальник дивизии подводных лодок контр-адмирал Д.Н. Вердеревский приняли решение разрешить желающим, за исключением вахтенных, сойти на берег. Однако в то же время было предложено отправить на берег обходы для защиты гавани и военных кораблей. Эта мера себя в полной мере оправдала. В.К. Пилкин сообщал в штаб флота в 0 час. 10 мин. 3 марта, что «на бригаде за исключением нескольких нетчиков вся команда на местах». Поэтому на другой день он предполагал вновь выслать обходы «без оружия с офицерами»¹.

В самом городе обстановка была тревожная. Около 15 ч. при участии матросов с крейсеров, присоединившихся к рабочим, была разгромлена тюрьма «Толстая Маргарита». Комендант Морской крепости императора Петра Великого вице-адмирал А.М. Герасимов, пытавшийся уговорить их разойтись, был, по выражению участника, «прибит своими матросами»². В самом городе вспыхнули, по сообщению В.К. Пилкина, несколько пожаров, «кое-где раздавалась хулиганская стрельба»³.

По данным А.Б. Николаева, первая телеграмма об обострении ситуации в Ревеле поступила в Петроград на имя М.В. Родзянко в 20 ч. 40 мин. 2 марта от имени раненого А.М. Герасимова. В ней он просил: «о срочной присылке депутатов Думы в Ревель», уточняя, что «идет полный разгром[,] сам ранен»⁴. Однако еще в 17 ч. вице-адмирал А.И. Непенин направил на имя председателя Государственной думы телеграмму. Сообщая о «манифестациях и забастовках на заводах, работающих на оборону», командующий Балтийским флотом просил «для предотвращения вспышки беспорядков» срочно выслать представителя от Думы⁵. В тот же день экстренным поездом в Эстляндию отправились И.Т. Евсеев, И.Н. Маньков и Н.И. Родзевич⁶. Прибыв утром 3 марта, думские представители повели себя иначе, чем В.Н. Пепеляев и С.А. Таскин 1 марта.

Они с самого начала постарались опереться на существовавшие органы власти, а также взять под контроль наиболее активные группы — рабочих и военных. Н.И. Родзевич встретился с членами образованного

¹ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

² Анянчиков Н. Матросы! // Ревельское слово. 1917. 3 марта; Козлова Е.А. Строительство революционной власти в Ревеле в марте 1917 г. (по материалам русскоязычных газет) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2015. С. 225.

³ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁴ Цит. по: Николаев А.Б. Революция и власть. С. 396; *его же*. Думская революция. Т. 1. С. 565.

⁵ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 146 об.

⁶ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 397; *его же*. Думская революция. Т. 1. С. 565.

накануне Обывательского комитета, И.Н. Маньков отправился на митинг, организованный рабочими, а И.Т. Евсеев — на учебный корабль «Петр Великий». Около 15 ч. под его председательством прошло собрание представителей флотских и береговых команд, офицеров порта и крепости Императора Петра Великого. В результате была принята резолюция, состоявшая из 19 пунктов, многие из которых отражали чаяния рядового состава.

Там же были проведены выборы представителей, которые должны были отправиться затем в театр «Гранд-Марина». Аналогичным образом, по-видимому, происходило и выдвижение представителей от рабочих. В 19 ч. на заседании в театре в присутствии И.Т. Евсеева и И.Н. Манькова было провозглашено создание Совета рабочих и воинских депутатов города Ревеля. Там же состоялись и выборы в Исполнительный комитет, куда вошли 45 человек.

4 и 5 марта думские комиссары продолжали встречи с представителями судовых команд, а также И.Т. Евсеев отправился на о. Нарген (Найссар), где располагались батареи, являвшиеся частью Центральной минно-артиллерийской позиции и прикрывавшие южный проход в Финский залив¹.

6 марта в 21 ч. 50 мин. в Петрограде была получена телеграмма от командира крейсера «Адмирал Макаров» капитана I ранга Н.Д. Тыркова, что «для восстановления порядка и дисциплины» на кораблях, находящихся на зимовке у о. Вердер («Адмирал Макаров» и линейный корабль «Цесаревич»), необходим срочный приезд депутата Государственной думы. Уже в 23 ч. 40 мин. И.Т. Евсеев телеграфировал о своем выезде в Гапсаль (Хаапсалу), а оттуда — на корабле². С ним отправились и представители Ревельского Совета инженер-механик лейтенант К.М. Цируль и унтер-офицеры Фрунтов и Тютчев. И если на «Адмирале Макарове» команду удалось успокоить, то на линкоре ситуация оказалась сложнее. 6 марта в судовой комитет последовало заявление от общего собрания экипажа о «приверженцах старого порядка» — командире корабля капитане I ранга К.А. Чоглокове и старшем офицере старшем лейтенанте А.Р. Гутане. Были выделены два депутата, позднее вошедшие в дисциплинарный комитет, — В. Рынкевич и А. Токарев. Они и занялись проверкой, проводившейся в форме опроса. Итог не заставил себя долго ждать. В тот же день К.А. Чоглоков передал следующий рапорт в штаб флота: «Команда корабля высказала полное недоверие мне и старшему офицеру, считая меня и старшего офицера приверженцами старого порядка. Создалось положение, при котором командовать не могу и прошу срочной смены как меня, так и старшего лейтенанта Гутана»³. Прибывшие депутаты сумели погасить страсти, однако изменить решение экипаж отказался. В результате 7 марта командир и старший офицер

¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 540. Л. 2.

² Там же. Д. 113. Л. 183.

³ Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 148. Л. 5.

«Цесаревича» вместе с И.Т. Евсеевым и делегатами Ревельского Совета покинули корабль¹.

Думские комиссары сумели в полной мере использовать свое положение, разрядить обстановку в Ревеле и на кораблях, стоявших в Моонзунде, и оказать влияние на формирование новых органов власти. Почему же им, в отличие от В.Н. Пепеляева и С.А. Таскина, удалось это сделать?

Полагаем, что свою роль играли несколько факторов. С одной стороны, военному командованию в Ревеле удалось избежать серьезных вспышек насилия. Гибкая позиция А.М. Герасимова, В.К. Пилкина и Д.Н. Вердеревского, проявившаяся, в частности, в отказе от применения силы, в готовности к переговорам с командами и батальонами, а также отказ от тактики информационной и буквальной изоляции военных от рабочих привели к сохранению хрупкого доверия рядового и командного состава по отношению друг к другу. Поэтому удалось избежать эксцессов, аналогичных кронштадтским. Думские комиссары, в свою очередь, не были связаны необходимостью неотложной помощи представителям офицерства.

С другой стороны, в ночь на 3 марта в штабе Балтийского флота был получен текст манифеста Николая II об отречении. По приказу А.И. Непенина началась подготовка к его опубликованию. К 8 час. он уже был отпечатан и расклеен по городу². По этой причине выполнить распоряжение председателя ВКГД о недопущении распространения манифеста, переданное из Ставки в штаб флота в 6 ч. 45 мин. 3 марта, в Ревеле оказалось невозможно. В результате около полудня начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Н.М. Григоров сообщал в ответ на запрос помощника начальника Морского генерального штаба капитана I ранга А.П. Капниста, что в Ревеле наступило «полное успокоение»³. Тем самым, пик насилия там оказался пройден.

Еще один фактор — тесное сотрудничество комиссаров с представителями командования. Особенно ярко оно проявилось в совместной деятельности И.Т. Евсеева и Д.Н. Вердеревского, совершенно отеснившим других начальников в эти дни в Ревеле. По-видимому, начальник дивизии подводных лодок весьма оперативно получил сведения о приезде думцев в Ревель, т.к. уже между 23 ч. 2 марта и 0 ч. 3 марта А.П. Капнист в телеграмме запрашивал его: «Не может ли член Думы Евсеев съездить также в Гапсаль и на Эзель?»⁴. После приезда именно Д.Н. Вердеревский организовал созыв представителей команд и береговых частей на «Петре Великом», где председательствовал И.Т. Евсеев. 4 марта приказом № 252 Д.Н. Вердеревский, не дожидаясь разрешения нового командующего флотом вице-адмирала А.С. Максимова, распорядился приступить к реализации большинства пунктов постановления

¹ РГАВМФ. Ф. 556. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

² Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

³ Там же. Л. 55.

⁴ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 58.

собрания 3 марта¹. Роль начальника дивизии подводных лодок была признана и в Морском генеральном штабе. Его действия в информационной телеграмме начальника статистического отделения МГШ капитана I ранга В.Е. Егорьева от 5 марта были оценены так: «в Ревеле порядок был сохранен благодаря энергии адмирала Вердеревского [...] который решительно и не промедлив ни одного момента [...] известил обо всем нижних чинов [...] организовал сам выборы депутатов из них [...] двинул офицеров к полному единению с командами [...] добился выражения доверия к себе и к офицерам»². Так что, немалая заслуга контр-адмирала в том, что думские комиссары смогли отправить на имя министра юстиции А.Ф. Керенского телеграммы, где делегаты судовых и береговых команд Ревеля, а также гарнизона о. Нарген постановляли «выразить правительству доверие [...] обещать ему защиту и поддержку в деле обеспечения окончательной победы над врагом»³.

Таким образом, представители Государственной думы, оказавшиеся в первые дни революции в местах сосредоточения личного состава Балтийского флота, имели серьезные возможности для подчинения себе ситуации. Безусловно, они воспринимались как представители авторитетной политической силы — Государственной думы. В таком качестве к ним относились как представители командования и новых органов революционной власти, о чем свидетельствуют неоднократные запросы вице-адмирала А.И. Непенина, посылка делегации из Кронштадта в Таврический дворец, так и члены корабельных экипажей и гарнизонов военно-морских баз.

Использование думскими представителями своего статуса было далеко не одинаковым и зависело от их личных качеств, а также от накала противостояния. Попад в условия только что завершившегося кровопролитного восстания в Кронштадте, В.Н. Пепеляев и С.А. Таскин сосредоточились на попытках оказать помощь арестованным офицерам. При этом они не попытались повлиять на ситуацию в целом, выступить в качестве строителей революционных органов управления. В более спокойной обстановке столицы Эстляндии И.Т. Евсееву, И.Н. Манькову и Н.И. Родзевичу удалось не только снять накал борьбы, но и заложить фундамент новой власти на всем южном берегу Финского залива.

Имела подобная деятельность и далеко идущие последствия. Органы власти, созданные в Ревеле и Моонзунде, в отличие от Кронштадта, оказались в своей деятельности значительно более ориентированными на диалог с новым правительством. Также отношения между представителями командного и рядового состава в Ревеле, их обоюдное участие в органах власти в первые месяцы революции оказались более конструктивными.

¹ РГАВМФ. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

² Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 148.

³ Там же. Д. 540. ЛЛ. 1, 2.

ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ 20–30 МАРТА 1917 г.

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории РГПУ,
член НМС при Центре истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: abn_mbox@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена заседаниям Временного комитета Государственной думы, которые проходили в последнюю декаду марта 1917 года. Анализируя историографию вопроса, автор приходит к выводу о том, что отечественные историки практически не писали о них. Для создания хроники заседаний думского Комитета использовались разнообразные источники. Впервые в отечественной историографии в статье указывается, что с 20 и по 30 марта 1917 г. включительно состоялось 8 заседаний Временного комитета Государственной думы. Приведенный материал доказывает, что думский Комитет участвовал в механизме функционирования временной власти. Так, он назначал комиссаров в благотворительные учреждения, направлял депутатов Государственной думы в действующую армию и на места в целях наведения порядка и решения важных вопросов.

Ключевые слова: заседания Временного комитета Государственной думы, комиссары ВКГД, М.В. Родзянко.

Заседания Временного комитета Государственной думы, проходившие в последнюю декаду марта 1917 года, не привлекли внимания ни советских, ни современных исследователей. Вместе с тем советский историк Д.В. Ознобишин все-таки пишет о заседании 24 марта 1917 г., ссылаясь на издание 1938 г. 1-го тома «Истории гражданской войны»⁴: «24 марта Шингарев доложил Временному комитету уточненный законопроект о введении хлебной монополии. Доклад был одобрен. Закон был принят как страховка от нападков голодающего населения. Но так как он в какой-то степени затрагивал интересы помещиков, проводить его в жизнь правительство не собиралось. Шингарев, успокаивая помещиков, сидевших во Временном комитете, говорил им: „Вы просто их (нормы — Д.О.) не соблюдайте... кто будет вас там проверять“»⁵. Но этот сюжет относится авторами «Истории гражданской войны» не к заседанию Временного комитета, а к частной беседе А.И. Шингарева с С.И. Шидловским⁶,

⁴ История Гражданской войны в СССР. М., 1938. Т. 1. С. 81. Ознобишин ошибся, указав стр. 81 вместо стр. 90.

⁵ Ознобишин Д.В. Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 290.

⁶ История Гражданской войны в СССР. С. 90.

со ссылкой на воспоминания последнего¹. В них он писал следующее: «Мне удалось как-то поймать на ходу Шингарева и спросить его, что это значит, и входит ли в его соображения в эту минуту страшной нужды в хлебе ликвидировать частные хозяйства, не могущие существовать при соблюдении его постановления. Он мне ответил, что совершенно не собирается разрушать частные хозяйства, а про нормы сказал, что, дескать, вы просто их не соблюдайте, если это невозможно, кто, мол, вас там будет проверять»². Иначе говоря, ни в воспоминаниях Шидловского, ни в «Истории гражданской войны» сведений о заседании ВКГД 24 марта нет. Укажем, что современные исследователи о заседаниях ВКГД последней декады марта 1917 г. не упоминают вообще³. Даная статья ставит своей целью восстановить хронику заседаний думского Комитета.

Источниковая база темы исследования бедна. Дело в том, что протоколов заседаний думского Комитета не выявлено. Но в фонде 1278 РГИА отложились стенографические отчеты докладов депутатов Государственной думы, с которыми они выступали на заседаниях ВКГД. К изучаемому периоду относится лишь стенограмма доклада А.Г. Лелюхина на заседании ВКГД 27 марта⁴. В думском делопроизводстве значительное место занимают отпуски различных удостоверений, выданные депутатам IV Государственной думы. Но, как правило, они содержат лишь дату выдачи удостоверения, что затрудняет их привязку к конкретному заседанию ВКГД. Поэтому о некоторых назначениях, проведенных думским Комитетом, в данной статье сообщено не будет. Лучше дело обстоит с деловой перепиской, которая велась думским комитетом с заинтересованными лицами. Так, на просьбах, поступавших в думский комитет, встречаются пометки «доложено» с указанием даты и результатов их рассмотрения ВКГД. Все это позволяет реконструировать как хронику заседаний думского Комитета, так и их повестки. Привлекались для раскрытия темы исследования и материалы периодической печати, в которых выявлены сведения об одном заседании ВКГД — 21 марта 1917 г.⁵. В исторических хрониках, изданных в 1920-х гг., каких-либо упоминаний о заседаниях думского Комитета в последней декаде марта 1917 года не содержится⁶. Вместе с тем имеющиеся источники позволяют восста-

¹ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. II. С. 115.

² Там же.

³ Гайда Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 30–43; Кирьянов И.К. Государственная дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. Политология. 2008. № 4/4. С. 82–88.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 260–271.

⁵ Совещание Временного комитета Гос[ударственной] думы // Вестник Временного правительства. 1917. 22 марта.

⁶ Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий.) М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 49–159; Максаков В., Нелидов Н. Хроника революции. 1917 год. М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 25–27.

новить хронику заседаний Временного комитета Государственной думы в последнюю декаду марта 1917 года.

20 марта 1917 г. ВКГД было доложено письмо министра-председателя кн. Г.Е. Львова от 17 марта 1917 г. за № 101 на имя М.В. Родзянко, в котором сообщалось, что Временное правительство «признает срочно необходимым командировать членов Государственной думы в губернии: Псковскую, Витебскую, Пермскую, Волынскую, Воронежскую и Лифляндскую, в г. Одессу и Туркестан». Кн. Львов просил Родзянко «об изложенном поставить в известность Исполнительный комитет Государственной думы и не отказать уведомить, кто из г.г. (господ — А.Н.) членов Государственной думы мог бы выехать в указанные местности»¹. Какого-либо решения, судя по отсутствию резолюции на письме кн. Львова, думский Комитет сразу не принял. В тот же день было рассмотрено обращение Администрации по делам Сергинско-Уфалейских горных заводов от 17 марта 1917 г. за № 351/26 на имя министра юстиции. Подчеркнем, что министр юстиции А.Ф. Керенский переслал его в МВД, а оно направило обращение 19 марта 1917 г. в думский Комитет². Администрация этих заводов просила «принять возможные меры к устранению расхищения имущества и установлению порядка[,] при котором возможной была бы нормальная работа»³. ВКГД постановил направить на Сергинско-Уфалейские горные заводы депутатов А.А. Бубликова и И.В. Титова⁴. Удостоверение за № 545 было выписано Титову 22 марта с формулировкой, что он командировается ВКГД «в Пермскую губернию и в район Уральских заводов для сношения с населением»⁵. Командируя Титова, ВКГД заодно отчасти выполнял и просьбу кн. Г.Е. Львова относительно направления депутатов в Пермскую губернию. Укажем, что «Речь» ни словом не обмолвилась о том, что Титов был командирован ВКГД: «Член Гос[ударственной] думы И.В. Титов командировается Временным правительством на Урал для урегулирования деятельности некоторых уральских заводов ввиду возникших на этих заводах недоразумений между рабочими и заводской администрацией»⁶. Думский Комитет рассмотрел просьбу императрицы Марии Федоровны о назначении комиссаров для сопровождения ее из Киева в Аккерман⁷. Комиссаром был назначен депутат А.И. Савенко, который получил 21 марта 1917 г. в Киеве телеграмму от М.В. Родзянко: «Временный комитет Гос[ударственной] думы назначил вас сопровождать бывшую императрицу Марию Федоровну, отъезжающую из Киева в Аккерман в четверг, 23-го марта». В телеграмме также сообщалось, что распоряжением Временного правительства «назначается экстренный поезд, в котором будут, кроме Марии Федоровны,

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 91.

² Там же. Л. 96.

³ Там же. Л. 97.

⁴ Там же. Л. 96.

⁵ Там же. Д. 6. Л. 117.

⁶ Последние известия // Речь. 1917. 22 марта.

⁷ Отъезд Марии Федоровны // Русские ведомости. 1917. 21 марта.

Ольга Александровна и великий князь Александр Михайлович»¹. В то же время думский Комитет отклонил просьбу Временного правительства о назначении комиссаров для сопровождения принца Александра Петровича Ольденбургского из Ставки в Финляндию, «лишенного свободы» великого князя Бориса Владимировича из Ставки в Петроград, великой княгини Ксении Александровны в Крым². 22 марта за № 548 об этом решении было сообщено министру-председателю³. Отказ, несомненно, был вызван тем, что с просьбой обратился не лично министр-председатель кн. Г.Е. Львов, а всего лишь секретарь управляющего делами Временного правительства Гиршбаум. Да и сама она была подана не письмом на бланке, а телефонограммой, которую принял секретарь председателя Государственной думы В.Н. Садыков⁴. Видимо, 20 марта ВКГД командировал в район Донецкого бассейна депутата Государственной думы В.В. Лашкевича. 21 марта ему было оформлено удостоверение за № 537⁵, а 22 марта ПТА сообщало, что «комиссарами Временного исполнительного комитета Думы для поездки [в] Донецкий бассейн избраны члены Думы Добровольский[,] Туляков [и] Лашкевич»⁶.

21 марта 1917 г. в Таврическом дворце под председательством М.В. Родзянко прошло заседание ВКГД. По сообщениям прессы, «на заседании происходил частный обмен мнений по некоторым вопросам, касающимся будущего устройства Царства Польского». Газеты писали, что «в обсуждении этого вопроса приняли участие и представители поляков»⁷. Почему ВКГД поставил в повестку дня своего заседания польский вопрос, сказать трудно. Не исключено, что это произошло в связи с принятием ВКГД 18 марта 1917 г. польской делегации⁸.

После обсуждения польского вопроса ВКГД заслушал доклад И.Н. Ефремова «о приеме им делегации от частей армии, находящихся

¹ Отъезд б[ывшей] императрицы Марии Федоровны из Киева / Телеграммы // Речь. 1917. 23 марта. См. также: РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 28. Л. 29. 23 марта 1917 г. ВКГД направил Савенко телеграмму, в которой сообщал, что дальнейшее сопровождение бывшей императрицы Марии Федоровны «предоставляется на его усмотрение» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 28. Л. 31).

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 117.

³ Там же. Л. 127.

⁴ Там же. Л. 117.

⁵ Там же. Д. 6. Л. 116; Д. 28. Л. 30.

⁶ Там же. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1883. Л. 62. Депутаты А.А. Добровольский и И.Н. Туляков были командированы в район Донецкого бассейна на заседании ВКГД 13 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 40), удостоверения им оформлены 16 марта 1917 г. (там же. Д. 6. ЛЛ. 84, 85).

⁷ Совещание Временного комитета Гос[ударственной] думы // Вестник Временного правительства. 1917. 22 марта. См. также: Совещание Временного комитета Гос[ударственной] думы // Петроградский листок. 1917. 22 марта; В Таврическом дворце // Вестник Пермского края. 1917. 24 марта. Об этом заседании сообщало и ПТА (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1883. Л. 57).

⁸ Делегаты поляков в Таврическом дворце // Современное слово. 1917. 19 марта.

на фронте»¹. Речь шла о делегации от Особой армии. Делегаты заявили, что они присягнули Временному правительству и отныне будут защищать его «от всякого давления на него, с чьей бы стороны это давление ни происходило». Кроме этого, они пообещали, что «в случае обострения отношений Временного правительства и Государственной думы с другими партиями» Особая армия «станет на защиту Временного правительства и Государственной думы». ВКГД, заслушав доклад Ефремова, «принял его к сведению»².

21 марта думскому Комитету было доложено письмо управляющего делами Временного правительства В.Д. Набокова от 20 марта за № 223, который, по поручению Временного правительства, препроводил на имя председателя Государственной думы М.В. Родзянко копию телеграммы комиссара ВКГД М.А. Караулова от 18 марта за № 57, «ходатайствующего в утверждении его в должности наказного атамана Терского казачьего войска». Письмо было принято к сведению³. В.Д. Набоков не полностью изложил просьбу Караулова, который телеграфировал и о необходимости сохранения за ним «полномочий комиссара Исполнительного комитета Государственной думы»⁴. Обратим внимание на то, что ходатайство Караулова было передано не в личном письме председателя Временного правительства председателю Государственной думы, а управляющим делами Временного правительства. Добавим, что М.А. Караулов обратился с этой просьбой не напрямую в думский Комитет, а направил телеграмму на имя председателя Совета министров, военному министру и министру юстиции⁵. Все эти обстоятельства привели к тому, что ВКГД фактически оставил ходатайство Караулова без последствий.

Видимо, на этом же заседании думский Комитет рассмотрел просьбы, поступившие из МПС. 20 марта в думской Канцелярии было зарегистрировано письмо от 18 марта за № 20, подписанное за министра путей сообщения. В нем содержалась просьба назначить депутата Государственной думы «по возможности от Самарской губернии» для участия «в обследовании работы и положения Волго-Бугульминской ж[елезной] д[ороги]»⁶. 20 марта, наконец, и министр путей сообщения Н.В. Некрасов просил М.В. Родзянко командировать комиссара Государственной думы⁷. 22 марта за № 542 ВКГД уведомил министра путей сообщения о том, что он «не признал возможным командировать члена Государственной думы для участия в обследовании работы и положения Вол-

¹ Совещание Временного комитета Гос[ударственной] думы // Вестник Временного правительства. 1917. 22 марта.

² Заявление Особой армии // Биржевые ведомости. 1917. 22 марта (веч. вып.).

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 34. М.А. Караулов мотивировал эту просьбу тем, что это «необходимо для спокойствия в области» (там же. Л. 35).

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 35.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Оп. 10. Д. 7. Л. 118.

⁷ Там же. Л. 112.

го-Бугульминской ж[елезной] д[ороги]»¹. На этом же заседании ВКГД отклонил и просьбу комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов Ф.А. Головина от 20 марта за № 113, командировать для участия в работах по передаче государству имущества чрезвычайной ценности, находящихся в ведении бывшего Министерства двора и уделов, депутатов В.И. Дзюбинского, М.Д. Калугина и М.И. Арефьева, «согласием которых» комиссар «уже заручился»². 26 марта ВКГД уведомил комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов о своем решении³.

21 марта думский Комитет рассмотрел ходатайство депутатов IV Государственной думы от Гродненской губернии от 18 марта 1917 г. с просьбой назначить в нее комиссара из депутатов Государственной думы «от означенной губернии». Подписали документ думцы Ф.И. Лошкейт, А.А. Ознобишин, В.Ф. Сидорук, Т.Я. Тарасевич и др.⁴. Просьба гродненских депутатов была отклонена⁵. В этот же день Временный комитет Думы отклонил просьбу депутатов-виленцев от 20 марта командировать в Виленскую губернию «для сношения с населением и войсками» депутата М.Е. Циунелиса⁶. 21 марта рассматривалось письмо депутата Государственной думы священника М.В. Митроцкого. В нем Митроцкий сообщил о тревожных запросах «народных сеятелей Холмской Руси», «не склонно ли Временное правительство трактовать Холмскую губернию как составную часть Царства Польского». В письме выражалась надежда, что Временное правительство «назначит комиссара по делам Холмской губернии из лиц, пользующихся доверием населения Холмщины, рассеет все его тревоги и сомнения». Письмо было принято к сведению, а ходатайство о командировке отклонено⁷. Видимо, члены ВКГД восприняли письмо Митроцкого как просьбу о назначении в Холмскую губернию думского комиссара.

21 марта ВКГД были доложены две телеграммы депутатов Государственной думы, командированных на места. В первой из них А.М. Александров сообщал, что «аппарат правительственной власти совершенно бездействует». Он заметил, что «совмещение правительственного комиссара с должностью городского головы или председателя управы ведет только к переобременению обязанностями». Депутат предлагал «во избежание дезорганизации и для установления порядка и спокойствия» привлечь к заполнению «пустующего аппарата правительственной власти» общественные организации и Советы рабочих и солдатских депутатов. Кроме этого, он писал, что в Севастополе и Екатеринославе «полицией-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 121.

² Там же. Л. 120.

³ Там же. Л. 145.

⁴ Две подписи даны неразборчивым почерком.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 100.

⁶ Там же. Л. 123. Просьба от имени депутатов-виленцев была изложена депутатом Думы графом Л.С. Путткамером.

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 126.

скую службу» «несут пока воинские части, что вызывает неудовольствие солдат», о чем ему рассказывали в Севастополе¹. ВКГД также принял к сведению телеграмму от 18 марта 1917 г., в которой депутаты А.И. Чистов и Г.В. Гутоп сообщили, что «поручение исполнено»².

24 марта 1917 г. думскому Комитету была доложена просьба почетного попечителя Мариинского приюта для ампутированных и увечных воинов барона Ф.Е. Мейендорфа от 20 марта 1917 г. за № 8094 о назначении в приют думского комиссара. ВКГД назначил комиссаром депутата А.Г. Ратькова-Рожнова³. 25 марта 1917 г. за № 600 ему было выписано комиссарское удостоверение⁴, и в этот же день за № 602 об этом назначении уведомлен почетный попечитель приюта⁵. 24 марта ВКГД рассмотрел письмо заведующего Отделом сношений с провинцией А.Я. Тимофеева от 20 марта за № 42, в котором до сведения думского Комитета доводились факты, поступившие от депутата И.И. Циммера о положении колонистов Донской области. Циммер сообщал, что колонисты 50 селений «воздерживаются от засева земли из-за опасения, что земля от них будет отобрана». Тимофеев писал: «Депутат Циммер, как колонист, мог бы быть полезен для командирования в названные колонии, причем он изъявил свое согласие поехать». Предложение Тимофеева о командировании Циммера думский Комитет отклонил⁶. 24 марта думскому Комитету была доложена телеграмма от 23 марта, что депутаты Государственной думы кн. К.М. Шаховской, П.П. Кузьмин и П.М. Макогон, командированные на Юго-Западный фронт, «начали объезд частей шестого корпуса». На телеграмме стоит пометка «к делу о донесениях комиссаров»⁷, которая свидетельствует о том, что в думском Комитете рассматривали командированных депутатов и как своих комиссаров.

На этом же заседании Временный комитет Думы занимался и другими вопросами. Так, им была утверждена просьба казначея ВКГД Н.М. Панкеева о приглашении на должность помощника счетовода А.И. Петрова «с окладом в 225 руб. в месяц»⁸. ВКГД удовлетворил просьбу депутата Государственной думы Г.В. Гутопа от 13 марта 1917 г. о вознаграждении сотрудников созданного им Справочного бюро⁹. Гутоп писал, что в нем работали 12 человек из числа студентов, слушательниц высших женских курсов и др., «затративших на это в общей сложности 39 дней и ради этой работы оставивших свои занятия, дававшие им заработки (уроки и проч.)». Гутоп также сообщал: «Число лиц, обращающихся за справ-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 19–20.

² Там же. Л. 36. Речь идет о сопровождении великого князя Николая Николаевича в Ливадию.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 113.

⁴ Там же. Д. 6. Л. 130.

⁵ Там же. Д. 7. Л. 142.

⁶ Там же. Л. 119.

⁷ Там же. Оп. 5. Д. 1348. Л. 43.

⁸ Там же. Оп. 10. Д. 14. Л. 17.

⁹ Там же. Л. 13.

ками, теперь сильно сократилось, и я предполагаю с 15 сего марта прекратить действие Справочного бюро»¹. На ходатайстве Гутота стоит резолюция: «выдать по 3 руб. за день»². 25 марта за № 603 управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка довел до сведения казначея ВКГД Н.М. Панкеева о разрешении думского Комитета «выдать вознаграждение в размере трех рублей за день» лицам, работавшим в Справочном бюро, которое организовал Гутот. Глинка писал Панкееву, что «список лиц, коим подлежит выдача вознаграждения, <...> будет сообщен Вам членом Государственной думы Гутотом»³.

25 марта 1917 г. думскому Комитету была доложена почто-телеграмма министра торговли и промышленности А.И. Коновалова от 22 марта на имя министра-председателя, переправленная ему с резолюцией кн. Г.Е. Львова: «Просить председателя Государственной думы». Коновалов писал о беспорядках на фарфоровой и фаянсовой фабриках «Товарищества И.Е. Кузнецова» в Волхове Новгородской губернии. Рабочие начали забастовку 1 марта. Они, как сообщал Коновалов, «подвергли длительным истязаниям и издевательствам председателя Правления Товарищества И.Е. Кузнецова, требуя от него под угрозой смерти увеличения заработной платы в 3–4 раза». Местные органы власти, созданные при активном участии рабочих, и милиция в конфликт вмешиваться не стали. Поэтому для расследования и «содействия к установлению порядка» министр А.И. Коновалов просил министра-председателя кн. Г.Е. Львова ходатайствовать перед ВКГД о посылке в Волхов «особого комиссара Комитета». ВКГД решил командировать депутатов Е.Г. Колбинцева и А.И. Чистова⁴. 28 марта Управление делами ВКГД просило их прибыть 29 марта в Управление (комн. № 51 Таврического дворца) «для переговоров по вопросу о командировках»⁵.

ВКГД на этом же заседании рассмотрел обращение самарских депутатов Государственной думы священника С.А. Крылова, И.С. Ключева и А.М. Наумова от 25 марта, в котором они сообщали, ссылаясь на телеграмму самарского губернского комиссара на имя министра внутренних дел, о начавшихся в Николаевском и Бугульминском уездах Самарской губернии погромах «экономий со стороны крестьян на почве самовольного отчуждения земли до Учредительного собрания», а также и о беспорядках, направленных на прекращение трактовой почты. Депутаты просили ВКГД принять меры для прекращения беспорядков в этих уездах. Временный комитет Думы принял решение командировать в Самарскую губернию депутатов священника С.А. Крылова и И.С. Ключева⁶. 26 марта им были выписаны удостоверения, которые они по-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 13 об.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 129.

⁵ Там же. ЛЛ. 160–161.

⁶ Там же. Д. 7. Л. 138.

лучили 27 марта 1917 г.¹. Подчеркнем, что эти командировки ВКГД организовал самостоятельно, т.е. без согласования с МВД. Но позднее согласование было де-факто проведено. 28 марта за № 6944 Департамент общих дел МВД по I отделению писал во Временный комитет Думы: «Из полученных с мест сведений усматривается необходимость в поездке кого-либо из членов Государственной думы в г. Самару»². В этот же день товарищ министра внутренних дел был уведомлен управляющим делами ВКГД за № 723, что в Самарскую губернию «Комитетом командированы члены Государственной думы И.С. Ключев и от[е]ц С.А. Крылов»³. 25 марта думскому Комитету были доложены телеграммы М.А. Караулова и С.Т. Варун-Секрета. Караулов направил 22 марта свою телеграмму председателю Совета министров, военному министру и председателю Государственной думы. В ней Караулов писал: «Согласно новому положению[,] одобренному войсковым кругом [во] Владикавказе ... звание войскового атамана вполне совместимо [со] званием члена Государственной думы[,] ибо войсковой атаман [в] новых условиях ест[ь] только председатель казачьей земской управы»⁴. В телеграмме Елисаветградского уездного комиссара депутата Государственной думы С.Т. Варун-Секрета от 24 марта сообщалось, что на призыв Государственной думы «население откликнулось и из разных концов [в] управу поступают для армии пожертвования хлебом и деньгами»⁵. На телеграммах стоит резолюция: «К делу».

Думский комитет рассматривал и ходатайства о выделении денежных пособий различным организациям. 25 марта ВКГД рассмотрел просьбу президиума Союза офицеров-республиканцев «отпустить в его распоряжение 200000... рублей из сумм, пожертвованных г. Денисовым». На ходатайстве стоит резолюция: «партийная организация[,] отклонить»⁶. 26 марта ВКГД за № 618 сообщал председателю Союза офицеров-республиканцев Народной армии, что думский Комитет «не считает возможным отпускать какие-либо кредиты организациям, преследующим партийные цели»⁷.

27 марта 1917 г. на заседании думского Комитета выступил депутат А.Г. Лелюхин с докладом о поездке в 5-ю армию Северного фронта. А.Г. Лелюхин напомнил, что был командирован ВКГД совместно с В.Н. Полуниным 18 марта, а выехали они 19 марта⁸. Лелюхин обратил внимание на отношение к депутатам Думы. Например, он заметил, что «в течение всего пребывания нашего в Двинске отношение к нам армии и населения было всегда чрезвычайно сердечное, порой переходившее

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 6. ЛЛ. 131–132.

² Там же. Д. 7. Л. 166.

³ Там же. Л. 167.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 1348. Л. 37.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Оп. 10. Д. 14. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 1348. Л. 261.

в восторженные манифестации»¹. Говоря о своем общем впечатлении от поездки, Лелюхин заявил: «... угар первых дней революции ... прошел, и наступил период спокойного обсуждения и уяснения себе вопросов текущей жизни, причем главное внимание уделяется деловой стороне, имеющей целью устранение трений между солдатами и офицерами и сплочение армии для отражения врага»².

27 марта ВКГД занимался назначением своих комиссаров в благотворительные учреждения. Внесение этого вопроса в повестку дня заседания было вызвано постановлением Временного правительства от 25 марта 1917 года просить ВКГД «назначить комиссарами для благотворительных учреждений» депутатов Государственной думы: 1) Н.И. Антонова — для Романовского комитета; 2) графа Э.П. Беннигсена — для Попечительства о трудовой помощи; 3) князя И.С. Васильчикова — для складов-поездов Александры Федоровны, складов императрицы Марии Федоровны и Комитета о военнопленных; 4) князя И.С. Васильчикова и М.Л. Киндякова — для Комитета великой княгини Марии Павловны по снабжению одеждой солдат; 5) М.М. Ичаса — для Алексеевского главного комитета; 6) М.Л. Киндякова — для военно-санитарных организаций великой княгини Марии Павловны; 7) И.С. Ключева — для учреждений, состоящих при Доме призрения и ремесленного образования бедных детей в Петрограде; 8) Е.П. Ковалевского — для Скобелевского комитета, Царскосельского ремесленного приюта и благотворительных учреждений, состоящих при бывшей Собственной его императорского величества канцелярии³. 26 марта управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков за № 283 просил председателя Государственной думы М.В. Родзянко назначить, согласно постановлению Временного правительства от 25 марта, комиссаров ВКГД в благотворительные учреждения. В письме был приведен список комиссаров с указанием благотворительных учреждений в соответствии с правительственным постановлением. 3 апреля 1917 г. М.В. Родзянко поставил резолюцию на этом документе: «Полагаю, что управляющий делами Вр[еменного] пр[авительства] не вправе обращаться с подобными просьбами помимо личного обращения председ[ателя] Совета министров»⁴. ВКГД все-таки провел назначения своих комиссаров в благотворительные учреждения, не следуя в полной мере правительственному списку комиссаров, а также введя должность заместителя комиссара и пополнив перечень благотворительных учреждений: для складов-поездов Александры Федоровны, складов императрицы Марии Федоровны вместо правительственного кандидата Е.П. Ковалевского — Н.И. Антонов и заместителем его М.Л. Киндяков; для военно-санитарных организаций Марии Павловны

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 265.

² Там же. Л. 271.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Март — октябрь 1917 г. М., 2001. Т. 1. С. 167, журн. № 29.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 271.

и Виктории Федоровны (последнее учреждение в правительственном перечне отсутствовало!) — М.Л. Киндяков и его заместителем Я.А. Львов; в Скобелевский комитет для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам вместо Е.П. Ковалевского — А.З. Танцов¹. О принятом решении были поставлены в известность министр-председатель 27 марта за № 721², а 28 марта за № 711 председательница Скобелевского комитета о назначении Танцова³ и за № 712 комиссар ВКГД над Главным управлением РОКК и состоящих в его ведении учреждений князь И.С. Васильчиков обо всех комиссарах, назначенных ВКГД⁴. Можно предположить, что факт неполного и скорректированного по учреждениям и персональному составу назначения думских комиссаров был вызван именно тем, что просьба поступила не от министра-председателя, а от управляющего делами Временного правительства.

Временный комитет Думы также рассмотрел письмо депутата Н.И. Родзевича от 24 марта 1917 г., в котором содержалась просьба командировать его в Рязанскую губернию на 10–12 дней. Родзевич писал: «Насколько я убедился при посещении в последнее время разных городов и местностей, — везде приезд на места посланцев от Временного правительства[,] учрежденного Государственной думой, — членов Думы, — являются весьма желательным[,] везде живое слово и устные беседы оказывают благотворное влияние в смысле успокоения, установления порядка, перехода к терпеливому исполнению своих обязанностей и к установлению именно желательной связи с Государственной думой[,] и с Временным правительством». Думский Комитет просьбу Родзевича отклонил⁵. Кроме этого, была доложена записка депутата Государственной думы Б.А. Энгельгардта от 26 марта 1917 г., в которой сообщалось о необходимости отправить депутата Государственной думы «в г. Орел и г. Петровск Саратовской губ[ернии,] где назревают крупные беспорядки». Думский Комитет решил «запросить правительство»⁶. 28 марта за № 720 соответствующий запрос на имя министра-председателя был ВКГД сделан⁷. 27 марта ВКГД была доложена телеграмма депутата IV Государственной думы С.А. Калинина из Ижевского завода: «Арестованных освободили и заводы работают». Под телеграммой стоит подпись: «Комиссар Калинин». Телеграмма принята ВКГД «к сведению»⁸.

Временный комитет Думы на заседании 27 марта постановил образовать под председательством члена ВКГД А.Г. Раткова-Рожнова «особую комиссию для рассмотрения поступающих в Комитет ходатайств о выдаче пособий лицам, пострадавшим в связи с революционным движени-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 154.

² Там же.

³ Там же. Л. 155.

⁴ Там же. Л. 156.

⁵ Там же. Л. 135.

⁶ Там же. Л. 148.

⁷ Там же. Л. 164.

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 1348. Л. 44.

ем». Причем Комитет Думы уполномочил Ратькова-Рожнова пригласить в эту комиссию «пять членов» по его усмотрению¹. На этом же заседании думскому Комитету были доложены два прошения о выдаче денежных пособий. Первое из них поступило от вольноопределяющегося 7-го Кавказского стрелкового полка М.И. Лошкина, который получил 27 февраля на Литейном проспекте огнестрельное ранение правого глаза². Второе прошение подал прапорщик 244-го пехотного запасного полка Ф.Ф. Триполец, раненный 27 февраля³. Оба этих прошения ВКГД передал в только что созданную им комиссию Ратькова-Рожнова.

В этот же день думский Комитет занимался рассмотрением и других вопросов. Среди них приглашения: «почтить своим присутствием концерт симфонического оркестра гвардии Гренадерского полка» в Государственном Александринском театре 26 марта 1917 г., «съезд к 7 час. вечера», «место: бывшая царская ложа (против сцены)»⁴; «пожаловать на концерт» симфонического оркестра гвардии Преображенского полка в Государственном Мариинском театре 26 марта в 1 час дня, место: «бывшая царская ложа»⁵. Кроме этого, была доложена просьба депутата Государственной думы Б.А. Энгельгардта выдать Союзу офицеров-республиканцев 200 руб. на их печатный орган. На ходатайстве стоит резолюция: «отложить, пригласить Энгельгардта»⁶. Видимо, Б.А. Энгельгардт был сразу же приглашен на заседание, т.к. ВКГД 27 марта постановил выдать Союзу офицеров-республиканцев Народной армии 150 руб. Что касается приглашений на концерты, то думский Комитет постановил: «отпустить из сумм Комитета за предоставленные ложи в Мариинском и Александринском театрах на концерты, состоявшиеся 26 марта», по 150 рублей комиссиям по их устройству⁷.

Думский комитет также рассмотрел отношение канцелярии Св. Правительствующего Синода от 24 марта за № 374 в Казначейство Государственной думы о средствах Александро-Невской лавры в размере 22000 руб., которые в дни Февральской революции были отобраны у казначей Лавры воинским отрядом и переданы ВКГД. Духовный собор Свято-Троицкой Александро-Невской лавры в заявлении от 24 марта за № 731 сообщил обер-прокурору Св. Синода о том, что думский Комитет готов возвратить эти деньги, «выразив пожелание», чтобы они «были обращены в пользу семейств падших и пострадавших при защите нового государственного строя и вообще жертв старого режима». Обер-прокурор Св. Синода сообщил об этом пожертвовании министру юстиции и просил «сделать распоряжение о принятии означенных денег в Казначействе Государственной думы и о передаче их в Комитет, заведующий

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 31.

² Там же. ЛЛ. 3–4.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 14. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 122.

⁷ Там же. Л. 22.

делом помощи помянутых лиц». Канцелярия Св. Синода просила передать 22000 руб. уполномоченному Министерству юстиции. На отношении стоит резолюция: «деньги выдать»¹. 28 марта ВКГД за № 714 уведомил казначея ВКГД о своем постановлении выдать 22000 рублей, принадлежащие Духовному собору Александро-Невской лавры, «уполномоченному министром юстиции на получение этих денег для передачи их Комитету по оказанию помощи семействам павших и пострадавших при защите нового государственного строя»².

28 марта 1917 г. Видимо, на этом заседании ВКГД провел назначения комиссаров в благотворительные учреждения: для Попечительства о трудовой помощи — граф Э.П. Беннигсен; для Романовского комитета — Н.И. Антонов. Об этом 29 марта были уведомлены как депутаты³, так и учреждения, в которые они были назначены комиссарами⁴, а 30 марта за № 750 и министр-председатель⁵. В этот раз ВКГД провел на комиссарские должности правительственных кандидатов.

Думский Комитет рассмотрел заявление депутата А.В. Иванова от 28 марта, в котором содержалась просьба о командировании его на фронт. Иванов писал: «Могу выехать 31 марта и пробыть на фронте Пасху». ВКГД решил командировать его на Северный фронт⁶. Но командировка не состоялась, т.к. А.В. Иванов получил другое назначение. 28 марта была рассмотрена телеграмма от солдат и служащих ст. Колпаково, адресованная председателю Государственной думы. В ней сообщалось о массовом отъезде горнорабочих Донецкого бассейна. Авторы телеграммы просили «содействия путем посылки делегатов». На телеграмме стоит резолюция: «Ввиду командировки Добровольского и Тулякова [принять] к сведению»⁷.

28 марта ВКГД были доложены телеграммы председателя общего собрания чиновников и учащихся Шенкурского уезда Архангельской губернии Галкина с жалобой на действия депутата Государственной думы П.А. Леванидова⁸. Заметим, что Леванидов в ходе крестьянского съезда Шенкурского уезда был избран председателем уездной народной управы⁹ и, выступая 26 марта на съезде, призвал к устранению представителей старой власти, что и вызвало резкий протест чиновников правительственных учреждений. В первой телеграмме, адресованной председателю Совета министров и в копии председателю Государственной думы М.В. Родзянко, Галкин писал, что «среди части населения

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 24.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Д. 7. ЛЛ. 180, 181.

⁴ Там же. ЛЛ. 178, 182.

⁵ Там же. Л. 183.

⁶ Там же. Д. 7. Л. 172.

⁷ Там же. Л. 196.

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 1364. ЛЛ. 2–3.

⁹ Овсянкин Е.И. Леванидов Петр Александрович // Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 222.

Шенкурского уезда под влиянием пропаганды члена Государственной думы Леванидова <...> создало враждебное отношение к чиновникам и учащим». По словам автора телеграммы, Леванидов заявил в речи на крестьянском съезде: «долой чиновников[,] довольно им сидеть на нашей шее». Галкин сообщал, что «создавшееся положение вселяет тревогу среди чиновников и учащихся за возможность нормального исполнения служебных обязанностей и за порядок в уезде»¹. Во второй телеграмме, адресованной министру земледелия А.И. Шингареву и в копиях: председателю Совета министров, председателю Государственной думы и министру юстиции, Галкин рассказал о речи старшего таксатора Левина, выступившего на крестьянском съезде 26 марта, как представителя Общественного комитета. Левин проводил в ней «идею всемерной поддержки Временного правительства» и выступил «против огульных обвинений чиновничества и призывов к их поголовному устранению». Леванидов, по словам заявителя, обвинил Левина в провокации и потребовал его увольнения. Галкин обвинил Леванидова в злоупотреблении авторитетом депутата Государственной думы². Активность Галкина, который опирался на поддержку 53 участников общего собрания чиновников и учащихся Шенкурского уезда³, возымела действие. На первой телеграмме стоит резолюция: «просить вернуться»⁴. Иначе говоря, думский Комитет принял решение возвратить Леванидова в Петроград.

29 марта 1917 г. на заседании ВКГД была доложена телеграмма генерала от кавалерии В.И. Гурко от 28 марта 1917 г., адресованная председателю Государственной думы. Гурко писал, что «в Особой армии надобности в командировании для восстановления спокойствия представителей Временного правительства или Государственной думы не встречалось[,] так как я сам шел впереди движения». Что касается войск Западного фронта, то здесь, по словам Гурко, «события пошли иным путем, и потребовалось посещение членами Думы воинских частей, и как показал опыт[,] оно вносит значительное успокоение». Далее он сообщил, что депутаты Думы, командированные на фронт, «уже возвращаются в Петроград». В связи с этим Гурко просил «о спешном командировании кого[-]либо из членов Государственной думы в Быхов на Днестре», где «в 711 полку на почве смены начальства постановлением полкового комитета очень беспокойно». Кроме этого, «очень желательно постоянное пребывание авторитетного члена Думы при фронте[,] дабы в экстренных случаях пользоваться его помощью». ВКГД постановил командировать депутатов А.В. Иванова и С.Ф. Грибунина⁵ в г. Быхов и в район расположения армий Западного фронта, о чем 30 марта были поставлены в известность за № 747 командование Западного фронта⁶

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1364. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Оп. 10. Д. 7. ЛЛ. 185–186.

⁶ Там же. Л. 194.

и за № 749 директор Департамента общих дел МВД¹. Временный комитет Думы принял к сведению телеграмму Почепского волостного комитета Черниговской губернии с просьбой командировать депутата Государственной думы для объединения двух конкурирующих между собой волостных комитетов². Временному комитету была доложена телеграмма депутата Государственной думы И.Т. Евсеева. В ней Евсеев сообщал, что выехал из Ревеля, в котором «все спокойно», в Петроград 26 марта, но в пути заболел и оказался в Ямбургском лазарете из-за бронхита, осложненного малярией. Он просил на время своего отсутствия назначить в Ревель другое лицо, т.к. «постоянное присутствие члена Государственной думы необходимо». На телеграмме стоит пометка: «К наряду докладов членов Г[осударственной] д[умы]»³. Думский Комитет ознакомился с телеграммой депутата Государственной думы П.А. Леванидова, в которой он сообщил о работах съезда крестьянских уполномоченных Шенкурского уезда Архангельской губернии 25 и 26 марта 1917 г. По словам депутата, «съезд принял резолюцию повиноваться Временному правительству и вести войну до победного конца». Кроме этого, крестьянский съезд «для охраны спокойствия и устройства народного хозяйства в отсутствие земства временно[,] впред[ь] до издания закона[,] учредил народную уездную управу из семи лиц[,] выбранных съездом». Леванидов писал, что он «рекомендовал чиновникам служить Родине», а учителям не прерывать занятия. Депутат пожаловался на то, что некоторые чиновники мешают «планомерной работе съезда», и просил ВКГД «призвать их к спокойствию и работе и не вмешиваться в дела крестьянского съезда»⁴. Временный комитет Думы, следуя уже принятому 28 марта решению, отправил 29 марта телеграмму Леванидову, в которой просил его вернуться в Петроград⁵.

29 марта ВКГД впервые рассмотрел документы, полученные из Комиссии по выдаче пособий жертвам революции и их семьям. Она должна была начать свою работу 29 марта 1917 г. в 17 час.⁶ Комиссия в составе А.Г. Ратькова-Рожнова, И.Ф. Половцева, Ф.О. Кейниса и Д.Н. Сверчкова изучила 29 марта два прошения и одно из них удовлетворила, назначив к выдаче 700 руб. Прошение, удовлетворенное Комиссией, было подано во Временный комитет Думы О.Е. Никольской, корректоршей Канцелярии Государственной думы, в связи гибелью ее 15-летнего сына, ученика 5-го класса реального училища А.И. Гельда Александра Никольского. Он был смертельно ранен 27 февраля в 3-м часу дня в воротах своего дома ружейным выстрелом из окна здания Судебных установлений⁷. В бессознательном состоянии сын Никольской был доставлен

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 191.

² Там же. Л. 173.

³ Там же. Оп. 5. Д. 1348. Л. 51.

⁴ Там же. ЛЛ. 49–50.

⁵ Там же. Д. 1364. Л. 6.

⁶ Там же. Оп. 10. Д. 17. ЛЛ. 31–31 об.

⁷ Там же. Л. 1.

в помещение бывшего лазарета Фарфорового завода. Врач А. Николаев, оказав Александру Никольскому первую помощь, отправил его «ввиду закрытия лазарета» «в ближайший лазарет на Воскресенском проспекте, и дорогой мальчик, не приходя в сознание, скончался»¹. Никольская писала: «Ввиду того, что хоронить его мне пришлось в самые тревожные дни (3 марта), самые скромные похороны стоили мне очень дорого (670 р.), средств же[,] кроме небольшой пенсии после мужа[,] я не имею, почему и прошу Временный комитет Государственной думы прийти мне на помощь». Думский комитет утвердил решение Комиссии помощи жертвам революции² и сообщил 30 марта за № 746 казначею ВКГД о своем постановлении — «выдать корректорше Канцелярии Государственной думы Ольге Евграфовне Никольской пособие в размере семисот рублей в возмещение расходов по похоронам ее сына, убитого в дни революции»³. Второе прошение, переданное в думский Комитет, поступило в Комиссию Ратькова-Рожнова 29 марта от подпоручика 93-го пехотного Иркутского полка С.П. Свиридова. Он был командирован из Ростова в Брянск для закупки провианта и «получил для этой цели десять тысяч (10 000) рублей». Закупив на 7 тысяч руб. вермишели и капусты, 5 марта он предполагал выехать из Брянска в полк, но по дороге на вокзал был ограблен 4 солдатами, которые отняли от него револьвер и 3 000 руб. Свиридов писал в прошении: «<...> я обращаюсь с покорнейшей просьбой выручить меня из безвыходного положения и тем спасти меня и мою семью от гибели». Думский Комитет отклонил просьбу Свиридова⁴. 6 апреля Ратьков-Рожнов в качестве председателя Комиссии писал, что ВКГД принял это решение, т.к. в его распоряжении «не имеется сумм для возмещения убытков казны, хотя бы произошедших не по вине пострадавшего в революционные дни»⁵.

30 марта 1917 г. ВКГД рассмотрел письмо ДОД МВД по I отделению от 28 марта за № 7024, в котором сообщалось, что «из полученных с мест сведений усматривается необходимость в поездке члена Государственной думы в Житомир». Подписавший письмо товарищ министра внутренних дел предложил кандидатуру В.В. Шульгина. Думский Комитет отклонил ее и предложил направить в Житомир Д.Ф. Андро или М.Е. Журавского⁶, оба — депутаты I Государственной думы от Волынской губернии⁷. 31 марта за № 779 об этом решении было сообщено министру внутренних дел⁸. На этом же заседании Временный комитет Думы отклонил просьбу Отдела сношений с войсками и населением от 30 марта

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 2.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 157.

⁷ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 21, 194.

⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 195.

за № 439 о командировании депутатов Государственной думы А.А. Назарова на Западный фронт и А.В. Иванова на Северный фронт (г. Рига)¹. Думскому Комитету была доложена телеграмма депутатов В.В. Лашкевича и А.А. Добровольского из Харькова. В ней они поделились своими впечатлениями от совещаний с промышленниками и рабочими. Депутаты считали «настоятельно необходимым объединение всего добываемого угля [в] руках государства и принятия им на себя распределения топлива и расчетов за него». Лашкевич и Добровольский утверждали, что промышленники поддержат эти меры. На телеграмме стоит пометка: «К наряду донесений депутатов Г[осударственной] д[умы]»².

Таким образом, с 20 и по 30 марта 1917 года включительно состоялось 8 заседаний Временного комитета Государственной думы: 20, 21, 24, 25, 27, 28, 29 и 30 марта. Имеющиеся материалы не дают возможность в полной мере восстановить сценарий заседаний думского Комитета в изучаемый период. Можно лишь предположить, что в тех случаях, когда возникала необходимость обсудить какой-либо важный политический вопрос, то он шел первым в повестке дня (польский вопрос, 21 марта), вслед за ним заслушивались доклады членов ВКГД (доклад И.Н. Ефремова, 21 марта). В том случае, если политических вопросов не обсуждалось, то первыми шли доклады депутатов Государственной думы, вернувшихся из командировок (А.Г. Лелюхин, 27 марта). Затем, видимо, производились назначения комиссаров и принимались решения о командировках. В большинстве случаев этот пункт повестки заседаний ВКГД формировался за счет внешнего фактора (13 случаев) и, в первую очередь, благодаря просьбам, которые поступали от Временного правительства (7 случаев). В связи с этим заметим, что иногда думский Комитет отклонял их. Можно утверждать, что происходило это тогда, когда они (просьбы) поступали от Управления делами Временного правительства (Гиршбаум, УДВП: комиссары для сопровождения принца Александра Петровича Ольденбургского, великого князя Бориса Владимировича, великой княгини Ксении Александровны, 20 марта), министров (Н.В. Некрасов, министр путей сообщения, 21 марта) и комиссаров Временного правительства (Ф.А. Головин, комиссар над б. МИДв, 21 марта). Просьбы, как правило, удовлетворялись в том случае, если поступали от министра-председателя или из МВД. Просьбы с мест чаще принимались к сведению — два случая из трех (28 и 29 марта), видимо, потому, что поступали напрямую, а не из МВД. Исключением стало решение ВКГД на сообщение Галкина из Шенкурска о депутате П.А. Леванидове (28 марта). Думский Комитет удовлетворил просьбы, во-первых, императрицы Марии Федоровны (20 марта), генерала В.И. Гурко (29 марта) и почетного попечителя Мариинского приюта для ампутированных и увечных воинов

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 190.

² Там же. Оп. 5. Д. 1348. Л. 52.

барона Ф.Е. Мейендорфа (24 марта). В меньшей степени формирование этого пункта повестки зависело от обращений депутатов Государственной думы, которые просили отправить их в командировки или предлагали других депутатов в качестве кандидатов на поездки в провинцию или на фронт. Любопытно, что из 9 случаев таких обращений было удовлетворено только 2! Думский комитет также рассматривал телеграммы депутатов Государственной думы, которые сообщали о положениях на местах.

Несомненно, что думский Комитет и в последней декаде марта 1917 года играл важную роль в функционировании механизма временной власти, назначая комиссаров в благотворительные учреждения (6 комиссаров и 2 заместителя, 8 благотворительных учреждений), направляя депутатов Государственной думы в действующую армию (С.Ф. Грибунин, А.В. Иванов, Западный фронт, 29 марта) и на места для успокоения населения и войск (4 командировки, 7 депутатов: А.А. Бубликов, И.В. Титов, Сергинско-Уфалейские горные заводы, 20 марта; В.В. Лашкевич, Донецкий бассейн, 20 марта; Е.Г. Колбинцев, А.И. Чистов, Волхов, 25 марта; С.А. Крылов, И.С. Клюжев, Самарская губ., 25 марта). Подчеркнем, что Временное правительство и в рассматриваемый период продолжало согласовывать с ВКГД вопросы как при назначении думцев комиссарами, так и при командировании депутатов Государственной думы на места. При этом они приобретали двойные — думско-правительственные — полномочия. Укажем, что известен случай, когда ВКГД командировал депутатов на места без согласования с МВД (С.А. Крылов и И.С. Клюжев, Самарская губ., 25 марта), хотя в дальнейшем оно де-факто и было проведено.

ВКГД занимался также созданием своих новых структур, принимая участие в их деятельности. Речь в первую очередь идет о думской благотворительности, которая осуществлялась через Комиссию по выдаче пособий жертвам революции и их семьям.

ПОДГОТОВКА К СОЗЫВУ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В МОСКВЕ

МАЛЫШЕВА ОЛЬГА ГЕРАЛЬДОВНА,

доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории
Московского городского педагогического университета
(Москва, Россия);
e-mail: malysheva_o56@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены особенности подготовки к выборам в Учредительное собрание в Москве и Московской губернии, трудности, которые нарастали по мере приближения сроков выборов. Предпринята попытка не просто реконструировать предвыборные настроения и ожидания москвичей, но и оценить результаты выборов.

Ключевые слова: Учредительное собрание, избирательная кампания, Московская окружная избирательная комиссия, выборы в Учредительное собрание в Москве.

1917 год стал последним годом существования монархии в России. В начале марта после событий в Петрограде, положивших начало Великой российской революции, последовало отречение императора Николая II. Временное правительство, возглавившее страну, взяло курс на подготовку созыва Учредительного собрания. Российское общество бурно реагировало на события в Петрограде. Не стала исключением и Москва. Падение монархии, отречение императора и смена власти прошли в городе относительно бескровно.

Подготовка к созыву Учредительного собрания началась буквально с первых дней деятельности Временного правительства. Так, 3 марта была принята «Декларация Временного правительства о его составе и задачах». Заметим, что в этом документе был поименно определен состав правительства, а также первоочередные задачи его деятельности, среди которых (пункт 4) значилось: «Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны»¹. Это означало перевод подготовки созыва Учредительного собрания в практическую плоскость. При этом определиться с датой выборов Временное правительство не могло по вполне понятным причинам. Во-первых, на разработку избирательного закона на принципиально новых условиях (об этом чуть ниже) требовалось время; во-вторых, не было опыта подготовки и проведения таких широкомасштабных выборов; в-третьих, препятствовала этому неразбериха в стране, вызванная сменой власти, и кризисные явления во всех сферах жизни только нарастали; и, наконец, продолжавшее-

¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М., 1957. С. 419.

ся участие России в Мировой войне ставило под сомнение возможность проведения выборов в нормальном режиме. Не случайно дата выборов неоднократно переносилась Временным правительством, пока не было окончательно отнесена на 12–14 ноября.

Между тем идея созыва Учредительного собрания, которое должно было решить судьбу страны, все больше овладевала общественными настроениями. Отчасти это объяснялось тем, что календарная весна 1917 года совпала с весной политической. В стране наблюдался резкий всплеск общественной активности, что проявилось в росте числа партий, групп, союзов и объединений, заявлявших о своем намерении идти на выборы в Учредительное собрание. Именно Учредительное собрание виделось тогда большинству россиян единственным возможным способом решения вопроса о власти. Одно то обстоятельство, что в выборах приняли участие 59 такого рода образований, 18 из которых провели своих депутатов в Учредительное собрание¹, — убедительное тому подтверждение.

Уже 8 марта 1917 г. Временное правительство поручило образованному при нем Юридическому совещанию составить план мероприятий по разработке Положения о выборах Учредительного собрания. Однако вскоре выявилась потребность в создании для этого специального органа. 25 марта правительство учредило Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах, лишь через месяц утвердив состав его членов. Среди них были ведущие юристы страны Ф.Ф. Кокошкин, Н.И. Лазаревский, В.М. Гессен, С.А. Котляревский, Б.Э. Нольде и др. Затяжка, впрочем, была обусловлена тем, что правительству пришлось отказаться от разработки проекта силами одних юристов, учитывая заинтересованность в данном вопросе разных партий и организаций, утрясая с ними персональный состав совещания. Лишь 25 мая Особое совещание, в которое вошли ведущие эксперты по вопросам государственного права, статистики, политические и общественные деятели различных толков и направлений, открылось под председательством Ф.Ф. Кокошкина. Впоследствии совещание разрослось до сотни членов, а его аппарат стал настолько громоздким, что уже и нельзя было рассчитывать на быстрое окончание его работ и скорое назначение выборов.

Работа над избирательным законом велась очень тщательно, обсуждались самые мелкие детали, а это требовало времени. В результате избирательный закон по выборам в Учредительное собрание стал, с одной стороны, лучшим из существовавших на то время: он предусматривал всеобщее избирательное право, наделял правом голоса женщин, солдат действующей армии, исключал имущественный, образовательный ценз, ценз оседлости. К слову, всеобщее избирательное право было по этому закону в России, в то время как в Англии его имели только 30 % населения. С другой стороны, детализация самых мелких вопросов привела к тому, что разработка избирательного закона сильно затянулась. Положе-

¹ Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник / Сост. А.А. Танин-Львов. М., 2001. С. 310–311.

ние о выборах выходило в свет по частям по мере готовности и дорабатывалось уже непосредственно в ходе избирательной кампании.

Обратимся к подготовке выборов в Московском регионе. Москва имела внушительный опыт подготовки и проведения выборов в Государственные думы четырех созывов, который можно считать образцовым. Благодаря тщательной работе Московской городской управы были собраны, обобщены и изданы все данные по организации и проведению выборов¹. Материалы по выборам в четвертую Думу были собраны, проанализированы, но не опубликованы из-за начавшейся войны. Эти отчеты стали уникальным источником, позволяющим реконструировать все детали и особенности работы по организации и проведению выборов в крупном столичном городе. Подобных сведений по другим городам нет². Не комментируя содержание этих материалов, отметим только, что они свидетельствуют о накоплении столичной управой опыта в организации и проведении выборов, составлении списков избирателей, технических тонкостях, сопровождавших эту работу. Этот опыт стал поистине бесценным при организации выборов в Учредительное собрание в столь сжатые сроки.

Между тем, явный недостаток времени на подготовку к выборам порождал критическое отношение москвичей к этому в целом. Так, в газете «Московские Ведомости» после назначения даты выборов на 30 сентября была опубликована статья с говорящим названием «*Снеука*». В ней содержалась конструктивная критика в адрес Временного правительства по подготовке выборов. В частности, говорилось о том, что «...у нас правительство не творит и не работает, а производит какую-то головоломную скачку с препятствиями: оно несется впереди всех, но не по своей воле, а потому, что его толкает в спину наседающая на него безликая и обезумевшая толпа». Автор статьи высказывает сомнение в оправданности такой поспешности и задается вопросом: «С какой стати проявлена такая стремительность в этом насущнейшем и важнейшем для государства деле? Для русских людей Учредительное собрание — это последняя и единственная надежда. Все ожидают его с замиранием сердца, потому что оно, — и только оно одно, — должно принести народу закон, порядок и мир. Задача Учредительного собрания — определить все дальнейшее течение русской истории. Оно должно устроить Россию не на день, не на год, а в „долготу веков“». Естественно, что к такому великому свершению нужно готовиться не в какой-то лихорадке искусственной спешки, а исподволь, серьезно и обдуманно. К тому же всеобщие выборы в Учредительное собрание — это такое огромное и сложное дело, что его нельзя

¹ См.: Выборы по г. Москве в Государственную думу первого призыва. Отчет Московской городской управы. М., 1908; Выборы по г. Москве в Государственную думу второго призыва. Отчет Московской городской управы. М., 1908; Выборы по г. Москве в Государственную думу третьего призыва. Отчет Московской городской управы. М., 1908;

² См. подробно: *Малышева О.Г.* Избирательная система и избирательная практика в период думской монархии. М., 2017. С. 184–185.

оборудовать в краткий срок, иначе они будут эфемерны и станут простой фикцией...»¹. Однако ситуация, сложившаяся летом 1917 г., не оставляла Временному правительству такой возможности.

В начале сентября начала свою деятельность Московская окружная по делам выборов в Учредительное собрание комиссия во главе с председателем Московского губернского исполнительного комитета В.А. Левицким. На первом заседании был утвержден состав комиссии, принято решение об образовании уездных и городских избирательных комиссий и о доставлении «паспорта по делу утверждения состава Московской окружной комиссии» Всероссийской Избирательной комиссии². Одновременно было организовано издание «Известий Московской окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии и Московского губернского избирательного комитета». Издание стало неофициальной частью «Московских губернских ведомостей», что свидетельствует о довольно высоком его статусе. «Известия» сыграют важную роль в оперативном информировании избирательных комиссий в Москве и губернии обо всех принятых решениях и задачах на текущий момент.

По решению Московской окружной комиссии 20 сентября началось составление избирательных списков. Завершить эту работу предполагалось 29 сентября. В избирательные списки «должны были быть занесены лица, которые к 29 сентября окажутся в пределах избирательных участков, а также постоянные жители участка, временно находящиеся в отлучке, которым ко дню 12 ноября с.г. окажется не менее 20 лет от роду»³. Несмотря на колоссальный объем работы: списки избирателей в Учредительное собрание были существенно шире, чем избирателей в Государственную думу, времени, отпущенного на это, было крайне мало, работа была проделана в срок.

В скором времени определился и общий список кандидатов в Учредительное собрание по Московскому (губернскому) округу. Он включал 10 списков представителей партий, объединений и избирательных групп.

Общая численность кандидатов в Учредительное собрание от Москвы и Московской губернии составляла 104 человека. Самыми многочисленными были списки партии народной свободы⁴ (13 чел., в т.ч. видные общественные деятели П.Д. Долгоруков, Ф.А. Головин, Д.М. Щепкин, Ф.Ф. Кокошкин, А.А. Мануйлов); партии социалистов-революционеров (14 человек); Российской социал-демократической рабочей партии (объединенной) (14 чел., в т.ч. Ю.О. Цедербаум (Мартов), Н.Ф. Загорский); Российской социал-демократической рабочей партии интернационалистов (большевиков) (14 чел., в т.ч. В.П. Ногин — председатель Москов-

¹ Московские ведомости. 1917. 20 июня.

² ЦГА Москвы. Ф. 2237. Оп. 6. Д. 1. Л. 9.

³ Переписка Звенигородской уездной управы с Московской окружной комиссией и волостными правлениями по организации выборов в Учредительное собрание // ЦГА Москвы. Ф. 2337. Оп. 6. Д. 8. Л. 11.

⁴ Названия партий и объединений приводятся так, как они были заявлены в общем списке кандидатов — *прим. авт.*

ского Совета рабочих депутатов, Н.П. Мещеряков — председатель Московского губернского Совета рабочих депутатов).

Представительными оказались и списки трудовой народно-социалистической партии (11 чел., в основном врачи, инженеры, деятели кооперации); Всероссийского крестьянского союза (9 чел., все представители крестьян Московской губернии); демократической беспартийной группы членов районных комитетов Сергиева Посада (9 чел); группы земских деятелей (10 чел., в том числе опытные земские деятели С.П. Бахрушин, М.М. Щепкин, князь А.В. Голицын, А.С. Барков). Особенностью московских выборов стало появление отдельного списка старообрядцев всех соглашений (7 чел.) и малочисленной группы общественных деятелей (3 чел., в т.ч. бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев)¹.

Даже при беглом знакомстве со списками кандидатов в члены Учредительного собрания в глаза бросается излишняя распыленность сил, прежде всего представителей либеральной и земской общественности. Незадолго до выборов из информации Московской окружной комиссии от 27 октября узнаем, что кандидаты пяти списков (партии народной свободы, демократической беспартийной группы членов районных комитетов Сергиева Посада, группы земских деятелей, старообрядцев всех согласий и группы общественных деятелей) решили объединить свои усилия в борьбе за голоса избирателей². Однако эта мера оказалась слишком запоздалой и существенно повлиять на исход выборов не смогла. По результатам выборов победу в Москве и губернии одержали представители партии большевиков (свыше 36 % голосов).

Сегодня трудно оценить степень беспристрастности выбора, сделанного российскими избирателями осенью 1917 г. На исход выборов, несомненно, повлияли события, последовавшие с приходом к власти большевиков. Выборы в Учредительное собрание состоялись уже при Советской власти. На завершающий этап предвыборной борьбы и саму организацию выборов, это, несомненно, наложило самый серьезный отпечаток.

Установление Советской власти в Москве сопровождалось кровавыми событиями и стало шоком для жителей. Целую неделю в самом центре древней столицы шли бои: были вырыты окопы, сооружены баррикады, артиллерийскому обстрелу подвергся Московский Кремль. Москва содрогнулась от потоков крови и многочисленных жертв. Сегодня трудно назвать точные цифры погибших, но счет идет на сотни человек.

Это обстоятельство и жесткие меры новых органов власти не оставляли надежды на проведение выборов в демократическом режиме. Бои

¹ Материалы по организации городских выборов в Учредительное собрание // ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 28. Д. 146. Л. 35.

² Переписка с Московской окружной комиссией, Московской уездной земской управой и волостными комиссиями по организации выборов в Учредительное собрание // ЦГА Москвы. Ф. 2337. Оп. 9. Д. 4. ЛЛ. 83–84.

в Москве закончились 3 ноября 1917 г., а 5 ноября, когда в буквальном смысле были «...разверсты могилы и не убраны трупы», Московская окружная комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание обсудила вопрос о дальнейшей работе по организации выборов и пришла к мнению, что поскольку «...закон о выборах в УС не изменен, что, таким образом Московская окружная комиссия должна продолжать свою работу на основании этого закона, что закон этот предусматривает известные гарантии, при соблюдении которых только и возможно правильное проведение выборной работы, что гарантии эти — свобода слова, собраний, печати и неприкосновенности личности — в настоящее время или существенно ограничены, или вовсе уничтожены, что при таком положении Окружная комиссия лишена уверенности в законности и правильности производства выборов в УС, что все эти обстоятельства побуждают Окружную комиссию возвысить свой голос в защиту и восстановление ограниченных и уничтоженных гарантий правильности и законности выборов в Учредительное собрание»¹. С этой целью Московская окружная комиссия обратилась к Московскому военно-революционному комитету (ВРК) с просьбой содействовать проведению выборов с соблюдением свободы печати, слова, собраний, неприкосновенности личности, для чего «немедленно принять меры к восстановлению указанных гарантий, ими ограниченных или вовсе уничтоженных, напечатать в газетах это заявление для осведомления избирателей и сообщить всем Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Московской губернской, уездным, земским и городским управам Московской губернии»². Этот призыв повис в воздухе.

Между тем в Московскую окружную комиссию поступали многочисленные сообщения от уездных комиссий о нарушениях в ходе избирательной кампании и организации выборов. По сообщению представителей с мест в тех уездах, где власть перешла или переходит к ВРК, всякие выступления лиц, не принадлежащие к фракции социал-демократов интернационалистов (большевиков), становились невозможны: запрещались предвыборные собрания и митинги, изымалась вся партийная литература за исключением большевистской. Неприкосновенности личности ораторов не большевиков грозила реальная опасность. Наиболее яркую картину в этом отношении представляли Коломенский, Дмитровский, Богородский, Бронницкий, Подольский уезды Московской губернии, где под угрозой самосуда со стороны большевиков замирало всякое проявление свободы. Доходило до того, что «...в некоторых волостях инструктора работают под ежеминутной угрозой насилия над их личностью (например, учительский персонал в Дмитровском уезде)»³. Как видим,

¹ Переписка Звенигородской уездной управы с Московской окружной комиссией и волостными правлениями по организации выборов в Учредительное собрание // ЦГА Москвы. Ф. 2337. Оп. 6. Д. 10. Л. 3.

² Там же. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 3.

ситуацию в момент проведения выборов в Московском регионе нельзя считать нормальной.

Аналогичная картина складывалась по всей стране. Это видно из телеграммы, направленной товарищем председателя Всероссийской избирательной комиссии В.Д. Набоковым на места. Из нее следует, что, обобщив информацию о подготовке к выборам в Учредительное собрание на местах, Всероссийская избирательная комиссия «пришла к заключению, что совершившиеся в Петрограде и Москве и в других городах печальные события самым неблагоприятным и тяжелым образом отразились на всем выборном производстве». Это касалось возникших технических трудностей — неполучением бумаги и конвертов, необходимых для производства выборов, что привело, в том числе, к замедлению печатания избирательных записок (бюллетеней), при этом часть уже напечатанных была уничтожена. К трудностям иного рода относилось то, что смена власти во многих регионах повлекла за собой «полную анархию, сопровождающуюся террором». В этой ситуации выборы неизбежно «будут происходить в напряженной атмосфере гражданской войны и усобицы, грозящей исказить народное представительство»¹.

Так случилось, что статус самой Всероссийской избирательной комиссии на тот момент был весьма неопределенным, более того, новая власть выдворила ее даже из Мариинского дворца, ее штаб-квартиры, и предпринять каких-либо реальных действий она не могла. По этой причине она ограничилась очередным напоминанием о том, что «выборы должны состояться в назначенные сроки всюду, где свободное голосование может быть осуществлено, и где требования законного порядка выборов могут быть исполнены». В противном случае «тягчайшая ответственность перед Родиной падет на всех, кто дерзает покуситься на правильность избрания УС, с которым вся страна связывает ныне свои надежды»².

Дальнейший ход событий известен: выборы в Учредительное собрание (со всеми их издержками) показали, что правящая партия большевиков не получила необходимую поддержку у российских избирателей (всего 22 % голосов). Это предопределило судьбу Учредительного собрания и поставило точку в истории российского парламентаризма начала XX столетия.

¹ ЦГА Москвы. Ф. 2337. Оп. 6. Д. 10. Л. 5.

² Там же.

«ПРЕДСТОИТ УПОРНАЯ БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ, ИСХОД КОТОРОЙ НАДОЛГО ПРЕДОПРЕДЕЛИТ ПУТЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ...»: ПЕТРОГРАДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ НА ВЫБОРАХ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

ТИМОХИНА ДАРЬЯ АРКАДЬЕВНА,
аспирант Института истории
Санкт-Петербургского государственного
университета (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: darktimokhina@gmail.com

Аннотация: В статье на основе материалов Государственного архива Российской Федерации и периодической печати реконструирован ход предвыборной кампании партии народной свободы в Учредительное собрание, рассмотрены особенности ее электоральной политики на разных этапах. Автор приходит к выводу, что кадетам уже в первые пореволюционные месяцы удалось создать разветвленную структуру партийных органов, координирующих предвыборную агитацию, и наладить печатную и устную пропаганду, что обеспечило успех партии на выборах, проходивших в аномальных условиях избирательной борьбы.

Ключевые слова: конституционно-демократическая партия, партия народной свободы, Всероссийское Учредительное собрание, избирательная кампания, электорат.

Историография выборов во Всероссийское учредительное собрание¹ (в том числе и в Петрограде²) весьма обширна, но целый ряд сюжетов, связанных с организацией одним из главных идеологов созыва этого предста-

¹ Особо отметим следующие работы: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период мировой войны и Февральской революции. М., 1988; *Знаменский О.Н.* Всероссийское учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997; *его же.* К истории конфликта между Совнаркомом и Всероссийской избирательной комиссией // Проблемы политической и экономической истории России: Сб. ст. к 60-летию профессора В.В. Журавлева. М., 1998. С. 89–101; *его же.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008; *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

² *Знаменский О.Н.* Выборы в Учредительное собрание в Петрограде // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Сб. ст. Л., 1967. С. 116–132; *Мокеев А.Б.* Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в Петрограде // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2009. № 2. С. 182–186.

вительного органа — партией народной свободы — предвыборной кампании, в столице изучены недостаточно.

Предвыборный марафон столичных кадетов можно условно разделить на три этапа: подготовительный период (март — октябрь 1917 г.), активная фаза избирательной кампании (13–25 октября 1917 г.) и экстремальная агитация после захвата власти большевиками (25 октября — 12 ноября 1917 г.).

На первом этапе кадетский ЦК создал специальную комиссию «для разработки вопросов, связанных с созывом и предстоящей деятельностью Учредительного собрания»¹; столичные кадетские юристы участвовали в выработке Особым совещанием Положения о выборах в Учредительное собрание и в работе Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (Всевыборы). Для координации проведения партийной избирательной кампании в Петрограде и окрестностях была создана Петроградская агитационная комиссия, находившаяся в ведении Всероссийской агитационной комиссии при ЦК партии².

Одним из ключевых вопросов этого этапа стал вопрос о блоках и предвыборных соглашениях³. В Петрограде кадеты заключили техническое

¹ Протокол заседания пленарного состава ЦК и парламентской фракции партии народной свободы с участием членов партии из Государственного совета и из прежних составов Государственной думы 10–13 марта 1917 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. / Сост. Д.Б. Павлов. М., 2000. Т. 3. С. 361. В докладе комиссии на VII партийном съезде о сроках и компетенции Учредительного собрания подчеркивалось, что для его созыва «придется проделать ряд чрезвычайно сложных работ», прежде всего, составить избирательные списки на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования без различия пола, что «почти приближается к всеобщей переписи населения». Ф.Ф. Кокошкин отмечал, что «это будет историческое собрание, которое, может быть, на столетие вперед определит путь нашего дальнейшего развития» (Доклад Ф.Ф. Кокошкина «Об Учредительном собрании» // Съезды и конференции конституционно-демократической партии 1905–1920 гг.: в 3 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 405–407). VII съезд высказался за созыв Учредительного собрания в кратчайший срок, но с соблюдением всех гарантий, необходимых для того, чтоб выборы правильно отразили народную волю. Кадеты настаивали на том, что выборы должны быть организованы так, чтобы «не могло быть потом предъявлено никаких упреков в том, что воле народа не дали проявиться надлежащим образом» (Обсуждение и принятие тезисов по докладу Ф.Ф. Кокошкина «Об Учредительном собрании» // Там же. С. 430). Такой подход к делу привел к тому, что ряд исследователей позже утверждали, что кадеты «последовательно саботировали» Учредительное собрание (Думова Н.Г. Указ. соч. С. 139; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 64–66).

² Так, например, юридический отдел давал консультации по процедуре выборов и вопросам избирательного права, библиотечный — аккумулировал партийную литературу для дальнейшего распространения (Всероссийская агитационная комиссия // Вестник партии народной свободы. 1917. № 20. С. 7). Позже целая серия статей, разъяснявших Положение о выборах, появилась на страницах «Вестника партии народной свободы» (см., напр.: Выборы в Учредительное собрание // ВПНС. 1917. № 14–16. С. 1–6; № 17–8. С. 4–9; № 19. С. 3–6; № 21–22. С. 1–11; № 24–25. С. 2–18).

³ На IX съезде кадеты постарались отмежеваться и от левых, и от правых: «блоки могут заключаться только с партиями, не стоящими на пораженческой точке зрения,

соглашение с Всероссийским торгово-промышленным союзом, а в Петроградской губернии — с Союзом православных приходов, но выдвинули самостоятельные, а не общие с ними списки.

Предвыборная агитация активизировалась в конце августа после обнародования Положения о выборах, объявления даты выборов и окончания муниципальных выборов. Столичные кадеты приступили к составлению списков кандидатов¹. Список был сформирован с явным расчетом на интеллигенцию и учащуюся молодежь². Губернский список возглавляли партийные вожаки В.Д. Набоков, В.М. Гессен, А.С. Ломшаков, за ними шли руководители городских и уездных партийных организаций (А.К. Гольм, Н.А. Колпаков, И.А. Бряннов и др.)³.

Второй этап кадетской предвыборной гонки начался после обнародования списков кандидатов. Была организована серия публичных лекций и митингов⁴. Силами партии была осуществлена проверка списков избирателей и проведен сбор пожертвований⁵. Московский районный комитет предупреждал членов партии, что предстоит «упорная борьба политических направлений, исход которой надолго предопределит путь русской истории»⁶. По справедливому замечанию А.С. Изгоева, избирательная кампания проходила в «чрезвычайно тяжелых» для партии условиях: «К безграмотности и темноте народной присоединяется еще слепое озлобление, вызываемое ленинским большевизмом в городах и эс-эровским большевизмом в деревнях. Оба большевизма действуют одинаково: клеветой, ложью и насилием». Он призывал членов партии приготовиться ко «всякого рода насилиям» со стороны политических противников, вплоть до «мученичества»: «у нас, кадетов, нет ни штыков, ни физической силы, ни толпы.

и не с монархическими партиями. Блоки с национальными, религиозными, бытовыми и вообще непартийными группами должны быть партией использованы (Резолюция о выборах в Учредительное собрание // Съезды и конференции. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 674–675). На X съезде это положение было уточнено: «во избежание потери голосов <...> принимать все доступные меры к соединению списков партий и групп, стоящих на одной с партией народной свободы государственной платформе» (Протокол заседаний X съезда партии народной свободы 14–16 октября 1917 г. // Там же. С. 748).

¹ Любая группа из 100 человек могла не позже, чем за месяц до выборов, заявить список кандидатов. Всего в Петрограде было зарегистрировано 19 списков, в том числе Христианско-демократической партии, Универсальной лиги национальных организаций «Социалистов-универсальеров», Лиги развития народов, Женского союза помощи Родине и др.

² Возглавлял его П.Н. Милюков, следом шли известные общественные деятели (М.М. Винавер, Ф.И. Родичев, В.Д. Набоков, А.И. Шингарев, С.В. Панина, Д.Д. Протопопов, В.А. Оболенский и др.), кроме того, в нем можно было увидеть много профессорских фамилий (А.А. Корнилов, Д.Д. Гримм, Д.С. Зернов, В.М. Гессен) и даже двух академиков (С.Ф. Ольденбурга и В.И. Вернадского) (Петроградская группа // ВПНС. 1917. № 23. С. 10).

³ Список кандидатов в члены Учредительного собрания по избирательным округам // ВПНС. 1917. № 26–27. С. 7.

⁴ Петроградская группа // ВПНС. 1918. № 6. Стб. 164.

⁵ Петроградская группа // ВПНС. 1918. № 7. Стб. 235.

⁶ Петроградская группа // ВПНС. 1917. № 11–13. С. 28.

Мы — единицы среди этих толп, взбудораженных социалистами. Только со словом разума, убеждения, чести и патриотизма мы выходим навстречу толпе и говорим ей о родине и ее нуждах»¹. 18 октября, в день 12-летия партии, в Петрограде прошел «кадетский день» — были организованы точки продажи литературы и многочисленные собрания².

Кадеты активно вели печатную агитацию. В Петрограде увидели свет, по меньшей мере, 34 наименования воззваний и листовок, выпущенных ЦК, городским и районными комитетами и адресованных различным группам избирателей (в том числе евреям, солдатам и матросам, крестьянам, кооператорам). В отчете районного комитета партии Петроградской стороны сообщалось, что непосредственно им было отпечатано 50 тыс. плакатов и воззваний, а перед выборами роздано и разбросано с автомобилей «несколько десятков пудов» воззваний³. Кроме того, силами кадетской партии в столице было выпущено 15 изданий, посвященных вопросам избирательного права⁴. Между тем, избирательная платформа так и не была опубликована в виде отдельной брошюры.

Предвыборные лозунги кадетов были не новы: целостность государства и единство народа, порядок и законность, ликвидация анархии. «Ведь если мы признаем одной из главных причин разрухи в стране и гибели государства отсутствие или слабое развитие законности, правосознания и чувства ответственности, и если мы верим в Учредительное собрание и с ним связываем нашу надежду на грядущее избавление и спасение, то это потому, что с Учредительным собранием мы надеемся восстановить начала права и государственности», — разъяснял позицию кадетов партийный еженедельник⁵. Кадеты рассчитывали на то, что они как «люди дела» будут поняты обывателями, уставшими от революционных потрясений⁶. Акцент делался на разоблачение политической несостоятельности социалистов.

Деятельную помощь городскому комитету оказывала фракция учащих средних учебных заведений. Ее члены расклеивали плакаты и разносили по чайным, столовым и квартирам листовки и воззвания⁷.

Значительно хуже шли дела в губернии, где партийные организации отсутствовали или были слабы. Определенного успеха кадеты добились в Шлиссельбургском уезде: уездным комитетом была бесплатно разослана по социально значимым учреждениям (300 адресов) партийная литература, преимущественно по аграрному вопросу⁸. Устная агитация почти не прово-

¹ Изгоев А.С. К избирательной кампании // ВПНС. 1917. № 23. С. 1–2.

² Петроградская группа // ВПНС. 1918. № 6. Стб. 164.

³ Там же. Стб. 165.

⁴ Подсчитано автором по: Шевцов А.В. Непериодические издания русских либеральных и консервативных партий начала XX века: Библиографический указатель. СПб., 2002. С. 54–64, 84–92.

⁵ Выборы в Учредительное собрание // ВПНС. 1917. № 24–25. С. 2.

⁶ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 98–99.

⁷ Петроградская группа // ВПНС. 1918. № 1. Стб. 122.

⁸ Провинциальный отдел // ВПНС. 1917. № 24–25. С. 31–32.

дилась. В.М. Гессену удалось выступить с лекциями по основам всеобщего избирательного права на организованных Петроградской губернской земской управой общественно-политических курсах¹. Из негативных эпизодов избирательной борьбы можно упомянуть следующие: солдаты срывали кадетские плакаты в Гдове, а в Любани эсеровские агитаторы убеждали избирателей в том, что тем, кто будет голосовать за кадетов, не дадут хлеба².

Большевистский переворот и первые декреты новой власти не могли ни отразиться на ходе избирательной кампании. В конце октября кадеты характеризовали обстановку для проведения выборов в Петрограде как «тяжелую», а общую обстановку в стране — как «период безвластия и беззакония»³. Кадеты активно используют в своей политической риторике образ Учредительного собрания как законной власти, противопоставляя его большевистской диктатуре как результату военного переворота. «Вестник партии народной свободы» в этой связи призывал граждан добиться «правильного» созыва Учредительного собрания в назначенный срок⁴.

«В Петербурге мы тоже продолжали вести агитацию. Теперь с недоумением вспоминаю о нашем бесстрашии, проистекавшем от того, что мы просто не представляли себе грозившей каждому опасности», — писал В.А. Оболенский⁵. Д.И. Мейснер не без гордости вспоминал о том, как «[члены кадетской фракции учащихся средних учебных заведений] проделывали очень рискованные вещи, появляясь на рысках (лихачах или даже собственных выездах, сохранившихся еще кое у кого из богатых людей) в рабочих районах и разбрасывая там наши летучки и воззвания»⁶. Городскому комитету удалось полулегально выпустить 10–12 ноября 1917 г. три номера газеты «Борьба» тиражом 150 тыс. экземпляров каждый⁷.

12 ноября на Старо-Петергофском проспекте у автомобиля с плакатом «Голосуйте за список № 2 партии народной свободы», с которого активисты разбрасывали плакаты и листовки, лопнула шина. Остановившийся

¹ Гаврилова О.А. Петроградское земство на выборах в Учредительное собрание (по материалам «Петроградского земского вестника» за 1917–1918 гг.) // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2007. № 2. С. 63.

² Выборы в деревне // Петроградский земский вестник. 1917. № 27. С. 336; Провинциальный отдел // ВПНС. 1917. № 28. С. 21.

³ Выборы в Учредительное собрание // ВПНС. 1917. № 17–25. С. 8.

⁴ Выборы в Учредительное собрание // ВПНС. 1917. № 24–25. С. 2.

⁵ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 565.

⁶ Куторга И. [Мейснер Д.И.] 1917–1918 гг. // ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 68.

⁷ Редакторами «Борьбы» стали А.В. Тыркова и А.С. Изгоев (Петроградская группа // ВПНС. 1917. № 26–27. С. 10). А.С. Изгоев впоследствии вспоминал, что появление этой «боевой» газеты «на улицах произвело большой эффект. Большевики гонялись за продавцами, рвали и уничтожали газеты, арестовывали мальчишек. Но до того еще плохо у них была организована полицейская часть, что только после выхода третьего номера они разузнали, где газета печатается. Когда отряд красноармейцев с парадного входа заходил в помещение с ордером на закрытие газеты и арест редакторов, я по черному успел еще уйти из типографии» (Изгоев А.С. Пять лет в Советской России // Рожденное в революционной смуте / Сост., науч. ред. А.А. Белых. М., 2017. С. 432).

автомобиль окружила толпа, которая весьма охотно разбирала кадетские материалы. Но появились «сознательные» рабочие и солдаты — и картина изменилась. Раздались возгласы: «Чего смотреть на буржуев? Избить буржуев и погромную литературу сжечь». Один из кадетских агитаторов позже сетовал: «Мы не знали, что делать. Один из нас, чтоб успокоить толпу, сказал, что сам Троцкий сказал, что не стоит препятствовать свободе предвыборной агитации. На это мы получили такой ответ: „Чего нам Троцкий? Если пойдет он за нами, тогда пойдем мы за ним. Не пойдет — мы его прогоним так же, как Николая Второго и Керенского“»¹.

В тот же день в Адмиралтейском районе несколько учащихся были арестованы красногвардейцем за расклейку кадетских плакатов. Угрожая револьвером, он заявил: «Если заклеите хоть один наш [большевистский] плакат — убью на месте!»².

13 ноября группа красногвардейцев совершила обыск в помещении бюро Коломенского районного комитета кадетской партии, были конфискованы воззвания и плакаты³.

Предвыборные преследования кадетов позволили А.А. Борману позже утверждать, что избирательная кампания в Петрограде проходила «в совершенно ненормальной обстановке», «при условиях прямо противоположных самой идее народного представительства. Большевики тогда только что захватили власть. Матросы и Красная Гвардия врываются в типографии, закрывали газеты, уничтожая выборные воззвания, разрушая шрифты и машины... Среди треска ружейной и пулеметной пальбы должен был русский народ наметить своих избранных. Неграмотным, не привыкшим к политическому мышлению мужчинам и женщинам приходилось среди вихря анархии и гражданской войны разобраться в сложных программах, о которых они в первый раз слышали за несколько месяцев до этого»⁴.

Между тем, сами выборы прошли сравнительно спокойно, хотя накануне среди избирателей распространились слухи, что большевики будут избивать каждого, кто не отдаст голос за их список⁵. По этой причине в первый день многие избиратели не рискнули прийти на избирательные участки и проголосовали лишь на второй и третий день, когда выяснилось, что никакой опасности нет. По свидетельству «Нашей речи», в дни выборов «улицы Петрограда имели свой обычный, будничны вид. Не замечалось даже в дни выборов уличных митингов, и вообще граждане избегали собираться толпами»⁶.

Вопреки опасениям, жители столицы проявили активность на выборах: из 1,35 млн человек, обладавших избирательным правом, проголосовали

¹ «Свобода» предвыборной агитации // Наша Речь. 17 ноября. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Борман А.А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964. С. 141.

⁵ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 206.

⁶ Выборы в Учредительное собрание // Наша Речь. 1917. 16 ноября. С. 2.

942 тыс. человек¹. Выборы показали, что большевики и кадеты пользовались наибольшим влиянием среди городского населения. Большевики получили 45 % голосов и 6 депутатских мандатов. Партия народной свободы усилила свои позиции, получив 26 % голосов (4 мандата) — чуть больше, чем на муниципальных выборах². В «интеллигентских» Казанском, Московском и Литейном районах кадеты получили даже вдвое больше голосов, чем большевики, в остальных — заняли второе место, лишь в Невском районе эсеры оттеснили их на третье место. Этот относительный успех может быть объяснен тем, что в Петрограде на фоне разрухи, усталости населения от политической демагогии кадеты с идеей наведения порядка, борьбы с анархией выглядели для многих весьма привлекательно.

Сами кадеты признали, что столичные выборы в Учредительное собрание прошли «правильно»³. В успехе большевиков партия народной свободы видела залог их грядущего поражения, когда «придет горькое разочарование от неисполненных обещаний и ожиданий»⁴.

В эти же дни проходили выборы и в Петроградском губернском избирательном округе. Убедительную победу одержали большевики, получившие 47 % голосов. Эсеры и кадеты потерпели фиаско, набрав 25 % и 14 % соответственно. Кадетам в итоге удалось провести лишь одного депутата — В.Д. Набокова⁵. Столь неубедительному выступлению партии всего в нескольких десятках километров от столицы способствовали не столько большевистские акции (уничтожение списков, рассылаемых оппозиционными партиями, аресты, избивание членов избирательных комиссий, подкуп избирателей)⁶, а чуждость кадетской программы и персонального состава кандидатов крестьянскому большинству электората.

В Петрограде — городе, где партия традиционно пользовалась наибольшей поддержкой, — кадеты показали один из лучших результатов по стране, существенно увеличив число своих сторонников по сравнению с дореволюционными думскими выборами. Однако этот количественный успех — второе место в столице и третье место в губернии — в условиях всеобщего избирательного права лишь подчеркнул узость социальной базы партии и не мог обеспечить ей лидерства в будущем Учредительном собрании⁷.

¹ Знаменский О.Н. Выборы в Учредительное собрание в Петрограде // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Сб. ст. / Отв. ред. В.А. Овсянкин. Л., 1967. С. 128.

² Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 206.

³ Выборы в Учредительное собрание по Петрограду // ВПНС. 1917. № 26–27. С. 31–32.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Провинциальный отдел // ВПНС. 1918. № 1. Стб. 32.

⁶ Выборы в Учредительное собрание // Петроградский земский вестник. 1917. № 23. С. 290; Пыхалов И.В. Российский парламентаризм в 1917 г.: опыт неуправляемой демократии // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. С. 68.

⁷ Несмотря на успех в Петрограде и на участие в выборах таких партийных звезд, как В.Д. Набоков, М.М. Винавер, Павел Дм. Долгоруков, Ф.Ф. Кокошкин, А.В. Тыркова, А.И. Шингарев, кадеты в целом по стране получили всего 4,5 % (Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 108, 111).

Таврические чтения 2017

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Дизайн обложки и иллюстраций *Г.В. Метеличенко*
Компьютерная верстка ЦНИТ «Астерион»
Корректор *Е.С. Русанова*

ЦНИТ «Астерион».

Подписано к печати 29.08.18. Формат 70×100¹/₁₆.

Печ. л. 16,8. Усл. печ. л. 21,94. Тираж 200 экз. Заказ № 198.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,

тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70

asterion@asterion.ru <http://asterion.ru/>